А. ЛЕОНТЬЕВ и Е. ХМЕЛЬНИЦКАЯ

ОЧЕРКИ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

ПРИБОЙ

А. ЛЕОНТЬЕВ и Е. ХМЕЛЬНИЦКАЯ

ОЧЕРКИ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

Ленинградский Гублит № 39727 Тираж 5.000 – 23 л. Заказ № 728

Госуд. типография им. Евг. Соколовой, Ленинград, пр. Красных Командиров, 29
1927

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Интерес к теоретическому изучению проблем переходного хозяйства за последнее время сильно возрос. Наблюдается стремление к теоретическому осмысливанию тех многосложных процессов, которые имеют место в хозяйстве СССР. Экономические дисциплины, преподаваемые как в высших, так и в других учебных заведениях, начинают уделять изрядную долю места вопросам переходного хозяйства.

На-ряду с этим ощущается крайний недостаток в сколько-нибудь сводных работах, посвященных теоретическому анализу переходного хозяйства. Те или иные теоретические обобщения, замечания, выводы встречаются как в специальной экономической литературе, освещающей те или иные конкретные стороны нашего хозяйственного строительства, так и в партийно-политической литературе, посвященной внутрипартийной полемике и дискуссии. Зато чрезвычайно редко встречаются попытки теоретической характеристики переходной экономики в сколько-нибудь обобщающем виде и положительной форме.

Наша работа представляет собою опыт разбора ряда существенных вопросов переходного хозяйства. Она не претендует на полное освещение всех проблем последнего. Настоящие очерки посвящены анализу лишь **некоторых** проблем переходной экономики. Ряд других проблем, связанных с воспроизводством, с условиями динамического равновесия и тенденциями развития переходной экономики должен составить предмет второй части работы.

Предлагаемая работа не претендует на открытие каких-либо Америк. Напротив, мы считали своей задачей главным образом систематизацию и обобщение целого ряда положений, выдвинутых как опытом хозяйственного строительства СССР, так и теоретической марксистской литературой. Это не озна-

чает, естественно, что мы отказывались от формулировки своих выводов и положений там, где это представлялось нужным.

Не ставя специально целей популяризации, наша работа должна, однако, быть вполне доступна для читателя, обладающего некоторой подготовкой в области экономики. Вряд ли большим препятствием могут оказаться иностранные слова, вообще чрезвычайно употребительные в теоретико-экономической литературе, тем более, что менее употребительные термины чаще всего тут же расшифровываются и поясняются. Отказ от экономических терминов, употребляемых при анализе подобного рода проблем, оказал бы скверную услугу читателю, который оказался бы совершенно безоружным и неподготовленным при переходе к чтению других работ, специальных исследований и т. п.

В настоящей работе частично использована наша брошюра, написанная летом - осенью 1925 г., вышедшая из печати весной 1926 г.; ее небольшой тираж разошелся полностью в течение нескольких месяцев [1].

Москва, 25 декабря 1926. *Авторы.*

---

[1] См. А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. „Советская экономика“, изд. „Плановое Хозяйство“, М. 1926.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Хозяйство и его изучение.

1. Понятие хозяйства и хозяйственный принцип. — 2. Производственный процесс и его общественная форма. — 3. Капитализм и его изучение. — 4. Некапиталистическое хозяйство и теоретическая экономия. — 5. Исторический характер теоретической экономии.

1.

Обычно марксистская теоретическая экономия определяет свою задачу, как изучение общественно-производственных отношений капитализма. Напрасно стали бы мы искать такого четкого определения у представителей господствующих направлений буржуазной экономической науки. Излюбленный прием современного буржуазного экономиста заключается в том, что он растворяет всякие определенные рамки своей науки в неопределенном и расплывчатом понятии хозяйства вообще; затем, жонглируя этим понятием более или менее удачно, более или менее умело, он прикрывает и маскирует незаконность и недопустимость своих методологических приемов. А эти незаконные и недопустимые методологические приемы, несмотря на богатое разнообразие их конкретных форм и очертаний, в принципиальном отношении могут быть сведены к двум основным моментам: 1) подмена людских общественных отношений явлениями из области отношений человеческого общества к природе и 2) смешение общественно-производственных явлений с явлениями индивидуального хозяйства. Обе эти разновидности методологических кунстштюков по сути дела означают не что иное, как сознательную или несознательную подмену исторически-определенных и, главное, исторически-преходящих отношений капиталисти-

ского производства вечными и незыблемыми определениями производства вообще. А такая подмена открывает широкую дорогу основному постулату „практического разума“ современной буржуазной экономической науки: апологетике буржуазного способа производства, как высшего достижения истории человечества, как вечного и незыблемого общественного уклада.

Необходимо признать, что для этих целей понятие „хозяйства вообще“ подходит как нельзя лучше. Во-первых, здесь скрадывается различие (а часто и противоположность) между общественной и технической стороной хозяйственной деятельности человека, живущего в обществе. Во-вторых, основной признак, обычно выдвигаемый в качестве определяющего (конституирующего) момента понятия „хозяйства“, а именно пресловутый „хозяйственный принцип“, заключающийся в стремлении к максимальному результату при минимальных затратах, служит достаточно широкой ширмой для смешения воедино столь различных по своей природе явлений, как явления частного (индивидуального) и общественного хозяйства. Поэтому буржуазные (и скатывающиеся к буржуазии) критики и ревизионисты марксовой экономической теории частенько говорят на разных языках с объектом своей критики. В самом деле, марксова теория прибавочной ценности, как теория исторически-определенной формы эксплуатации человека человеком в рамках человеческого общества, „опровергается“ ссылкой на такого рода милые факты, как естественный прирост лесов без всякой помощи человека, как приплод, приносимый скотом по его собственному желанию и инициативе, как продукция, выбрасываемая системой автоматически-действующих машин без всякого участия человеческого труда (Туган-Барановский). А марксово определение капитала, как специфически общественного отношения производства, посрамляется и уничтожается воспоминанием о той палке, при помощи которой во тьме веков наш дикий прародитель сбивал себе плоды с деревьев.

Легко понять, что марксистская теоретическая экономия в принципе не может заниматься ни естественным приростом лесов ни палкой дикаря. Она изучает нечто совершенно иное.

„Как неправдоподобно это ни звучит, несомненно однако, что большинство специалистов по политической

экономии имеет весьма туманное представление о действительном предмете своих ученых изысканий".

Эта едкая характеристика буржуазных экономистов, данная Розой Люксембург в ее „Введении в политическую экономию", гораздо более справедлива, чем это может показаться на первый взгляд.

Действительно, раскроем любой из широкораспространенных курсов буржуазных экономистов. Первое определение, которое мы там встретим, гласит безапелляционно: политическая экономия — это наука о народном хозяйстве [1].

И опять приходится признать полную правоту Р. Люксембург, когда она сопровождает одно из подобных „определений", даваемое основоположником „исторической" школы В. Рошером, ироническим замечанием: „Что такое политическая экономия (Volkswirtschaftslehre)? — Это, видите ли, наука о народном хозяйстве (die Lehre von der Volkswirtschaft). Что такое роговые очки? — Очки в роговой оправе. Что такое вьючный осел? — Осел, на которого навьючивают тяжести" [2].

Самое любопытное начинается однако, когда экономистам приходится расшифровать понятие хозяйства.

„Что такое хозяйство?" — спрашивает один из видных современных экономистов Германии, профессор Гейдельбергского университета и главный советник германской социалдемократии по экономическим вопросам Эмиль Ледерер, и отвечает:

„Кажется, нет ничего проще: когда мы кого-либо называем хозяйственным человеком, то мы этим хотим сказать, что он умеет целесообразно обходиться с запасом благ, находящимся в его распоряжении. Далее, мы говорим, например, об экономичности топки и подраз-

---

[1] „Одной из областей обществоведения является и политическая экономия, или наука о народном хозяйстве". А. И. Чупров. „Политическая экономия", 3 изд. 1908 г., стр. 1.

„Политическая экономия есть наука о народном хозяйстве". Там же, стр. 14.

Наконец: „в этом... смысле будем понимать и мы изучаемую нами науку, определяя ее, как теоретическую науку о типах и законах явлений народного хозяйства". Там же, стр. 18.

[2] Р. Люксембург. „Введение в политическую экономию", Гиз. М. 1926, стр. 47—48.

умеваем при этом, что при данном способе топливо используется целесообразнее, чем при других способах, что из топлива извлекаются бо́льшие количества теплоты. При более близком рассмотрении мы находим, что во всех областях человеческой жизни можно говорить о «хозяйственности», что не только при хозяйничании с запасом благ, но при всех действиях людей, когда они целесообразно направлены, встречается все тот же образ действий, а именно: целесообразное употребление имеющихся в ограниченном количестве средств, применение которых ведет к преследуемой цели, при чем с возможно меньшей затратой должен быть достигнут возможно больший результат (хозяйственный принцип)“ [1].

Итак, „во всех областях человеческой жизни можно говорить о «хозяйственности»“. Вряд ли кому-либо удалось бы специально на пари дать более расплывчатое определение. Ведь в сущности это не определение хозяйства, а совершенно явное издевательство над читателем, который этого определения ожидает и требует от автора. „Все области человеческой жизни“ — вот что в сущности отвечает наш ученый на поставленный им вопрос: что такое хозяйство? Как с ним после этого не согласиться, что, действительно, „нет ничего проще“?

Такая боязнь какого-либо определения, такое бегство от определения чрезвычайно характерно для многих представителей современной буржуазной науки. Зато у других ее представителей мы в той или иной форме находим иную ошибку: они в своем определении хозяйства хотят сказать слишком многое. Давая определение хозяйства, они исходят из представления, что капиталистическая форма хозяйства и есть хозяйство вообще, что никакой иной хозяйственной формы нельзя себе представить. Поэтому в самое определение хозяйства включаются в той или иной мере признаки и особенности, свойственные именно капитализму. В сущности, оба греха, кажущиеся на первый взгляд противоположными, имеют один и тот же корень: непонимание и непризнание исторически-преходящего характера капиталисти-

---

[1] Emil Lederer. „Grundzüge der ökonomischen Theorie“, Tübingen, 1922, S. 18.

ческого способа производства. В одном случае это непризнание ведет к тому, что под видом „хозяйства“ преподносится чуть ли не вся человеческая общественная (да, пожалуй, и не только общественная) жизнь, в другом же случае в качестве „хозяйства вообще“ более или менее открыто или стыдливо выступает капиталистическая форма хозяйства.

Перейдем от модного немецкого экономиста к вышедшему из моды русскому профессору А. И. Чупрову, работы которого были чрезвычайно распространены в течение долгого периода времени. Перед нами будет пример второго типа определения хозяйства, правда—в довольно осторожной форме.

> „Политическая экономия, — говорит он, — в отличие от технических наук, изучает действия человека, направленные на удовлетворение материальных потребностей, с точки зрения доставляемых ими выгод и вызываемых пожертвований. С изложенной точки зрения, действия человека, направленные на удовлетворение материальных потребностей, могут быть названы хозяйственными, экономическими; совокупность таких действий называется хозяйством“ [1].

Далее автор разъясняет, что „подведение баланса между выгодами и пожертвованиями составляет специально экономическую точку зрения“ и напоминает читателю, что „мы называем хозяином того, кто держит в своих руках расчеты“. Однако, кому же неизвестно, что расчеты и баланс возможны лишь там, где имеется единица хозяйственного учета в денежной или ценностной форме? Отсюда один шаг до признания, что хозяйством является лишь область безраздельного господства ценностной единицы и ценностных отношений вообще; все то, что лишено ценностно-денежной формы, беспощадно изгоняется из хозяйственного рая, из царства ученой мудрости буржуазного экономиста, отлучается безвозвратно от церкви, в которой символом веры служит „хозяйственный принцип“.

---

[1] А. И. Чупров. „Политическая экономия“. 3 изд. 1908 г., стр. 7. Разрядка везде автора.

Несложная логическая цепочка: „политическая экономия является наукой о хозяйстве, хозяйством мы называем все то, в чем проявляется и осуществляется хозяйственный принцип“ — на первый взгляд кажется столь же безвредной, как и бесполезной. Но — лишь на первый взгляд. Ибо уже следующее звено этой цепочки, которое достаточно тесно сплетено с предыдущими звеньями: „хозяйственный принцип осуществляется при помощи расчетов, подведения баланса, при чем естественным орудием служит хозяйственная единица, делающая сравнимыми различного рода затраты и достижения“ — подобного рода тезис достаточно ярко обнаруживает истинное лицо невинной на первый взгляд тавтологии насчет хозяйства и хозяйственного принципа.

Уже Маркс замечал насчет современной ему экономической литературы, что ученые экономисты точно так же не признают существования всех докапиталистических формаций, как ученые богословы начинают историю религии с возникновения христианства. Буржуазная экономическая наука после Маркса мало ушла вперед в этом отношении. Натурально-хозяйственные формации попрежнему считаются несуществовавшими, меновое хозяйство рассматривается, как хозяйство вообще, как единственный в сущности мыслимый тип и вид хозяйства, по отношению к которому все остальное является не более чем своеобразным недоразумением. В этой концепции незаменимую роль играет „хозяйственный принцип“.

В подавляющем большинстве случаев даже не ставится вопрос о той форме, в которой хозяйственный принцип осуществляется и прокладывает себе дорогу при различных типах хозяйственной организации человеческого общества. Наоборот, совершенно некритическое описание повседневной практики хозяйствующего субъекта при современном экономическом порядке занимает место научного анализа. Осуществление хозяйственного принципа в отдельной клетке современного общественного организма рассматривается как проявление хозяйственного принципа вообще. Не приходится останавливаться на вопросе, насколько подобный прием ненаучен и недопустим с методологической точки зрения. Приведем лишь один из весьма редких в буржуазной экономической литературе примеров, где делается попытка разобрать различие в форме проявления хозяйственного принципа при различных экономических укладах.

„В натуральном хозяйстве,—писал один экономист под влиянием всяческих размышлений насчет большевистского опыта построить хозяйство «без капиталистов», — механизм проявления хозяйственного принципа ясен. В хозяйстве трудится небольшой комплекс лиц, тесно спаянных между собою узами кровного родства и совместной жизни, они же и потребляют все произведенные ценности; естественно, что в этих условиях устанавливается известное, субъективно определяемое, соответствие между затратами, преимущественно трудовыми, и ценностью продуктов труда, потребляемых самими же трудящимися или их близкими. Небольшие размеры и полная обозримость всего процесса производства и потребления являются известной гарантией этого соответствия“.— Совершенно иную картину представляет собою современное общество; здесь хозяйственный принцип осуществляется также по-иному. — „В капиталистическом хозяйстве предприниматель пользуется трудом посторонних людей, к благополучию коих он может быть вполне равнодушен, он пользуется в изобилии материалами и орудиями, являющимися продуктами предшествовавших производственных процессов... Тем не менее и здесь... устанавливается соответствие между затратами и результатами производства... Все элементы производства: труд, материалы, машины, процент на капитал, рента оценены обществом на рынке, равно как на рынке оцениваются и все продукты производства... Если цены произведенных продуктов производства не покрывают затрат, то предприниматель лишается возможности распоряжаться орудиями производства, он получает свою отставку безжалостно и безоговорочно, ибо она дается в стихийном процессе... Зато никого капиталистическое общество не осыпает так обильно своими щедротами, ни гения науки ни гения искусства, как умелого и искусного предпринимателя, который, удачно комбинируя элементы производства продукта, удовлетворяет хотя бы самым обыденным потребностям общества“ [1].

---

[1] Б. Д. Бруцкус. „Социалистическое хозяйство“. „Теоретические мысли по поводу русского опыта“. Берлин, 1923 г. Стр. 14—15.

Как видим, автор возвышается до своеобразного лиризма, описывая проявление всемудрого хозяйственного принципа в капиталистическом обществе. Мы можем оставить в данном случае в стороне вопрос о том, насколько заслужен и обоснован восторг нашего экономиста по поводу щедрот, сыплющихся на удачливого предпринимателя. Нас здесь интересует другое, а именно: в приведенной цитате дается в общем правильное описание различных способов проявления одного и того же хозяйственного принципа при различных экономических формациях. Разумеется, и в этом отношении автор приведенного отрывка менее всего может претендовать на малейшую оригинальность, новизну мысли или, тем паче, на какое-либо открытие. Он провозглашает вещи, вполне общеизвестные. Тем не менее это один из очень немногих случаев, встречаемых в буржуазной литературе, трактующей или задевающей тем или иным образом вопрос о хозяйственном принципе. Любопытно отметить, чем вызван этот редкий случай попытки анализа различий в способе осуществления хозяйственного принципа в различных укладах хозяйства. Вызвана же эта попытка, оказывается, лишь стремлением к вящщему посрамлению „русского опыта“, под которым Брункус разумеет хозяйственную политику военного коммунизма. Он полемизирует против тех попыток осуществления новых принципов социалистического учета, которые тогда предпринимались и обсуждались в литературе; тезис о том, что хозяйственный принцип сохраняет свою силу и для социалистического хозяйства, причем изменяется лишь форма его осуществления, приводит Бруцкуса к необходимости отметить различие в форме проявления этого принципа в натуральном первобытном хозяйстве и в капиталистической современности. Заметим тут же в скобках, что характеристика этого различия в форме проявления в прошлом отнюдь не спасает Бруцкуса от грубейших и вульгарнейших представлений насчет роли того же хозяйственного принципа в будущем хозяйстве социалистического типа.

Зато в подавляющем большинстве произведений буржуазных экономистов, трактующих или задевающих вопрос о хозяйственном принципе, обычно с самого начала объявляется, что хозяйственный принцип предполагает момент оценки, момент сравнения, измерения затрат и достижений. А кому неизвестно, что как первые, так и последние находят свое

наиболее адэкватное выражение в единицах ценности, в которых и производится всякая оценка элементов хозяйственной деятельности? Таким образом, в самое понятие „хозяйственный принцип“ контрабандным путем включается вполне конкретное представление об оценках, об единице ценности, наконец — о ценности, понимаемой в качестве вполне определенной категории современной хозяйственной системы, основанной на частном производстве и обмене товарами. Понятие ценности—а, стало-быть, и предпосылка обмена — превращается в логическую категорию хозяйства, поскольку оно становится интегральной частью хозяйственного принципа — категории безусловно надъисторического значения. При помощи подобной методологии обмен превращается в логическую категорию хозяйства, становится, на-ряду с хозяйственным принципом, конституирующим хозяйство моментом. Хозяйство вообще превращается в товарно-капиталистическое хозяйство; в свою очередь товарно-капиталистическое хозяйство становится хозяйством вообще. Все иные хозяйственные формации должны посторониться и исчезнуть; капитализм занимает все поле науки, подобно тому как он в представлениях этой науки занимает все поле истории, все поле жизни человечества.

Экономисты получают повод к глубокомысленным рассуждениям насчет „основного дуализма хозяйственной жизни“ [1]. Этот дуализм заключается в том, что стихийный, бессознательный, гетерогенный элемент в хозяйственной жизни общества не может исчезнуть и будет вечно существовать на-ряду с моментом сознательного, волевого, автогенного воздействия на область экономики. Всякие же попытки и надежды уничтожить стихийную, бессознательную форму общественного хозяйства, заменить ее рационально-организованным хозяйством социалистического типа встречаются высокомерной усмешкой, как утопия, проистекающая от экономического невежества.

В более тонкой форме тот же примерно ход мыслей встречается в капитальном труде наиболее видного представителя буржуазной общественной науки современности, Макса Вебера [2]. При рассмотрении форм хозяйственного расчета Вебер приходит к заключению, что натуральная форма, вполне

---

[1] См. П. Струве. „Хозяйство и цена“.

[2] Max Weber. „Wirtschaft und Gesellschaft“. См. в особенности Кар. I, §§ 12, 13, 14 и 26.

мыслимая в хозяйственных единицах небольшого охвата (домашнее хозяйство современности, первобытное хозяйство общинного типа и т. д.), наталкивается на совершенно неодолимые препятствия в условиях обширных образований, какими являются хозяйственные организмы современного общества. Основная проблема, которая, по его мнению, не может быть решена формами натурально-хозяйственного учета — это проблема вменения, проблема раскладки общего результата производства между отдельными факторами, участвовавшими в процессе производства. Эта проблема может быть разрешена лишь при помощи понятия предельной полезности, понятия, чуждого натуральному учету, но зато свойственного учету ценностному. В дальнейшем мы еще будем иметь случай подробнее остановиться на полемике, возникшей в связи с этими рассуждениями Вебера. В данной связи отметим лишь, что та же в сущности аргументация, только в более легендарной и вульгарной форме, давно уже стала ходячей монетой среди ученых социалистоедов. Эти последние обычно с большим апломбом берут на себя задачу доказать... не более и не менее, как невозможность существования социалистического хозяйства. Доказательство сводится к следующему ряду положений: 1) никакое хозяйство не мыслимо без расчета и учета; 2) хозяйственный учет в общественном хозяйстве мыслим исключительно в ценностной форме; 3) так как социалистическое хозяйство отвергает сохранение ценностного учета (т.-е. сохранение стихийности, рынка, товарного обмена и т. п., являющихся необходимой предпосылкой проявления закона ценности), то существование подобного хозяйства немыслимо [1].

Нетрудно обнаружить, что такого рода „доказательство“ является не более и не менее, как petitio principii в его грубейшей форме. В самом деле, требуется доказать невозможность социалистического хозяйства, отрицающего господство законов рынка. Для этого берется, как доказанное, положение, что всякое хозяйство может существовать только при наличии господства рыночных законов, прежде всего — закона ценности. Иными словами, в качестве доказанного берется как раз то, что еще следует доказать.

Здесь нам необходимо вспомнить определения некоторых основных понятий.

---

[1] См. напр. Ludwig Mises. „Die Gemeinwirtschaft“.

2.

Производственная деятельность, труд есть определенный процесс между человеком и природой. В ходе этого процесса человек приспособляет, видоизменяет, трансформирует те или иные элементы внешней природы, в соответствии со своими потребностями, запросами, надобностями. Разумеется, всякий разумно-хозяйствующий субъект в этом процессе между собой и природой руководствуется вышеизложенным хозяйственным принципом, а не каким-либо противоположным. Но осуществлять на практике этот хозяйственный принцип ему помогает не теоретическая экономия, а науки совсем иной логической конструкции и совсем иного внутреннего содержания. Производство, как процесс между человеком и внешней природой, изучается целым рядом технических наук.

В сущности говоря, все они имеют своей целью, как принято выражаться, „расширить власть человека над природой“. В переводе с языка возвышенного на простой язык это означает: дать возможность человеку с возможно меньшими и, главное, с уменьшающимися затратами энергии получать возможно большие (и притом все возрастающие) результаты. Таким образом, технические науки разрешают динамическую сторону пресловутого хозяйственного принципа. Но этот принцип включает в себе еще одну, статическую проблему. Эта последняя заключается в наиболее целесообразном, с точки зрения соотношения между затратами и получаемым эффектом, распределении производственных сил, при данном определенном уровне технического развития и технических возможностей. К этой стороне дела нам еще придется возвращаться не раз.

Если бы в процессе своей трудовой деятельности, в процессе своего взаимодействия с природой, отдельные люди были совершенно разъединены, работали бы совершенно независимо друг от друга и не вступали бы ни в какое соприкосновение между собой, тогда эта статическая сторона хозяйственного принципа была бы единственной проблемой, достойной изучения и не изучаемой науками технического склада. Точно так же обстояло бы дело в том случае, когда все человеческое общество осуществляло бы процесс своего трудового взаимодействия с природой, как единое целое, руководимое единой волей, единым сознанием. Легко

заметить, что оба наши предполагаемых случая, будучи полными противоположностями, сходятся в одном пункте, в данном случае решающем. И в том и в другом случае мы имеем дело с единым хозяйством (нисколько не меняет дела то обстоятельство, что в первом случае этих единых хозяйств может существовать великое множество; при анализе нашей проблемы, мы имеем дело с одним хозяйством, ибо все остальные принципиально ничем не отличаются от этого одного хозяйства). Единство хозяйства в обоих случаях означает, что в своем трудовом воздействии на природу это хозяйство выступает с единым сознанием, с единой волей, выступает как единый хозяйствующий субъект. В этих условиях проблема достижения максимального эффекта при минимальных затратах энергии, проблема осуществления хозяйственного принципа при наличном уровне технического развития, ставится в порядке нормативном, а не теоретическом. Иными словами, здесь нас интересует не познание сущего, а определение должного.

Как известно, оба наших предполагаемых случая в настоящую историческую эпоху являются только гипотетическими, но отнюдь не реальными. Для настоящей эпохи, понимаемой в достаточно широком историческом смысле, характерно как раз несравненно более сложное построение общественных отношений производства.

В товарно-капиталистическую эру, о которой здесь идет речь, мы не находим ни единичных самодовлеющих хозяйств отдельных хозяйствующих индивидуумов, ни, тем паче, единого общественного хозяйства. Существуют индивидуальные хозяйственные ячейки отдельных хозяйствующих субъектов, но они не самодовлеют. Существует в определенном смысле понимаемое общественное хозяйство, но оно не едино. Оно слагается из этих отдельных не самодовлеющих хозяйственных ячеек. В свою очередь, эти ячейки в результате своей взаимной связи составляют, образуют общественное хозяйство. Такое сложное построение является результатом определенного хода исторического развития. „В общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую струк-

туру общества“ (Маркс). Поскольку отношения, в которые вступают люди в процессе общественного производства, не зависят от воли этих людей, само возникновение, изменение, уничтожение этих отношений должно быть предметом теоретического исследования. На-ряду с другими задачами исследование этой проблемы составляет предмет наиболее общей науки о человеческом обществе. Большого значения не имеет, будем ли мы эту науку называть марксистской социологией, социальной философией марксизма или попросту историческим материализмом. Существенно лишь то обстоятельство, что по отношению к более частным и более дробным наукам, в том числе и по отношению к наукам экономическим, изучающим общество лишь с определенной стороны, а именно с хозяйственной, эта наиболее общая часть марксистской системы общественных наук играет естественную роль метода, руководящей нити.

Экономическая структура общества в марксовом смысле, понимаемая как совокупность общественных отношений производства, составляет ту вторую сторону производственного процесса, которая подлежит особому изучению. Первая сторона производственного процесса, заключающаяся во взаимодействии между человеком и природой, изучается, как мы уже видели, науками технического порядка. В каких взаимоотношениях находятся эти две стороны единого производственного процесса? Маркс неоднократно указывает, что здесь на-лицо отношение содержания к форме. Материальное производство, трудовой процесс — это содержание, а общественные отношения, трудовые отношения между людьми в обществе—это форма процесса. Отношение формы к содержанию в марксовой системе — это отношение временного, преходящего типа явлений к явлениям относительно-постоянного, относительно-неизменного, порядка в смысле качества. И действительно, трудовой процесс между человеческим обществом и природой есть процесс, с качественной стороны относительно неизменный, в то время как экономическая структура, общественная оболочка этого процесса есть величина переменная, и пытывающая качественные перерождения по мере количественной эволюции материально-производственного процесса.

Производственный процесс, поскольку его агентом является общественный человек, всегда имеет общественную форму.

От этой формы свободно лишь хозяйство Робинзона, да и то, строго говоря, при условии отсутствия у него Пятницы. Всякое же хозяйство, которое ведется людьми, членами той или иной общественной формации, включает в себе не только отношения людей ко внешней природе, но и *отношения людей* между собой. А совокупность производственных отношений людей в обществе и составляет экономическую структуру этого общества.

Однако, производственные отношения людей бывают *различного рода*. Между людьми, сотрудничающими в пределах одной хозяйственной единицы, существуют взаимоотношения принципиально иного характера, чем между людьми, работающими в разных хозяйственных ячейках. Хозяйственной ячейкой, хозяйственной единицей мы здесь будем называть любое хозяйственное образование, характеризуемое *единством* плана, единством воли, сознания, единством управления хозяйственной деятельностью вообще. В качестве примера мы можем взять с одинаковым успехом патриархальную крестьянскую семью, равно как и современное крупное фабричное предприятие (в последнем случае мы можем говорить лишь о производственных отношениях между работниками; явление эксплуатации рабочих капиталистом мы пока оставляем в стороне). И в том и в другом случае характерный признак производственных отношений между людьми заключается в *ясности*, *прозрачности*, относительной простоте этих отношений. Разделение труда между членами крестьянской семьи, сотрудничество множества рабочих на заводе — эти отношения общественного производства достаточно ясны, понятны, очевидны для тех людей, которых эти отношения касаются.

Совсем иное дело, когда речь идет об общественно-производственных отношениях между людьми, представляющими *различные* хозяйственные *единицы*. В обществе простых товаропроизводителей, скажем, ремесленников и крестьян производственные отношения между членами различных хозяйственных ячеек уже лишены этой идиллической простоты, ясности, прозрачности. Отношения разделения труда между людьми, производящими различные продукты и обменивающимися последними, далеко не так ясны, как отношения разделения труда в крестьянской семье или в пределах одной мастерской. Марксово учение о товарном фетишизме имеет для политической экономии огромное значение не только благодаря тому, что оно разоблачает тайну товарного фетиша,

раскрывая общественно-производственные отношения за кажущимися отношениями вещей. Не меньшее значение учения о товарном фетишизме заключается в том, что оно показывает, как при определенной экономической структуре производственные отношения людей не могут получить своего ясного и прозрачного выражения, как они должны проявляться исключительно в завуалированной оболочке вещных отношений.

Противоположность характера производственных отношений, существующих, с одной стороны, в пределах единой хозяйственной ячейки и, с другой стороны, между различными хозяйственными единицами, имеет еще иное выражение в противоположном характере производственных отношений, существующих при различных типах экономических структур. Для товаропроизводящего общества основной тип производственных отношений — это отношение между хозяйственными ячейками. Напротив, в организованном обществе, представляющем собою, в сущности, одну хозяйственную ячейку, определенное хозяйственное единство, естественно, мыслимы лишь производственные отношения того типа, какой существует в пределах единой хозяйственной ячейки.

3.

Учение о товарном фетишизме, являющееся по сути дела учением о предмете и методе марксистской теоретической экономии, дает нам исчерпывающие указания насчет того, как следует изучать различные формы общественно-производственного процесса, меняющуюся экономическую структуру общества. В товаропроизводящем обществе, распыленном (технически — благодаря разделению труда, а формально, юридически — благодаря частной собственности) на бесчисленное количество атомистических хозяйственных ячеек, трудовая связь между отдельными хозяйственными субъектами проявляется лишь в форме обмена товаров. Меновой процесс поэтому приобретает в обществе такого типа совершенно исключительное значение. Основная форма меновых отношений — ценностная форма — пропитывает собою экономическую структуру товарного общества сверху донизу. Валористические (ценностные) категории, представляющие собою форму проявления производственно-людских отношений через посредство отношений вещей, теперь становятся на-ряду с людскими и натурально-вещными отно-

шениями и *заслоняют собою* сплошь и рядом те и другие. Призрачный мир фетишистически-ценностных отношений выступает на первый план. Он густой пеленой заслоняет от непосвященного взора реальный мир людских отношений и натурально-вещных величин. Естественно, что в сознании агентов буржуазного способа производства, равно как и их ученой челяди, этот фантастический мир фетишистических категорий господствует безраздельно; реальный мир людских отношений доходит до этого сознания лишь отраженным в кривом зеркале фетишистического маскарада.

Свобода—это познанная необходимость. Утратив понимание своих производственных отношений, член товаропроизводящего общества, индивидуальный хозяйствующий субъект лишается и свободы в указанном смысле. Перед ним не прозрачные и ясные производственные отношения, понимание которых дает общественному человеку власть над ними. Перед ним производственные отношения выступают в густо-завуалированном виде, в виде слепых стихийных законов рынка, не только не признающих подчинения человеческому обществу, но и установивших свою власть над последним. Уже не человек—творец своих общественно-производственных отношений, а, наоборот, отношения производства создают человека, вырабатывают тот или иной людской тип. В бессубъектном товарном обществе экономическая структура развивается в *систему объективных законов*, стоящих вне воздействия как человеческого общества в целом, так и отдельных людей,— законов, действующих наподобие *законов внешней природы*. Капиталистический способ производства, благодаря превращению в товар рабочей силы, свойство которой—труд—является источником и создателем ценности, характеризуется *наиболее всеобщим* распространением и проникновением фетишистических категорий во всю ткань общественно-производственной жизни. Господство фетишистических законов над обществом здесь достигает *кульминационного пункта*.

Отсюда ясно, что экономическая структура товарно-капиталистического общества должна подвергаться теоретическому изучению, ставящему себе целью раскрытие объективных законов, заложенных в экономической структуре и действующих аналогично законам природы. Разумеется, различие объектов изучения вызывает существеннейшие различия в приемах,

методах и, наконец, в самой судьбе наук естественных, с одной стороны, и теоретической экономии—с другой. Вопрос об этих различиях мы целиком оставляем в стороне, ибо целью часто приводимой Марксом аналогии между законами экономической и естественной стихии является лишь более четкое определение теоретического характера политической экономии, как науки, изучающей экономическую структуру товарно-капиталистического общества.

Но возможно ли только исключительно теоретическое изучение капиталистического хозяйственного строя? Разумеется, этот же самый объект может подвергаться исследованию с других точек зрения, изучению с другими целями. Как известно, один и тот же мир живой природы изучается биологией, стремящейся раскрыть наиболее общие законы жизни, и рядом других чисто описательных наук, изучающих конкретные формы проявления основных биологических законов в тех или иных определенных областях мира растений и животных. Точно так же есть науки, занимающиеся описательным изучением общественно-производственных отношений капитализма в их развитии, в их последовательности по месту или по времени, в их данном состоянии, в той или иной определенной стране и т. д. Эти науки—описательные экономические дисциплины—накопляют тот обширный эмпирический материал, на основе которого лишь становится возможным теоретическое раскрытие объективных законов экономической структуры капитализма.

Но, кроме теоретического (номографического) и конкретно-описательного (идеографического) изучения капиталистического хозяйства, возможен еще один подход к этому объекту исследования. Капиталистическое общество разделено на классы с противоположными и враждебными интересами; в каждый любой момент государственная власть находится в руках той или иной группировки господствующих классов. Между тем, государственная власть даже в капиталистическом обществе, управляемом в хозяйственном отношении слепыми силами неорганизованной стихии, сохраняет немало возможностей вмешаться в действие объективных экономических законов, видоизменить при помощи целой системы определенных мероприятий их конкретное проявление в пользу той или иной общественной группы, того или иного могущественного класса. Деятельность классового государства в хозяйственной

области, направленная в пользу определенных классовых группировок и имеющая своей последней и важнейшей целью обезопасить существование капиталистического способа производства и предохранить его от посягательств пролетариата, проводится в виде целой системы мероприятий, составляющих в своей совокупности экономическую политику буржуазного государства. Так как здесь речь идет о системе мероприятий, проводящихся сознательной организацией, ставящей перед собой вполне определенные цели, то изучение экономической политики может быть нормативным.

Таким образом, капиталистическая экономика может быть изучаема с трех различных точек зрения, при помощи трех разных подходов: 1) теоретически, 2) описательно и 3) нормативно [1].

В настоящем случае нас несравненно больше интересует другой вопрос, к анализу которого мы сейчас переходим. С каких точек зрения могут быть исследованы не-товарно-капиталистические [2] формы экономической структуры общества? Действительны ли здесь все три подхода, которые мы установили применительно к изучению капиталистического хозяйства, или здесь надо внести те или иные поправки?

4.

Некапиталистические формы экономической структуры общества—это значит, с одной стороны, докапиталистические отношения, а с другой стороны—отношения послекапиталистические. Что касается последних, т.-е., конкретнее, социалистических производственных отно-

---

[1] „В области народного хозяйства... следует различать три группы наук: 1) исторические науки о народном хозяйстве (история и статистика), которые должны исследовать индивидуальную сущность и индивидуальную связь явлений; 2) теоретическую политическую экономию, обнаруживающую родовую сущность и родовые связи (законы) народно-хозяйственных явлений, и, наконец, 3) прикладные (praktische) науки о народном хозяйстве, исследующие основания для целесообразных, соответственно различию обстоятельств, мероприятий в области народного хозяйства (экономическая политика и финансовая наука). C. Menger. „Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere“, S. 8—9.

[2] В дальнейшем вместо этого неуклюжего термина будем говорить просто: некапиталистический, докапиталистический, послекапиталистический, памятуя, что речь идет именно об отношениях не только „некапиталистических“, но и нетоварных.

шений, то о них мы можем говорить пока лишь на основе наших представлений о будущем хозяйственном строе, а не на основе эмпирического исторического материала. Напротив, применительно к отношениям докапиталистического характера наука располагает достаточным историческим материалом[1].

Необходимо еще напомнить, что, как известно, экономическая история, описывающая хозяйственный процесс в его развитии, почти не знает „чистых“ экономических форм.

Конкретная экономика любого из обществ в любой исторический период представляет собою пестрядь, в которой отмирающие остатки прежних экономических формаций сожительствуют в том или ином сочетании с развивающимися отношениями господствующего порядка, сплошь и рядом оставляя место, сверх того, тем или иным росткам будущего экономического строя. Чистый тип определенной экономической структуры мы можем получить лишь путем абстракции, выделяя из пестрой конкретной действительности пережитки старого, зародыши будущего, либо то или иное одновременно; лишь в результате такой операции, фильтрующей теоретические мысли в виде осадка, так сказать, может быть получен чистый, беспримесный тип господствующих отношений производства. Конкретно, когда речь идет о докапиталистических отношениях, необходимо помнить, что мы имеем дело с абстракцией в той мере, в какой даже на самых ранних ступенях экономической истории человечества наблюдается в той или иной форме наличие обмена—зародыш будущего товарного, а затем и капиталистического способа производства. Исторический возраст этого социального явления—обмена—Энгельс считает равным, примерно, 5 — 7 тысячам лет. Тем не менее, если хотят получить чистый тип дотоварного хозяйства, следует отвлечься от обмена и анализировать безменовое, так называемое натуральное хозяйство. Последнее может

---

[1] Эти строки, взятые без изменения из нашей работы „Советская экономика“, вызвала сомнения у некоторых рецензентов. Один из них замечает: если, мол, авторы „имеют в виду развернутые социалистические производственные отношения—то об этом следовало бы сказать“ (см. „Под знаменем коммунизма“ № 3—4, стр. 129—130).—Совершенно правильно! Следовало бы сказать — и сказано! Ведь в данной связи, когда говорится о „формах экономической структуры общества“, каждому внимательному читателю вполне понятно, что авторы „имеют в виду развернутые социалистические отношения“.

быть охарактеризовано как единое хозяйство общественной ячейки более или менее широкого охвата (семьи, рода, целого племени). Внутри этого хозяйства существуют прозрачные, сознательные производственные отношения (что, как известно, не исключает возможности наличия отношений эксплуатации). Вовне эта хозяйственная ячейка не имеет никаких связей, никаких экономических отношений. Хозяйство является субъектным, независимо от того, является ли хозяйствующим субъектом равноправный коллектив участников производства или деспот-рабовладелец.

Каким способом следует изучать хозяйство подобного типа? Из трех перечисленных выше методов изучения хозяйства капиталистического, здесь, безусловно, могут найти себе место последние два способа, а именно: исследование 1) описательное и 2) нормативное. В самом деле, всякая форма общественно-производственных отношений может быть описана как в своем статическом состоянии, так и в своей динамике. Далее, поскольку хозяйственная деятельность данной ячейки направляется определенным хозяйствующим субъектом, определенные нормы для распределения производственной силы данной ячейки в соответствии с хозяйственным принципом окажутся далеко нелишними; эти нормы получаются в результате определенного исследования данного хозяйства под нормативным углом зрения. Таким образом, и нормативное изучение здесь имеет место, хотя оно по своему конкретному содержанию и по характеру своих задач резко отличается от аналогичного исследования капиталистического хозяйства.

Принципиально иначе обстоит дело в отношении теоретического исследования. Разумеется, и в натуральном хозяйстве на-лицо имеются известные закономерности общественной жизни, которые требуют теоретического изучения, и на этой ступени общественно-экономического развития взаимозависимость причин и следствий в динамике социальной жизни требует специального абстрактного анализа. Таким образом, и здесь существуют теоретические проблемы. Все дело лишь в том, что эти проблемы обще-социологического характера. Проблема взаимосвязи и взаимозависимости экономического строя и всех других сторон жизни данного общественного образования, и далее проблемы возникновения, развития и гибели данной системы производственных отношений—все это вопросы, самым непосредственным обра-

зом относящиеся к экономической структуре общества и, тем не менее, долженствующие изучаться более общей социальной наукой, нежели экономическая теория, ибо проблемы подобного охвата выходят за рамки одной лишь системы общественно-производственных отношений. Это обстоятельство совершенно очевидно без дальнейших пояснений по отношению к вопросам, трактующим взаимозависимость экономических и всех других сторон социальной жизни. Но и проблемы возникновения и гибели, проблемы смены одной экономической структуры другою тоже явно выпирают за пределы изучения одной определенной системы производственных отношений. В целях большей ясности считаем нелишним оговориться, что под проблемой смены экономических структур мы здесь понимаем раскрытие причин этой смены, раскрытие движущих моментов эволюции общественно-производственных отношений, а отнюдь не самый реальный ход, самый механизм возникновения одних отношений и гибели других. Что касается до последней, конкретной стороны процесса, то здесь для эпохи натурального хозяйства никаких теоретических проблем не существует. Смена экономических структур здесь заключается в том, что система прозрачных сознательных общественно-производственных отношений постепенно, в ходе определенных исторических перипетий, вытесняется совершенно иной системой гетерогенных производственных отношений товарного хозяйства. Обнаружить внутренние причины, раскрыть движущие силы этой смены—дело общественно-социологического исследования, ставящего своей задачей раскрытие причин всех сторон общественного развития, в том числе и динамики производственных отношений общества. Самый же ход процесса может быть исследован в порядке описания. В этом процессе теоретические проблемы возникают лишь одновременно с победным ходом производственных отношений товарного общества, но, разумеется, эти последние проблемы разрешаются уже теорией товарно-менового хозяйства.

Посмотрим, наконец, не содержит ли теоретических проблем система общественно-производственных отношений натурального, дотоварного общества, взятая сама по себе. Достаточно поставить вопрос таким образом, чтобы ответить на него отрицательно. В самое определение натурального хозяйства входит представление о системе ясных, беспро-

блемных отношений производства. Производственные отношения натурально-хозяйственной единицы — это реальные отношения людей, занимающих различные места в общественном процессе производства. Эти позиции отдельных участников производства вполне открыты, очевидны; отношения между ними столь же ясны, ничем не замаскированы. Людские отношения проявляются в виде людских отношений; система вещей, составляющая противоположный полюс общественного трудового процесса, как процесса взаимодействия человека с внешней природой, остается неодушевленной системой вещей. Ей не приписывается ни грана общественных свойств, она не служит кривым зеркалом для проявления трудовых отношений людей. Эти последние подчиняются автогенной воле того либо иного хозяйствующего субъекта данной натурально-хозяйственной ячейки, а не слепым гетерогенным закономерностям фетишистически-ценностной системы. Разумеется, сама система производственных отношений натурального хозяйства претерпевает изменения в результате развития производственных сил, но проблема взаимодействия производственных сил и производственных отношений является, как выше указывалось, обще-социологической проблемой, а отнюдь не специально теоретико-хозяйственной. Таким образом, взятая сама по себе, экономическая структура (т.-е. система производственных отношений) натурального, дотоварно-капиталистического хозяйства не оставляет места для теоретического изучения.

Примерно также обстоит дело в отношении экономической структуры послекапиталистического, послетоварного общества. Разумеется, мы в дальнейшем изложении имеем в виду те представления о коммунистическом обществе и господствующих в нем отношениях производства, которые мы находим у творцов научного коммунизма, а отнюдь не утопии мелкобуржуазных фантазеров, выдаваемые ныне в слегка прикрашенном виде кое-кем из теоретиков II Интернационала за последнее слово марксизма. В дальнейшем мы увидим, как, например, прудоновская утопия насчет конституированной ценности справляет свою вторую молодость в последних произведениях К. Каутского. Нас в данном случае интересуют, однако, не эти „омоложенные“ теории, а картина будущего хозяйственного строя, набросанная в наиболее общих очертаниях Марксом и Энгельсом. Что касается послед-

ной, то здесь перспективы теоретико-экономического исследования столь же безнадежны, как и в разобранном выше случае натурального докапиталистического хозяйства. В самом деле, ведь та экономическая структура будущего общества, которая стояла перед духовным взором Маркса - Энгельса, представляет собою наивысшее проявление безраздельного господства сознательных, ясно-организованных производственных отношений между людьми. В данном случае господство прозрачных общественно-производственных отношений будет простираться уже не в узких рамках племени, рода, отдельной семьи, а охватит все человеческое общество. Единое, сознательно-организованное общество-хозяйство — такова послекапиталистическая структура, взятая в ее чистом виде. В отличие от натурального хозяйства предкапиталистической эпохи, несшего в своих недрах зародыши товарно-капиталистического перерождения, будущий производственный строй, представляющий победу натурально-хозяйственного уклада на высшей основе, на основе охвата всего человеческого общества, не несет в себе никаких бацилл, угрожающих возвратом господства гетерогенно-рыночных, стихийных законов. Поэтому ни статика ни динамика послекапиталистической экономической структуры общества не содержат проблем теоретико-экономического порядка.

5.

Таким образом, мы приходим к выводу об исторической ограниченности теоретической экономии, ее задач, ее проблем, ее законов [1]. Недоговоренность и путаница вокруг вопроса об исторических рамках теоретической экономии так велика, что даже выражение „исторический характер" в при-

---

[1] В одной рецензии на нашу брошюру о советской экономике мы находим следующий упрек: „Авторы не ставят... вопроса о пределах хозяйственного регулирования. А от разрешения его зависит и вообще разрешение вопроса о рамках марксистской политической экономики" (см. „Плановое Хозяйство", № 10 за 1926 г., рецензия Б. Алесковского). Из контекса нельзя понять, имеет ли здесь автор заметки в виду: 1) хозяйственное регулирование вообще или 2) хозяйственное регулирование в современной экономике СССР. Во всяком случае по этому поводу надлежит заметить следующее. Если речь идет о втором, т.-е. о пределах хозяйственного регулирования в современной советской экономике, то совершенно непонятно, какое отношение эта проблема может иметь к разрешению „вопроса о рамках марк-

менении к этой науке сплошь и рядом толкуется в двух не только различных, но и противоположных смыслах. Одни вкладывают в это выражение тот смысл, что политическая экономия занимается лишь изучением исторически-преходящей экономической структуры общества, а именно капитализма. Иные же понимают под историческим характером нашей науки то обстоятельство, что, по их убеждению, политическая экономия должна изучать в историческом порядке различные друг друга сменяющие типы производственных отношений и экономических структур.

Разумеется, мы говорим об „историческом характере" в первом смысле. И если иной раз указывается, что ведь буржуазная политическая экономия тоже заявляет, что ее предметом является существующая форма хозяйства, то поистине мы вправе здесь возразить, что, когда двое говорят одно и то же, получается не одно и то же. Иными словами, мы хотим сказать, что сия исключительно формальная аналогия способна удовлетворить лишь больно непритязательный теоретический вкус.

Ведь для буржуазного экономиста ограничение теоретической экономии рамками современного хозяйственного уклада лишь служит способом апологетики капитализма. Ограничивая задачи своей науки изучением современных отношений, буржуазный экономист хочет убедить свою аудиторию в том, что капиталистический способ производства это—естественный способ производства, что до капитализма были лишь сплошные недоразумения, а не другие системы общественных отношений, после же капитализма ничего не будет и быть не может, ибо капиталистическая система это — перл создания, не превзойденный вовек. Всякому, даже не обучавше-

систской политической экономии". Последний вопрос является вопросом теоретическим и методологическим, нисколько не связанным с конкретным анализом форм, роли и пределов хозяйственного регулирования в советском хозяйстве нынешнего периода.—Если же имеется в виду вопрос о переделах „хозяйственного регулирования" вообще (следовало бы сказать: о „рационализации хозяйственных отношений"), то все наше изложение показывает с достаточной ясностью, что мы этот вопрос считаем разрешенным Марксом в том смысле, что и пределов-то здесь никаких нет и быть не может. О „пределах хозяйственного регулирования" в этом смысле может говорить Струве или его последователь; для марксиста же подобного вопроса вовсе не существует.

муся в семинарии, — как любил говорить Г. В. Плеханов, — должно быть понятно, что совершенно иное содержание вкладывается марксизмом в представление об ограниченности политической экономии рамками изучения капиталистических отношений производства. Для нас это ограничение служит лучшим средством показать исторически-преходящий характер капиталистической системы, вскрыть все своеобразие этой экономической структуры, реально обнаружить ее историческое начало и конец.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Два типа экономической политики пролетариата.

1. „Возникновение капитализма“ и „строительство социализма“. — 2. Экономическая политика пролетариата и буржуазии. — 3. Революция буржуазная и пролетарская. — 4. С чего начать перестройку? — 5. Первый период экономической политики советской власти. — 6. Военный коммунизм и его историческое место. — 7. „Экономическая теория“ военного коммунизма и ее корни. — 8. Отголоски этой теории.

1.

Когда мы говорим о стихийном, несознательном характере капиталистического способа производства, мы можем иметь в виду *две* различные *стороны* процесса, которые тесно связаны и неразделимы в конкретной действительности, но должны быть различаемы в теоретическом анализе. Стихийность характеризует, с одной стороны, *повседневный ход* капиталистического процесса производства, его, если можно так выразиться, историческую статику (которая в конкретной действительности носит, разумеется, динамический характер). С другой стороны, столь же стихийный характер носят те *эволюционные процессы*, та историческая смена организационно-хозяйственных форм капитализма, которая заполняет всю историю капитализма, с момента его возникновения и до его гибели, и которая может быть названа в нашем условном смысле исторической динамикой капиталистического способа производства. Смена форм торгового капитализма господством промышленного капитала, далее весь ход эволюции и перерождения промышленно-капиталистических отношений, возникновение и развитие форм финансово-монополистического капитализма, империалистиче-

ская трансформация и растущий распад капиталистической системы в целом — все эти процессы происходят не в порядке осуществления организованной сознательной воли всего общества, либо той или иной его части, а являются следствием развития заложенных в капиталистической структуре тенденций, проявляющихся в форме объективных общественных законов.

Поэтому марксистская теоретическая экономия, ставящая свой задачей познание закономерностей *возникновения*, *существования*, *развития* и *гибели* капиталистической формы хозяйства, далеко не ограничивается формулировкой системы теоретических законов, объясняющих одну лишь историческую статику капитализма. На-ряду с законами *существования* капитализма, она дает законы его *возникновения*, *развития*, *гибели*. В сущности говоря, теоретическое познание исторической статики капитализма могло бы быть исчерпано системой законов ценности, распределения и реализации (теория рынка и кризисов). Такая система вполне объясняла бы явления существования капитализма, с учетом явлений меняющейся пульсации капиталистического организма, но она нам ничего не говорила бы о ходе исторического развития этого способа производства. Между тем, последняя проблема является не только проблемой идеографического порядка. Процесс исторической эволюции капитализма должен быть не только описан, но и теоретически изучен; должны быть раскрыты заложенные в капиталистической системе *внутренние законы развития*, прокладывающие себе дорогу с принудительной силой законов естественного развития.

Нетрудно заметить, что с этой стороны, с точки зрения раскрытия закономерностей исторического развития капиталистической системы, капитализм подвергнут у *Маркса* анализу, который совершенно чужд и неизвестен большинству из направлений буржуазной экономической науки. Так, учение о формах ценности раскрывает нам закономерность возникновения и развития товарных отношений. Теория концентрации и централизации капитала, теория понижения нормы прибыли, теория монополистического перерождения капитализма, так называемая теория крушения, изложенная в знаменитом седьмом параграфе двадцать четвертой главы I тома „Капитала“, в параграфе об исторической тенденции

капиталистического накопления — вся эта сторона теоретико-экономического учения Маркса имеет целью раскрытие законов структурной эволюции и гибели капитализма. И, как известно, наиболее гениальным примером теоретического предвидения Маркса является его закон смены отношений свободной конкуренции монополистическими отношениями, — закон, сформулированный в период наиболее пышного расцвета системы свободной конкуренции. Развитие деятельности предприятий акционерного типа дало повод Марксу и Энгельсу конкретно установить тенденции развития безличного предпринимательства, — тенденции, в действительности нашедшие свое осуществление лишь через ряд десятилетий.

Что касается социалистической формы хозяйства, то она представляет собою противоположность капитализму не только при условии сопоставления этих двух систем, так сказать, в их готовом виде, но и при рассмотрении обеих систем in statu nascendi. Поскольку возникновение и развитие товарно-капиталистического хозяйства из недр старого общества является стихийным бессознательным процессом, постольку трансформация капиталистических производственных отношений в социалистические отношения трудового товарищества людей является делом сознательным, планомерным. Разумеется, предпосылки социалистического хозяйства, вызревающие в недрах капиталистического общества, являются продуктом гетерогенного процесса в такой же мере, как и все другие стороны капиталистических производственных отношений. Разумеется, в конкретном материальном процессе производства переходного периода нельзя точно установить, где кончаются предпосылки технического и организационно-хозяйственного характера, перешедшие к нам в качестве „буржуазного наследства“, и где начинаются результаты сознательной работы по социалистическому переустройству общества. Разумеется, в конце концов, исторической случайностью является тот факт, что хозяйство Советского Союза получило от капиталистической России Мариинскую водную систему и не получило Волго-Донского канала, сооружение которого будет уже делом социалистического строительства; то же самое можно сказать о тех или иных отраслях промышленности, которые, как известно, развиты были за период капиталистического существования России далеко не равномерно. Наконец,

точно так же обстоит дело в отношении целого ряда организационно-хозяйственных форм, оказавшихся в наличии к моменту Октябрьской революции в России: в некоторых отраслях промышленности существовали очень жесткие формы монополистической организации, в других же отраслях монополистические союзы были относительно слабы. Конечно, с точки зрения исторической необходимости, понимаемой в более широком смысле слова, могло бы быть иначе. Таким образом, провести демаркационную линию между „предпосылками" и „строительством" в отношении материального субстрата в некоторых организационных формах хозяйства крайне затруднительно, если отвлечься от социально-исторической стороны процесса.

Но именно этот последний момент должен быть положен в основу, если мы хотим разрешить вопрос принципиально. В таком случае, мы будем понимать под трансформационными явлениями и процессами те явления и процессы, которые прямо или косвенно, посредственно или непосредственно, являются результатом телеологического воздействия, направленного к социалистическому преобразованию хозяйственных отношений. Напротив, в разряд „предпосылок" надлежит отнести все те элементы социалистического хозяйственного строительства, которые эта телеологическая деятельность при своем возникновении застает готовыми, в качестве результата предшествующего стихийного развития экономической структуры общества. Иными словами, предпосылки — это продукты развития, разложения и гибели капитализма, а трансформационный процесс это — процесс рождения и развития экономической структуры социализма. Между этими двумя процессами расположен момент социальной революции, момент завоевания власти пролетариатом, означающий переход от гибнущего капиталистического хозяйства к зарождающемуся социалистическому. Принципиальное различие стихийного и сознательного процессов хозяйственного развития находит свое выражение в том, что первый процесс не может превратиться во второй без самого глубокого переворота в общественных отношениях, каковым является разрушение буржуазного государства и установление пролетарской диктатуры. В лице пролетарской диктатуры, социальная революция рождает субъекта, берущего на себя руководство

сознательно-телеологическим процессом строительства новой экономической системы.

Такое разграничение понятий резко оттеняет разницу между сознательно-телеологическим процессом социалистического строительства, с одной стороны, и стихийным процессом возникновения капитализма — с другой. Впрочем, это же различие подчеркивается даже в обычном у нас словоупотреблении: само выражение „строительство социализма“ подчеркивает активный, действенный момент сознательного созидания новых общественных отношений, созидания, в котором общество, в лице своего исторического репрезентанта, каковым выступает пролетариат-диктатор, является не только объектом, но и субъектом процесса, в отличие от „возникновения капитализма“, при котором общество являлось лишь пассивным объектом слепого стихийного процесса [1]. Разумеется, помимо этого различия между возникновением капиталистической и социалистической систем, есть целый ряд существеннейших различий, противоположностей, особенностей [2]; однако, в данной связи мы можем ограничиться лишь одним и этим различием.

2.

Процесс сознательного строительства социалистической экономики, начинающийся после перехода власти в руки рабочего класса и установления пролетарской диктатуры, протекает в форме экономической политики пролетарского государства. Классическим образцом совершенно беспросветного смешения понятий может служить часто практикующийся у нас „ученый“ прием брать за одну скобку

[1] „Когда статистики, скажем, Говардского института в Америке пытаются определить направление или темп развития разных отраслей американского хозяйства, то они действуют до известной степени, как астрономы, т.-е. пытаются уловить динамику процессов, от их воли совершенно независимых, — с той только разницей, что статистики не обладают и в отдаленной степени столь точными методами, как астрономы. Наши статистики поставлены в принципиально отличное положение. Они действуют в составе учреждений, руководящих хозяйством... Каждая цифра здесь не просто фотография, но директива...“ Л. Д. Троцкий: „К социализму или к капитализму?“ „Правда“, 1925 г., № 198.

[2] Анализ некоторых из них читатель может найти в статье Н. И. Бухарина „Буржуазная революция и революция пролетарская“ — „Под знаменем марксизма“, № 7—8 за 1922 г.

экономическую политику пролетариата у власти и экономическую политику обычных буржуазных правительств. В действительности мы здесь имеем такую же разницу, как между небом и землей.

Перед пролетариатом, взявшим власть, сконструировавшимся, как господствующий класс, в экономической области стоят принципиально иные задачи, чем те, которые осуществляет экономическая политика буржуазии. В самом деле, в чем заключаются задачи экономической политики того и другого классов? Из истории известно, что капиталистические отношения в хозяйстве развиваются задолго до того момента, когда буржуазия, как класс, приходит к власти и начинает вести самостоятельную экономическую политику. Буржуазные революции чаще всего побеждают тогда, когда буржуазные отношения в общественном производстве являются уже господствующими; поэтому задачи экономической политики, которые выпадают на долю буржуазии, относительно просты и несложны: основная цель этой политики заключается в сохранении буржуазного способа общественного производства, в создании наиболее благоприятных условий для его дальнейшего развития. Разумеется, экономическая политика буржуазии в тот или иной конкретный исторический момент осложняется целым рядом привходящих обстоятельств, коренящихся в данном соотношении классовых сил. В тот или иной момент экономическая политика буржуазии может быть осложнена необходимостью заключить сделку с побежденным, но, тем не менее, чрезвычайно сильным в капиталистическом обществе классом помещиков-аграриев; в иные моменты экономическая политика буржуазии должна своим острием направляться в сторону рабочего класса, при чем и здесь возможны два основных варианта: либо буржуазия ведет беспощадную экономическую борьбу, ставит ставку на подавление рабочего класса, либо между этими классами достигается то или иное временное соглашение, и это обстоятельство накладывает свою печать на экономическую политику буржуазных государств. Наконец, наиболее существенным и привлекающим обычно все внимание моментом экономической политики буржуазных государств, в новейшее время в особенности, являются те ее задачи, которые вытекают из международной борьбы различных национальных клик буржуазии. Империализм на известной стадии развития неотделим от капитализма;

экономическая политика буржуазии в этот период, быть-может, на девять десятых подчиняется интересам империалистической борьбы. Но в общем и целом, даже принимая в расчет все эти осложняющие моменты, мы можем считать правильным данное нами выше определение: экономическая политика буржуазных государств имеет своей основной задачей сохранение и укрепление уже существующего буржуазного хозяйственного уклада.

Совершенно иначе обстоит дело относительно экономической политики пролетариата. Пролетариат приходит к власти, как наиболее угнетенный класс буржуазного общества. В рамках буржуазного общества пролетариат не только не имеет возможности дождаться вызревания новых хозяйственных форм (на что напрасно надеются соглашатели всех стран); он не имеет даже возможности добиться хоть сколько-нибудь сносных условий существования для того, чтобы подготовиться в идейном, культурном и организационном отношении к той работе, которая ему предстоит по переустройству хозяйственного уклада; эта работа в широких масштабах может быть начата уже после того, как власть перешла в руки пролетариата.

С другой стороны, тот переворот в хозяйственных отношениях, который приходится совершить победившему пролетариату, неизмеримо глубже, сложнее и труднее, чем переворот, приведший к победе капиталистических отношений. Там речь идет о замене одного эксплуататорского хозяйственного строя другим, также эксплуататорским; здесь речь идет о ликвидации всякой эксплуатации, о переустройстве общества на новых бесклассовых началах, исключающих всякую возможность эксплуатации человека человеком [1].

---

[1] Если Маркс указывает в наиболее общей форме: „Когда общественные отношения, отвечающие определенной ступени производства, только возникают, или когда они уже исчезают, естественно происходят нарушения производства, хотя различной степени и различного действия“ (см. „Введение к критике политической экономии“, в сборнике „Основные проблемы“, стр. 10), — то само собой понятно, что „нарушения производства“ в процессе социалистической трансформации должны отличаться наибольшей глубиной и силой.

См. также: Н. Бухарин. „Экономика переходного периода“, гл. 5 и 6. „Громадность издержек пролетарской революции обусловливается глубиной коммунистического переворота, принципиальным изменением производственной структуры“ (стр. 96).

Но такая общая формулировка не дает нам никакого представления о тех неимоверных конкретных трудностях, которые встают, которые возникают при этой работе по переустройству общественного хозяйства. Эти трудности имеют три главнейших источника.

Во-первых, пролетариат одерживает победу в тот момент, когда капиталистическое хозяйство „выходит из пазов", когда оно находится в состояниии крайнего разложения, когда оно разрушено империалистическими войнами. Это разложение и это разрушение производительных сил продолжается и в течение первого периода пролетарской революции, когда идет ожесточенная, не на жизнь, а на смерть, борьба между новым зарождающимся и старым отмирающим строем. Наследство, которое получает пролетариат после захвата власти, таким образом, ни с какой стороны не напоминает наследства доброго американского дядюшки: скорее оно напоминает наследство, оставленное старым скопидомом, в роде Плюшкина, который, к тому же, перед смертью основательно разбил оставленную им посуду. Отсюда ясно, что залечивание ран, нанесенных издыхающим капитализмом народному хозяйству страны и широким трудящимся массам, является первой „маленькой" поправкой, первым усложнением задачи, первой добавочной гирей (немалой тяжести), которую неизбежно получит в виде „бесплатного приложения" рабочий класс, приступающий к переустройству общества.

Во-вторых, победа пролетариата происходит не в безвоздушном пространстве, где имеются лишь капиталисты и рабочие, не в „чистом" капиталистическом обществе, а в стране, где, кроме рабочих и капиталистов, имеются еще такие остатки прежних хозяйственных форм, как многомиллионное крестьянство, многочисленная мелкая буржуазия. Поэтому даже после полной победы над капиталистами проблема классовых отношений в стране не только не исчезает, но напротив, встает во весь свой рост. Необходимость точного, чуткого и правильного учета всех молекулярных движений, всех малейших изменений в соотношении классовых сил является второй „поправкой", которую пролетариату приходится внести в систему своей экономической политики.

И, наконец, в-третьих, далеко не маловажной причиной трудностей, с которыми связана экономическая политика про-

летариата, взявшего впервые в мире власть в одной из стран, является то обстоятельство, что ему приходится итти совершенно неизведанными путями, что он нигде не может найти каких-либо „готовых рецептов“, —то обстоятельство, что даже Маркс умер, не догадавшись оставить ни одной цитаты на этот предмет (как не один раз замечал Ленин по адресу людей, пристававших к нему с требованием готовых рецептов). Единственное, что Маркс и другие представители научного социализма указывали неоднократно — это то, что между капитализмом и социализмом лежит длительная переходная эпоха, когда человечество с огромными трудностями выберется из ямы, куда оно попало при капиталистическом порядке, когда во многих отношениях мертвое еще схватывает живое, когда ростки нового в причудливых сочетаниях переплетаются с вековыми корнями старого порядка.

3.

Коренное различие между стихийным процессом возникновения капитализма и сознательным процессом строительства социалистического хозяйства, охарактеризованное нами выше, долгое время считалось совершенно бесспорным среди людей, именующих себя марксистами и социалистами. Маркс и Энгельс в своих рассуждениях о пролетарской революции и осуществлении социализма всегда исходили из мысли о кардинальной разнице между буржуазной революцией и революцией пролетариата. В произведениях основоположников научного коммунизма можно найти немало мест, из которых вполне определенно видно, что Маркс и Энгельс резко противопоставляли буржуазную революцию, совершающуюся в политической надстройке уже после победы капиталистических отношений в области хозяйства, —пролетарской революции, которая лишь открывает собою возможность возникновения новых, социалистических производственных отношений. Приведем здесь лишь несколько фраз из „Манифеста Коммунистической Партии“:

> „Коммунистическая революция является самым радикальным разрывом с традиционными имущественными отношениями...—писали Маркс и Энгельс в этом документе. —Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуа-

зии весь капитал, чтобы централизовать все орудия производства в руках государства, т.-е. пролетариата, организованного, как господствующий класс, и возможно скорее увеличить массу производительных сил. Это может произойти сначала, конечно, только при посредстве деспотических вторжений в право собственности, в буржуазные производственные отношения, мерами, которые кажутся экономически недостаточными и несостоятельными, но которые с развитием движения перерастают самих себя и неизбежны, как средство к перевороту всего способа производства"[1].

Еще более определенно выражено интересующее нас в данном случае положение в следующей фразе:

„Если пролетариат в борьбе с буржуазией неизбежно объединяется в класс, при посредстве революции становится классом господствующим и, *как господствующий класс, насильственно уничтожает старые производственные отношения*, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще и вместе с тем свое собственное господство, как класса"[2].

Маркс и *Энгельс* здесь утверждают, — в подчеркнутых нами словах, — что пролетариат лишь после установления своей диктатуры получает возможность „насильственно уничтожить старые производственные отношения". Лишь как господствующий класс он может „централизовать все орудия производства в руках государства" и заложить, таким образом, фундамент для постройки новой производственной системы. Отсюда совершенно ясно, что социализм *не* может вызреть в рамках капиталистического хозяйства подобно тому, как капитализм вызревает на лоне феодального общества.

Из признания этого основного различия между буржуазной и пролетарской революциями, их политической и экономической сторонами, исходили программные документы социалистических партий в довоенное время. Так, например, программа РСДРП заявляет:

---

[1] „Манифест Коммунистической Партии", изд. 1919 г., стр. 35.
[2] Там же, стр. 36. — Разрядка наша.

„Усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения, обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстре и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими... Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественной и введя планомерную организацию общественно-производственного процесса..., социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы... Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатуру пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит подавить ему всякое сопротивление эксплуататоров“.

Таким образом, и этот документ (примерно то же самое находим мы в Эрфуртской программе довоенной социал-демократии Германии) рассматривает завоевание политической власти пролетариатом, как необходимую предпосылку социалистического преобразования хозяйственных отношений. Именно такая постановка вопроса о социалистической революции представляется с марксистской точки зрения настолько общеобязательной и бесспорной, что читатель был вправе недоумевать по поводу обилия приведенных выше цитат. В дальнейшем мы увидим, что уже среди теоретиков довоенной социал-демократии отсутствовало ясное представление обо всех тех выводах и последствиях, признание которых, естественно, вытекает из разбираемого различия между революциями буржуазии и пролетариата. В данной же связи рассмотрим отношение к этому вопросу со стороны современной социал-демократии, сильно переменившей свои теоретические доспехи в военный и послевоенный период.

В своей работе „После войн и революций“, являющейся своего рода евангелием современного меньшевизма, Д. Далин подвергает жестокому разносу „утопические представления“ о социалистическом перевороте, широко распространенные в рабочем движении и свойственные Марксу и его последователям. Согласно этим ходячим представлениям:

„социальная революция есть не что иное, как превращение одной системы производства в другую... Ликвидируя капитализм, социальная революция—

согласно этим представлениям — строит новый экономический режим... Революция превращает один способ производства в другой" [1].

Такое „наивное" представление об активном, действенном, созидательном характере не удовлетворяет философа эпохи собачьей старости меньшевизма. С ученым видом знатока он вопрошает:

„Но так ли идет вообще историческое развитие? Бывает ли на деле так, что новый способ производства создается лишь в процессе революции?"

За ответом на этот вопрос Далин обращается к истории Великой Французской революции, которую он считает „классическим образцом революций". Ему удается безо всякого труда „открыть" давно открытую Америку насчет того, что к моменту политического переворота во Франции конца XVIII века капиталистические отношения в стране достигли уже большой зрелости и в целом ряде отношений занимали господствующее положение. Пример французской революции обнаруживает, по мнению Далина, всю утопичность и ненаучность критикуемых автором представлений о революции социалистической.

„Если аналогия применима — а она, действительно, применима, — вещает Далин, — то значит, что к моменту социалистической революции новый способ производства должен быть уже очень развит... Преобразование экономической системы должно происходить до того (т.-е. до революции), и это преобразование только и создает впервые благоприятные предпосылки для политического переворота" [2].

Картина осуществления социализма рисуется Далину в следующем виде. В течение многих десятилетий — „одно-два поколения, а, может-быть, и больше" — происходит в хозяйственной жизни процесс, который он называет „ростом и расширением коллективного хозяйства"; под сим громким

---

[1] Д. Далин. „После войн и революций". Изд. „Грани", Берлин, 1922. Стр. 209, 210, 211. — Разрядка принадлежит автору.

[2] Там же, стр. 212—213.

названием понимается государственное, городское, коммунальное хозяйство в капиталистических странах. Подобное превращение частной собственности в общественную происходит, разумеется, в форме выкупа. Прежние предприниматели превращаются в бесполезных получателей дохода, в рантье. Капиталистический класс лишается своей прежней общественно-полезной функции. Наконец, в результате длительного развития основная масса средств производства уже обобществлена, т.-е. превращена в собственность государственных коммунальных, провинциальных, кооперативных предприятий. Остается лишь отпилить паразитический нарост, оставшийся со времени капитализма. Эту работу и проделывает социальная революция или, вернее, пародия на социальную революцию, сочиненная Далиным.

> „И только в этот момент имеет место социальная революция. Она срывает полотна с изваяния, вчерне уже готового... Такая революция меньше всего похожа на гражданскую войну“ [1].

Во всей этой концепции нет ни единой новой мысли. Целый сонм утопистов реформизма в течение ряда десятилетий упражнялся в рисовании подобных веселых картин мирного и спокойного „врастания в социализм“. Как известно, уже в энгельсовском „Анти-Дюринге“ мы встречаем уничтожающую критику этой оппортунистической утопии. В другом месте Энгельс весьма презрительно отзывается об идее „мирно-спокойно-свободного „врастания“ старого свинства в социалистическое общество“ [2]. Совершенно по-новому стоит вопрос о врастании после победы социалистической революции. Осуществление социализма, социалистическая трансформация хозяйства мыслится нами не как единовременный акт, а как длительный процесс; поэтому можно в известном смысле говорить о врастании в социализм, как о процессе, начинающемся лишь после пролетарской революции. Таким образом, „различие между нами и ревизионистами,—в установле-

---

[1] Д. Далин. „После войн и революций“. Изд. „Грани“. Берлин. 1922. Стр. 220.— Разрядка автора.

[2] Маркс и Энгельс. Письма, русск. пер. Адератского, М. 1922, стр. 288.

нии срока для начала этого вростания“ [1]. Эта разница является, конечно, решающей: она служит водоразделом между революционной и реформистской точкой зрения.

„По сути дела социал-демократическая точка зрения, которая представляет собою извращение в определенную сторону основной марксистской точки зрения, состоит в том, что социализм вылупляется готовым из яйца, когда уже в яйце он совершенно созреет, когда достаточно только снять скорлупу. Отсюда в конечном счете получается отказ и от революционной постановки вопроса. Если нужно только пробить оболочку, и вот вам социализм на блюде, если он в совершенно готовом виде вылупляется из яйца, тогда исчезает необходимость и в настоящей революции“.

И автор этой цитаты совершенно прав, когда от замечает, что „идеи строительства социализма у социал-демократии нет“, тогда как мы с самого начала Октябрьской революции поставили вопрос именно о строительстве социализма [2]. Выше мы уже отмечали существенную разницу между двумя процессами: возникновением капитализма и строительством социализма. Теперь мы видим, что некритическая аналогия между революцией буржуазной и пролетарской приводит к непониманию этой основной разницы между процессами возникновения и становления двух общественно-экономических структур. С этой точки зрения приведенные выше довольно пошлые рассуждения Далина, которые он противопоставляет глубокому прогнозу Маркса, представляется нам любопытной в том отношении, что единственным подобием доказательства здесь служит аналогия, аналогия будущей социалистической революции с прошлой революцией буржуазной. Вместо конкретного анализа различия между этими в корне несходными типами революций, мы встречаем у революционеров подобного толка совершенно некритическое отождествление этих типов.

---

[1] Доклад Н. Бухарина, на IV конгрессе Коминтерна.—Курсив наш.

[2] См. речь т. Осинского на XV всесоюзной конференции ВКП, „Правда“ № 260 за 1926 г.

Отсутствие учета или недостаточный учет тех различий, той принципиальной пропасти, которая лежит и не может не лежать между революциями буржуазной и пролетарской сведет к сдаче позиций реформистской пародии на научный социализм — вот вывод, к которому нас приводит анализ данного вопроса.

4.

Капиталистическая система производственных отношений характеризуется двумя основными признаками. Это, во-первых, товарная форма производства или, что означает то же самое, меновая форма общественно-производственной связи, обусловливающая господство в обществе стихийных законов рынка. Этот признак является для капитализма общим с предшествующим капитализму строем производственных отношений — с так называемым простым товарным хозяйством. Второй признак, напротив, отличает капитализм от предшествовавшей ему экономической формации. Этот признак заключается в наличии классовой эксплуатации. Притом речь идет здесь не о классовой эксплуатации вообще; как известно, в определенных формах классовая эксплуатация может существовать и в натурально-хозяйственных организмах. Характерная для капитализма форма классовой эксплуатации — это ценностная, валористическая форма, находящая свое выражение в акте купли-продажи товара „рабочая сила".

Нетрудно заметить, что эти два основных признака лежат в двух важнейших плоскостях организации современного капиталистического хозяйства; фигурально выражаясь, в горизонтальной и вертикальной плоскостях. В самом деле, рыночное регулирование хозяйства, рыночная связь существует в горизонтальном разрезе общества: это — связь между отдельными хозяйствами, расположенными рядышком в обществе. Совершенно иной характер имеет отношение классовой эксплуатации: здесь дело идет о вертикальном разрезе общественного хозяйства, здесь мы имеем дело с различными этажами, из которых высшие расположены над низшими, командуют ими, эксплуатируют их, высасывают из них питательные соки.

Зрелое коммунистическое общество представляет полную противоположность капитализму по этим двум ли-

ниям, по обоим признакам. Но вопрос стоит таким образом: должен ли один из этих двух принципов капиталистически-организованного хозяйства раньше претерпеть изменения, раньше отойти в вечность, или процесс трансформации должен непременно итти одновременно по обеим линиям? Нам кажется, что достаточно этот вопрос поставить в экономической плоскости, чтобы ответ на него не представил никаких затруднений [1]. В самом деле, строение капиталистического хозяйства в горизонтальной и вертикальной плоскостях представляет огромные различия. Вертикальное классовое строение хозяйства — это, во-первых, область, где непосредственно увязаны противоположные классовые интересы пролетариата и капиталистов. Во-вторых, это область, где к моменту социалистической революции экономические отношения наиболее зрелы: отношение собственности, являющееся юридической базой отношения эксплуатации, достигает в форме безличного, фиктивного капитала (ценные бумаги) своего высшего развития, а в лице владельцев этого фиктивного капитала — рантье — дает высшее проявление паразитарности капитализма. Поэтому уничтожение капиталистического отношения в вертикальном разрезе общества является первой, наиболее неотложной и в то же время сравнительно наиболее осуществимой из мер пролетарской экономической политики после завоевания власти [2].

Совершенно иначе обстоит дело с горизонтальной структурой капитализма, с рынком, рыночной системой связей, рыночным механизмом регулирования производства. Здесь мы имеем дело с таким способом организации хозяйства, ко-

---

[1] Иначе на это дело смотрит П. Л. Лавров. — „Существование рядом, — писал он, — даже временное, социалистического строя и частной собственности представляет самую грозную опасность для нового социалистического строя, так как на другой день после революции проснутся старые привычки и влечение монополии и хищничества". См. „Государственные элементы в будущем обществе", стр. 105. Характерно, что аргументацией в пользу немедленной полной экономической трансформации служат здесь доводы от идеологии, психологии и морали, столь знакомые нам по концепциям утопических социалистов.

[2] „Сразу, одним революционным ударом сделано то, что вообще можно сделать сразу: например, в первый же день диктатуры пролетариата, 26 октября 1917 г. (8 ноября 1917 г.), отменена частная собственность на землю, без вознаграждения крупных собственников,

торый по своему возрасту **старше капитализма** (он характерен также для простого товарного хозяйства и для периода, переходного к капитализму) и который, насколько ныне можно судить, **остается в живых** и в течение известного периода после гибели капитализма. Если первое, вертикальное отличие капитализма можно назвать „наличием эксплуатации", то второе, горизонтальное следует обозначить, как „товарный тип" общественного производства, ибо продукт, производимый на рынок, мы называем товаром. Попытаемся поставить вопрос, в чем корень такой относительной живучести товарного способа производства. На наш взгляд, здесь дело сводится к следующему: капитализм, даже достигнув полного господства, не искореняет многочисленных остатков предыдущих хозяйственных форм. Эти формы обладают удивительной живучестью — они в значительной мере доживают до момента социалистической революции. Между тем, товарный тип производства наиболее характерен именно для этих отсталых форм, — именно здесь он наиболее трудно искореним [1]. В самом деле, точно так же, как в крупном капиталистическом предприятии, сравнительно легко уничтожить отношение классовой эксплуатации, взявши это пред-

---

экспроприированы крупные собственники земли. В несколько месяцев экспроприированы, тоже без вознаграждения, почти все крупные капиталисты, владельцы фабрик, заводов, акционерных предприятий, банков, железных дорог и т. д. Государственная организация крупного производства в промышленности, переход от „рабочего контроля" к „рабочему управлению" фабриками и заводами — это, в основных, главнейших чертах уже осуществлено". В. И. Ленин: Собр. соч., т. XVI, стр. 348 — 349.

[1] „Получивши в свои руки государственную власть, — писал Фр. Энгельс в 1894 г., — **мы и думать не можем о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян** (все равно, с вознаграждением или без вознаграждения), как мы вынуждены поступить с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелкому крестьянству заключается прежде всего в том, чтобы превратить его частное хозяйство и его частную собственность в товарищеское хозяйство, в товарищескую собственность не насильственным путем, а при помощи примера и посредством поддержки товариществ, образующихся для этой цели. А в этом отношении у нас найдется, конечно, достаточно средств, чтобы наглядно показать мелкому крестьянину те выгоды, которые должны быть для него ясны уже и теперь". „Die Bauerfrage in Frankreich und Deutschland", цитируем по Каутскому „Аграрный вопрос", ч. III, гл. 5.

приятие из рук акционеров в руки пролетарского государства, точно так же было бы, пожалуй, сравнительно нетрудно заменить товарный тип связи между крупнейшими капиталистическими гигантами типом связи, непосредственно организованным. Но вся „беда“ в том, что эти капиталистические гиганты, занимая в современном империалистическом капитализме „командные высоты“, все же не покрывают собою всего народного хозяйства; наоборот, их существование всеми своими сторонами связано с существованием менее совершенного типа хозяйств; эти крупнейшие гиганты промышленности, как блестки жира на поверхности супа, плывут на поверхности необозримого моря мелких, а иногда и „мельчайших“ хозяйств. Вот важнейшая, основная причина, по которой товарный тип хозяйственной связи переживает капиталистический строй [1].

Вопрос о том, с чего начать перестройку, не представлял бы собой решительно никаких трудностей, если бы в реальной действительности товарный тип связи и капиталистический характер производственных отношений существовал совершенно отдельно и независимо друг от друга. Однако, совершенно понятно, что лишь в абстрактном анализе мы можем рассматривать горизонтальный и вертикальный разрез капиталистического хозяйства изолированно один от другого. В жизненной практике оба типа отношений переплетены

Вполне понятно, что „частное хозяйство“ мелкого крестьянина — это, с теоретико-экономической стороны товарное хозяйство; товарный же тип сохраняется в значительной мере в „товарищеском“, т.-е. кооперативном хозяйстве крестьян. — Приведенная цитата из Энгельса в настоящее время звучит как выступление любого из руководителей хозяйственной политики советской власти по вопросу о пути к социализму в земледелии.

[1] „Капитализм, в смысле охвата капиталистическими отношениями всего народного хозяйства какой-либо страны, явился не на десятки, а на сотни лет позже того, как появилось в этих странах товарное обращение, затем появились деньги, затем возник денежный, ростовщический капитал, и затем через очень долгий промежуток времени была охвачена капиталом промышленность, и создался современный, теперь уже умирающий капитализм. И вот, если кто либо не стоит на совершенно схоластической, метафизической точке зрения, тот должен понять, что процесс умирания капитализма, вытеснение его социализмом пойдет (он уже идет) аналогично, но в обратном порядке: последним умрет товарное обращение“.—Из речи тов. Осинского на XV всесоюзной конференции ВКП (б), см. „Правда“, № 260 от 10 ноября 1926 г.

между собой теснейшим образом. С одной стороны, капиталистические предприятия, олицетворяющие собой вертикальный тип отношений, в то же время являются самостоятельными хозяйственными единицами, производящими товары и фигурирующими, стало-быть, в области господства горизонтальных связей — на рынке. Лишь в идее единого всемирного картеля воплощается химически-чистое выражение вертикального типа производственных отношений, совершенно освобожденного от рыночно-мелкого, товарного характера. Всем известна, однако, реакционная утопичность этой идеи всемирного треста. С другой стороны, товарный тип связи отнюдь не является чем-то совершенно независимым и изолированным от капиталистических отношений. Как раз наоборот: товарное производство является необходимой основой для появления и развития отношений капиталистической эксплуатации. Простое товарное производство — первая ступень капиталистического производства. Мелкое товарное хозяйство выделяет из своей среды ежедневно и ежечасно те или иные элементы капитализма [1].

Поэтому вопрос о том, с чего начать социалистическое преобразование производственных отношений, получает следующую форму: является ли задачей пролетарской диктатуры немедленное и полное искоренение капиталистических отношений, для чего необходимо, как вытекает из сказанного выше, полное уничтожение товарного типа хозяйства, — или же известное допущение капиталистических элементов неизбежно и после перехода власти в руки рабочего класса вследствие невозможности ликвидации товарно-рыночного типа связи и его немедленной замены натурально-хозяйственными отношениями.

Разбор различий между революцией буржуазной и пролетарской, между процессом рождения и роста капитализма и социалистического хозяйства должен был нас достаточно подготовить к ответу и на этот вопрос. В самом деле, если ожидать — подобно Далину — созревания вполне готового

---

[1] „Мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе".

Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 118 („Детская болезнь «левизны» в коммунизме").

социалистического хозяйства в недрах капиталистического мира, — тогда, разумеется, подобная постановка вопроса должна быть решительно отвергнута. О каком допущении капиталистических элементов может итти речь, если задача социалистической революции заключается лишь в том, чтобы „сорвать полотна с изваяния, вчерне уже готового“?

Совершенно иной ответ на поставленный нами вопрос приходится дать, если не согласиться с реакционно-реформистской утопией, будто „изваяние“ социалистического хозяйства будет изготовлено для благодарного потомства руками господ капиталистов, или само собою вырастет из тлена земного. Именно поэтому Маркс и Энгельс в своей программе экономических мероприятий для переходного периода, набросанной в „Манифесте Коммунистической Партии“ [1], исходили из принципиального признания неизбежности сохранения значительной доли товарно-капиталистических отношений и после завоевания власти пролетариатом; мероприятия пролетарской диктатуры должны в первую очередь лишь создать основные предпосылки для длительного процесса переделки хозяйственных отношений, должны дать пролетарскому государству основную экономическую базу для постепенной борьбы с капиталистическими отношениями, для их вытеснения и замены социалистическими.

Как известно, именно в области учения о пролетарской революции теоретики социал-демократии эпохи II Интернационала больше всего исказили и вульгаризировали взгляды Маркса и Энгельса. Социал-демократическое извращение марксизма и представляло собой ту благодарную почву, на которой смогли так пышно распуститься цветы ревизионизма. Вопросы о задачах пролетариата после завоевания политической власти привлекали к себе мало внимания социал-демократии, поглощенной реальной политикой сегодняшнего дня. Попытка Каутского дать освещение этих задач является чуть ли не единственной за четверть

[1] Впоследствии авторы „Манифеста“ заявляли неоднократно, что отдельные мероприятия из этой программы они считают устаревшими в связи с дальнейшим развитием капиталистического хозяйства, но нигде они не отказывались от принципиального значения этой программы.

Ср. А. Ю. Финн-Енотаевский. „Карл Маркс и новейший социализм“, ст. 78 и сл.

века существования II Интернационала. Однако, и в этой попытке коренной вопрос о взаимоотношении между политикой и экономикой в буржуазной и пролетарской революциях не поставлен во всем его принципиальном значении. Ясно поэтому, что процесс социалистического переустройства хозяйственной жизни здесь не мог быть намечен сколько-нибудь удовлетворительно. После германской революции 1918 г., когда социал-демократия пришла к власти и некоторые из ее теоретиков попытались поставить вопрос, с чего следует начать социалистические преобразования, обнаружился полнейший разброд. В дискуссиях вокруг проблемы социализации, которые велись в Германии в течение первых лет после ноябрьской революции, вопрос о том, с чего начать, являл собою едва ли не самую безотрадную часть во всей довольно печальной картине этих словопрений. В качестве пунктов, с которых следует начать переделку хозяйства, предлагалось все возможное, а частично и невозможное. Иные предлагали начать с производства, другие — с обращения, третьи—с кредита, четвертые — с денежного обращения [1], пятые — с обобществления земли [2] и т. д. Одни предлагали начать с добывающей индустрии, другие — с обрабатывающей промышленности, третьи — с сельского хозяйства. Наконец, одни предлагали ограничиться крупным производством, другие говорили также о мелких предприятиях [3]. Всевозможные комбинации и планы можно найти в богатой немецкой литературе по социализации; общим для всех планов является, однако, то обстоятельство, что никогда не было попытки их осуществления.

Как в отношении теории государства и учения о диктатуре, так и в отношении общего представления о характере первоочередных экономических преобразований после завоевания власти пролетариатом, возврат к подлинным взглядам основоположников коммунизма мы находим у Ленина. Он

---

[1] Silvio Gesell и его школа, создавшая своеобразное движение мелкобуржуазного утопизма под лозунгом: Freiland, Freigeld, Freiwirtschaft (FFF Bund).

[2] Последователи проф. Фр. Оппенгаймера и др.

[3] См. об этом более подробно в нашей статье: А. Леонтьев. Вопросы переходного хозяйства в германской дискуссии о социализации, журн. „Вестн. Комм. Академии“, 1927 г., а также в нашей рецензии на книгу К. Реннера („Вестник Комм. Академии“ № 17).

исходит из той же принципиальной постановки вопроса, как Маркс и Энгельс в ряде своих программных заявлений непосредственно накануне Октябрьской революции.

„Основными из первых шагов на этом пути (на пути к социализму. Авт.) должны быть такие меры,— писал В. И. Ленин в то время, — как национализация банков и синдикатов. Осуществим сначала их и другие подобные меры, а там видно будет“ [1] (разрядка Ленина). Какие меры он подразумевал под словами „другие подобные“, видно из другого места, где Ленин, кроме двух упомянутых мер: национализация банков и синдикатов, перечисляет еще три следующие мероприятия: „отмена коммерческой тайны“, во-вторых, „принудительное синдицирование... промышленников, торговцев и хозяев вообще“, и, в-третьих, „принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрения такого объединения и контроль за ним“ [2]. „Там будет виднее (разрядка Ленина), ибо наш кругозор неизмеримо расширит практический опыт, стоящий в миллион раз больше наилучших программ“ [3].

Какие общие представления о характере строительства социалистического хозяйства лежали в основе подобного рода требований, осуществление которых мыслилось непосредственно после завоевания власти. — Совершенно ясно, что в основе предоктябрьской экономической программы Ленина лежало то же самое предположение, как у авторов „Коммунистического Манифеста“, а именно, что установление пролетарской диктатуры отнюдь не означает немедленного уничтожения товарно-капиталистических отношений в целом, а означает лишь возможность создания опорных пунктов (переход банков, синдикатов и т. п. в руки пролетарского государства) для дальнейшей борьбы с капитализмом. В то же время другие из того же ряда намеченных мероприятий означали собой ориентировку на содействие и помощь исторически - прогрессивной форме товарно - капиталистического хозяйства в его вытеснении более отсталого мелкого хозяй-

[1] В. И. Ленин, 7. XIV, ч. II, стр. 168.
[2] Там же, стр. 182.
[3] Там же, стр. 168.

ства (принудительное синдицирование; в 1918 г. и в 1921 г. ту же роль в планах Ленина играют формы „государственного капитализма").

5.

У нас до сих пор чрезвычайно мало знают, чрезвычайно редко вспоминают о том интереснейшем периоде советской экономической политики, который охватывает ряд месяцев непосредственно после Октябрьской революции. Между тем, правильное представление об историческом месте и значении остальных двух важнейших этапов нашей экономической политики можно получить лишь в том случае, если внимательнейшим образом разобрать и проанализировать тот период экономической политики, который предшествовал военному коммунизму и который до сих пор может считаться почти забытым периодом. Ведь недаром, в самом деле, Ленин во всех своих произведениях, во всех своих выступлениях, имевших целью теоретическое уяснение всей партии, теоретическую оценку новой экономической политики, как определенного этапа в социалистическом преобразовании общества, всегда снова и снова возвращался к своим работам первой половины 1918 г. Менее всего случайно то обстоятельство, что большинство важнейших аргументов политического и экономического характера, которыми обосновывался переход к нэпу, Ленин нашел в почти готовом виде в своих произведениях, относящихся именно к этому первоначальному периоду советского экономического строительства.

Значение этого „старейшего" периода, на наш взгляд, заключается в том, что во многих отношениях тогда наметился правильный подход к задачам социалистического хозяйственного строительства, — подход, который вскоре был оставлен вынужденно, под давлением внешних обстоятельств, вызвавших переход от этого периода к эпохе „военного коммунизма". Если захотеть определить срок, когда преобладала „старейшая" политика, можно было бы считать, что она продолжалась почти целый год после Октябрьской революции. Окончательное установление курса на военный коммунизм относится, пожалуй, к первой половине 1919 г.; окончательное же завершение системы военного коммунизма, как известно, следует отнести в 1920 г.

Если попытаться найти **наиболее общий признак** этого „старейшего" периода, придется, пожалуй, остановиться на следующем: в этот период советская власть признавала необходимым сохранение **рыночных методов хозяйствования**. Разумеется, в этот период **начинается** процесс, так сказать, натурализации народного хозяйства; уже в этот период зарождается идеология натурализации, считающая необходимым условием социалистического строительства возможно скорейшую и радикальнейшую натурализацию во всех областях народного хозяйства. Но все же, если попытаться установить тот признак, который является **гранью** между первым периодом экономической политики и эпохой **военного коммунизма** и который, с другой стороны, **роднит** этот первый период с третьим периодом, с **нэпом**, то таким признаком придется считать **сохранение рынка**.

Иными словами, подобно нэпу, этот первый период экономполитики давал определенный ответ на поставленный нами выше теоретический вопрос: могут ли социалистические преобразования хозяйства итти различным темпом по двум основным линиям капиталистической структуры — по вертикали и по горизонтали? По нашему мнению, особенно четко можно проследить это значение первого периода в трех важнейших областях, где первый период экономической политики выявил наиболее ярко свое принципиальное лицо: **национализация промышленности, аграрная революция, финансовая политика**.

Национализация промышленности, при которой пролетарская власть старалась „спускать на тормозах" тот стихийный процесс, которого требовала логика непосредственной классовой борьбы; аграрная революция, в которой пролетарская партия согласилась даже осуществлять программу, выдвинутую идеологами мелко-буржуазного крестьянства и поддержанную всей крестьянской массой; финансовая политика, получившая невероятное наследие империалистической войны и ставившая своей целью сколько-нибудь урегулировать и упорядочить денежную систему страны, — таковы здесь **основные черты** „старейшего периода".

В целях теоретического выяснения проблем переходной экономики представлял бы огромный интерес специальный анализ выступлений **Ленина**, относящихся к первому пе-

риоду после Октябрьской революции, а заодно — экономических представлений полемизировавших тогда против Ленина „левых коммунистов". Хозяйственные вопросы привлекали к себе больше всего внимания в течение весенних и отчасти летних месяцев 1918 г., т.-е. в период кратковременной мирной передышки между Брестом и чехо-словацким мятежом. Во всех выступлениях Ленина, относящихся к этому времени, красной нитью проходит ряд соображений, в своей совокупности составляющих весьма стройную концепцию. В качестве одной из важнейших задач выдвигается борьба с разрухой, распадом, наследием империалистической войны. Что касается задач социалистического переустройства хозяйства, то их осуществление немыслимо без преодоления хозяйственной разрухи. Уже в апреле и мае 1918 г. Ленин подчеркивает, что советская власть забрала у буржуазии достаточно хозяйственных позиций и очередная задача заключается в освоении и закреплении этих позиций за собой; национализировано достаточно предприятий, теперь дело за организацией социалистического управления на этих предприятиях. Ленин не устает повторять, что вторая задача — организации, учета, контроля несравненно труднее и сложнее первой задачи — непосредственной конфискации капиталистических средств производства. В связи с этим неоднократно повторяется мысль о том, что пролетарская диктатура могла бы использовать капиталистические методы хозяйствования, допустить на известных условиях дальнейшее развитие капиталистических отношений, поставив капиталиста под строжайшее наблюдение и контроль пролетарского государства. Такая форма отношений, названная Лениным государственным капитализмом, означала бы известный прогресс в стране, подобной нашей, где капитализму еще осталось доделать большую положительную работу. По сравнению с первобытным варварством, по сравнению с отсталым мелким производством такой тип государственно-капиталистических отношений, осуществляемых капиталистом под контролем пролетарского государства (в форме аренды, смешанных предприятий, концессий и т. п.), надлежало бы, по мнению Ленина, признать движением вперед.

Со стороны тогдашних „левых коммунистов" больше всего нападок вызвала именно постановка вопроса о „государственном капитализме" при пролетарской диктатуре. В одном из наи-

более характерных произведений этого направления мы читаем, что

„никак нельзя говорить о государственном капитализме, как регулировании капиталистического хозяйства пролетарской властью. Государственный капитализм совместим только с буржуазной диктатурой на основе сращения государства и трестов“ [1].

„Государственный капитализм при диктатуре пролетариата есть несообразность со стороны политической [2].

Может показаться, что спор идет о словах, о не совсем точном применении термина „государственный капитализм“ в выступлениях Ленина. На деле разногласия отнюдь не ограничивались областью терминологии. В упомянутом произведении т. Осинского (как, впрочем, и в ряде тогдашних выступлений других экономистов) мы находим вполне продуманный и последовательно изложенный план экономической политики на переходный период. Нельзя не заметить известной разницы между принципиальной окраской этого плана, с одной стороны, и предположений Ленина, с другой.

„Рынок — это тот очаг заразы, из которого постоянно возникают зародыши капиталистического строя. Овладение механизмом общественного обмена уничтожит спекуляцию накопленных новых капиталов, нарождение новых собственников. Оно вынудит деревенских мелких собственников сперва подчиниться общественному контролю над их хозяйством, потом перейти к общественному хозяйству. Правильно проведенная в жизнь монополия на все продукты земледелия, при которой нельзя будет продавать на сторону ни одного фунта зерна, ни одного мешка картофеля, совершенно лишит смысла самостоятельное хозяйничанье в деревне“ [3].

В той же работе намечается ряд последовательных мероприятий по важнейшим областям народно-хозяйственного

[1] Н. Осинский. „Строительство социализма“, М. 1918 г., стр. 26.
[2] Там же, стр. 32. — Разрядка везде принадлежит автору.
[3] Там же, стр. 46.

целого, при помощи которого предполагается скорейшее достижение таких хозяйственных отношений, при которых мелкие производители, лишенные возможности сбывать свои товары, будут вынуждены обобществить свое хозяйство.

В области кредита и денежного обращения должен быть проведен захват банков, которые превращаются в платежные кассы (поскольку еще сохраняется денежное обращение). В области производства за национализацией промышленности должно последовать объединение управления и планомерная, централизованная организация производства. На этой основе ставится как учет производства, потребности в сырье и топливе, так и организация распределения промышленных продуктов между предприятиями и потребителями. В сфере товарного обращения надлежит овладеть синдикатами и крупными торговыми фирмами, ввести государственные монополии и систему твердых цен сперва на все промышленные продукты, начиная с важнейших, и постепенно — на продукты земледелия, держа курс на замену денежного расчета бухгалтерских расчетов. Аналогичные меры всесторонней организации народного хозяйства на натурально-хозяйственном базисе должны быть осуществлены в области рынка рабочей силы и личного потребления [1].

Эта программа действий была изложена уже в 1918 г. Однако, подобные представления о пути преобразования существующих хозяйственных отношений в социалистическую экономику нашли себе наиболее широкое распространение в эпоху военного коммунизма.

6.

Определение взаимоотношений, взаимозависимости, исторического места и роли двух важнейших типов экономической политики пролетарской диктатуры — военного коммунизма и нэпа — можно у нас считать довольно твердо установленным. Воспользуемся формулировкой этого определения, данной в докладе т. Н. И. Бухарина на V конгрессе Коминтерна о программе Коммунистического Интернационала. Приведем оттуда довольно длинную выписку: „После введения нэпа мы, русские коммунисты, а отчасти и наши друзья из иностранных партий, почти все без исключения

---

[1] Н. Осинский. „Строительство социализма“, М. 1918 г., стр. 42 — 48.

испытывали ощущения, будто мы делаем что-то не совсем правильное, будто мы должны извиняться за новую экономическую политику. В тончайшей форме эта «извиняющаяся ориентировка» выражалась в том, что мы новую экономическую политику рассматривали исключительно с точки зрения ее политической целесообразности, как политическую уступку мелкой буржуазии. Мы не думали, что новая экономическая политика сама по себе целесообразна и рациональна, но считали, что должны были ввести ее из политических соображений. Так мы рассматривали положение вещей. Но теперь мне кажется, что мы со спокойной совестью можем сказать, что правильно было бы как раз обратное, именно обратное. Мы должны формулировать вопрос о новой экономической политике в общем следующим образом: «Единственно правильная экономическая политика пролетариата, т.-е. политика, обеспечивающая рост производительных сил, — это именно та, которую мы называем новой экономической политикой». Военный коммунизм не что иное, как поправка к этой новой экономической политике — поправка необходимая, если иметь в виду непосредственную классовую борьбу против буржуазии и мелкобуржуазных слоев. Эти основные мысли мы должны иметь постоянно в виду" [1].

У Ленина мы буквально на второй день после введения нэпа находим вполне четкие определения новой политики, как правильной, именно как перехода к правильным путям социалистического строительства от тех зигзагов, которые были вызваны требованиями ожесточенной гражданской войны. Подчеркивая лакейскую роль меньшевиков и Каутского, ставивших нам в вину „военный коммунизм", Ленин писал в брошюре о продналоге: „Его (т.-е. военный коммунизм. Авт) надо поставить нам в заслугу. Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину" [2]. Еще более отчетливую постановку вопроса

---

[1] См. „Программный вопрос на V конгрессе Коминтерна", стр. 20.
[2] Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 214.

о правильности нэпа, как пути к социализму, еще более чуждое „извиняющейся ориентировке“ определение сущности нэпа, мы находим в наброске плана брошюры о продналоге, недавно опубликованном. Там мы находим следующие тезисы: „Замена разверстки налогом, ее принципиальное значение: от «военного» коммунизма к правильному (разрядка Ленина) фундаменту. Ни разверстки ни налога, а обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты — такова экономическая суть социализма, его база. Разверстка не «идеал», а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд — опасная ошибка“ [1]. И уж поистине поражающую четкость и ясность исторической перспективы, тем более удивительную, что она относится к периоду действительно безраздельного господства „извиняющейся ориентировки“, мы находим дальше, в этом же наброске плана брошюры: „Союз рабочих и крестьян — альфа и омега советской власти... Союз этот против Деникина и К° не то, что союз (этот же) в экономическом строительстве. Первый — буржуазная революция. Второй — социалистическая революция“ [2]. В соединении с приведенными выше мыслями это дает чрезвычайно ясную картину исторического значения смены системы военного коммунизма новой экономической политикой.

Эпоха военного коммунизма — это прежде всего эпоха гражданской войны, когда народное хозяйство страны должно было оплатить львиную долю „издержек революции“. Поэтому с материально-хозяйственной стороны годы военного коммунизма являются годами суживающегося воспроизводства или, употребляя выражение, предложенное в тот период, — „отрицательного расширенного воспроизводства“. Однако, не это обстоятельство служит основным признаком системы военного коммунизма. „Отрицательное расширенное воспроизводство“ началось не с 1919 г. и не закончилось весной 1921 г.; оно захватывает несравненно более долгий ряд лет, в течение которых годовое итоговое сальдо народно-хозяйственного баланса подводилось с минусом, ибо страна потребляла и уничтожала больше, чем производила, уменьшая из года в год накопленные в прежнее время ценности. Начало этого

---

[1] См. „Большевик“ № 7 за 1925 г., стр. 74.
[2] Там же, стр. 75.

периода проедания накопленных запасов, а затем и основного капитала страны относится бесспорно к первым же годам войны, конец же этого периода, повидимому, находится где-то между 1922 и 1924 г.; для одних отраслей народного хозяйства он наступил ранее, для других же, напротив, значительно позднее.

Не в материально-хозяйственной области следует, таким образом, искать отличительные черты военно-коммунистической системы. Поскольку это была определенная система экономической политики пролетарского государства, ее основные отличия касаются организационно-хозяйственной стороны. Вульгарное представление о том, будто военный коммунизм означал собою попытку немедленного осуществления социалистического хозяйственного строя, разумеется неправильно. Неизбежность определенного, более или менее продолжительного периода существования переходного от капитализма к социализму хозяйства не отрицалась и наиболее яркими идеологами военно-коммунистической системы. Дело лишь в том, что это переходное хозяйство, его организация, принципы, тенденции и пути развития рисовались в ту эпоху в существенно-ином виде, чем в нынешнее время.

Наиболее общей характеристикой военно-коммунистической системы, как формы организации народно-хозяйственного целого, является стремление и попытка одновременной ликвидации обеих отличительных черт товарно-капиталистического хозяйства: 1) эксплуатации и 2) товарного типа хозяйственных связей. Определеннее выражаясь: стремление и попытка ликвидации товарного типа связей тем же быстрым темпом и при помощи тех же методов, как была осуществлена в основном ликвидация капиталистической эксплуатации. Курс на всеобщую натурализацию хозяйственной жизни нашел свое более или менее яркое выражение во всех важнейших мероприятиях экономической политики. Чтобы перечислить основные линии, назовем: 1) в области торговли, ликвидации торговли, как легального вида хозяйственной деятельности; 2) в области денежного обращения — предположения насчет полного упразднения денежной системы; 3) в области промышленности — главкистская организация; 4) в сельском хозяйстве — опыт непосредственной коллективизации крестьянского хозяйства вплоть до знаменитых посевных планов и т. д.

Если теперь поставить вопрос, бывший чрезвычайно актуальным в течение переходного к нэпу времени, вопрос о том, был ли военный коммунизм ошибкой, то ответ на него не представит больше трудностей. Военный коммунизм, его основные мероприятия и шаги были вынуждены обстановкой гражданской войны; военный коммунизм был той „поправкой“, тем „искажением“, или, еще лучше, „зигзагом“, который был внесен гражданской войной и блокадой в основную линию „правильной“ политики, идущую от 1918 г. к весне 1921 г. В этом смысле военный коммунизм и его основные мероприятия, направленные к тому, чтобы „продержаться“, так же мало ошибочны, так же совершенно неизбежны, как гражданская война сама по себе. Подобно тому, как гражданская война была вызвана сопротивлением господствовавших до революции классов, организовавших ряд походов для восстановления своего владычества, военный коммунизм был вынужден в свою очередь гражданской войной. И меньшевики, любящие ссылаться на то, что они с самого начала выступали против военно-коммунистической организации хозяйства, в объективном историческом смысле здесь сыграли точно такую же предательскую роль, как международная социал-демократия, удерживающая рабочие массы от революции при помощи запугивания призраком гражданской войны. Подобно тому, как отвлечением рабочего класса от его исторической задачи нельзя предотвратить гражданскую войну, неизбежную в эпоху непосредственной борьбы за социализм, а можно лишь ослабить позиции пролетариата в этой борьбе, точно так же выступления меньшевиков против вынужденной политики военного коммунизма могли лишь ослаблять силы борющегося за свое освобождение пролетариата. В этом смысле военный коммунизм так же мало является ошибкой, как гражданская война или пролетарская революция вообще.

Ошибочным же оказалось широко распространенное в тот период представление, будто экономическая политика военного коммунизма является столбовой дорогой социалистического преобразования хозяйства. Можно было бы назвать изрядное количество документов и произведений тогдашней эпохи, где выступают именно такие представления. Ограничимся лишь немногими примерами, показывающими, как в то время представляли себе путь хозяйственной перестройки товарно-капи-

талистических отношений в социалистические. Ярче всего тогдашняя идеология отразилась в представлениях насчет денег и их ближайшего будущего. Да это и немудрено: деньги являются вещным олицетворением товарного типа связи, который по широко распространенному тогдашнему мнению стоял накануне полной ликвидации.

„Постепенно деньги теряют свое значение с самого начала социалистической революции,—читаем мы в одном из наиболее популярных произведений эпохи военного коммунизма. — Все национализированные предприятия, подобно предприятию одного большого хозяина, имеют общую кассу, и им не приходится продавать или покупать друг у друга за деньги. Постепенно вводится безденежный расчет. Благодаря этому из огромной области народного хозяйства деньги вытесняются. По отношению к крестьянству деньги также все более и более теряют свое значение, и на первый план выдвигается товарообмен“ [1].

Вот, например, еще более красочная и, главное, более решительная формулировка подобных же соображений:

„Деньги, как единое мерило ценности, уже не существуют вовсе. Деньги, как средство платежа, окончат свое существование, когда советское государство разрешит задачу о натурализации своих отношений с крестьянством в области заготовки сельско-хозяйственных продуктов и когда фактическое увеличение всяких пайков рабочим и служащим избавит их от необходимости бегать по всяким сухаревкам. И то и другое находится в пределах нашего предвидения и практически разрешится в ближайшие же годы. А тогда деньги потеряют свое значение и как сокровище и останутся только тем, чем они есть в действительности: цветной бумагой“ [2].

Как известно, чрезвычайно сильную печать эпохи военного коммунизма носит на себе „Экономика переходного

---

[1] Н. Бухарин и Е. Преображенский. „Азбука коммунизма“.

[2] Статья т. Ю. Ларина в „Экон. Жизни“ за 1920 г. — Цит. по Юровскому: „На путях к денежной реформе“.

периода" Н. И. Бухарина; некоторые главы этого произведения являются, в сущности, лишь попыткой теоретического обобщения и обоснования господствовавших в то время взглядов на хозяйственный путь к социализму. В целом ряде положений эта работа исходит из предпосылки ликвидации и вытеснения рынка и товарно-рыночной формы производственных отношений на другой же день после социалистической революции.

„При первой же серьезной попытке действительно научно овладеть той весьма беспокойной конкретностью, которую мы называем хозяйством переходного периода, мы натыкаемся на то, что старые понятия теоретической экономии моментально отказываются служить" [1].

Таким образом, здесь речь идет не об известном видоизменении (модификации) категорий теоретической экономии применительно к изменившемуся характеру и условиям переходного хозяйства, а о „моментальном отказе служить" или, как сказано в другом месте, об „осечке", которую начинают давать Марксовы категории политической экономии: категории ценности, цены, товара, заработной платы и т. д.

Общая характеристика практики и теории военного коммунизма довольно правильно, хотя и неуклюже, дана в следующей формулировке:

„Военный коммунизм, как система «организации голода», как система одностороннего, не соответствующего трудовым усилиям той и другой стороны распределения производимых материальных благ, мог оправдываться лишь условиями войны и блокады, режимом «осажденной крепости». Вся идеология, сложившаяся вокруг этой системы «потребительского социализма», была в значительной мере пустым звуком, ибо не имела под собой реального основания»" [2].

---

[1] Н. Бухарин. „Экономика переходного периода", стр. 124.—Само собою понятно, что эта работа, равно как выше цитированные произведения тт. Ларина, Осинского и др., рассматриваются здесь нами исключительно, как исторические документы.

[2] А. Кактынь. „Нэп и ножницы", стр. 11.

В это определение следует, пожалуй, внести поправку в том смысле, что идеология военного коммунизма далеко не оставалась пустым звуком, а накладывала определенную печать на целый ряд мероприятий того времени. Вполне понятно, что основные мероприятия, вынужденные внешними обстоятельствами, не могли быть значительно видоизменены даже в том случае, если бы мы в тот период отдавали себе полный отчет в том, что военный коммунизм не является столбовой дорогой к социалистическому хозяйству, а лишь необходимой „поправкой" или „зигзагом" в сторону от основной линии. Но на целом ряде вопросов второстепенного характера сильнейшим образом отразилась идеология той эпохи, считавшая политику военного коммунизма прямой дорогой к социализму.

Если пожелать дать наиболее общую формулировку, то можно было бы сказать, что господство этой идеологической установки привело к тому, что из поля зрения исчез один из существеннейших вопросов экономического строительства социализма — вопрос о соблюдении пропорций. Частью под воздействием внешних обстоятельств, частью вследствие специфической „военно-коммунистической" установки, вопрос о том, что может быть сразу взято для социалистической переделки, и что целесообразнее оставить на первых порах вне массива обобществленного хозяйства, отступил на задний план. Между тем, проблема соблюдения пропорции является одной из труднейших и сложнейших проблем строительства социализма[1]. Именно как несоблюдение пропорции в этом смысле можно характеризовать те перегибы военно-коммунистической линии, которые не вызывались абсолютной необходимостью и вытекали из господства тогдашней общей установки Если замена свободной торговли централизованным распределением была абсолютно необходима в тех условиях, то попытки искоренения мелкой розницы во многих случаях (торговля спичками, привоз молока и т. д.) явно следует отнести за счет такого рода перегибов. Если, далее, неизбежна была политика продразверстки, то решительно никакой необходимости не было в посевных планах, которые остались, разумеется, на бумаге. Если переход к пайковой системе был неизбежен, то курс на всеобщую натурализацию заработной

---

[1] См. доклад Н. Бухарина на IV конгрессе Коминтерна.

платы явно проистекал из оценки военнокоммунистической системы, как непосредственного перехода к социализму. Если национализация крупной и средней индустрии была необходима, то огосударствление мелкой, зачастую ремесленной и кустарной промышленности являлось одним из проявлений несоблюдения пропорции.

В проекте программы Коммунистического Интернационала, принятой пятым конгрессом, содержится попытка обобщения „русского опыта“ в отношении методов хозяйственного строительства социализма. Посмотрим, как этот проект разрешает вопрос о взаимоотношениях двух типов экономической политики пролетариатом.

Проект выдвигает следующие руководящие принципы для экономической политики пролетарской диктатуры:

а) экспроприация экспроприаторов и уничтожение буржуазной монополии на средства производства;

б) завоевание командных высот (земля, крупная промышленность, банки, оптовая торговля, внешняя торговля, типографии, газеты) пролетариатом:

в) установление правильной пропорции между хозяйственной сферой пролетарского государства и частным хозяйством.

„Путем проведения этих основных мероприятий — продолжает проект программы—победоносный пролетариат обеспечивает себе важнейшие предпосылки для решения основных хозяйственных задач, которые ему необходимо выполнить в начале перехода от капиталистического хозяйства к хозяйству социалистическому. Метод выполнения этих основных задач определяется, с одной стороны, мероприятиями, экономически необходимыми для достижения этой цели, с другой— политическими потребностями гражданской войны и внешних войн, — потребностями, которые будут существовать и снова появляться еще долгое время. В зависимости от конкретных условий хозяйственного и политического положения в каждой стране и в зависимости от международных отношений может — на более или менее долгий срок — появиться необходимость в такой хозяйственно-политической системе, которая подрывает материальный базис враждебных слоев, обеспечивает рациональное потребление уже имеющихся в наличии запасов, но зато, уничтожая производственные стимулы частных хозяйств (система реквизиций и т. д.), связанных, в свою очередь, с пролетарскими формами хозяйства, в высокой степени тор-

мозит, а иногда делает невозможным рост производительных сил (военный коммунизм)".

В проекте программы не зафиксировано, является ли военный коммунизм преддверием неп'а или наоборот. В докладе т. Бухарина о программе этот вопрос освещен следующим образом: „У нас военная политика была раньше, а экономическая политика была позже. Но возможно, что в других странах это будет иначе. В какой-нибудь стране, где буржуазия будет быстро сброшена и где пролетариат обучен, он убедится в целесообразности и необходимости новой экономической политики. Но затем может наступить блокада и ему придется частично прибегнуть к методам реквизиции. Однако, в общем и целом, вероятно, во многих странах необходима будет в том или ином размере военная политика и именно по той причине, что буржуазия будет в состоянии упорно бороться с пролетариатом. Однако, решающим является то, чтобы все наши партии прекрасно различали между целесообразностью политической и экономической, и чтобы эту целесообразность они умели комбинировать в зависимости от положения в той или иной стране.

Характерной отличительной чертой единственно целесообразной политики пролетариата, по отношению к которой военный коммунизм является „не чем иным, как поправкой"[1], служит то обстоятельство, что она устанавливает различный темп для социалистической трансформации экономической структуры товарно-капиталистического общества в двух важнейших плоскостях: вертикальной и горизонтальной. В отношении вертикальной плоскости, по крайней мере в важнейших и решающих узлах, применяется метод насильственного революционного уничтожения старых отношений производства и замены их новыми отношениями социалистического типа, по основному своему характеру. Напротив, в отношении горизонтальной плоскости — товарного производства и рыночно-денежной связи, а в более общей формулировке в отношении валористической формы производственной связи — пролетарская экономическая политика устанавливает курс на эволюционное перерождение в процессе постепенного овладения частно-хозяйственными формами со стороны пролетарско-хозяйственного ядра, располагающего основными командными высотами в экономике страны.

---

[1] „Программный вопрос", стр. 29.

Разумеется, нельзя представлять себе дело таким образом, что возможно полное искоренение явлений эксплуатации при сохранении частного товарного хозяйства. Как известно, мелкое товарное производство ежедневно и ежечасно рождает капиталистические отношения. В этом и заключается противоречивость диалектического процесса трансформации. Но уничтожение отношения эксплуатации в основных, решающих звеньях (крупная индустрия и транспорт) в соединении с овладением важнейшими опорными пунктами[1] в хозяйственной борьбе (кредит, оптовая и внешняя торговля) дают пролетарской диктатуре возможность и средства преодолевать это противоречие, вести успешную экономическую борьбу с частнокапиталистическим типом отношений: более быстрый и более мощный рост социалистического сектора народно-хозяйственного круга обеспечивает конечное продвижение к социализму.

7.

Выше мы уже встречали то бесспорное положение, что „рынок это — тот очаг заразы, из которого постоянно возникают зародыши капиталистического строя“. Далеко меньшей бесспорностью обладают, однако, выводы, которые из этого положения в свое время делались. Схематически можно изобразить дело так. Военно-коммунистическая идеология делала отсюда заключение о необходимости уничтожения рынка: тогда, мол, мелкое производство будет вынуждено обобществиться. В настоящее время совершенно бесспорно, что путь оказывается несравненно более кружным. Социалистические элементы народного хозяйства должны вступить

[1] Эта сторона дела—проблема создания социалистического плацдарма в экономике страны—остается книгой за семью печатями даже для тех буржуазных экономистов, которые наблюдают и изучают советское хозяйство без особой враждебности. В таком случае встает вопрос: как объяснить огосударствление важнейших командных высот в хозяйстве СССР. Немецкий приват-доцент выходит, однако, с честью из подобного затруднения. Вооруженный всеми новейшими достижениями науки, вплоть до исследований Ключевского и Костомарова о XVI веке, он делает сногсшибательное открытие, что в России „хозяйство всегда было областью государственного воздействия“ (см. статью: Hans v. Eckardt „Die Kontinuität der russischen Wirtschaftspolitik von Alt-Moskau bis zur Union der SSR“, помещенную в таком серьезном журнале, как „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, 55 Band, 1926).

в теснейшую связь с мелким производством **на основе рынка**, должны бороться с „зародышами капиталистического строя“ и оказывать перерождающее влияние на массы мелких хозяйств; лишь в конце длинного пути перерождения хозяйственных тканей мыслится отмирание рынка, как внешнего проявления частно-хозяйственного уклада. Изживание рынка — не начало, а конец долгого процесса обобществления всей толщи народного хозяйства.

Представления о возможности быстрой ликвидации рынка, бывшие весьма распространенными в период военного коммунизма, базировались на сильной переоценке тех опытов народно-хозяйственного регулирования, которые имели место во время войны 1914 — 1918 гг., в особенности в Германии, с одной стороны, — и на недооценке живучести товарного типа связи — с другой.

А сохранить знание и чувство меры было не так-то легко. Чрезвычайно эффектная картина военно-хозяйственных организаций, в особенности в Германии, вызвала сильное распространение ряда теоретических преувеличений. Если идеологи гармонии классовых интересов делали отсюда вывод насчет мирного наступления социализма, первой ступенью к которому якобы является „военный социализм“ гогенцоллерновской монархии времен войны, то и среди революционных марксистов была распространена преувеличенная оценка тех хозяйственных предпосылок социализма, которые вызревают в недрах военного регулирования хозяйства.

Опыт империалистической войны показывает, что товарный тип общественного хозяйства обладает очень **рыхлым**, неподвижным, **малоупругим**, негибким характером; во время войны, когда потребовалось перевести все хозяйство воюющих стран на совершенно **новую целевую установку**, оказалось, что обычный в товарном типе общества механизм цен, прибыли, кредита и т. д. действует **чересчур медленно**. Ждать было нельзя, и в результате появился тип „военного регулирования хозяйства“, достигший наибольшего совершенства в Германии (гениальная „организация голода“, как выразился кто-то), но в более или менее отчетливом виде имевший место и во всех других воюющих странах. **Военное регулирование хозяйства**, имевшее своей целью наиболее быструю и максимально-эффективную перегрузку центра тяжести хозяйства на обслуживание нужд

войны (рост производства средств разрушения за счет сокращения производств средств производства и средств потребления), в целом ряде отношений резко порывало с традиционными методами товарного хозяйства. Это дает право видеть в военном хозяйстве известный шаг к хозяйству организованного типа. Всемогущество рынка ущемлено: органы регулирования, общественные или государственные смело принимают на себя известную долю функций этого прежде малоограниченного самодержца. Безусловно, дело здесь не без роста организованных моментов над стихийно-рыночными. Поучительность опытов „военного регулирования хозяйства“ не следует преуменьшать: эти опыты дают наглядную картину того, что достижимо в современном капитализме, даже при господстве буржуазии; эти опыты заставляют думать о том, во сколько раз более успешно может оказаться сознательное вмешательство в стихию товарно-капиталистического хозяйства в том случае, когда у власти будет стоять пролетариат. Однако, не следует упускать из виду исторической перспективы, не следует забывать, какие конкретные причины и обстоятельства вызвали к жизни явления „военного регулирования хозяйства“. Иными словами, употребляя выражение Ленина по поводу „военного коммунизма,“— „не менее необходимо знать настоящую меру этого явления“.

„Капиталистическое народное хозяйство превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из бессубъективного хозяйства в хозяйствующий субъект. Это превращение дано ростом финансового капитализма и спайкой между экономической и политической организациями буржуазии“ [1].

В настоящее время, на основе опыта последнего пятилетия послевоенного существования капитализма, можно сказать с уверенностью, что в этом утверждении совершенно правильно подмеченная тенденция была ошибочно принята

---

[1] Н. Бухарин. „Экономика переходного периода“, стр. 14.— Еще в 1921 г. С. А. Фалькнер обратил внимание на то, что в основе генерализации явлений военно-коммунистической экономики у Н. И. Бухарина лежало это преувеличение элементов организованного хозяйства, имеющихся в наличии, в качестве предпосылки социалистического строительства уже в эпоху существования „государственно-капиталистических трестов“. См. статью С. А. Фалькнера в сб. „Научные Известия“, вып. I, Москва, 1922 г.

за законченный и завершенный процесс. Но если действительно **внутри** отдельных стран мы имеем к моменту социальной революции уже „рациональную организацию“ хозяйства, в которой нечего делать рыночному типу связи,— этот последний сохраняет свою силу, согласно этого построения, лишь в отношениях между странами,—то совершенно естественно, что пролетарской революции приходится лишь унаследовать это организованное общественное хозяйство, представляющее собой „хозяйствующий субъект“, довершить дело „рационализации“ общественного хозяйства, путем его последовательной натурализации, отмены и ликвидации рыночных методов хозяйствования, вроде торговли, денег, банков и тому подобных институтов. В таком случае не может даже возникнуть вопроса о том, пойдет ли социалистическое преобразование хозяйства сначала по пути вертикального обобществления, или по пути горизонтальной рационализации производственных отношений. Вопрос принимает здесь существенно-иную форму: в горизонтальном отношении мы внутри страны имеем уже не рыночную стихию, а организованное хозяйство. Остается лишь укрепить это завоевание предшествующего периода развития, и задача в горизонтальном направлении будет разрешена. В отношении же вертикальной структуры общества, задача революции заключается в ликвидации купли-продажи рабочей силы, производства прибавочной ценности и юридически-имущественной основы капиталистической эксплуатации — частной собственности на орудия и производства. Разумеется, поскольку рыночный ипт связи исчезает, эта вторая задача поддается довольно быстрому разрешению.

Отсюда непосредственно следовал вывод, что

> „капиталистические производственные отношения немыслимы при политическом господстве рабочего класса, а социалистические отношения в производстве были бы немыслимы при политическом господстве капитала. Следовательно, каждый тип общества должен отличаться **монизмом своей структуры**, которое есть основное условие существования всякой общественной системы“ [1].

---

[1] „Экономика переходного периода“, стр. 23.—Разрядка подлинника.

Еще весной 1918 г. Ленин взамен мысли о „монизме“ каждой общественной структуры выдвигает свою формулировку насчет сосуществования пяти различных укладов в современной экономике советской страны; в настоящее время эта формулировка широко известна и распространена[1].

8.

Вполне естественно, что сложившаяся на почве военного коммунизма идеология, рассматривающая эту систему, как прямой путь к социалистическому хозяйству, не исчезла сразу после перехода к новой экономической политике. В первые годы нэпа рецидивы военно-коммунистических настроений происходят нередко как в области хозяйственной практики, так и в теоретической оценке переходного хозяйства и его этапов. Оставаясь на почве теоретического анализа, мы проследим лишь за отрыжками военного коммунизма в области теоретической. Наиболее частые, непосредственно после перехода к новой экономической политике, когда „извиняющаяся ориентировка“, по выражению т. Н. И. Бухарина, была распространена чрезвычайно, эти отрыжки в той или иной форме встречаются и в течение последних лет.

Приведем довольно характерный пример, относящийся к первым месяцам нэпа. В докладе, озаглавленном „О пределах приспособляемости нашей экономической политики“, т. Ю. Ларин попытался „установить, каков должен быть самый подход к вопросу о новой экономической политике“. Вот какой принципиальный „подход“ был в то время (в октябре 1921 г.) установлен нашим автором:

> „Следует открыто рассматривать ее (т.-е. новую экономическую политику), как наше поражение, как нашу уступку, но отнюдь не как какое-то новое радостное завоевание, как необходимый и неизбежный шаг, но не как повод к пляске и танцам“ [2].

И дальше:

> „Так что наша новая экономическая политика является для нас не движением вперед, а неизбежной бедой,

[1] См. Н. Ленин. Собр. соч. т. XV, стр. 263—264.

[2] „О пределах приспособляемости нашей экономической политики“, доклад т. Ларина 20 октября 1921 г. в клубе Моск. Ком. РКП. — См. „Сборник экономических статей“. П.- ГИЗ, 1922, стр. 50.

отступательным маневром, выгодным, поскольку он спасает и прикрывает основные позиции армии".

Если оставить в стороне упоминание о „плясках и танцах" — вспомним девиз Спинозы: „не плакать, не смеяться, а понимать", — то „подход" к нэпу, данный в этих фразах, следует считать достаточно красноречивым и определенным: нэп — это 1) поражение, 2) отступление и 3) уступка. Естественно, что из такой принципиальной оценки нэпа вытекало стремление, по возможности, ограничить его размах и рамки. В упомянутом докладе т. Ларин, на-ряду с критикой действительно вздорных предложений дельцов весенней поры нэпа, обрушивается, например, на целый ряд вещей, которые ныне являются чем-то само собою разумеющимся в нашей хозяйственной системе, в роде права гос. предприятий на реализацию своей продукции на рынке и т. п. [1].

Подобная оценка нэпа, являющаяся лишь оборотной стороною сильнейшей переоценки системы военного коммунизма, встречается в нашей экономической литературе и в более близкое к нам время. Сошлемся на попытку теоретического обоснования такой оценки исторического значения обеих систем экономической политики, предпринятую т. Л. Н. Крицманом. Эта концепция в самых общих чертах сводится к следующему.

„В 1918—1920 гг. стал складываться совершенно своеобразный пролетарско-натуральный экономический строй... Однако, пользующееся сейчас у быстроумных людей большой популярностью несколько, — можно сказать, совсем — пренебрежительное отношение к экономическому строю эпохи 1918—1920 гг., как к «военному коммунизму», т.-е. к строю, осуществлявшему под видом перехода к социализму лишь организацию «тыла», являвшемуся поэтому не организацией социализма, а организацией войны, словом, как к строю, так сказать, симулировавшему переход к социализму, — совершенно неосновательно" [2].

---

[1] „Сборник экономических статей", стр. 55.

[2] См. Л. Крицман. „Героический период вел. русской революции", стр. 69.

В отличие от этих „быстроумных людей“, величаемых автором „коммунистическими мещанами, энтузиазм которых подобен флюгеру“, наш автор считает, что так называемый

> „военный коммунизм“ был пролетарской организацией производства и воспроизводства в условиях пролетарской революции, и именно решающего периода последней; он, значит, не представлял собою в основном чего-то навязанного революции извне. Представление о нем, как о порожденной войной организации одного лишь распределения, представляет собою образец „мышления“ одними словами и поверхностнейшими аналогиями, при которых спокойно ставится знак равенства между гражданской войной, т.-е. революцией, и войной вообще и между воюющей страной т.-е. народным хозяйством, и осажденной крепостью. Обе аналогии стоят друг друга и сравнивающих [1].

Не беремся судить, как крепко т. Крицман при написании заключительного аккорда этой сердитой отповеди позабыл об одном авторе, который в одном из наиболее известных своих произведений, действительно, „согрешил“ насчет „поверхностных“ аналогий. „Когда нас блокировали, — писал этот автор четырьмя годами раньше т. Крицмана, — осадили со всех сторон, отрезали от всего мира, затем от хлебного Юга, от Сибири, от угля, мы не могли восстанавливать промышленность. Мы должны были не остановиться перед «военным коммунизмом», не испугаться самой отчаянной крайности; вытерпим полуголодное и хуже, чем полуголодное существование, но отстоим, во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть. И мы не дали себя запугать тем, чем запуганы были эс-эры и меньшевики (шедшие фактически за буржуазией в большей мере из страха, из запуганности). Но то, что было условием победы в блокированной стране, в осажденной крепости, обнаружило свою отрицательную сторону как раз к весне 1921 г., когда были окончательно выгнаны последние белогвардейские войска с территории РСФСР.

---

[1] Крицман. „Героический период“, стр. 75.—Разрядка наша.

«Запереть» всякий оборот в осажденной крепости можно и должно; при особом героизме масс это можно перенести три года" [1].

Во всяком случае, для нас бесспорно, что развитая т. Крицманом концепция, считающая, что „в действительности так называемый «военный коммунизм» это — первый грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, опыт первых шагов перехода к социализму" [2], и рассматривая переход к нэпу не как возврат к правильным путям социалистического строительства, а только лишь как „отступление русской пролетарской революции перед революцией крестьянской" [3], — эта концепция является последовательной попыткой консервации „извиняющейся ориентировки" в нынешний период, когда несостоятельность этой ориентировки ясна не одним лишь „коммунистическим мещанам", как т. Крицман любезно величает своих прошлых, настоящих и будущих противников. Эта консервация идеологии военного коммунизма, которая в лице т. Крицмана с 1921 г. „все в той же позитьи на камне сидит", имеет своим логическим основанием чрезвычайно механистическое, метафизическое понимание революции. В отличие от Ленина, неоднократно подчеркивавшего, что социалистическая революция не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, что только борьба решит, насколько нам удастся продвинуться вперед [4], — наш автор пытается в логическом

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 223. Из брошюры о продналоге.

[2] Героический период, стр. 75.

[3] Там же, стр. 227.

[4] См., напр., ст. „К четырехлетней годовщине". Ср. также следующие строки, написанные Лениным непосредственно после Февральской революции 1917 г.:

„В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения (и национализацию всей земли, если принять, что аграрная программа «104» осталась по сути своей аграрной программой крестьянства). В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, шаги, направленные к контролю производства, к вве-

отношении отделить „пролетарскую“ революцию от „крестьянской“ какой-то китайской стеной метафизического подхода к социальным процессам. Между тем, вся „ирония“ истории в том-то и заключается, что в крестьянской стране „победа“ чисто пролетарской революции над крестьянской была бы поистине Пирровой победой, а, напротив, „уступка“ пролетарской революции крестьянской, благодаря диалектике исторического процесса, является, с другой стороны, лучшей победой пролетариата, только и открывающей перед ним пути к действительному, а не иллюзорному строительству социализма [1]. Если методологически мы можем в едином революционном процессе различать две струи, так же как методологически мы исследуем абстракцию „чистого капитализма“, отвлекаясь от всех некапиталистических элементов современной мировой экономики, то это еще не значит, что можно абстракции „чисто пролетарской“ и „чисто крестьянской“ революции прилагать к объяснению отдельных исторических отрезков русской революции, олицетворяя каждую из этих струй с одним из отрезков. Такой прием был бы законным лишь в том случае, если бы имелось в виду доказать не сложный характер единой русской революции, а, напротив, факт абсолютной победы одного типа революции (крестьянского) над другим (пролетарским).

Поскольку вышеприведенная концепция таких выводов не делает, мы вправе говорить о ее внутренней двойственности и непоследовательности.

дению «всеобщей трудовой повинности» и т. д. Шаги эти с безусловной неизбежностью предписываются теми условиями, которые создала война и которые даже обострят во многих отношениях послевоенное время; а в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы переходом к социализму, который непосредственно, сразу, без переходных мер в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно-необходим в результате такого рода переходных мер“. (Эти строки взяты из наброска 5-го „Письма издалека“, от 8-го апреля 1917 г., см. „Ленинский Сборник“, II, стр. 396).

[1] Повидимому, эта фраза, взятая (как и последние абзацы целиком) без всяких изменений из нашей „Советской экономики“, дала повод автору одной из рецензий (см. „Под знаменем коммунизма“, № 3 — 4 за 1926 г., стр. 129 — 130) заявить, что авторы „в переходе к нэпу видят уступку, сделанную пролетарской революцией—крестьянской революции“. Каждый читатель видит, что само слово „уступка“ нами взято в кавычки; совершенно ясно для всякого зрячего человека, что это слово символизирует точку зрения не нашу, а разбирае-

В новой форме тот же вопрос об историческом месте нэпа всплыл в связи с дискуссией в период XIV съезда ВКП. Попытка известной консервации военно-коммунистических представлений о путях хозяйственного строительства социализма в данном случае выражалась в склонности некоторых групп в партии трактовать нэп исключительно как отступление. Такое понимание нэпа не может претендовать, как мы видели выше, на новизну: оно было представлено тов. Лариным в достаточно сочной форме уже „на другой день“ после перехода к новой экономической политике. Понятно, однако, что на пороге завершения восстановительного процесса в советской экономике, когда возможности социалистического строительства на рельсах нэпа обрисовываются довольно выпукло, подобная трактовка исторического значения нэпа является, пожалуй, еще более грубой ошибкой, чем в первый период нэпа, когда многое еще было покрыто мраком неизвестности.

Совершенно правильная формулировка дана была на XIV съезде тов. Бухариным:

> „Тов. Ленин рассматривал нэп, как большой стратегический маневр, который включает в себя элемент отступления — раз, переорганизацию рядов — два, наступление перестроенным фронтом — три“ [1].

Понятно, что различные периоды нэпа характеризуются различным соотношением этих трех его сторон. Для первых этапов нэпа наиболее характерны элементы отступления и перегруппировки рядов, для последующих же—наступление реорганизованным фронтом. Впрочем, когда говорят об отступлении, следует иметь в виду, на наш взгляд, весьма существенное обстоятельство. В настоящее время можно считать совершенно бесспорным и общепризнанным, что к 1921 г. на базе военно-коммунистической организации

мого здесь автора. Далее, в той же фразе „уступка“ объявляется равнозначащей „лучшей победе пролетариата“. Наконец, весь абзац толкует специально о неправомерности противопоставления пролетарской и крестьянской революций.

Разумеется, можно оспаривать правильность нашей точки зрения, но зачем ее извращать до неузнаваемости?

[1] Н. Бухарин, Три речи, Гиз. 1926, стр. 54.—Ср. также стр. 34—речь на XIV московск. губпартконференции в дек. 1925.

народного хозяйства невозможно было не только продвижение вперед, но и простое сохранение завоеванных и занятых позиций. Наоборот, положение угрожало хозяйственной и политической катастрофой. Своеобразие тогдашнего отступления заключается в том, что оно было отступлением от катастрофической позиции, сдачей позиции явно гибельной. Тогдашний маневр, стало - быть, существенно отличается от отступления в обычном смысле, под которым подразумевается утеря каких-либо *реальных* достижений, завоеваний, выгод и т. п. Зато он бесспорно явился отступлением с точки зрения наших тогдашних представлений о путях хозяйственной борьбы за социализм; это было отступление от тогдашнего *плана построения социализма.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хозяйство переходного периода

1. Переходная экономика и характер ее закономерностей. — 2. Экономическая закономерность и ее формы (стихийный закон и сознательное начало). — 3. Экономическая политика, ее место и роль в переходном хозяйстве. — 4. Смена общественной формы хозяйства. — 5. Рынок и план.

1.

Заполняющие в „нормальном капитализме" всю экономическую жизнь стихийные хозяйственные процессы к моменту пролетарской революции отнюдь не исчезают бесследно с лица земли. Даже если принять в расчет и то ущемление неограниченной власти хозяйственной стихии, которое относится к эпохе монополистического перерождения капитализма, в особенности же к практике военно-капиталистической хозяйственной рационализации, все же основная масса стихийно-рыночных элементов хозяйства доживает до установления пролетарской диктатуры. Это море господства рыночно-стихийной формы производственных отношений — создает тот основной фон, на котором начинает и развивает свою трансформационную деятельность экономическая политика пролетарской диктатуры. Это положение совершенно бесспорно с точки зрения исторической оценки двух систем пролетарской экономполитики, которая изложена нами выше и которая может в настоящее время считаться бесспорной. Разумеется, это обстоятельство не исключает того, что в одних странах — более отсталых — ядро общественной организованности, представляемое пролетарской диктатурой, будет чрезвы-

чайно скромных размеров, по сравнению со стихийно-хозяйственным морем; в более же передовых странах соотношение пропорций будет обратным. Однако, нам представляется более чем *сомнительным*, чтобы к моменту своей победы пролетариат получил в виде „буржуазного наследства“ какой-то всесторонне-организованный капитализм, „натурально-капиталистическое хозяйство“, „рационализированное капиталистическое хозяйство“ и т. п. Если не дать себя обмануть подчас очень блестящей внешностью явлений, если здраво учитывать *все формы* господства *стихийно-бессознательных отношений*, а не только явления, лежащие *на самой поверхности* хозяйственной жизни, вроде свободной конкуренции, свободной купли-продажи и т. д., — а именно эти „*глубинные*“, скрытые формы стихийности наиболее *живучи*, — подобные предположения окажутся не более как парадоксальными преувеличениями.

Отсюда ясно, что в том или ином *сочетании*, в виде той или иной *амальгамы* элементы *сознательности* и *стихийности* продолжают *существовать* в системе производственных отношений *переходного хозяйства*. Если мы говорим о переходе к социализму, то ясно, что в своей исторической динамике эта хозяйственная система должна являть собою картину постепенного *роста* сознательно-рационализированной формы общественных отношений производства и постепенного *отмирания* и вытеснения формы стихийной, ибо в *пределе* переходного хозяйства — в хозяйственной системе социализма и коммунизма — рационализация производственных отношений *завершена*. Таким образом, самое понятие переходной экономики в своем определении содержит представление об известном *сожительстве* двух *диаметрально противоположных* принципов, между которыми неизбежна *борьба*.

Еще в октябре 1919 г. В. И. *Ленин* писал:

„Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и ро-

ждающимся коммунизмом, или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым коммунизмом"[1]. — (Собр. соч. т. XVI, стр. 347).

Таким образом, переходный период 1) „не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства", и 2) „не может не быть периодом борьбы между этими диаметрально-противоположными укладами". Нас интересует в данной связи вопрос о том, как следует изучать хозяйство переходного типа.

Если отвлечься от этого сожительства и от этой борьбы, можно было бы рассматривать оба составных элемента переходного хозяйства в изолированном виде: на одном полюсе мы посредством абстракции выделим все элементы стихийного порядка, на другом — все то, что уже имеет сознательно-рациональную форму. Нетрудно видеть, что в таком случае на одной стороне сгруппируются элементы так называемого „чистого" капитализма (с учетом отношений натурально-докапиталистических и простых товарных; „чистота" капитализма здесь очень условная, лишь в отношении к элементам более высокой, социалистической формации), на другой же стороне аккумулируются элементы социалистического хозяйства. Если бы мы таким путем стали изучать и исследовать переходное хозяйство, задача была бы облегчена

---

[1] Вышеприведенные строки взяты нами без изменений из нашей брошюры, написанной осенью 1925 г. и появившейся в свет весной 1926 г. (см. „Сов. экономика", стр. 66). Любопытно отметить, что к весьма сходной формулировке приходит т. Н. И. Бухарин. В своей серии статей „К вопросу о закономерностях переходного периода",—он пишет:

„Поставим себе вопрос о типе закономерностей переходного времени, т.-е. периода между капитализмом и социализмом. Нетрудно сообразить, что этот период есть период перерастания стихийных законов в законы познанные и сознательно проводимые" — далее, упомянув об основном дуализме хозяйственной жизни, выдвинутом П. Струве, т. Бухарин продолжает:

„Между тем, действительность переходного периода, где, несомненно, этот дуализм еще есть, представляет собою картину постепенного перемещения центра тяжести от стихии к сознательности, от слепоты к плану, от иррационального к рациональному. Пределом этого развития — историческим и логическим — является „коммунистический способ производства" (см. газ. „Правда" от 1 июня 1926 г., № 148).

и упрощена до крайности; вопрос о методе исследования здесь не представлял бы решительно никаких трудностей. Действительно, элементы, аккумулированные на капиталистическо-товарном полюсе, изучались бы теоретической экономией, представляющей собой теоретическую систему товарно-капиталистического хозяйства, а элементы социалистической структуры, как структуры сознательных, прозрачно-ясных производственных отношений, в теоретическом абстрактном анализе не нуждающихся, были бы изучены описательной наукой о социалистическом хозяйстве. Однако, такое искусственное облегчение исследовательской задачи имело бы своим прискорбным последствием то обстоятельство, что мы ровно ничего не узнали бы как раз о том предмете, который мы взялись изучать, т.-е. о переходной экономике.

Дело в том, что переходное хозяйство представляет собой не механическую смесь, а химическое соединение элементов прошлого и будущего в их определенном сочетании. Впрочем, иначе и быть не может, иначе не было бы перед нами единого народно-хозяйственного организма. Отсюда ясно, что наибольшее значение, наибольший интерес, хотя, с другой стороны, и наибольшие трудности и сложности для исследования, представляет именно анализ той связи, того химического сцепления элементов двух противоположных форм производственных отношений, который характерен для переходной экономики, взятой в ее исторической статике, и той борьбы этих элементов между собой, которая характеризует историческую динамику переходного хозяйства.

Теперь перед нами встает последний вопрос — вопрос о том, каким методом следует изучать хозяйство переходного периода, каков должен быть логический стиль этого исследования. Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, напрашивается сам собой после всего вышесказанного. Для переходной экономики нельзя создавать особой теоретической системы, ибо это станет в вопиющее противоречие с основами марксистской теоретико-экономической методологии. Создание особой теоретической экономии для переходного хозяйства было бы законно лишь в том случае, если бы в лице последнего мы имели дело с особым, отличным от товарно-капиталистического хозяйства, типом экономической структуры гетерогенно-стихийного порядка. Как уже сказано, об этом не может быть и речи. Те элементы гетерогенно-

стихийного типа, которые имеют место в переходном хозяйстве, носят на своем челе отчетливую печать своего товарно-капиталистического происхождения и природы, а то, что в переходном хозяйстве имеется сверх товарно-капиталистических отношений, не носит характера стихийно-гетерогенного, а, напротив, совершенно явственно принадлежит к типу автогенных, сознательных отношений, не нуждающихся в специально-теоретическом исследовании.

Задача научного исследования переходного хозяйства сводится, таким образом, не к созданию особой теории переходной экономики, а к анализу тех своеобразных процессов, которые в своей наиболее общей формулировке сводятся к так называемому вростанию в социализм, к постепенному вытеснению стихийно-неорганизованных производственных отношений ясными отношениями организованного общественного сотрудничества [1].

Таким образом, задача исследования переходной экономики — это комбинированная теоретико-описательная работа, при чем в своей теоретической доле она должна целиком базироваться на марксистской системе теоретической экономии [2].

---

[1] „Смена общественными законами исторической кожи есть, конечно, процесс, гораздо более длительный, чем смена грязного белья. Вся необыкновенная сложность анализа переходного периода и заключается в пестроте костюмов, в особенности, если перед нами страна, сочетающая в своем совокупном экономическом организме величайшее разнообразие хозяйственных форм. Завоевание власти пролетариатом и «экспроприация экспроприаторов» есть предпосылка для того, чтобы начался процесс линяния общественных законов. Этот процесс имеет своей базой рост государственного хозяйства и его влияние. Этот рост проходит в многосложных и часто в высшей степени противоречивых формах“. (Н. Бухарин, ст. в „Правде“ № 148 за 1926 г.).

[2] „Это и означает сознание теории переходного периода“ — умозаключает отсюда один из рецензентов нашей „Сов. экономики“, откуда вышеприведенные абзацы взяты без существенных изменений (см. „Под знаменем коммунизма“ № 3—4 за 1926 г.). Этим критик уличает нас, разумеется, в непоследовательности и противоречивости. Ему, повидимому, совершенно невдомек, что „теоретический анализ“ и „создание особой теории“ — отнюдь не одно и то же, что можно заниматься теоретическим анализом, не создавая особой теории. Еще менее обязательно для такого рода критиков методологическое требование марксизма, допускающее создание особой теории лишь для товарно-капиталистического хозяйства, характеризующегося всепро-

2.

Всякая попытка теоретического анализа переходного хозяйства должна исходить из того или иного представления об основном характере закономерности, свойственных этому хозяйству. Четкая постановка этого вопроса является необходимым условием для успешного анализа переходной экономики. Напротив, неясности или ошибки в этом вопросе не могут не отразиться на дальнейшем ходе исследования. Примером подобного рода может служить известная работа т. Е. А. Преображенского, являющаяся одной из первых и пока еще очень немногих попыток теоретического исследования переходной экономики. Основным методологическим недостатком этой работы следует признать, на наш взгляд, неправильную трактовку именно этого вопроса о характере закономерностей переходного хозяйства. Остальные недочеты этой работы являются уже естественным логическим следствием этой основной ошибки.

Однако, несмотря на чрезвычайно обильную в количественном отношении полемику, которая разгорелась вокруг книги т. Преображенского, этот важнейший теоретический пункт остался совершенно в тени. Поэтому мы считаем

никающей фетишизацией общественных отношений, требующей абстрактно-теоретического метода для раскрытия и объяснения этих отношений. — Впрочем, было бы чрезвычайно скучно терять время на популяризацию подобных истин, которые всякий добросовестный учащийся легко усваивает из элементарных учебников исторического материализма и политической экономии.

Впрочем, весьма сходное представление о теории и теоретическом анализе мы находим у А. А. Богданова, для которого марксистская концепция малообязательна. Охарактеризовав теоретический метод изучения капитализма, он заявляет: „Итак, вот к чему сводится и в чем заключается этот «необыкновенный, совершенно особенный» абстрактный метод для капитализма. Никакого особенного метода здесь нет. Все это в высшей степени подобно процессу, которым получаются основные абстракции для того же феодализма. Например, если держаться на почве чистого описания, то никогда не удастся вскрыть реального смысла обособления сословия жрецов и экономического значения такого фактора, как десятина: на почве «идиографического метода» можно только сказать, что жрецы — служители богов“, и т. п. („Вестн. Комм. Академии“, № 11, стр. 305).

Разумеется, А. А. Богданов несравненно последовательнее нашего критика: из этого понимания теоретического и описательного метода он делает вывод о том, что теоретическая экономия изучает хозяйство всех времен и всех народов.

нелишним несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

Если последовательно стоять на марксистской точке зрения по вопросу о предмете и методе политической экономии (считая, стало-быть, теоретическую экономию наукой, изучающей общественно-производственные отношения товарно-капиталистического общества), то мы непременно придем к тому пониманию метода изучения переходного хозяйства, которое в общих чертах изложено выше.

По вопросу о предмете политической экономии т. Е. А. Преображенский придерживается общепринятой современною марксистской литературой (если не считать т. И. И. Степанова) точки зрения; поэтому лишь ценой внутренних противоречий ему удается провести свои неверные воззрения по вопросу о методах теоретического анализа переходного хозяйства. Основные из этих противоречий мы считаем нелишним здесь отметить.

Как известно, основным методологическим тезисом т. Преображенского в отношении теоретического анализа советского хозяйства является мысль о том, что это хозяйство характеризуется прежде всего борьбой между двумя законами: законом ценностей и законом первоначального социалистического накопления. Вся сложность теоретического изучения переходного хозяйства проистекает из того, что „и закон ценности и плановое начало, основные тенденции которого принимают форму закона первоначального социалистического накопления, действуют внутри единого хозяйственного организма, противопоставленные один другому в результате Октябрьской революции“ [1].

> „Совершенно очевидно, что при таких условиях простое описание того, что есть и было, не будет наукой в настоящем смысле этого слова. Маркс говорил, что если бы форма проявления и сущность вещей совпадали, то никакая наука не была бы нужна“.

Главная трудность подлинно-научного анализа переходной системы хозяйства расположена, по мнению нашего автора,

---

[1] Е. А. Преображенский. „Новая экономика“, изд. 1926 г., стр. 37.

как раз на стороне закона первоначального социалистического накопления [1]; если закон ценности наш старый знакомец по капиталистическому хозяйству, то здесь мы имеем дело с некоей прекрасной незнакомкой. Сомнения и возражения начинаются уже с вопроса о том, как нам эту незнакомку назвать; конкретнее говоря, —

> „можно ли вообще говорить о законе в применении к процессу первоначального социалистического накопления и не правильней ли говорить просто о плановом начале и его действии".

На этом вопросе мы остановимся подробнее, ибо считаем, что именно здесь скрыт логический корень всей теоретической ошибки т. Преображенского. Два другие возражения, разбираемых т. Преображенским: 1) можно ли анализировать действия закона в чистом виде, абстрагируя на время от экономической политики и 2) можно ли вообще предполагать, что в единой хозяйственной системе борются два закона — по нашему мнению целиком подчинены первому возражению; во всяком случае, эти возражения становятся излишними и отпадают сами собой, если признать справедливым основные сомнения в том, можно ли говорить о законе в применении к процессу такого рода, каким является „процесс первоначального социалистического накопления".

Т. Преображенский отвечает на этот вопрос утвердительно:

> „Мы можем говорить о законе первоначального социалистического накопления вот в каком смысле. Законом в общесоциалистическом смысле мы называем постоянство следствий при воспроизводстве относительно тех же самых причин, относительно той же самой социальной обстановки (абсолютных повторений не бывает ни в природе ни тем более в обществе). Закон в экономическом смысле, это — постоянство следствий, выте-

[1] Здесь, как и во всем дальнейшем изложении, в котором мы пользуемся термином разбираемой нами работы; „первоначальное социалистическое накопление" мы совершенно оставляем в стороне спорный вопрос о целесообразности и правомерности употребления этого термина. Этот вопрос подлежит разбору не в данном месте, а при анализе процесса накопления в переходном хозяйстве.

кающее из воспроизводства определенного типа отношений производства. Пример: закон ценности начинает действовать всюду, где появляются производственные отношения товарного и товарно-капиталистического хозяйства. Допустим теперь, что в обществе начинает действовать плановое начало. Перестает ли действовать здесь закон причинности, ликвидируется ли закономерность в сфере производственных отношений. Выше мы уже ответили на этот вопрос отрицательно. Закономерность лишь складывается иначе, она прокладывает себе пути сначала к сознанию: то, что экономически необходимо, сознается заранее, учитывается предварительно и потом приводит к организованному действию в определенном направлении. Разница только в этом"[1].

Задачей автора является здесь доказать правомерность и научную допустимость противопоставления закона ценности и закона первоначального социалистического накопления; так как по поводу существования закона ценности ни у кого сомнений не возникает, то задача сводится к доказательству существования закона первоначального социалистического накопления. Сей последний должен оказаться таким же экономическим законом, как и закон ценности, ибо лишь при предпосылке качественного сходства, качественной однородности можно себе представить как противопоставление, так и борьбу обоих законов. Нельзя себе мыслить, скажем, борьбу закона ценности с законом притяжения.

Однако, при чтении этой длинной выписки у читателя невольно возникает определенное недоумение. Прежде всего с каких это пор мы считаем „законом в экономическом смысле" — „постоянство следствий, вытекающих из воспроизводства определенного типа отношений производства".

Далее, так ли малозначительна и принципиально маловажна разница между закономерностью, проявляющейся в хозяйстве стихийным порядком, и другой закономерностью, осуществляющейся через сознание человеческого общества организованным путем. Ведь, в конце концов, разница между организованным и неорганизованным обществом, разница

---

[1] „Новая экономика", стр. 28—29. — Курсив в конце цитаты принадлежит нам.

между социалистическим и капиталистическим хозяйством заключается **только** в том, что звенья одной и той же причинной цепочки, сводящейся в итоге к зависимости общества от природы, в первом случае осуществляются сознательно, рационально, планомерно через волю, сознание и осмысленные действия общественного коллектива, — во втором же — проявляются стихийно, бессознательно — помимо воли общественного человека. Если считать действительно, — что **только** эта разница принципиально **несущественна**, — тогда надо быть последовательным и согласиться на то, чтобы закономерности социалистического хозяйства (ведь причинность в последнем не отменяется) изучались той же теоретической экономией (или наукой подобного же логического стиля), которая занимается исследованием законов товарно-капиталистического общества.

Но т. **Преображенский** считает, что теоретическая экономия изучает лишь законы товарно-капиталистического хозяйства, социалистическое же хозяйство он оставляет на долю „социальной технологии", которую он определяет, как „науку об организованном производстве, об организованном труде, науку о системе производственных отношений, где закономерности в экономической жизни **проявляются в новых формах**" и т. д.[1].

Однако, почему он делит изучение „закономерностей экономической жизни", в зависимости от того, относятся ли они к капитализму, или к социализму, между двумя научными „ведомствами", между которыми, надо полагать, имеются существенные различия? Как невероятно это ни звучит, принципом такого разделения служит та самая **форма проявления** экономических закономерностей, которая буквально через несколько страниц изображается нашим автором, как нечто совершенно несущественное.

В капиталистическом хозяйстве:

> „Суть вещей и форма их проявления не совпадают. Имманентные законы развития и равновесия системы пробивают себе дорогу через массу случайностей, встречных тенденций и могут быть уловлены лишь на основании глубокого критического и притом абстрактного

[1] „Новая экономика", стр. 26. — Разрядка наша.

анализа основного закона системы и формы его проявления, т. е. путем установления закона ценности... Чем более чистым мы представляем себе капитализм, тем очевиднєй... делается вам как раз особенность самого типа закономерностей капиталистического хозяйства, конкретный смысл самого слова «закон» применительно к этой форме"[1].

Далее приводится цитата из Маркса, где говорится, что

„при капиталистическом производстве всякий общий закон осуществляется лишь, как господствующая тенденция" и т. п.

В другом месте т. Преображенский приводит цитату из „Анти-Дюринга", Энгельса, в которой говорится, между прочим, следующее:

„Этот закон (закон ценности) проявляется в современном обществе так же, как проявляются все экономические законы при системе частного производства: как слепо действующий закон природы, лежащий в мире вещей и отношений, независимый от воли и деятельности производителей".

Т. Преображенский продолжает:

„Спрашивается теперь, что же изменяется в этом отношении при переходе общества к вполне организованному плановому социалистическому производству? Подчинена ли деятельность людей здесь необходимости, существует ли и здесь также закономерность в сфере общественных отношений? Разумеется, да. Думать иначе, значило бы опрокидывать всю теорию диалектического материализма... Если считать свободу осознанной необходимостью, то закономерность в области экономической и социальной деятельности людей продолжает господствовать и здесь, но только меняя свою форму. Закон «прокладывает себе дорогу» при плановом хозяйстве иначе, чем при неорганизованном товарном хозяйстве. Но закономерность есть и здесь, хотя бы

---

[1] „Новая экономика", стр. 16—17. — Последняя разрядка н ша.

в виду этой разницы формы и термин закона считали необходимым заменить другим, а поскольку закономерность прокладывает себе дорогу иным способом, постольку изменяется и метод улавливания этой закономерности. Варьирует метод вследствие изменения материала исследования, и одна социальная наука сменяет другую при переходе и исследовании этого изменившегося материала"[1].

Мы не остановились перед приведением столь длинных выписок из методологической главы работы т. Преображенского для того, чтобы сделать совершенно ясным то коренное противоречие, которое в этих рассуждениях заключается. В одних случаях, — а именно когда речь идет об историческом характере теоретической экономии, как теории товарно - капиталистического хозяйства,—мы имеем совершенно недвусмысленные указания, что важнейшим и определяющим моментом в законе экономического характера, нуждающемся в теоретическом анализе, является именно его тип, именно форма проявления закономерности. Форма проявления экономического закона—это стихийное бессознательное его действие, допускающее лишь апостериорный анализ, а отнюдь не априорное описание. Разница, заключающаяся в форме проявления закономерностей в хозяйстве неорганизованном и организованном, признается достаточной для того, чтобы обусловить совершенно различный подход к их изучению, чтобы обусловить различие между двумя разнородными методами научного исследования: между теоретической экономией и „социальной технологией". Более того: „В виду этой разницы форм" самый термин „закон" заменяется другим[2].

Все эти справедливейшие соображения и бесспорнейшие мысли сменяются, однако, прямо противоположными положениями, буквально через одну-две страницы, когда т. Преображенский стоит перед задачей доказать существование закона первоначального социалистического накопления, именно, как закона. Здесь мы неожиданно узнаем, что

---

[1] „Новая экономика", стр. 20—25. — Разрядка наша.

[2] „В этом и состоит разница между законами капиталистического производства и социально-экономическими закономерностями планового социалистического общества". — Там же, стр. 23. — Подчеркнуто нами.

разница в форме проявления хозяйственных закономерностей никакой существенной роли не играет, вспомним — „разница только в этом“. — Далее, автор бросает сердитое замечание, что

> „возражения против термина „закон“ на основании только того, что изменяется форма его проявления, что изменяется характер, каким он детерминирует волю людей, свелись бы к филологическому доктринерству — не более“ [1].

Как это ни странно, но обвинение в „филологическом доктринерстве — не более“ может быть по совести отнесено к самому же т. Преображенскому, еще совсем недавно делавшему различие между „законом“ и „социально-экономической закономерностью“. Наконец, к нашему окончательному изумлению мы узнаем от автора (всего — второй версии), что „законом в экономическом смысле“ надлежит считать „постоянство следствий, вытекающее из воспроизводства определенного типа отношений производства. Пример: Закон ценности начинает действовать всюду, где появляются производственные отношения товарного и товарно-капиталистического хозяйства“.

Не может быть больше никаких сомнений, что перед нами совершенно новая точка зрения на законы экономического порядка, совершенно новое понимание законов хозяйственной жизни. В самом деле, разве мы когда-либо встречали утверждение, будто закон ценности именно потому является „законом в экономическом смысле“, что он „начинает действовать всюду, где появляются производственные отношения товарного и товарно-капиталистического хозяйства“?

— Куда девался „обрушивающийся дом“, „слепо действующий закон природы“ и прочие красочные выражения, употребляемые в марксистской литературе при популярных определениях сущности и характера экономических законов, изучаемых теоретической экономией. — Увы, все эти метафоры, приводимые и т. Преображенским несколькими страницами ранее, забыты безвозвратно в том месте, где доказывается „законность“ наименования процесса „первоначального социалистического накопления“ законом.

[1] „Новая экономика“, стр. 30. — Разрядка наша.

В одном месте т. Преображенский как будто сам чувствует, что его второе, расширительное толкование понятия „закон“ является далеко не бесспорным. Как бы желая произвести вторичную страховку своего „закона“ первоначального социалистического накопления от всяких непредвиденных случайностей, он в примечании замечает: „Если бы даже было верно, что понятие «закон» отпадает там, где появляется сознательное управление производством, то о законе мы можем говорить как будто уже по одному тому, что сознательность и предвидение у нас еще являются довольно скромными“ [1].

Легко показать, что эта попытка двойной перестраховки не спасает положения. Прежде всего, странно звучит непонятный либерализм в вопросе о научном определении: „если бы даже было верно, что понятие «закон» отпадает там, где появляется сознательное управление производством“. Одно из двух: либо верно, что в сознательно-организованном производстве мы не можем говорить о „законах“, во избежание смешения совершенно разнородных категорий,— или это неверно. Как мы выше показали, у самого т. Преображенского есть два противоположных ответа на этот вопрос. Это обстоятельство, естественно, решительно ничего не изменяет в том отношении, что правильным является лишь один ответ.

Далее, опять-таки, следует признать малоудовлетворительным такое либеральное отношение к „закону первоначального социалистического накопления“, которое проявляется в приведенной фразе. Одно из двух: 1) либо мы считаем, что мы вправе отвлечься от „довольно скромных“ размеров „сознательности и предвидения“, характеризующих сей закон; 2) либо степень „сознательности и предвидения“ в самом деле так уж „скромна“, что абстракция от этой „скромности“ будет незаконна, являясь абстракцией без достаточного основания, абстракцией от существеннейшей черты рассматриваемого явления. Совершенно ясно, что в первом случае попытка перестраховки кончается неудачей; во втором же случае „вместе с водой выбрасывается и ребенок“. Если отсутствие сознательности и предвидения так характерны для „закона первоначального социалистического накопления“, то более чем уместно спросить, что̀ в нем, в сущности говоря, остается

[1] „Новая экономика“, стр. 30.

социалистического? Ведь вряд ли автор сколько-нибудь сочувственно относится к своеобразным теориям „стихийного социализма“, появившимся за последнее время [1].

Таким образом, следует признать неудачу этой попытки устройства имении „и на Петра и на Онуфрия“.

Разбор методологической ошибки т. Преображенского, впервые поставившего в нынешний период вопрос о методе изучения переходной экономики, дает нам основание сформулировать общую характеристику закономерностей переходного хозяйства. Основная особенность переходной экономики, представляющая главнейшую трудность при ее изучении, заключается не в том, что в едином хозяйственном организме протекает борьба между двумя законами, более или менее одинакового логического стиля и конструкции. Напротив, переходное хозяйство характеризуется как раз тем, что в нем происходит непрерывная борьба между двумя совершенно различными и противоположными формами проявления экономической закономерности: между ее стихийной, гетерогенной, характерной для неорганизованного хозяйства формой проявления — и сознательной, автогенной формой, характеризующей организованное, единое общество-хозяйство. Не два экономических закона (понимаемых так, как марксизм понимает законы экономики, т.-е. как стихийные, господствующие над обществом и независимые от него силы) вступают в единоборство на поле переходного хозяйства; напротив, происходит борьба за ликвидацию и уничтожение всяких экономических законов, т.-е. господствующих над обществом продуктов его собственного исторического развития, за замену этих „законов“ осознанными и опосредствованными общественным человеком закономерностями организованного хозяйства.

3.

Возникает вопрос, какое значение имеет эта методологическая ошибка для всего теоретического здания автора, какую роль она играет во всей его концепции. Имеем ли мы здесь дело со случайной обмолвкой, неудачной формулировкой и т. п. или дело касается основных исходных моментов всего анализа. Мы склонны думать, что речь идет именно о послед-

---

[1] См., например, В. Сарабьянов. „Основные проблемы нэпа“. Москва, 1926 г.

нем. Возражая своим оппонентам и критикам, т. Преображенский как-то отмечает, что всякая серьезная попытка критики его теоретический концепции должна избирать своим объектом не отдельные, быть-может уязвимые частности, а напротив, основные моменты его концепции в целом. Нам представляется, что рассмотренный здесь вопрос, который на первый взгляд мог бы показаться лишь теоретической деталью и тонкостью, на деле является коренным пунктом всей теоретической конструкции автора.

Борьба двух законов одинакового логического склада, подлежащих, таким образом, изучению при помощи одинаковых методов теоретико-экономического исследования — вот альфа и омега всей концепции, о которой идет речь. Отсюда логически следует абстрагирование от экономической политики, отсюда — признание [1] наличия двух борющихся меж собою регуляторов одинакового склада, отсюда—признание существования некой нормы накопления, определяемой исключительно экономическими, теоретически-познавательными законами.

Напротив, многочисленные, вполне правильные замечания, которые содержатся в работе т. Преображенского и придают ей известную ценность, идут вразрез с этой исходной методологической основой всей концепции. Таков во многих пунктах анализ перерождения закона ценности, где автор справедливо показывает, каким образом действие последнего атрофируется под влиянием напора планового, сознательного начала. Если автор и в этих случаях выводит плановое начало иной раз под псевдонимом „закона первоначального социалистического накопления“, то это не более как фразеологическая дань его основной концепции.

Основное содержание переходной экономики, характер свойственных ей хозяйственных процессов предопределяют с самого начала то колоссальное значение, которое имеет для этой системы экономическая политика. В самом деле. Мы видели выше, что основной чертой переходного хозяйства является борьба двух начал: капитализма и социализма, стихийности и плановости, одним словом, иррационального и рационального начала в хозяйственной жизни общества. Если воплощением

---

[1] Возражения, бьющие исключительно против этого пункта, не достигают цели. См. ниже примечание по этому поводу, глава 5, § 3.

одного из тех начал — иррационального, стихийного, товарно-капиталистического—является безличный рынок—всесильный самодержец прежней общественной формации, то что же служит центром, аккумулирующим вокруг себя начала прозрачных рациональных хозяйственных отношений, характеризующих рождающийся в борьбе социалистический порядок.— На наш взгляд, ответ на этот вопрос может быть только один. Если рынок и рыночная стихия являются одним из полюсов переходной экономики, притом полюсом, обращенным лицом к старому, то противоположным полюсом, обращенным к грядущему хозяйственному строю, являются сознательная преобразовательная деятельность пролетариата, ставшего у власти, иными словами — экономическая политика пролетарской диктатуры. Это положение не возбуждало сомнений среди представителей революционного марксизма еще задолго до русской революции. Вот что мы находим, например, в набросках Р. Люксембург, посвященных переходу от капитализма к социализму:

„Так как переход от капитализма к социализму основан на том, что должно наступить господство плана, сознательность и притом в масштабе мирового хозяйства, то этот переход может иметь место лишь при помощи сознательного политического действия рабочего класса. Он должен захватить в свои руки государственную власть для того, чтобы иметь предпосылку для овладения средствами производства.

Отсюда о „вростании“ не может быть и речи [1].

Полемика против ревизионистской теории „вростания в социализм без всякой революции, без классовой борьбы за власть, дает повод Р. Люксембург достаточно отчетливо поставить вопрос о роли в переходном хозяйстве „сознательного политического действия рабочего класса“, захватившего в свои руки государственную власть. Совершенно ясно, что это „сознательное политическое действие“ осуществляется в форме экономической политики пролетарской диктатуры. Таким образом, принципиальное расхождение между революционным марксизмом и ревизионистской теорией мирного „вростания“ в со-

[1] См. Р. Люксембург. Введение в политическую экономию. Гиз, М., стр. 356 — 357.

циализм заключается между прочим и в том, что ревизионизм представляет собою развитие социалистических отношений в хозяйстве в виде процесса, происходящего самопроизвольно, механически, автоматически, без участия сознательного вмешательства рабочего класса, организованного в государственную власть; напротив, революционная марксистская теория всегда считала, что социалистическое преобразование хозяйственных отношений является делом сознательного воздействия на экономику со стороны пролетариата, завоевавшего политическую власть. Более подробно мы уже останавливались на этих разногласиях, несколько в иной связи, в предыдущей главе.

При научном анализе товарно-капиталистического хозяйства мы абстрагируем от экономической политики, проводящейся государственной властью. Можем ли мы, „по аналогии", поступать таким же образом при научном исследовании хозяйства переходного типа.

По этому поводу не может быть двух мнений, и вот почему. Ведь, теоретический анализ товарно-капиталистического хозяйства имеет дело со стихийными законами рынка; экономическая политика государства может в „лучшем случае", видоизменить их действия, их способ проявления, модифицировать в частностях их форму и т. п. В своей *основе* стихийные работы товарно-капиталистического хозяйства независимы от экономической политики буржуазного государства, и для *раскрытия* этой основы не только можно, но и должно абстрагировать от этой экономической политики, оставить ее в стороне.

Совершенно иная картина, как мы уже видели выше, получается в хозяйстве переходного типа. Из борющихся в этом хозяйстве тенденций, составляющих основной предмет анализа переходной экономики, лишь одна носит стихийно-рыночную печать на своем челе, в то время как другая тенденция, являющаяся как раз провозвестником новой хозяйственной формы, имеет, например, характер *сознательного* воздействия на хозяйственную жизнь. И основное содержание переходного хозяйства сводится к борьбе между этими двумя тенденциями, к усилению и росту второй тенденции за счет отступления и отмирания первой. Но если речь идет о тенденции сознательного характера, то первый же возникающий при этом вопрос не может не касаться *носителя*, субъекта

этой тенденции. Если стихийная иррациональная тенденция осуществляется в форме равнодействующей бесчисленной массы действия единичных хозяйствующих субъектов, то сознательная, рациональная тенденция может иметь место лишь при условии наличия достаточно мощного субъекта, выступающего в хозяйственной жизни носителем этой тенденции. Рациональная тенденция в переходной экономике находит свою базу в обобществленных элементах народно-хозяйственного организма, а своего носителя—в лице пролетарской диктатуры, сознательно и рационально управляющей этим обобществленным сектором народного хозяйства; а ту систему мер пролетарского государства, которая касается области хозяйственных отношений, мы называем обычно экономической политикой пролетариата[1].

Экономическая политика пролетариата, ставящего своей целью социалистическое переустройство общественного хозяйства, протекает в определенных объективных рамках. Помимо цели, которую ставит перед собой субъект этой экономической политики, весь ее ход, все ее конкретные мероприятия определяются прежде всего теми экономическими условиями и хозяйственными особенностями, на почве которых эта политика осуществляется в данной стране.

Экономическая необходимость определяет собой характер экономической политики пролетарской диктатуры как генетически, так и функционально. Генетически—в том отношении, что само возникновение пролетарской диктатуры и проводимой ею экономической политики обязано тому конфликту между развитием производственных сил и общественной оболочкой производственных отношений, который приводит к социальной революции. Функционально—в том смысле, что после своего возникновения экономическая политика пролетариата по своему социально-историческому значению представляет собой осуществление экономиче-

[1] „В чем выражается рост рационального начала над иррациональным?—В росте плановости. Что же является базисом этой плановости? Ответ тоже очевиден: рост гос.-соц. элементов хозяйства, рост их влияния и рост их удельного веса. В чем, наконец, находит свое выражение этот процесс с точки зрения особых свойств закономерностей переходного периода? В том, что стихийные регуляторы сменяются сознательными, т.-е. экономической политикой пролетарского государства" (Н. Бухарин, статья в „Правде" № 148 за 1926 г.).

ской необходимости, преломляющееся через призму сознательной воли, сознательного поведения пролетарской диктатуры.

Но и в более узком смысле экономическая политика в значительной мере детерминируется экономической необходимостью и связанными с последней соображениями. Экономическая необходимость—это по сути дела не что иное, как выражение власти внешней природы над человеческим обществом в процессе его материального производства. В стихийно-организованном товарно-капиталистическом хозяйстве эта власть внешней природы прокладывает себе путь сквозь бесчисленные индивидуально-хозяйственные действия, сплошь и рядом противоположные по своему характеру, направлению, цели. В результате бессознательного столкновения бесчисленного множества индивидуально-хозяйственных актов получается известная р а в н о д е й с т в у ю щ а я, более или менее с о о т в е т с т в у ю щ а я экономической необходимости.

Поскольку в переходном хозяйстве сохраняет свое значение стихийный элемент, постольку бессознательное проявление экономической необходимости и тут имеет место. Но по мере того, как стихийное регулирование народно-хозяйственных процессов оттесняется на задний план и уступает место сознательному воздействию и управлению народным хозяйством, экономическая необходимость находит свое осуществление все в большей мере ч е р е з п о с р е д с т в о э к о н о м и ч е с к о й п о л и т и к и пролетарской диктатуры.

Марксистский метод не разделяет причинности и телеологии в социальной жизни какой-либо китайской стеной. С нашей точки зрения, действия и явления телеологического характера отнюдь не являются в какой-либо мере индетерминированными, исключенными из общей цепи причинной зависимости. Сознательно-телеологические мероприятия нашей экономической политики не в меньшей степени являются причинно-обусловленными, чем любые архи-стихийные процессы. Различие здесь проходит не по линии причинной обусловленности или полного освобождения от последней. Различие здесь проходит по линии сознательного или бессознательного характера социальных явлений того или иного рода. Поэтому мы не можем согласиться, например, с такого рода формулировкой „вопроса о взаимоотношениях объективных и целевых моментов“ в современной советской экономике: „В том хозяйстве переходного периода, в котором мы находимся в настоящее время, объектив-

ные законы, законы исторического детерминизма еще господствуют“ [1]. Здесь совершенно верная по сути дела мысль, к которой мы еще вернемся в несколько другой связи, выражена в совершенной немарксистской форме. Марксизм считает, что „законы исторического детерминизма“ будут господствовать не только в хозяйстве переходного типа, но и во вполне организованном общественном хозяйстве, в хозяйстве развернутого социализма. Мысль об освобождении от власти исторического детерминизма является совершенно немарксистской идеей. Зато совершенно неправильно поставить знак равенства между „законами исторического детерминизма“ и „объективными законами“ в том смысле, в каком этот последний термин употребляется в данной связи, т.-е. в смысле законов, действующих в общественном организме наподобие сил природы, законов, познаваемых лишь апостериори, законов, осуществляющихся не через сознание общественного человека, а помимо него. „Законы исторического детерминизма“ вовсе не всегда останутся „объективными законами“ в этом последнем смысле. Не прекращая своего действия и при полнейшем осуществлении социализма, законы причинности, будучи познаны и освоены сознательной общественной организацией, перестанут быть для нее „объективными законами“ в вышеразъясненном смысле, напротив, они будут осуществляться через посредство общественного сознания, в форме сознательно-телеологических действий общественного человека.

Представляя собой сознательный телеологический процесс, экономическая политика, однако, никоим образом не может быть приравнена к простому хозяйственному управлению, хотя бы и огромным народно - хозяйственным целым.

Функциями управления, повидимому, будет исчерпываться роль и значение сознательного руководящего хозяйственного органа в законченном социалистическом хозяйстве, предполагающем единое бесклассовое общество. Что же касается экономической политики, представляющей форму сознательной социально-хозяйственной деятельности в переходной экономике, то следует помнить, что это есть политика, что она имеет место в обществе с определенной классовой структурой.

[1] См. „Проблемы планирования“, Москва, 1926 г., стр. 218.

Вопрос о классовой борьбе и ее формах в эпоху диктатуры пролетариата исчерпывающе освещен Лениным. Приведем довольно подробные цитаты из его работы, специально посвященной этому вопросу, написанной в 1919 г., но сохранившей все свое значение до настоящего времени.

„Классы остались и останутся в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы“[1].

Разумеется, меняется соотношение классовых сил, меняется положение отдельных классов, меняется их взаимоотношение между собой. Господствующим классом становится пролетариат. Враждебный класс, буржуазия, поскольку она ведет борьбу за свержение пролетарской власти, подавляется всеми беспощадными мерами, находящимися в распоряжении диктатуры.

„Крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение... По отношению к этому классу — или к этим общественным элементам — задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собою колеблющихся, неустойчивых — вот что должен делать пролетариат“.

„Пролетариат, свергнувший буржуазию, делает этим самый решительный шаг к уничтожению классов... Для довершения этого пролетариат должен продолжать свою классовую борьбу, используя аппарат государственной власти и применяя различные приемы борьбы, влияния, воздействия по отношению к свергнутой буржуазии и по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии“[2].

После перехода к новой экономической политике, Ленин постоянно возвращался к вопросу о политической обстановке, политических условиях и задачах, с которыми связана экономическая деятельность и хозяйственное строительство пролетарской диктатуры. Ему при этом не приходилось отказываться от вышеприведенных формулировок, относящихся к 1919 г.; эти положения лишь подверглись дальнейшему уточнению

---

[1] Собр. соч. т. XVI, стр. 353—354.
[2] Там же, стр. 354—356.

и подробной разработке в связи с изменившимися условиями внешнего и внутреннего положения Советской Республики.

Союз пролетариата с крестьянством — основное условие советской власти, ее сохранения и укрепления в мелко-крестьянской стране. В этом союзе руководящая роль принадлежит пролетариату, который всю свою политику строит таким образом, чтобы сомкнуться со всей массой мелкого и мельчайшего крестьянства. Этот союз допускает на известных условиях существование и деятельность новой буржуазии, по отношению к которой нашей задачей является ее вытеснение по мере того, как социалистические элементы хозяйства оказываются в состоянии перенять ее экономические функции. Таковы основные положения, ставшие в настоящее время совершенно бесспорными[1].

Нам нечего говорить о том, как сильно политические задачи и политические условия существования советской власти накладывают печать на направление ее экономической политики. Через политические условия экономическую политику пролетарской диктатуры детерминирует историческая необходимость, нашедшая себе выражение в данном соотношении классовых сил как внутри страны, так и в международном масштабе.

Естественно возникает вопрос, нельзя ли при теоретическом анализе отделить основную линию пролетарской экономической политики, направленную к социалистическому переустройству хозяйственных отношений, от тех, сравнительно второстепенных, ее извилин, причина которых коренится в непосредственно-политических задачах каждого дня. Само собою разумеется, что произвести такое отделение не только можно, но и должно. Абстрагируя от „конъюнктурных“ политических обстоятельств, налагающих неизбежно свою печать на каждодневную физиономию экономической политики пролетариата, мы получим известную нормаль, которая, конечно, будет служить несравненно более надежной основой для всякого рода обобщений, чем экономическая политика во всей ее многоликой конкретности. Однако, чтобы эта нормаль не потеряла для нас научно-познавательного значения, следует иметь в виду очень важное обстоятельство. Эта нормаль

---

[1] См. Н. Бухарин. „Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз“, Гиз, М. 1925 г., в особенности гл. III и XI.

должна включить в себе все действительные предпосылки длительного характера и значения, определяющие собою хозяйственную политику пролетариата. Таким образом, „очистить“ эту нормаль допустимо лишь от политических явлений временного, чисто переходящего значения. Если же попытаться отвлечься также и от моментов, определяющих собою экономическую политику в более общем разрезе, то полученная таким способом „тощая абстракция“ оказалась бы лишенной какой-либо познавательной ценности.

4.

Обратимся теперь к процессу трансформации хозяйственных тканей в его общей характеристике. Поскольку речь будет итти о товарно-капиталистических формах хозяйственных отношений, представляется далеко не лишним попытаться внести некоторую ясность в обычное у нас словоупотребление, ведущее зачастую к серьезнейшим недоразумениям, вследствие обозначения одним термином — в данном случае „форма“ — весьма разнородных понятий.

На наш взгляд, в марксовой теоретико-экономической системе можно различить **два оттенка**, придаваемых понятию „формы“, когда речь идет о производственных отношениях, с одной стороны, и о выражающих эти производственные отношения экономических категориях — с другой.

Применительно к первым, т.-е. к **производственным отношениям**, Маркс обычно применяет противопоставление **формы и содержания**. **Производственный процесс** в обществе, если взять явление в разрезе исторической статики, или развитие производственных сил, если рассматривать его под углом зрения исторической динамики, — это **содержание** социальной жизни, как процесса активного приспособления человека к природе. Развитие производительных сил, процесс производства в истории человеческого общества облекается в определенную **социальную форму**. Эта форма — система общественно-производственных отношений, определенным образом организующих общество в его борьбе с природой. Совокупность производственных отношений людей внутри общества, иными словами, **экономическая структура** общества — такова **форма**, в рамках которой протекает повседневный производственный процесс и происходит историческое развитие производительных сил

общества. Как известно, „в последнем счете,“ — по выражению Энгельса, употребленному в аналогичной связи,— движущим моментом является именно развитие производительных сил, т.-е. развитие основного содержания процесса социальной жизни. Развитие производительных сил, количественные изменения, накапливающиеся в этой области, приводят к качественным метаморфозам, к качественным изменениям и революциям в области формы, в области экономической структуры общества. Однако, если только не впадать в механистическое представление о динамике социальной жизни, необходимо помнить, что и форма, в свою очередь, оказывает определенное обратное действие на процесс развития производительных сил, протекающий на данном историческом участке в ее рамках. Активная, „ведущая“ миссия производственного процесса по отношению к его общественной форме выступает лишь как окончательный результат сложного взаимодействия.

Применительно ко вторым, т.-е. к категориям теоретической экономии, являющимся отображением людских отношений производства в товарно-капиталистическом обществе, Маркс обычно противоставляет „форму“ или „форму проявления“, и „сущность вещей“. Часто цитируется высказанное Марксом положение: если бы форма проявления и сущность вещей совпадали, — наука была бы излишней. Совершенно ясно, что речь здесь идет о теоретической науке, о теоретическом анализе, которому мы подвергаем экономическую структуру капитализма. В этой структуре, как известно, имеет место несовпадение формы проявления и сущности вещей. В этой системе форма проявления маскирует, скрывает истинную сущность вещей. Отсюда необходимость специального теоретического анализа экономической структуры товарно-капиталистического общества, в то время как этот теоретический анализ оказывается излишним для тех типов общественных отношений, где форма проявления не скрывает сущность отношений, а, напротив, целиком совпадает с ней. Такое совпадение мы имеем в планомерно-организованном безобменном хозяйстве; безразлично, будет ли это социалистическое человеческое общество мира или отдельная самодовлеющая крестьянская семья.

Представляется вполне естественным, что те секторы народно-хозяйственных отношений, где еще господствуют отношения товарного или капиталистического типа, сохраняют и

в переходной экономике товарно-капиталистические категории: для названных секторов эти категории являются естественно-присущей им формой проявления производственных отношений. Не так ясен вопрос относительно социалистического сектора: почему в нем в значительной мере сохранена товарно-капиталистическая форма проявления, абсолютно чуждая тем производственным отношениям, которые в данном случае лежат в ее основе.

Нам представляется, что сохранение товарно-рыночной формы проявления производственных отношений в социалистическом секторе народного хозяйства обусловливается обстоятельствами и причинами двух родов.

1. Прежде всего социалистический сектор существует в переходном хозяйстве именно как сектор, т.-е. в окружении хозяйственных элементов досоциалистического типа. С этими элементами социалистический сектор должен установить определенные отношения, стремясь к уничтожению одних из них, к перерождению других. Подобно тому как на войне вооруженные силы одной стороны лишь в том случае могут бороться против своего противника, если им удалось установить какую-либо линию соприкосновения с ним, точно так же социалистический сектор хозяйства должен иметь линию соприкосновения со своими несоциалистическими контрагентами в общей системе переходной экономики, если мы предполагаем какую-либо форму воздействия первого на последние. Конкретнее говоря, поскольку социалистический сектор включается в одну общую народно-хозяйственную систему с элементами досоциалистических формаций, он должен принять „защитный цвет“, свойственный этому полю борьбы, или, если угодно, надеть костюм, принятый в этом обществе. А хозяйственные секторы досоциалистического типа знают лишь один язык, язык рынка; употребительнейшими же словами и понятиями этого языка являются товарно-капиталистические категории. Это положение без дальнейших слов очевидно в отношении таких категорий товарно-рыночного порядка, которые по самой своей природе могут существовать лишь при условии их значимости для всего народно-хозяйственного целого; сюда относятся, прежде всего, деньги, цены. Нетрудно, однако, убедиться, что и другие категории, как, например, заработная плата, могут также существовать в сколько-нибудь нормальной форме лишь в том случае, если

они „признаны“, хотя бы формально, на всем протяжении народного хозяйства.

Любопытно отметить, что эта необходимость сохранения на первых порах товарно-рыночной формы проявления при фактическом переходе к принципиально иной системе производственных отношений в одном из секторов народно-хозяйственного целого была отчетливо понята германской комиссией по социализации, выработавшей в начале 1919 г. проект социализации каменно-угольной промышленности. В своем докладе по этому поводу от 15 февраля 1919 г. она, между прочим, отмечает следующее:

„Пока частная собственность в остальных или в большинстве отраслей хозяйства сохраняется, право «Германского Угольного Объединения» на недра земли и на предприятия к.-уг. пром. может быть конструировано лишь как собственность. Лишь таким образом оно может выполнять свои задачи и обладать работоспособностью в окружении — длительном или лишь временном — остального капиталистического мира. Но эта собственность «Г. У. О». мыслится лишь в формально-юридическом смысле. Материальное положение частного собственника и в связи с этим возможность эксплуатировать рабочих или потребителей здесь не будет иметь места... Намеченная в дальнейшем организация... фактически означает такой же разрыв с системой частной собственности в каменно-угольной промышленности, как и принципиальный разрыв с системой заработной платы, так как не капиталистическая прибыль здесь является целью производства, хотя правовая форма (Rechtsform) заработной платы и должна временно сохраниться“ [1].

Заметим в скобках, что этот вполне здравый взгляд на необходимость сохранения товарно-рыночной формы проявления при социализации определенных секторов народного хозяйства, разделявшийся в то время всеми виднейшими теоретиками германской социал-демократии, нисколько не помешал этим последним поднять невообразимый шум после нашего

[1] См. Vorläufiger Bericht der Sozialisterungs Kommission über die Frage der Sozialisterung des Kohlenbergbaues vom 15 Februar 1919, S. 10—11.

перехода к нэпу, который был объявлен ими возвратом к капитализму, единственно на том основании, что им бросились в глаза восстановленные категории рынка и товарного хозяйства.

2. Если, таким образом, существование „капиталистического окружения“, являющееся одной из причин необходимости сохранения товарно-рыночной оболочки в социализированной части народного хозяйства, является обстоятельством внешнего порядка для соц. сектора, то другие причины сохранения старых одежд коренятся непосредственно внутри этого сектора. Дело в том, что и в крупном хозяйстве, которое после политической революции пролетариата становится базисом социализированного участка народного хозяйства, капитализм отнюдь не ставит своей целью подготовить все необходимое для немедленного введения полного социализма. Даже на этом сравнительно не столь широком участке хозяйственной жизни задача трансформации производственных отношений отнюдь не сводится к „срыванию полотна с изваяния, вчерне уже готового“. Можно было бы формулировать положение вещей следующим образом: даже на этом ограниченном участке народно-хозяйственного целого, предпосылки социализма даны полностью, лишь поскольку идет речь о материальном основании, о производственном базисе хозяйства; что же касается производственных отношений людей, то здесь необходима дальнейшая работа над людским материалом, организованными навыками, производственной психологией, хозяйственными методами старой эпохи, чтобы из всего этого создать законченный новый тип производственных отношений социализма.

Выяснение трудности в этом отношении расположено по двум линиям: 1) целесообразная хозяйственная организация и 2) стимулы хозяйственной деятельности. Можно сказать, что старые категории рыночного хозяйства играют в обобществленном хозяйстве своеобразную роль костылей, при помощи которых делаются первые шаги по пути к неизведанным еще формам хозяйственных отношений людей.

Что касается целесообразной хозяйственной организации, то здесь при первых шагах социалистического способа производства костыли товарно-ценностных категорий гораздо более необходимы, чем предполагало большинство социалистов в прежнее время. В одной из предыдущих глав мы видели,

как буржуазные противники социализма утверждают, что осуществление экономического принципа предполагает непременное наличие ценностного счета и ценностных категорий в народном хозяйстве. Разумеется, такая точка зрения может лишь свидетельствовать об идейной ограниченности буржуазных теоретиков, вплоть до наиболее вдумчивых из них.

Все же зерно истины, которое заключается в их критике ходячих представлений об осуществлении социализма, заключается в том, что, действительно, в вопросе о форме проявления и форме действия хозяйственного принципа в переходную эпоху заключается проблема, и этой проблемы часто не замечали в прежнее время. В одном случае, в лице своего наиболее видного представителя буржуазная критика социализма даже подходит довольно близко к тому решению этой проблемы, которое в частности подтверждается опытом нашего хозяйственного строительства; разумеется, лишь подходит, с тем, чтобы тотчас же отойти. Речь идет о следующем соображении, высказываемом Максом Вебером:

> „Проблема, которая... в условиях денежного счета решающим образом определяет прибыльность и этим путем обусловливает направление, в котором ведется производство на предприятиях, вообще принципиально разрешима для натурального хозяйства, лишь прибегая либо к традиции, либо к диктаторской власти, которая единообразно регулирует потребление“ и т. п. [1].

Здесь совершенно справедливо отмечается роль традиции, т.-е. установившихся норм прежнего ценностного уклада хозяйства при первых шагах хозяйства, организованного, рационализованного, стремящегося к дефетишизации и, в конечном счете, к полной натурализации хозяйственных явлений.

Опыт советской экономики показывает, что использование традиций, т.-е. старых форм счета, учета, контроля и критериев хозяйственности, свойственных товарно-ценностной системе, на первых ступенях переходного хозяйства играет чрезвычайно важную роль [2]. Этот опыт также обнаруживает,

---

[1] Max Weber. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Sozialoekonomie, III, S. 56 (последняя разрядка наша).

[2] Разумеется, не следует представлять себе эту роль совершенно не критически в виде полного сохранения в силе всех категорий капитализма без малейшего ущерба и изменения. Вот типичный пример

что вообще проблема хозяйственности, проблема экономичности, проблема осуществления хозяйственного принципа после ликвидации старых капиталистических отношений встает во весь рост. Все наши кампании по проведению режима экономии, по повышению производительности труда, по борьбе с накладными расходами и т. д. в различных формах и с различных концов подходят к одному и тому же вопросу о способах целесообразного ведения хозяйства, после ликвидации того подстегивающего влияния, которое оказывают на агента капиталистического производства столь могучие повелители, как закон ценности, беспощадная конкуренция, стремление к прибыли и т. п.

Здесь мы подходим ко второй стороне проблемы, к вопросу о стимулах хозяйственной деятельности. Этот вопрос встает не только по отношению к частно-хозяйственному, в особенности—к мелко-товарному сектору народного хозяйства. В иной форме, но с неменьшей серьезностью эта проблема стоит и по отношению к сектору социализированному. Как мы увидим в дальнейшем, при анализе отношений распределения, этот вопрос с замечательной четкостью ставился Марксом в его критике утопических требований насчет „полного продукта труда" и пр.

Основное содержание проблемы прекрасно сформулировано т. Преображенским в одной из статей:

> „Тот момент, — говорится в этой статье, — когда большинство рабочих при социалистическом режиме поднимется от индивидуальных стимулов труда к коллективным, будет иметь в деле борьбы за коммунизм не меньше значения, чем, быть-может, социализация орудий производства".

И далее задача приспособления социалистических отношений к далеко еще не изжитым индивидуалистическим стимулам работников формулировано следующим образом:

подробной, довольно широко распространенной точки зрения: „Как обстоит дело с проверкой экономической рациональности производства у нас? Можно категорически утверждать, что в нашем государственном хозяйстве, при данной его организации, нет иного масштаба, кроме нормы прибыли, поскольку мы не можем осуществить сейчас непосредственного измерения стоимости товара" (см. И. Дашковский. „Рынок и цена в современном хозяйстве". Изд. „Пролетарий", 1925 г., стр. 204).

„Здесь должен существовать целый ряд постепенных переходов, которые дадут такие же незаконченные, несовершенные, логически не доведенные до конца формы вознаграждения и стимулирования, как не закончен сам социализм. Социализм вынужден начать с того, чем кончает капитализм: с индивидуальной оплаты труда рабочих плюс кое-где участие в прибылях предприятия, т.-е. в данном случае премирования за перевыработку“ [1].

Если даже сравнение на счет социализации орудий производства признать значительным преувеличением, не более как литературным образом, то все же колоссальное значение коллективистического перерождения нынешних индивидуалистических стимулов здесь отмечено совершенно справедливо. А „ряд постепенных переходов“ в этой области предполагает в качестве предпосылки, прежде всего, сохранение на первых порах старой товарной формы отношений при изменившемся их содержании.

В течение первого периода новой экономической политики обычно считалось, что сущность, основная идея и коренное отличие нэпа заключается в допущении частных товарных и капиталистических элементов в область хозяйства, которая раньше была (по меньшей мере оффициально-юридически) прерогативой и монополией государственной, обобществленной формы. Ныне не подлежит никакому сомнению, что подобное толкование слишком узко. Сущность нэпа заключается не только в допущении частного хозяйства на-ряду с государственным, но также в коренной реорганизации самого государственного хозяйства, по сравнению с предыдущей формой его организации. Обобществленное хозяйство, пользующееся товарно-ценностной формой, использующее методы рынка— вот второй коренной признак нэпа, как хозяйственной системы. И если бы поставить вопрос, что было важнее в 1921 г. легальное допущение частного хозяйства или реорганизация системы обобществленной экономики, то ответ мог бы быть только один: обе задачи были одинаково настоятельны. Если допущение частного хозяйства диктовалось соображе-

---

[1] См. статью т. Е. А. Преображенского: „Экономическая политика пролетариата в крестьянской стране“,—„Коммунистический Интернационал“, № 23, 1923 г.

ниями соблюдения пропорции (напомним слова Ленина о закрытии $^{1}/_{2}$—$^{4}/_{5}$ предприятий с тем, чтобы остальные можно было пустить по-настоящему), то переход обобществленных предприятий на так называемый „хозяйственный расчет" диктовался не менее настоятельной потребностью экономически-целесообразного ведения хозяйства.

В применении к современному советскому хозяйству чрезвычайно часто повторяются два утверждения: 1) что в советской экономике на-лицо значительное разнообразие хозяйственных форм и 2) что крупнейший сектор этого хозяйства, являясь в основе социалистическим, по существу выступает во многих отношениях под формой, под внешним видом товарно-капиталистического хозяйства. „Капиталистические категории еще и посейчас не снимают с себя своей собственной шкуры. Здесь не только формальная сторона. Здесь есть две стороны: одна, формальная, по отношению к одному роду явлений, и не формальная, по отношению к другому роду, и они сцеплены между собою по-различному. Так что тут получается колоссальнейший переплет... Если рабочий работает в предприятии государственном или рабочий работает в частном, мы говорим: прибыль там и тут. У нас язык не выработан и это создает громаднейшие трудности, и практические, и теоретические" [1].

Нам представляется, что следует четко различить две стороны, когда говорят о существовании категорий капиталистического хозяйства в наших условиях. С одной стороны, здесь имеют в виду товарно-капиталистические категории, как выражение тех производственных отношений, которые господствуют в несоциалистической части нашего народного хозяйства. Тут мы имеем дело с товарно-капиталистической формой, как определенной формой экономической структуры, сохранившейся по сию пору. Господство товарно-капиталистических отношений здесь имеет место в реальной действительности; этим отношениям сопутствует адэкватная форма проявления. С другой стороны, в социалистической части народного хозяйства СССР мы видим существование товарно-капиталистических категорий, как формы проявления иных, новых, социалистических в основе

[1] Из речи т. Бухарина по докладу т. Степанова, см. „Вестник Комм. Академии", № 11, стр. 297—298.

отношений производства. Здесь в основе, в качестве реального основания товарно-капиталистических внешних категорий, лежат производственные отношения иной экономической структуры, а именно социалистической. Рыночная категория заработной платы при капитализме маскирует, извращает и фетишизирует производственные отношения между рабочими и капиталистом. В переходном хозяйстве эта фетишистическая категория остается в качестве формы проявления совершенно иного, социалистического производственного отношения между отдельными рабочими и пролетарской диктатурой. Далее, в товарно-капиталистическом обществе категория цены служит внешней формой трудовой связи отдельных автономных хозяйств в стихийно-организованном бессубъектном обществе. В наших же условиях категория цены, поскольку речь идет об „обмене“ внутри социалистической части хозяйства, находящегося в руках государства, служит формой проявления производственной связи формально-раздробленного, а по существу единого хозяйства, имеющего своим субъектом пролетарское государство.

Итак, когда речь идет о рыночной, товарно-капиталистической форме производственных отношений в переходном хозяйстве, следует четко различать две принципиально-различные вещи: 1) случай, когда товарно-капиталистические отношения еще являются формой призводственного процесса в значительных областях народного хозяйства, и 2) случай, когда товарно-капиталистические категории служат формой проявления социалистических отношений, облекающих общественный производственный процесс в остальной доле народно-хозяйственного организма. Понятно, что перспективы и пути развития для товарно-капиталистической формы отношений в обоих этих случаях не только не одинаковы, но в известном смысле противоположны. По отношению к первой стороне дела, по отношению к сохранившимся областям реального господства товарно-капиталистических отношений производства задача социалистической трансформации переходной экономики заключается в постепенном вытеснении, отчасти путем поглощения и переработки, отчасти путем борьбы и уничтожения этих остатков (хотя и очень значительных) прежней экономической структуры; постепенная трансформация этих отношений будет заполнять собой период экономического врастания

в социализм и составлять основное содержание этого периода.

Как мы уже отмечали выше, экономическая эволюция в этой своей части неразрывно связана с классовой борьбой, которая, правда, принимает весьма своеобразные очертания в условиях пролетарской диктатуры: формы классового сотрудничества с одними социальными слоями (блок с основными массами крестьянства), классовой борьбы против других социальных сил (против капиталистических тенденций и их носителей как в городе, так и в деревне).

Что же касается до той стороны дела, где мы имеем лишь внешнюю оболочку товарно-капиталистических категорий, приковывающих социалистическое содержание экономической структуры, то здесь задача сводится лишь к окончательной дефетишизации и натурализации отношений, к уничтожению обманчивой оболочки сознательных и ясных отношений производства.

В каком взаимоотношении и взаимодействии находятся эти два процесса ликвидации товарно-капиталистической формы производственной структуры? Совершенно ясно, что наибольшие трудности, связанные с экономическим перерождением целых огромных частей хозяйственного организма, с классовыми интересами и социальной борьбой, представляет процесс первого рода. Но было бы большой ошибкой предполагать, что формальная дефетишизация, составляющая содержание второго процесса, может быть легко проведена независимо от первого. Мы уже указывали выше, что система товарно-капиталистических отношений находит свое выражение в *цельной* и стройной системе экономических категорий, в которую социалистическая часть народного хозяйства должна включиться, чтобы получить линию соприкосновения с товарно-капиталистической частью и иметь возможность оказывать на последнюю свое воздействие. Если бы в народном хозяйстве существовали рядом товарно-капиталистическая часть и дефетишизированная, натурально-организованная социалистическая, мы не имели бы *единого* народно-хозяйственного организма, а имели бы скорее подобие смеси масла и воды. Механическая смесь заняла бы место химического соединения, ибо социалистическое хозяйство обладает *химическим сродством* с товарно-капиталистической структурой лишь в том случае и при том условии, когда оно принимает фетишисти-

ческую, стихийно-рыночную, ценностную (валористическую) форму производственных отношений.

Отсюда ясно, что конечный пункт этих обоих процессов, абстрактно рассуждая, должен в общем совпасть. Товарно-ценностная форма трудовых отношений людей должна в той или иной форме дожить до того периода, когда необходимость спайки социалистической системы с товарно-капиталистической частью хозяйства отпадет за полным перерождением последней. Но совпадение конечных пунктов не означает непременного совпадения обоих процессов по всей линии. Напротив, повидимому, каждый из этих процессов будет развиваться своим путем, вполне оригинальным. Так, уже в настоящее время в отношении целого ряда фетишистических категорий, облекающих социалистическую часть общественно-производственного процесса, можно заметить вполне своеобразные явления: сюда относится, например, вопрос о товарности в государственной промышленности, о кредитных отношениях и т. п.

Фетишистический характер товаров, передвигающихся внутри обобществленного сектора хозяйства, постепенно выветривается по мере упрочения и „стабилизации“ отношений между отдельными хозяйственными единицами, составными частями этого сектора. Фетишистический характер категорий заработной платы постепенно линяет, по мере роста сознательного отношения рабочих масс к своему участию в социализированном производстве.

Этот процесс выцветания товарного фетишизма крайне противоречив даже в пределах обобществленного сектора хозяйства. Прежде всего, этот процесс задерживается и частенько превращается в свою противоположность, вследствие неудач, ошибок и поражений в деле социалистического хозяйственного строительства. Колебание курса червонца, падение реальной заработной платы, нездоровая конкуренция между отдельными агентами обобществленного хозяйства, скачкообразное движение цен, заминки в сбыте и вызываемое ими финансовое напряжение — все явления подобного рода являются естественной почвой, на которой временное усиление и расцвет господства и власти товарного фетишизма имеет место даже в пределах социалистического сектора.

Эволюция формы товарного фетишизма обнаруживает свою диалектическую природу наиболее ярко в следующем отно-

шении. На-ряду с процессом выветривания фетишизма в массиве обобществленного хозяйства идет параллельный процесс распространения фетишизма в рамках необобществленного сектора. Это распространение идет в форме размывания натурально-хозяйственного уклада первобытного, патриархального хозяйства, за счет сокращения натуральных элементов в обширном море крестьянских хозяйств,—за счет вовлечения в товарный оборот огромной массы продуктов труда, которые до того не носили характера товара. Этот процесс вымывания натурально-хозяйственных элементов, процесс, обычно определяемый словом „товаризация“, является необходимой предпосылкой вовлечения новых слоев населения в обобществленный круг хозяйства. В самом деле, ведь превращение продукта в товар является первым шагом к обобществлению труда в том смысле, что прежде изолированный труд становится частичкой общественной системы разделения труда, становится в основе общественным трудом, хотя на первых порах в противоречивой, индивидуально-частной форме. Поэтому распространение товарного фетишизма на слои, которые хозяйствуют первобытно—натуральным образом является необходимой предпосылкой для дальнейшей эволюции этих элементов в сторону обобществленной формы хозяйства; появление товарного фетишизма является в данном случае лишь первым шагом к его уничтожению.

Если же рассматривать все народное хозяйство в целом, то диалектика развития здесь приводит к тому, что распространение товарного фетишизма, его рост вширь, за счет денатурализации целых хозяйственных пластов, идет параллельно с постепенным уничтожением фетишизма в обобществленном секторе. Таким образом, фетишизм растет в известном смысле вширь, при одновременном падении степени его интенсивности, при одновременном уменьшении его глубинного характера.

5.

Если содержание процессов переходного хозяйства с точки зрения смены общественных форм производства сводится к борьбе между товарно-меновой и рационально-натуралистической формами, то с точки зрения носителей этих форм переходное хозяйство является ареной борьбы между двумя противоположными началами, между рынком и пла-

новым началом. Если господство рынка характеризует товарно-капиталистическую форму производства, то господство плана в такой же мере характерно для хозяйственной структуры социалистического хозяйства. Противопоставление рынка, с одной стороны, и плана, с другой, вполне законно с логической и методологической точки зрения. Безличный рынок и сознательный план — это две различные, противоположные формы, в которых прокладывает себе дорогу экономическая необходимость в двух диаметрально-противоположных формах общественного хозяйства.

Полное и безраздельное господство планового начала, которое в социалистическом хозяйстве займет место властелина товарно-капиталистической системы — безличного рынка, будет знаменовать собой, по известному выражению Энгельса, прыжок из царства необходимости в царство свободы. Сознательное господство общественного человека над хозяйственными процессами, протекающими в обществе, займет место господства слепых экономических законов над общественным человеком. Делая колоссальные завоевания в деле сознательного отношения к внешней природе, в деле использования ее сил и свойств, общественный человек все дальше отходит, в процессе развития капитализма, от сознательного творчества своей социальной жизни в важнейшей области — в области отношения общественного производства. Лишь победа социализма приносит разрешение этого противоречия, накладывающего свою печать на все стороны социальной жизни.

„План и сознательность бывают двоякого рода: ведь и пчела строит свои восковые ячейки по чудесному плану; ведь, и паук ткет свою паутину с соблюдением меры, цели и стройного плана. Но я вам напомню следующие слова Маркса: «Что отличает самого скверного архитектора от самой лучшей пчелы, так это то, что проектируемая им ячейка имеется у него наперед в готовом виде в его голове, прежде чем он строит ее из воска». Так вот, люди производят все свои отдельные продукты сознательно, что отличает их от зверей. Но свое общественное хозяйство они строят несознательно. Там, где у них был план, была, по сути дела, пчелиная работа. И в современном анархическом капиталистическом хозяйстве это отсутствие сознательности

проявляется с грубой рельефностью. Но только в наше время впервые создались возможности ведения планового сознательного хозяйства. Опять полностью оправдалась общественная диалектика, развитие путем противоречий. Лишь на высшей ступени анархии, когда исчезает всякий след первобытного инстинктивного плана, становится возможной полная сознательная плановость“ [1].

Но эта „полная сознательная плановость“, характеризующая развернутое социалистическое хозяйство, лишь постепенно, шаг за шагом отвоевывает себе место в экономике переходной эпохи. Процесс борьбы между рыночным началом и планом — очень длительный, сложный, богатый противоречиями процесс. Попытаемся несколько ближе к нему присмотреться.

„Можно выставить следующий парадокс. К моменту наибольшего разрушения производственных сил и наибольшего обеднения нашего хозяйства, плановая мысль, витая в значительной степени в пустом пространстве, была как-то смелей, чем в настоящее время. Располагая гораздо меньшим материалом, наши учреждения создавали планы на 5 — 10 лет. Основанием для этих планов служила только довоенная экономика и полет мысли. Теперь, когда мы имеем возможность уже в значительной степени основываться на данных экономики Советского Союза, мы встретились с огромными трудностями даже при экстраполировании кривых хозяйственного развития всего лишь на один год. Мне кажется, что само сознание трудностей и является признаком роста наших методов планирования и подходов к построению хозяйственного плана. Оказалось, что, исходя из какой-нибудь априорной предпосылки, серьезный план построить нельзя“ [2].

Это сопоставление плановых подходов эпохи гражданской войны и современного периода вполне справедливо, хотя нимало не парадоксально. Планы, с легкостью создаваемые на 5 — 10 лет вперед, планы, лучшим основанием которых служит полет мысли, — эти планы обладали лишь тем незначительным недостатком, что они не проводились в жизнь.

---

[1] Р. Люксембург. „Введение в политическую экономию“. Гиз, 1926, стр. 353 — 354; из фрагментов, относящихся к переходу от капитализма к социализму.

[2] См. „Контрольные цифры на 1925 — 26 год“, предисловие т. Смилги, стр. 1.

Разумеется, в значительнейшей степени вину за это неосуществление плановых предположений надлежит отнести за счет внешних объективного порядка обстоятельств: гражданской войны, интервенции, блокады и общей хозяйственной разрухи. Но поелику планы того периода в жизни не осуществлялись, трудно что-либо сказать об их осуществимости вообще. В этом их коренное отличие от планов современного периода, — планов, состоятельность которых проверяется и будет проверяться в ходе хозяйственного процесса.

Поскольку мы не рассматриваем „военный коммунизм“, как „пролетарско - натуральную организацию производства и воспроизводства“, а считаем его „вынужденной войной и разорением временной мерой“, принятой для того, чтобы „отстоять рабоче - крестьянскую власть“, — печальная участь хозяйственных планов того времени не может рассматриваться нами, как серьезное поражение или даже неудача в хозяйственном строительстве социализма. Плановой принцип, который формально господствовал безраздельно в хозяйственной системе „военного коммунизма“, на деле осуществлялся почти исключительно лишь как плановое распределение имевшихся запасов и плановое хозяйственное обслуживание нужд войны. В „производстве и воспроизводстве“ плановое начало было чрезвычайно слабо, вследствие достаточной слабости самих этих процессов прежде всего. Поэтому переход к нэпу, являясь формально уступкой организованного государственного хозяйства пролетариата по отношению к крестьянскому морю мелкобуржуазных хозяйств, фактически только впервые открывал действительные возможности, создавая реальные условия для экономической борьбы за план [1].

Соответственно тому, как хозяйственная ячейка может быть натурально-хозяйственной единицей или клеткой менового товарного хозяйства, хозяйственный план может иметь натуральную или ценностно-меновую форму. Хозяйственный план любой натурально - хозяйственной единицы, безразлично, будь то автаркичная крестьянская семья северных губерний или социалистическое общество будущего, отличается тем, что он имеет дело с прозрачными производ-

[1] См. В. Базаров. „К методологии перспективн. планирования“, стр. 1.

ственными отношениями и с материальными элементами производства в их простой, голой, натуральной форме. Напротив, хозяйственный план любого масштаба, осуществляемый в рамках товарно-менового хозяйства, имеет дело с фетишизированными производственными отношениями и с материальными элементами производства, овеществляющими эти производственные отношения; иными словами, материальные элементы производства выступают здесь не в своей натуральной форме, а в ценностной.

Хозяйственный план зрелого социалистического хозяйства это — натурально-хозяйственный план; напротив, хозяйственный план переходного хозяйства, когда социалистические формы сосуществуют с товарно-капиталистическими и облечены в фетишистически-товарную оболочку, имеет ценностную форму. Относящиеся к периоду военного коммунизма предположения и возможности полной натурализации народного хозяйства революционными методами, с целью построения социалистической экономики, включали в себе в качестве важнейшей предпосылки представление о возможности выработки реального натурально-хозяйственного плана. Напротив, переход к социалистическому строительству методами рынка, обмена, товарного обращения, являющихся одной из особенностей нэпа, предполагает план иного рода, план ценностно-хозяйственный. В этом плане движения людей и вещей весь ход производственного процесса в его динамике представлен в виде картины под матовым стеклом; роль матового стекла здесь играет система экономических категорий товарно-капиталистического хозяйства, плотно облегающая производственный процесс.

Было бы неверно, однако, помечать, что различия в планировании в эпоху военного коммунизма и в настоящий период исчерпываются формальной разницей, ограничиваются различием в форме планов. Напротив, планы хозяйственного строительства, характеризующие эти два периода нашей экономической политики, коренным образом различны, а в известном смысле противоположны по своему содержанию.

Сравним, например, план восстановления народного хозяйства, предполагавшийся к осуществлению в период военного коммунизма, с тем фактическим ходом восстановительного процесса, который так характерен для истекшего пятилетия

новой экономической политики. Как известно, в период девятого съезда РКП, поставившего во весь рост проблемы хозяйственного строительства при системе военного коммунизма, наибольшим распространением и популярностью пользовалась следующая концепция плана восстановления и развития народного хозяйства:

> „Единый хозяйственный план должен быть разделен на периоды, при чем каждому периоду должна быть поставлена одна основная хозяйственная задача в следующей последовательности: а) восстановление транспорта, подвоз и образование складов хлеба, топлива и сырья; б) усиленное развитие машиностроения на добычу топлива, сырья, хлеба и на развитие транспорта; в) усиленное развитие машиностроения на производство продуктов массового потребления; г) усиленное производство продуктов массового потребления“ [1].

Как известно, действительное течение восстановительного процесса, начавшегося с 1921 — 22 года, во многих отношениях оказалось не только не сходным, но скорее прямо противоположным этой схеме.

„Усиленное производство продуктов массового потребления“, которое, согласно этой схеме единого хозяйственного плана, составляло задачу лишь самого последнего периода восстановления, на деле оказалось начальным звеном всего восстановительного процесса. И, наоборот, „восстановление транспорта“, развитие тяжелой индустрии и машиностроения — эти задачи, которые согласно единому плану должны были быть разрешены в первую очередь, оказались отодвинутыми действительным ходом вещей; лишь в настоящее время, при завершении восстановительного периода, задачи этого рода встают перед нами во весь рост.

В чем следует видеть причину такой нежизненности планов военно-коммунистической эпохи? — На наш взгляд, прежде всего в том, что эти планы характеризуются чрезвычайно абстрактным и далеко не реальным представлением об особенностях экономики переходного типа, об ее общем характере.

[1] См. С. Гусев. „Единый хозяйственный план и единый хозаппарат“, стр. 16.

Приведем довольно длинную выписку, прекрасно характеризующую те представления о переходном хозяйстве, которые в те годы были широко распространены. Автор рассказывает, как ему приходилось популяризовать идеи единого хозяйственного плана среди широких слоев рабочих, крестьян и красноармейцев. В своей популяризации он прибегал к следующему сравнению, изложенному в весьма образной форме:

„Я сравнивал наше государственное хозяйство с колоссальным зданием в десять этажей и десятки тысяч комнат. Все здание полуразрушено, крыша местами провалилась, стропила подгнили, потолки обваливаются, провода порваны, водопроводы лопнули, печи разваливаются, половицы расшатались и проваливаются, наконец, стены и фундамент тоже расшатаны, и зданию грозит обвал. Как приступить к ремонту этого здания, по какому хозяйственному плану? — спрашиваю я. — На этот вопрос обитатели различных этажей и даже различных комнат в одном и том же этаже будут отвечать разно. Те, которые живут в верхнем этаже, будут кричать, что стропила подгнили, потолки протекают и обваливаются, что жить в этом этаже дальше невозможно, что необходимо немедленно, в первую очередь, поставить новые стропила и покрыть крышу. И с своей точки зрения они будут глубоко правы. Да, жить дальше в этом этаже невозможно. Да, ремонт крыши необходим. Обитатели одного из следующих этажей, в котором лопнули водопроводные трубы, будут кричать о том, что без воды жить нельзя, а потому, в первую очередь, необходимо починить водопроводные трубы. И они также с своей точки зрения будут глубоко правы, ибо без воды жить никак нельзя. Обитатели того этажа, где развалились печи, будут настаивать на починке печей в первую очередь, ибо они и их дети мерзнут от холода, ибо не на чем сварить для детей пищу или вскипятить воду. И эти будут правы. Но из-за этих справедливых требований, которые тысячами несутся во всех сторон, нельзя забывать главного, что расшатайся фундамент, то зданию грозит обвал, который погребет всех обита-

телей дома, что поэтому единственным первоочередным делом является укрепление фундамента и стен. Необходима совершенно исключительная твердость, необходимо величайшее мужество, чтобы не только не смущаться криками и стонами стариков, женщин, детей и больных, несущимися со всех этажей, но решиться даже на то, чтобы отнять у обитателей всех этажей необходимые для укрепления фундамента и стен инструменты и материалы, чтобы заставить их бросить свои углы и каморки, которые они всеми силами стараются привести в жилой вид, чтобы выгнать их на работу по укреплению фундамента и стен.

Это сравнение служило мне для двух целей: во-первых, чтобы выяснить необходимость трудовых мобилизаций и полную недопустимость возврата по домам, к своим углам, в свои каморки, чуланы, комнатушки и избенки, а во-вторых, для выяснения жизненной необходимости ясного плана в сложной обстановке и его неуклонного беспощадного проведения"[1].

Ныне, подходя к периоду военного коммунизма, с точки зрения определенной исторической перспективы, мы без большого труда можем определить, в чем заключались погрешности подобного подхода к хозяйственным проблемам. Основное заблуждение, лежащее в основе подобного подхода, заключается в своеобразном представлении о переходном хозяйстве. Это последнее берется не как хозяйственный организм, в котором происходит процесс борьбы двух противоречивых начал, а рассматривается скорее как определенное целое, в котором одно начало — товарно-социалистическое — уже побеждено и окончательно вытеснено противоположным началом, началом плановости, организованности, коллективизма. Подобные представления, поскольку они имеют место, оказались до чрезвычайности иллюзорными. Рассматривать хозяйство нашей страны, как один громадный дом, состоящий лишь из определенного количества комнат, это означает прежде всего полное забвение многообразия хозяйственных форм, уживающихся и борющихся в народном

---

[1] С. Гусев. „Ед. хоз. план" и т. д., стр. 5—6.

хозяйстве страны пролетарской диктатуры; далее — забвение различия хозяйственных **стимулов**, чрезвычайно разнообразных в этих различных хозяйственных формациях; наконец, — забвение различных типов хозяйствования, **организации** хозяйственной деятельности, свойственных различным хозяйственным формам. Неудача планирования, основанного на столь ошибочном представлении об объекте планирования, о народно-хозяйственном организме страны, совершенно естественна и понятна. И, действительно, весь период военного коммунизма характеризуется неограниченной формальной диктатурой плана при фактическом его бессилии. Отсюда проистекала чрезвычайно характерная форма осуществления тогдашней плановости; мы имеем в виду принцип ударности, получивший весьма широкое распространение и фактически служивший в тот период главнейшей формой хозяйствования. Совершенно ясно, однако, что подобная форма плановости на деле являлась нарушением и уничтожением всякого планового начала.

Совершенно иной подход к проблемам планирования характеризует современный период экономического развития СССР. Плановое начало рассматривается, прежде всего, как выражение социалистических тенденций в сложном, пестром и многокрасочном хозяйственном организме, каковым является современная советская экономика. План, сознательное, рациональное руководство противопоставляется доселе неограниченной власти рынка. Но само это противопоставление происходит на основе товарно-меновой, т.-е. рыночной форме производственных отношений.

> „Государственный план хозяйства в условиях нынешнего периода не ставит себе утопической задачи — заменить универсальным предвидением стихийную работу спроса и предложения. Наоборот, исходя из рынка, как основной формы распределения хозяйственных благ и регулирования их производства, хозяйственный план сегодняшнего дня направлен на то, чтобы сочетанием кредитных, налоговых, промышленных, торговых факторов обеспечить государственным предприятиям максимальное преобладание на рынке, внести во взаимоотношения между этими факторами максимальное предвидение и единообразие и, таким образом,

опираясь на рынок, содействовать скорейшему его преодолению“ [1].

Задача планирования в современной сисгеме советского хозяйства здесь очень удачно сформулирована:

„опираясь на рынок, содействовать скорейшему его преодолению“.

Диалектический, развивающийся путем противоречий характер современного планирования выступает уже в этом определении довольно ясно. Следует, однако, более подробно остановиться именно на этой стороне дела.

Известное внутреннее противоречие заключается уже в том обстоятельстве, что народно-хозяйственный план, являющийся основой сознательно-организованного общественного хозяйства, выступает в товарно-фетишистической форме, являющейся специфической формой стихийного, неорганизованного общественно-производственного процесса. Далее, наличие товарно-капиталистических отношений в переходной экономике имеет две принципиально различные стороны: с одной стороны, мы имеем фетишистическую форму проявления в социалистической части народного хозяйства, с другой стороны, народно-хозяйственная система включает в себе, на-ряду с социалистическим массивом, огромное море, в котором по существу господствует товарная и капиталистическая форма производства. Совершенно ясно, что если речь идет о подлинном плане всего народного хозяйства, то он должен охватывать как социалистическую, так и несоциалистическую часть нашей экономики. Более того: так как важнейшее содержание эволюции переходной экономической структуры заключается именно в хозяйственном соревновании, состязании, борьбе этих двух противоположных начал, то всякий план, долженствующий представить не только динамику производственного процесса, но и эволюцию облекающей его экономической структуры общества, должен особенно тщательно исследовать взаимоотношения этих обеих частей народно-хозяйственного целого.

При принципиальной оценке роли планового начала в современном советском хозяйстве одинаково опасны две противоположные ошибки. Одни склоняются к мысли, что в сущ-

[1] Л. Троцкий. „Нэп и перспективы мировой революции“.

ности вся роль планирования должна исчерпываться лишь известным прогнозом стихийных процессов рыночного характера, происходящих в динамике народного хозяйства[1]. Другие частенько не замечают того обстоятельства, что проведение планового начала в нашем хозяйстве имеет место не в условиях развитого социалистического хозяйства, а в противоречивой обстановке хозяйства переходного типа; специфичность проведения планового начала в рыночной обстановке сплошь и рядом ускользает из их поля зрения. На практике эти две теоретические ошибки приводят: 1) либо к отрицанию какого-либо практического значения более или менее длительных плановых ориентировок, 2) либо к известному „плановому максимализму“, к трактовке плана чуть ли не как результата свободного волевого целепоставления[2]. Нам представляется поэтому нелишним здесь остановиться на вопросе о степени причинной обусловленности планового начала в советской экономике и, главное, в формах этой обусловленности.

С точки зрения марксистского метода планомерно-организованное развитое социалистическое хозяйство так же мало ускользает от вездесущей причинной обусловленности, как и самое фетишистическое товарно-капиталистическое хозяйство. Однако разница—и притом колоссальная—заключается в форме осуществления общественных закономерностей в том и другом случае, в форме проявления этой причинной обусловленности. Как мы уже отмечали выше, мы имеем в одном случае—сознательное осуществление экономической необходимости всем общественным коллективом, в другом же случае—бессозна-

---

[1] К такой постановке вопроса довольно близко подходит проф. Кондратьев в своей статье „Проблема предвидения“ (см. „Вопросы конъюнктуры“, т. II, в. 1, изд. НКФ, 1926 г.). — Он, правда, оговаривается: „План, — конечно, не только предвидение стихийно-развертывающихся событий. План, одновременно, есть и программа сознательных действий“. Однако, в своем дальнейшем анализе автор почти совершенно оставляет в стороне „сознательные действия“ и их „программу“, так что у читателя представление о плане создается, пожалуй, только как „о предвидении стихийно-развертывающихся событий“. См. также статью С. Шарова „Цель в плане и задачи нашего хозяйства“ в журн. „Плановое Хозяйство“, № 7 за 1926 г.; автор совершенно справедливо замечает, что академическое изучение еще не есть план.

[2] Об этих двух ошибках см. „Проблемы планирования“, изд. „План. Х-во“. М. 1926 г., стр. 218.

тельное, стихийное преломление этой необходимости, действующей наподобие законов внешней природы.

Уже отсюда ясно все своеобразие, отличающее действие планового начала в условиях переходной экономики. Диалектический, двойственный, противоречивый характер плановости в этих условиях заключается в том, что одной своей стороной планирование приближается к сознательному осуществлению общественной закономерности, типичному для хозяйства социалистического типа, а другой своей стороной планирование заключается в предвидении тех процессов бессознательного, стихийного порядка, которые характеризуют товарно-рыночные формы и элементы экономики [1].

Стало-быть, вопрос о каузальной обусловленности планового начала принимает такую постановку. Плановость в переходном хозяйстве обусловлена не меньше, но и не больше, чем в развернутом социалистическом хозяйстве, обусловлена экономической необходимостью. Но форма осуществления этой обусловленности носит в переходную эпоху некоторые черты, совершенно чуждые полному социалистическому хозяйству. Эти особенности вытекают из того, что задача планирования и проведения планового начала в переходном периоде одной своей стороной сводится к „предвидению равнодействующей стихийных факторов“ хозяйства.

---

[1] „Само плановое начало в значительной мере покоится на предвидении равнодействующей стихийных факторов“ (Н. Бухарин, статья в „Правде“ № 148 за 1926 г.). — В упомянутой выше статье проф. Кондратьева имеется попытка классификации типов предвидения. Проф. Кондратьев считает нужным различать три основных типа предвидения:

1) предвидение событий, которые представляются иррегулярными, т.-е. протекающими без всякой определенной правильности;
2) предвидение событий, обнаруживающих цикличность, правильную повторяемость, и
3) анализ тенденций.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ценность и учет в социалистическом хозяйстве.

1. Связь между производством и потреблением в товарно-капиталистическом хозяйстве.—2. Ценность, как регулятор производства.—3. Категория ценности при социализме: Богданов, Туган-Барановский, Кассель, Каутский.—4. Проблема хозяйственного учета при социализме: Лейхтер, Шмелев, Каценеленбаум, Бруцкус.—5. Заключение.

1.

Буржуазная экономическая наука обычно сводит задачу теории ценности к объяснению и истолкованию явлений, имеющих место в сфере обмена. Буржуазные теории ценности, по меткому выражению Гильфердинга, имеют своей целью объяснение прейс-куранта капиталистического рынка.

Совершенно иное значение имеет теория ценности в экономической системе Маркса. Прежде всего, Марксу совершенно чуждо метафизическое выделение сферы обмена из общего комплекса явлений, дающих в своей совокупности экономическую структуру общества. Как относится Маркс к обычному делению хозяйственных явлений на рубрики: производство, распределение, обмен и потребление?

„Первое поверхностное представление, — говорит он,—заключается в следующем: в процессе производства члены общества приспособляют продукты природы к человеческим потребностям (производят, придают форму), распределение указывает пропорцию, в которой каждый принимает участие в произведенном, обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет

обменять доставшуюся ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся объектами пользования, индивидуального присвоения".

Производство создает предметы, предназначенные для удовлетворения определенных потребностей общества; в процессе распределения эти предметы поступают в распоряжение отдельных участников производства; обмен дает возможность каждому из участников получить свою долю в той форме, которая ему представляется наиболее желательной; наконец, в потреблении предметы, созданные процессом производства, достигают своей конечной цели и выполняют свою основную задачу удовлетворения человеческих потребностей.

„Производство является, таким образом, исходной точкой, потребление—конечным пунктом, распределение и обмен—серединой, которая в себе заключает два момента, поскольку распределение отправляется от общества, а обмен от индивида... В распределении общество принимает на себя в виде господствующих всеобщих законов посредничество между производством и распределением, в обмене посредником выступает случайное решение индивида" [1].

Однако, таково лишь „первое поверхностное представление" о взаимосвязи и взаимозависимости между производством, распределением, обменом и потреблением. Подвергнув каждый из этих элементов более детальному анализу, Маркс приходит к следующему выводу:

„Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление—одно и то же, но что все они образуют собою части целого, различия внутри единства. Производство, в противоположность своих определений, охватывает как само себя, так и остальные моменты... Определенная форма производства обусловливает, таким образом, определенные формы потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу... Между различными

[1] К. Маркс. „Введение к критике политической экономии". См. „Основные проблемы пол. экономии", 1922 г. стр. 2.

моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом" [1].

Таким образом, определенная форма производства обусловливает определенные формы потребления, распределения, обмена. В частности, капиталистическая форма производства обусловливает соответствующие формы всех остальных моментов. Более того, капиталистическая форма производства обусловливает также определенные отношения этих моментов друг к другу. Эти определенные отношения между отдельными моментами заключаются в том, что капиталистические формы распределения и обмена выступают в качестве средних звеньев между двумя полюсами — товарно-капиталистическим производством и свойственной этому производству формой потребления. Совершенно ясно, что с изменением общественной формы производства, как исходного пункта цепи, неизбежно меняется не только форма этих моментов, но и их взаимоотношение друг к другу. Место капиталистических процессов распределения и обмена должно занять совершенно новое среднее звено, опосредствующее переход от производства к потреблению в сознательно-организованном товарищеском хозяйственном строе. В этом последнем мостом между процессом производства и моментом потребления должно служить сознательное регулирование, сознательное определение доли каждого участника производства в общем продукте; если иметь в виду социалистическую форму хозяйства, то количественное определение доли лежит в руках общества, в то время, как качественное остается прерогативой индивида. Но этот индивидуальный характер определения качественной стороны доли индивида в общем продукте не имеет ничего общего с тем процессом обмена, в котором происходит „распределение уже распределенного согласно отдельным потребностям" в товарно-капиталистическом хозяйстве.

Наиболее характерной чертой процессов распределения и обмена, свойственных товарно-капиталистической форме хозяйства, является безраздельное господство стихийных общественных законов в этих областях. Поскольку распределение и обмен лишаются этого своего основного свойства —

---

[1] К. Маркс. „Введение к критике полит. экономии". См. Основн. проблемы пол. эк., 1922, стр. 23.

постольку мы лишаемся права говорить о распределении и обмене, характерных для капиталистической формы производства.

Посредствующее звено между производством и потреблением в капиталистическом хозяйстве, середина между производством и потреблением, выступает в форме менового процесса. Глаз теоретика без большого труда, даже без предварительного анализа сразу же различает и разделяет в этом меновом процессе два момента: распределение и собственно обмен. Эта середина между производством и потреблением заключает в себе „два момента, поскольку распределение отправляется от общества, а обмен—от индивида", поскольку, следовательно, „в распределении общество принимает на себя в виде господствующих всеобщих законов посредничество между производством и потреблением, в обмене посредником выступает случайное решение индивида".

На первый поверхностный взгляд закон ценности выступает, как основной закон именно этой области обмена в наиболее узком смысле слова, где „посредником (между производством и потреблением) выступает случайное решение индивида". Дальше такого, максимально-поверхностного представления о феномене ценности не идет вульгарная экономическая теория, начиная от своих первых представителей и кончая наисовременнейшими направлениями, школой предельной полезности, психологическим направлением и пр.

Дан рынок; на рынке даны цены. От чего зависит уровень цен? На первый взгляд представляется: от „случайного решения индивида", вернее — от бесчисленных „случайных решений" бесчисленных людей. И вот создаются целые направления, чрезвычайно скрупулезно изучающие эти „случайные решения", всевозможные мотивы, служащие их причиной, и всевозможные комбинаций, возникающие в качестве их следствий.

Наиболее поверхностно взятый исходный пункт, исходное положение анализа чрезвычайно причудливо сочетается с весьма тонким казуистическим разбором всевозможных случаев и их комбинаций.

Но изолированный анализ обмена, рассматриваемого в качестве сферы исключительного господства „случайных решений индивида", обречен на полнейшую бесплодность в научном отношении, как бы виртуозно и остроумно он в отдельных

случаях ни осуществлялся. Достаточно минимального расширения кругозора исследователя, чтобы в его поле зрения наряду с обменом в вышеуказанном узком смысле попала другая сторона менового процесса — его *распределительная* роль, в которой господство законов общественного масштаба гораздо более очевидно и наглядно проявляется, чем в сфере индивидуального обмена в узко-ограниченном смысле; впрочем, эта большая очевидность и наглядность все же не мешает буржуазной науке трактовать отношения распределения с той же индивидуалистической и психологической точки зрения, как и явления обмена в непосредственном смысле.

Вторая половина моста между производством и потреблением в товарно-капиталистическом хозяйстве—его *распределительная* половина, расположена среди того же моря индивидуальных меновых сделок, как и явление обмена в узком смысле слова. Посредствующее звено между производством и потреблением в капиталистически-организованном хозяйстве должно выполнить две задачи, или, вернее — основная его задача является двусторонней. Эта задача заключается 1) в количественном и 2) в качественном определении той доли общего продукта общественного производства, которая поступает в распоряжение каждого члена данной системы производственных отношений. Нетрудно заметить, что обе половинки этой задачи находят себе разрешение в меновом процессе, понимаемом, как совокупность всех и всяких меновых актов, в том числе, как меновых сделок с товарами обычного рода, так и с товарами особого рода, как 1) рабочая сила, 2) земля, 3) капитал. Если мы обычно количественное определение доли участника производства в общем продукте называем распределением, а качественное определение той же доли — обменом, то не следует забывать, что на поверхности хозяйственных явлений как та, так и другая сторона процесса протекает в одной и той же области рынка и его явлений. Именно последнее обстоятельство является конституирующим признаком распределения и обмена, как посредствующего звена между производством и потреблением в *товарно-капиталистической* хозяйственной системе.

Наличие *стихийно-рыночных* процессов распределения и обмена дано, поскольку дано производство в его капиталистической форме. Антагонистический характер товарно-

капиталистической хозяйственной системы, характеризующейся обобществленным производством при индивидуалистическом присвоении, обобществленным трудом при сохранении частной собственности на орудия производства, вызывает необходимость существования особого **простенка** между производством и потреблением. Этим простенком служит рынок, в котором протекают процессы распределения и обмена.

„Производство, в противоположность своих определений, охватывает как само себя, так и остальные моменты". Отсюда ясно, что самый рыночный характер связи между производством и потреблением, самая форма процессов распределения и обмена неразрывно связаны с товарно-капиталистической формой производства, обусловлены этой последней.

Но если рыночные формы связи между производством и потреблением немыслимы вне определенной, товарно-капиталистической формы производства, то, с другой стороны, эта последняя невозможна без определенных форм распределения и обмена. Если капиталистическая форма производства обусловливает существование и сохранение данных форм распределения и обмена, то, с другой стороны, наличие именно этой формы связи между производством и потреблением жизненно необходимо для капиталистической формы производства. В частности, распределение означает, прежде всего, распределение производительных сил общества между отдельными отраслями производства; в качестве такового оно очевидным образом оказывает решающее воздействие на всю конструкцию самого процесса общественного производства. Но если процесс распределения протекает в рыночной форме, то это означает, что распределение общественного труда между отдельными отраслями хозяйства, распределение, служащее предпосылкой всякого производственного процесса, также осуществляется формами и методами рынка.

Маркс различает производство в узком и в широком смысле слова. Производство в узком смысле это непосредственный производственный процесс. Напротив, производство в широком смысле — это та или иная общественная форма производства. Поэтому, по словам **Маркса**, производство в широком смысле „охватывает как само себя, так и остальные моменты", т.-е. распределение и обмен. Действительно, когда мы говорим, например, о капиталистической форме **производства** — мы подразумеваем при этом не только и не

столько непосредственный производственный процесс, сколько его определенную общественную форму. А эта общественная форма производства находит свое определение, прежде всего, в тех формах распределения и обмена, которые ей свойственны и необходимым образом с ней связаны.

2.

Цена — а с нею невидимый, но постоянный ее спутник, ценность — на первый взгляд представляется явлением, относящимся целиком к сфере обмена. Однако, более внимательный анализ без труда обнаруживает всю неполноту такого представления. Прежде всего, выясняется, что категория цены — ценности чрезвычайно тесно связана с явлениями распределения. Более того — количественное определение долей различных агентов производства в общем продукте, составляющее содержание процесса распределения, происходит именно в форме цены — ценности: цена рабочей силы, цена земли, цена капитала. Таким образом, цена — ценность выступает в качестве универсальной категории рыночных отношений. Но рыночная связь, как мы видели выше, является конституирующим признаком товарно-капиталистической системы хозяйства, как исторически определенной формы общественного производства. Поэтому универсальная категория рынка является одновременно универсальной категорией данного способа производства, данной экономической структуры общества. *Закон ценности должен рассматриваться, как основной закон товарно-капиталистической формы производства.*

Отсюда возникает два следствия. С одной стороны, закон ценности, как наиболее общий, всеобъемлющий и существенный закон рынка, является неотъемлемым спутником товарно-капиталистической формы производства. Эта форма производства немыслима без наличия закона ценности, без его действия, определяющего данный тип производственных отношений. С другой стороны, совершенно ясно, что о законе ценности можно говорить только в применении к товарно-капиталистическому способу производства. Ведь, если термины и словесные определения служат нам для известного разграничения понятий, то естественнее всего не применять названия „ценности“ ко всяким явлениям, *не* совпадающим целиком с только что описанным типом и кругом явлений. Большая

часть всяческих недоразумений вокруг вопроса о категории ценности при социализме проистекает, как мы увидим ниже, именно от забвения этого элементарного методологического требования. Зато никто не подчеркивал так резко, как Маркс, необходимость четкого разграничения явлений и соответствующих этим явлениям понятий.

„Болтовня о необходимости доказать понятие ценности, — писал Маркс в своем известном, часто цитируемом письме к Кугельману, — покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говорю уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно-определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собою, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления... А формой, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда, — эта форма и есть меновая ценность этих продуктов“ [1].

Таким образом, марксизм, с одной стороны, рассматривает закон ценности, как основной закон товарно-капиталистического способа производства. С другой стороны, закон ценности берется Марксом, как форма проявления экономической необходимости, свойственная только товарно-капиталистическому способу производства. Закон ценности — это форма, в которой проявляется пропорциональное распределение общественного труда в таком типе общества, „когда

---

[1] См. Маркс и Энгельс. „Письма“, перев. Адоратского. М. 1922, стр. 152—153.

связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда".

Крайне характерно, что Маркс здесь бросает своим оппонентам обвинение в невежестве не только в области „того предмета, о котором идет речь", но и „в области научного метода". Этот упрек сохраняет свою полную силу и по отношению к современным критикам Маркса; в частности, этот упрек часто вспоминается, когда знакомишься с литературой, посвященной проблеме ценности при социалистическом хозяйственном строе.

3.

Нам представляется, что при условии принятия того понимания закона ценности, которое было дано выше, не может быть двух мнений насчет судьбы категории ценности при социализме. Поскольку мы под законом ценности понимаем исключительно присущую товарно-капиталистическому хозяйству форму проявления необходимости пропорционального распределения общественного труда, постольку ясно, что о сохранении категории ценности в социалистическом хозяйстве не может быть и речи. Совершенно понятно, что самая необходимость пропорционального распределения общественного труда, необходимость определенной пропорции и связи между производством и потреблением не может быть отменена для социалистического хозяйства, как и для любой иной формы общественного производства. Но закон ценности понимается нами вовсе не как эта необходимость, взятая сама по себе. Напротив, под законом ценности мы разумеем лишь вполне определенную форму осуществления этой необходимости, свойственную такой хозяйственной структуре, при которой общественный характер труда проявляется в противоречивой форме частного обмена продуктов этого труда. Отсюда ясно, что все представления о том, что в социалистическом хозяйстве сохраняется категория ценности, могут логически базироваться в конечном счете на одном из двух: 1) либо на неправильном представлении о законе ценности, понимаемом не как определенная форма проявления пропорционального распределения труда в обществе, а как самый процесс этого распределения; 2) либо на — сознательной или бессознательной — уверенности в том,

что иная форма распределения общественного труда, чем ценностная форма, является по-просту немыслимой.

Зачастую оба эти источника ошибочного подхода к разрешению вопроса о ценности при социализме перепутаны и переплетены между собою до чрезвычайности.

Вульгарный подход к экономическим явлениям заключается, прежде всего, в том, что исследователь остается на поверхности явлений, не пытаясь заглянуть в глубину общественных отношений, отображениями которых служат те или иные экономические категории. Неизменные поверхностные категории без дальнейших размышлений принимаются за доказательство неизменности глубинных общественных отношений. То или иное сходство в поверхностных категориях берется, как доказательство сходства или родства основных общественных отношений. Наконец, одинаковость задач служит зачастую для вульгарного экономиста достаточным основанием для умозаключения насчет одинаковости методов и способов решения этих задач. Именно последнее обстоятельство чрезвычайно характерно для большей части литературы, в которой ставится вопрос о судьбе категории ценности при социализме.

Задача пропорционального распределения общественного труда, задача установления соответствия между производством и потреблением в такой же мере остается в силе для социалистического общества, как и для капиталистического хозяйства. Но при капитализме эта задача разрешается методами рыночных законов и, прежде всего, — законом ценности. Без дальнейших околичностей отсюда делается вывод, что закон ценности в такой же степени сохраняет свою силу для социализма, как и для капиталистической хозяйственной системы. После того, как такое умозаключение по основному вопросу в той или иной форме и степени сделано, справедливый экономист приступает к перечислению тех „особенностей“, которые все же будут отличать проявление категории ценности при социализме от закона ценности в капиталистическом хозяйстве. Коренные и основные различия в организации хозяйства того и другого типа, таким образом, благополучно отодвигаются на второй план и превращаются в умелых руках вульгарного экономиста в некие второстепенные подробности, о которых следует при случае упомянуть, но лишь с тем, чтобы тотчас же об этом позабыть.

Те немногие примеры, на которых мы в дальнейшем остановимся, покажут читателю, что такой вульгарный подход характеризует в одинаковой степени как противников социализма из лагеря буржуазной науки, так и его „защитников“ из числа представителей социал-демократического „марксизма“.

Мы встречаем в экономической литературе попытки анализа вопроса о судьбе категории ценности при социализме в двух различных случаях и формах. С одной стороны, некоторые авторы ставят вопрос о том, что случится с ценностью при социалистическом строе, из соображений научно-методологических. Анализ этого вопроса должен играть здесь, в сущности, вспомогательную роль; он служит лишь способом наиболее четкой формулировки и определения категории ценности, как таковой, в понимании и трактовке данного автора. Анатомия человека является ключом при изучении анатомии обезьяны, — замечает Маркс. Точно так же те или иные представления о социалистическом хозяйстве служат средством для более четкого определения хозяйственной структуры досоциалистического общества. С другой стороны, целый ряд теоретиков предпринимает попытки специального анализа данной проблемы, при чем чаще всего этот анализ в той или иной мере связывается с вопросами, имеющими практическое значение. В последнем случае обычно вопрос о категории ценности теснейшим образом переплетается с проблемой денег или проблемой учета; иногда присоединяется еще отсутствие четкого разграничения проблемы в применении 1) к социалистическому и 2) к переходному хозяйству. — Помимо того, иногда мы встречаем в литературе попытки анализа данной проблемы, имеющие для их авторов как методологическое, так и известное самостоятельное значение.

В качестве представителя той группы авторов, которой данная проблема ставится исключительно из методологических соображений и, естественно, освещается чаще всего лишь мимоходом, возьмем А. А. Богданова.

Уже в ранних произведениях А. А. Богданова его концепция выступает достаточно отчетливо. Надъисторический подход к предмету теоретической экономии сочетается с внеисторическим толкованием категории ценности. „Для нее (т. е. для экономической науки) в продукте существенны два свойства: его способность удовлетворять определенной общественной потребности или его общественная полез-

ность и затрата на его производство общественно-трудовой энергии или его общественная стоимость"[1]. Этими двумя свойствами обладает продукт (а не только товар) по представлению автора при всякой общественной форме производства. В этом пункте Богданов чрезвычайно быстро сходится с Туган-Барановским, у которого, как известно, теория ценности построена как раз на разделении понятий общественной полезности (или, как говорит Туган—ценности) и общественной стоимости. Богданов далее замечает по поводу своего понятия общественной стоимости:

„Термин «общественная» или «нормальная» стоимость нередко заменяется выражением «трудовая стоимость» или просто «стоимость»"[2].

Той же концепции придерживается А. А. Богданов в настоящее время. Вот, например, его заявление в одной из недавних дискуссий:

„Формулировка такая: продукт во всяком обществе, натурально-хозяйственном или меновом, имеет два общественных свойства: общественную стоимость и общественную полезность... Общество продукт производит, общество продукт потребляет. Это одинаково в натурально-хозяйственных формациях и меновых. Если оно его производит, оно на него затрачивает труд, продукт ему стоит труда, имеет общественно-трудовую стоимость; этого факта ничем не изменить"[3].

Таким образом, один лишь факт затраты общественного труда оказывается достаточным для доказательства наличия категории „стоимости". Нет нужды напоминать, что эта категория ничего общего не имеет с марксовым понятием ценности, для которого решающим является не факт затраты труда, а та специфическая (особенная) форма, которую этот труд принимает в товаропроизводящем обществе. Следует, пожалуй заметить, что русский термин „стоимость", чрезвычайно распространенный в нашей экономической литературе благодаря тому, что А. А. Богданов и И. И. Сте-

---

[1] А. Богданов. Краткий курс экономической науки, изд. 5-ое. М. 1905 г. Стр. 18—19.

[2] Там же, стр. 21.

[3] „Вестник Коммунистической Академии" № 11, стр. 301—302. Из выступления А. А. Богданова в прениях по докладу И. И. Степанова „Что такое полит. экономия?".

панов им пользуются как в своих работах, так и в особенности в своем переводе марксова „Капитала“, представляет известное удобство замены марксова понимания этой категории богдановским ее истолкованием. В самом деле: в каждом, мол, обществе продукт стоит труда, отсюда — надъисторический характер категории стоимости. Это обстоятельство может послужить лишним аргументом в пользу перевода немецкого „Wert“ русским словом „ценность“ [1].

Ценность или, как этот автор предпочитает выражаться, „трудовая стоимость“, отнюдь не является, по его мнению, исторической категорией товарно капиталистического хозяйства. Напротив, „трудовая стоимость“ существовала еще задолго до победного марша капитализма, она, естественно, отнюдь не сойдет с исторической сцены после его гибели. Что в таком случае составляет содержание „трудовой стоимости“? — У А. А. Богданова мы находим весьма недвусмысленный ответ на этот вопрос.

> „Основная задача организации производства,—пишет этот автор,—есть распределение наличной у общества трудовой энергии между различными отраслями и видами труда. Требуется в производство каждого продукта направить именно такое количество рабочей силы, чтобы получаемая сумма продукта вполне удовлетворяла обще-

---

[1] Это обстоятельство совершенно справедливо отмечено В. В. Осинским в его выступлении в упомянутых прениях. См. „Вестник К. А.“ № 11, стр. 315.

Теоретическая концепция А. А. Богданова (как и несколько других новых русских теоретиков, имеющих то или иное отношение к марксизму) до сих пор нигде не подвергнута детальному анализу, несмотря на весь интерес, который подобный анализ мог бы собою представить. Имеется лишь несколько журнальных статей. Из них отметим:

1. И. Вайнштейн. Эклектическая экономика и диалектика.— „Под знаменем марксизма“ № 4 за 1925 г.

2. Е. Хмельницкая. О политической экономии А. А. Богданова, статья в журнале „Молодая Гвардия“ за 1924 г.

Читатель, интересующийся данным вопросом, найдет интересный материал в стенографическом отчете в прениях по упомянутому докладу И. И. Степанова о Коммунистической Академии (см. „Вестник К. А.“ № 11, стр. 257 — 347). — Упомянем, наконец, нашу работу: А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. Советская экономика, изд. 1925 г. глава II — „Что такое политическая экономия?“.

ственную потребность в нем. Когда задача эта разрешается сознательно и планомерно, например, патриархом родовой общины... — то важнейшим и определяющим данным является трудовая стоимость продукта“ [1].

В товарно-капиталистическом же хозяйстве, где подобная „сознательная и планомерная“ организация общественного производства отсутствует, там „трудовая стоимость“ переодевается в оболочку меновой [2], стихийный механизм рынка выполняет ту задачу, которую прежде выполнял патриарх родовой общины. Однако, как в том, так и другом случае, как в сознательно-организованном, так и в неорганизованном стихийном хозяйстве, трудовая стоимость выполняет одну и ту же роль „важнейшего и определяющего данного“ при распределении „наличной у общества трудовой энергии между различными отраслями и видами труда“. Разница лишь в том, что при сознательном регулировании общественного производства трудовая стоимость действует a priori, при стихийном же a posteriori: в первом случае она действует непосредственно, во втором — под оболочкой и в форме меновой стоимости.

Может показаться на первый взгляд, что мы имеем у А. А. Богданова лишь терминологическое расхождение с Марксом. В самом деле, очевидно, он называет „трудовой стоимостью“ то, что у Маркса выступает, как „необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях“, необходимость, которая сохраняется независимо от формы общественного производства. А то, что Маркс называет ценностью—определенную форму проявления этой необходимости, свойственную товарно-капиталистическому хозяйству, Богданов предпочитает называть „меновой стоимостью“. Однако, таким образом представляется дело лишь на первый поверхностный взгляд. Достаточно немного углубиться в анализ теории ценности А. А. Богданова, чтобы убедиться, что она расходится с марксовой системой в целом ряде вопросов, имеющих далеко не только терминологическое значение. Основным отличием богдановской теории является

---

[1] А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии, т. I, в. IV, изд. 1923 г., стр. 39. — Разрядка наша.

[2] Там же, стр. 41.

отказ от марксистской диалектики, от всепроницающего историзма, марксистского метода, склонность к затушевыванию, замазыванию специфических черт капиталистического способа производства, попытка растворения этих свойств и черт в обще-социалистических и обще-экономических формах. Трактовка вопросов абстрактного труда, товарного фетишизма, постановка вопроса о рамках теоретической экономии, о ее предмете и методе коренным образом отделяют А. А. Богданова от экономической теории марксизма [1].

Весьма сходным образом ставит вопрос о категории ценности при социалистическом строе Туган-Барановский. Правда, он делает еще несколько шагов в сторону от Маркса, по сравнению с Богдановым. В его работе, посвященной разбору положительных представлений о социалистическом общественном строе, анализ проблемы ценности при социализме имеет не только методологическое значение, но играет до известной степени и самостоятельную роль. Он пытается дать представление о том, как будет организовано социалистическое хозяйство. Но его рассуждения на эту тему носят глубочайшую печать всей его теоретической системы, общего подхода данного автора к анализу экономических явлений современной хозяйственной структуры. В частности, его своеобразная теория ценности, являющаяся попыткой примирить два взаимно исключающих направления — марксизм и теорию предельной полезности, — определяет собою направление и характер анализа интересующей нас проблемы у Туган-Барановского. Социалистическое хозяйство будет, по его мнению, коренным образом отличаться от современного хозяйственного строя. Но оно будет все же хозяйством, и будет обладать поэтому отличительными особенностями, свойственными всякому хозяйству вообще.

„Таковыми основными категориями всякого хозяйства являются ценность и стоимость. Всякая хозяйственная деятельность предполагает эти две категории, будучи

[1] Из марксистов, дающих методологически-правильный подход к категории ценности, как исторической категории товарно-капиталистической экономики, упомянем здесь Бухарина („Политическая экономия рантье“ и др.) и Гильфердинга („Финансовый капитал“, статья из „Neue Zeit“, помещ. в сб. „Основные проблемы политической экономии“).

> заключена между затратой (стоимость) и получкой (ценность), как между своими отрицательными и положительным полюсами. Стоимость — средство, а ценность — цель"[1].

Автор замечает, что Маркс считал ценность исторической, а не логической категорией хозяйства, но это происходило потому, что Маркс, говоря о ценности вообще, подразумевал лишь определенный вид ценности, именно — меновую ценность... Вкладывая такое содержание в понятие „ценность", Маркс был, конечно, прав, утверждая, что категория ценности свойственна лишь меновому хозяйству. Ясно само собой, что где нет обмена, там нет и меновой ценности.

Туган-Барановский считает однако, что целесообразнее рассматривать стоимость и ценность, как логические категории всякого хозяйства. Особенностью хозяйства является стремление к наибольшим результатам (ценность) при наименьшей затрате (стоимости). Эти две категории отображают проявление хозяйственного принципа, который, разумеется, остается в силе и для социалистического общества.

> „Для построения хозяйственного плана необходимо сопоставить по отношению к каждому продукту две основные хозяйственные категории — полезность каждой единицы данного продукта и ее трудовую стоимость производства... Чем же будет определяться высота ценности в социалистическом обществе? — спрашивает Туган-Барановский и приходит к следующему выводу: В общем теми же факторами, как и в современной хозяйственной системе, с тем различием, что влияние трудового фактора будет более непосредственным и решающим"[2].

Но если в социалистическом хозяйстве сохраняется категория ценности, то возникает естественный вопрос, каким образом она проявляется. На основании вышеприведенных

---

[1] М. И. Туган-Барановский. „Социализм, как положительное учение", стр. 99.
[2] Там же, стр. 101—102.

фраз можно было бы подумать, что по мнению Туган-Барановского „где нет обмена, там нет и меновой ценности“, и все свое значение ценность сохраняет лишь для построения хозяйственного плана социалистического общества. Автор придерживается, однако, иного взгляда на сей предмет и обнаруживает свое мнение, когда он переходит к анализу категории цены при социализме.

Туган-Барановский проводит резкое разграничение между коммунизмом и социализмом в более узком смысле слова.

> „В коммунистическом обществе ни о деньгах ни о цене говорить не придется. — Иное дело социализм в узком смысле слова. В этом последнем строе, как и в современном, предметы потребления будут переходить в распоряжение потребителя путем продажи их по определенной цене“.

В дальнейшем изложении Туган-Барановский сообщает целый ряд любопытных подробностей насчет того, как будут строиться цены в социалистическом хозяйстве. Оказывается,

> „цена в социалистическом обществе будет строиться на началах весьма близких к тем, на которых цена строится и в современном обществе; подобно тому, как в настоящее время цена продукта устанавливается на том уровне, при котором общественный спрос наиболее уравновешивается общественным предложением, таково же будет правило строения цены и в социалистическом обществе. В этом отношении ровно никакой разницы между строением цены в капиталистическом и социалистическом обществе не будет“.

Разница между обоими случаями будет лишь в одном отношении.

> „Существенная разница между строением цен при социализме и при капитализме будет лежать в другой области — в области распределения общественного труда между различными отраслями производства. При социализме это распределение будет управляться, как сказано,

непосредственно трудовым фактором — относительной трудовой стоимостью каждого продукта; при капитализме же трудовой фактор действует лишь косвенно, как капиталистические издержки производства, осложняясь иными нетрудовыми элементами" [1].

Здесь обнаруживается с полнейшей легкостью, что разноречие между Туган-Барановским и Марксом отнюдь не ограничивается областью терминологии, как это можно было бы полагать на основании приведенной в начале фразы Туган-Барановского. По Марксу ценность является исторической категорией товарно-капиталистического хозяйства, которая сходит со сцены одновременно с этой формой хозяйства. По Туган-Барановскому ценность не только является логической категорией хозяйства, как форма проявления хозяйственного принципа. Помимо того, по его представлениям, в социалистическом хозяйстве сохраняется именно историческая форма цены — ценности, категория менового хозяйства, одним из видов которого в сущности является социалистическое хозяйство Туган-Барановского.

Рассуждения, довольно родственные Тугановским, мы находим у известного шведского экономиста Густава Касселя. Несмотря на то, что он ставит вопрос о ценности в социалистическом хозяйстве лишь до известной степени мимоходом, его соображения представляют собою несомненный интерес. Он в более грубой и неприкрытой форме выражает те же мысли, которые у других авторов (в том числе у Тугана) выступают в несколько завуалированном и замаскированном виде.

В качестве социалистического хозяйства Кассель берет такое хозяйство, в котором средства производства принадлежат обществу в целом, в котором процесс производства направляется самим обществом при помощи специальных органов, но в котором сохраняется „свобода труда и потребления" [2]. Кассель оставляет в стороне вопрос о том, насколько осуществим такой общественный порядок. С другой стороны, он также оставляет в стороне вопрос о более развитой ступени — о коммунистическом обществе. Его интересует другое: что

---

[1] М. И. Туган-Барановский. „Социализм, как положит. учение", стр. 106. — Разрядка наша.

[2] Gustav Cassel. „Theoretische Sozialökonomie", 1923, S. III.

происходит с категорией цены в таком социалистическом хозяйстве?

На этот вопрос Кассель отвечает следующим образом:

„Наш социалистический общественный порядок должен был бы таким образом в существенном основываться на свободном обмене между личным трудом (Leistungen) и средствами к удовлетворению личных потребностей. Но в таком случае социалистическая хозяйственная система является в основном меновым хозяйством, и если общий принцип хозяйственности должен быть осуществлен, — тогда она является меновым хозяйством, управляемым принципом стоимости (Kostenprinzip)“.

Далее наш автор продолжает:

„Как и вообще всякое развитое меновое хозяйство, это социалистическое хозяйство является также денежным хозяйством... Деньги в сущности являются счетной ска́лой (eine Rechnungs Scala), в которой меновое хозяйство выражает все цены. Социалистическое общество также должно будет прибегнуть к услугам подобной счетной ска́лы, поскольку оно вообще будет признавать основной принцип менового хозяйства. Как раз многие из наиболее вдумчивых (klarsten) социалистов представляли себе, что денежный счет должен будет уступить место счету в „рабочих часах“. Но название нисколько не меняет сущности дела. Счет в рабочих часах также является денежным счетом“ [1].

Это свое последнее утверждение Кассель обосновывает тем, что ведь социалистическое общество, ведущее счет в рабочих часах, будет выдавать каждому работнику определенные свидетельства (Scheine), годные для покупки различных товаров из общественных магазинов. Но эти свидетельства в таком случае и будут являться платежным средством, т.-е. деньгами.

С другой стороны, социалистическому обществу придется выражать в той же счетной единице, т.-е. в рабочих часах, цены всех товаров, которые будут поступать в распоряжение

---

[1] М. И. Туган-Барановский. „Социализм, как положит. учение“, стр. 112.

отдельных работников. Ведь „в пределах своего дохода единичное хозяйство располагает полной свободой в удовлетворении своих потребностей по существующим ценам“. Поэтому и социалистическое хозяйство будет вынуждено назначать товарные цены в соответствии с принципом ограниченности (Prinzip der Knappheit), который по мнению Касселя является основным принципом ценообразования в товарно-капиталистическом хозяйстве. В самом деле, „общество не располагает никаким другим методом для поддержания соответствия между спросом на какое-либо благо и имеющимся в наличности количеством последнего, кроме как назначение достаточно высокой цены на это благо [1]. Этот способ ценообразования проникнет собою всю бухгалтерию социалистического хозяйства. Этот же принцип будет определять цены на средства производства, поскольку „спрос потребителей является косвенным образом спросом на средства производства“ требуемых предметов потребления.

Таковы рассуждения Г. Касселя, чрезвычайно характерные для всей вообще вульгарной современной экономии, представителем которой он является. Может показаться, что Маркс имел в виду специально подобного рода рассуждения, когда он полвека тому назад писал:

> „В обществе, основанном на принадлежности средств производства всему обществу, производители не обмениваются своими продуктами. Равным образом и труд, употребленный на производство продуктов, не проявляется в виде ценности, как бы свойственной самим продуктам, так как здесь, в противоположность капиталистическому обществу, работа отдельного лица является частью коллективного труда не косвенно, а непосредственно“[2].

Для Маркса здесь решающим пунктом является то обстоятельство, что в социалистическом обществе труд не является в виде ценности, как бы свойственной самим товарам. Форма ценности изчезает, поскольку производство принимает обще-

---

[1] М. И. Туган-Барановский. „Социализм, как положит. учение“, стр. 113.

[2] К. Маркс. „К критике Готской программы“, Петроград. 1919, стр. 15 — Подчеркнуто нами.

ственный характер, насколько каждый индивидуальный труд становится непосредственно частью общественного совокупного труда. А это непосредственное обобществление труда дано, поскольку дана общественная собственность на средства производства и основанная на этом общественная планомерно-сознательная организация производства. Подобная организация производства дает излишкам прежнюю функцию закона ценности. Производство непосредственно управляется обществом; таким образом, не остается места для регулирования производства стихийным рыночным законом ценности. А поскольку и труд перестает принимать форму ценности, постольку историческая категория ценности отмирает.

К. Каутскому неоднократно приходилось высказываться насчет экономической организации социалистического общества; его рассуждения, однако, никогда не отличались большой ясностью и теоретической четкостью. Остановимся здесь на его двух работах, в которых он более подробно разбирает вопросы социалистической организации народного хозяйства. Мы имеем в виду его „Социальную революцию“ и „На другой день после социальной революции“, с одной стороны, и его „Пролетарскую революцию и ее программу“ — с другой. Читатель без труда может убедиться, что, несмотря на промежуток в два десятка лет, отделяющий второе произведение от первого, степень теоретической ясности сколько нибудь значительных изменений не претерпела. В первой из названных работ мы встречаем утверждение, что после обобществления средств производства закон ценности „заменяется общественным регулированием производства при помощи обмена равных ценностей... Металлические деньги могут быть заменены каким-нибудь денежным знаком... Однако же, количество вложенного в продукты рабочего времени всегда будет иметь крупное значение при их оценке и очень возможно, что при этом будут сообразоваться с исторически установившимися ценами“ [1]. В другом месте он замечает по поводу денег:

„Как средство обращения, деньги останутся необходимостью, пока не придумано ничего лучшего. Но само собою разумеется, что они утратят, по крайней мере,

[1] К. Каутский. „На другой день после социальной революции“, стр. 29.

в сфере внутреннего обращения, некоторые из теперешних функций и прежде всего функцию мерила ценности" [1].

Если уже эти соображения не отличаются особой четкостью, если уже по этим соображениям нелегко определить, как собственно представляет себе Каутский хозяйственный строй социализма, в котором „общественное регулирование производства" будет иметь место на-ряду с „обменом равных ценностей", то в его последней работе картина получается не более конкретной, хотя разрыв автора с марксистским подходом к вопросам становится гораздо более явным. По поводу закона ценности мы имеем здесь гораздо более определенное заявление:

„Мы имеем... основание ожидать, — говорит Каутский, — что, в среднем, закон трудовой стоимости будет действовать и в социалистическом обществе, несмотря на отмену частного производства и частной конкуренции". [2]

Гораздо подробнее, чем на законе ценности, Каутский останавливается на проблеме денег:

„Немало социалистов полагает, — пишет он, — что социализм означает «конец денег»".

Каутский считает это мнение совершенно абсурдным.

„Денежный строй, — по его мнению, — есть механизм, без которого не может обойтись регулярное производство в обществе с широко разветвленным разделением труда".

Более того, безденежное хозяйство кажется Каутскому... зловредной большевистской выдумкой.

„Как же будет организовано социалистическое хозяйство? — вопрошает он и отвечает с чувством собственного достоинства: — „Оно, конечно, не будет одной огромной фабрикой, как думает Ленин" [3].

---

[1] К. Каутский. „На другой день после социальной революции", стр. 27.

[2] K. Kautsky. „Die proletarische Revolution und ihr Programm" 2-te Aufl. S. 323.

[3] Там же, S. 312.

Вообще, по мнению Каутского,

„без денег возможны только два вида хозяйства: во-первых, первобытное общество... В переводе на современный масштаб это означало бы, что вся производственная деятельность в государстве была бы организована в форме одной фабрики с централизованным управлением, предписывающим каждому отдельному предприятию его производственные задачи, принимающим у всего населения продукты его труда и предоставляющим в натуре каждому предприятию его средства производства и каждому потребителю его средства потребления. Идеалом такой организации,—пугает нас Каутский,—является каторжная тюрьма или казарма, обитателям которой тоже предоставляется в натуре все наиболее существенное, в чем они нуждаются. Это монотонное варварство, действительно, проглядывает в каждом понятии о «натуральном свойстве» социализма... Все получают поровну хлеба, мяса, жилища, одежды; личные вкусы и склонность не играют при этом никакой роли... К сожалению, остается неизвестным, по скольку килограмм книг будет отвешиваться в год каждому гражданину и как часто население каждого дома будут водить в кинематограф“ [1].

Здесь Каутский считает нужным утешить впавшего в уныние читателя, подавленного столь безотрадной картиной:

„Кроме этого шаблонного способа распределения одинаковых жизненных припасов и наслаждений, каждому поровну мыслима еще другая форма социалистического безденежного хозяйства,—та именно, которую Маркс назвал второй стадией коммунизма. Каждый по своему желанию производит столько, сколько может, производительность труда возросла в такой степени, количество продуктов так огромно и разнообразие их так велико, что каждый может брать, что и сколько ему угодно. При этом, разумеется, в деньгах нет никакой надобности“.

Совсем уж обрадовался читатель, не желающий видеть в деньгах незыблемое завоевание всего исторического прогресса

[1] K. Kautsky. „Die proletarische Revolution und ihr Programm“, S. 314—315.

человечества, как Каутский тут же снова окатывает его холодным душем:

„Но так далеко мы еще не зашли. В настоящее время мы даже и представления иметь не можем, дойдем ли мы когда-нибудь до такого состояния. Никаких предпосылок, которые давали бы основание ожидать этого, пока еще не имеется“ [1].

Выше мы видели, как Каутский в своей старой работе подходил к вопросу о функциях денег при социализме, оставляя в силе лишь одну функцию платежного средства. Ныне автор обнаруживает больше великодушия по отношению к презренному металлу. Деньги, по его словам,

„должны будут существовать в социалистическом обществе в качестве мерила ценности и средства обращения по меньшей мере до тех пор, пока оно не вступит в благословенную вторую фазу коммунизма, о которой мы ныне даже не знаем, будет ли она чем-нибудь бо́льшим, чем благочестивое пожелание, вроде тысячелетнего царства“ [2].

Таким образом, та самая функция мерила ценности, которую Каутский в своей ранней работе считал возможным отменить для социалистического хозяйства, вновь оказывается незыблемой. Оно и понятно, ибо Каутский ныне, подобно Туган-Барановскому, считает социалистическое хозяйство товарным и меновым типом хозяйства.

„Социалистическое общество также не сможет существовать без системы обмена продуктов. Этот обмен должен быть двойного рода. Во-первых, обмен между предприятиями, с целью приложения средств производства, с целью производительного потребления. Во вторых — обмен между производством и домашним хозяйством, с целью приобретения средств потребления, с целью личного потребления“ [3].

---

[1] K. Kautsky. „Die proletarische Revolution und ihr Programm“. S. 315.

[2] Там же, S. 316—317.

[3] Там же, S. 313.

Таким образом, общее резюме рассуждений Каутского насчет хозяйственной структуры социализма сводится к тому, что в этом строе, „несмотря на отмену частного производства и частной конкуренции“, полностью остается в силе обмен, протекающий в полном согласии с законом ценности и обслуживаемый деньгами в их двойной роли мерила ценности и орудия обращения.

Мимоходом Каутский задевает проблему, которая в течение последних лет усиленно обсуждалась в теоретической литературе, вокруг которой создалась даже довольно обширная литература и которая, безусловно, должна привлечь серьезное внимание. Это — проблема учета в социалистическом хозяйстве.

> „Каким бы образом ни было организовано социалистическое общество, — пишет Каутский, — оно будет нуждаться в тщательной бухгалтерии, равно как и каждое из его предприятий; из этой бухгалтерии должно быть в каждый момент вполне отчетливо видно, сколько оно израсходовало, сколько оно приобрело или доложило. Это, однако, совершенно недостижимо, если приход и расход вносятся в книги только in natura“ [1].

Вопрос о хозяйственном учете в социалистическом обществе обычно не только ставится и обсуждается в связи с вопросом о ценности и ее судьбе, но чаще всего и безнадежно смешивается с этой последней проблемой. Здесь мы переходим, главным образом, к той части литературы, которая непосредственно связана с практическими задачами или, во всяком случае, с практической злобой дня.

4.

Поскольку в ряде стран — прежде всего в России, а затем также в странах Центральной Европы, — вопросы социалистического хозяйства оказались — или, как в Германии, лишь казались — поставленными в порядок дня, возникает ряд попыток разрешить проблему учета, цены и ценности при социализме. С другой стороны, ряд противников социализма

[1] K. Kautsky. „Die proletarische Revolution und ihr Programm“, S. 317.

берет на себя задачу доказать несостоятельность тех решений проблемы, которые предполагаются социалистами.

Проблеме хозяйственного учета в социалистическом обществе специально посвящена работа австрийского социалиста Отто Лейхтера [1].

Его общие представления о социалистической организации хозяйства, из которых он исходил в своем анализе, носят на себе яркий отпечаток идей гильдейского социализма. В отличие от Каутского, он не считает, что социалистическая организация хозяйства сохраняет товарно-денежный облик; в то же время он полемизирует против формулировок Гильфердинга, уподобляющего в принципиальном отношении получаемые меновые акты в социалистическом хозяйстве — „обмену ручки на марку на школьной скамье". По мнению Лейхтера, подобными шуточными примерами не ограничивается дело. Настоящая трудность возникает тогда, когда в социалистическом хозяйстве шахта поставляет заводу уголь или руду, одно предприятие работает по заданию другого, изготовляя для него орудия производства или полуфабрикат и т. д. Конечно, подобные отношения не представляют собою обмена в собственном смысле, но они ставят с большой настоятельностью проблему учета и хозяйственного сравнения. В случае же невозможности сравнения исчезает самая возможность рационального хозяйствования",

> „вместе с формальной учетной рациональностью исчезает и материальная рациональность..." Поэтому из того, что в социалистическом хозяйстве не будет обмена, не следует заключать, что в нем не будет также хозяйственного учета, что ему не понадобится измерителя для охвата издержек производства" [2].

Возникает вопрос, на каких основаниях должен быть поставлен этот хозяйственный учет и каким образом он

---

[1] Otto Leichter. „Die Wirtschaftsrechnung in der sozialistischen Gesellschaft". Marx-Studien. B. V, I Heft. Wien, 1925.

Эта весьма слабая работа почему-то появилась в русском переводе: Отто Лейхтер. — „Хозяйственный учет в социалистическом обществе", с пред. С. Струмилина, изд. „Экон. Жизнь". 1925 г. Дальнейшие ссылки на страницы относятся к русскому изданию.

[2] Там же, стр. 40.

должен осуществляться. Лейхтер припоминает полемику Маркса против проектов рабочих денег, в которых Маркс усматривал утопизм именно потому, что они хотели осуществить непосредственный трудовой учет при сохранении всех прочих особенностей товарно-капиталистического хозяйства.

> „Но если принятие системы рабочих денег связать со всеми прошлыми предпосылками, то ясно, на каких основаниях должно быть построено обращение в социалистическом хозяйстве. Уже при капитализме в основе обмена лежит рабочее время, как tertius comparationis. Как этот закон искажается рынком, мы уже видели. Но в социалистическом хозяйстве все эти препятствия отпадают“ [1].

Поэтому, варьируя слова Клаузевица, что война является продолжением политики мирного времени, но только при помощи других средств, автор провозглашает, что

> „социалистический учет является продолжением капиталистических методов учета, но только с другими целями“ [2].

На основании точнейшего учета вычисляются издержки производства каждого продукта, которые кладут в основу при определении его цены. Да

> „готовый, пригодный для потребления продукт получает штемпель с ценой“ [3].

С этим штемпелем продукт попадает в канал своеобразного социалистического обращения, где он пребывает до того момента, пока кто-либо из членов социалистического общества его не приобретет, уплативши соответствующим трудовым свидетельством. Этот последний акт

> „не является обменом на распределительных складах, не будет происходить никакого торга. Установленные обществом цены уплачиваются в трудовых свидетельствах, последние стекаются в центральное учреждение,

---

[1] Otto Leichter. Die Wirtschaftsrechnung in der sozialistischen Gesellschaft“, стр. 43.

[2] Там же, стр. 53.

[3] Там же, стр. 61.

напр. в центральный общественный банк, который затем «кредитует» ими фабрики" и т. д. [1].

Остановимся на некоторых представителях буржуазной экономической науки, перед которыми в годы военного коммунизма,—в период курса на всеобщую натурализацию хозяйственных отношений, была поставлена теоретическая проблема цены, ценности и о ликвидации денег в социалистическом хозяйстве. Несколько очерков, принадлежащих перу разных авторов, явились результатом попытки осветить эти проблемы, имевшие тогда, казалось, не только теоретический, но и известный практический интерес [2].

Эти авторы, естественно, исходят из еще более неопределенного представления о ценности, чем разобранные нами выше теоретики. Один из авторов, напр., считает возможным установить два типа, два различных вида ценностного учета: денежный и трудовой. Обе эти формы „ценностного учета" противопоставляются учету материальному. И автор ставит вопрос: мыслима ли такая организация общественного хозяйства, которая могла бы обойтись исключительно материальным учетом, не прибегая вовсе к учету ценностному. После долгих рассуждений автор приходит в конце концов к выводу, что без такой формы учета, при которой можно было бы сохранить почву для сравнения разнообразных, качественно-различных факторов производства и потребления, общественное хозяйство существовать не может, хотя бы оно было организовано на социалистических началах, предполагающих единый план, единое руководство и исключающих какие-либо формы обмена, равно как сохранение отдельных единичных хозяйств. Доказывает он свою мысль о непригодности одного лишь материального учета тем соображением, что сей последний

> „не может быть достаточным тогда, когда требуется сравнить выгодность случаев, относящихся к разным производственным комбинациям, так как те условия,

[1] Otto Leichter „Die Wirtschaftsrechnung in der sozial. Gesellschaft" стр. 62.

[2] См. „Проблемы денег и учета в социализме", сб. статей Железнова, Каценеленбаума, Соколова и Шмелева, изд. Инст. Экон. Исслед. НКФ, 1922 г.

при которых он, пожалуй, может быть допущен, имеют в виду как раз случаи, относящиеся к одной и той же комбинации вещественных и личных элементов производства"[1].

Ценностный учет требуется, поэтому, соображением о необходимости технического прогресса, заключающегося как раз в замене устаревших производственных комбинаций новыми, более выгодными. А чтобы судить о выгодности, необходимо иметь возможность сравнивать различные комбинации, как их затраты, элементы, так и их результаты. В виду этого, автор приходит к выводу, что

„поскольку дело касается собственно производственной сферы, то социалистическому хозяйству без однородного измерителя для всех элементов производства и известной части их результатов не обойтись"[2].

Далее, касаясь вопроса о распределении предметов личного потребления, автор опять приходит к заключению, что

„где имеется возможность выбора между разными по материальной оболочке продуктами, там должен быть ценностный измеритель для всех продуктов"[3].

Остается вопрос о двух формах ценностного учета, различаемых нашим автором: трудовой и товарно-денежный. В этом отношении автор различает несколько этапов хозяйственного развития. В хозяйстве товарного типа, естественно, господствует товарно-денежная форма ценностного учета. Точно так же понятно, с точки зр ния разбираемого автора, что в коммунистическом обществе господствует исключительно трудовой метод учета. Но между этими двумя этапами расположена, по классификации нашего автора, „эпоха пролетарской революции", разделяемая в его схеме опять-таки на два периода: 1) когда в пределах государственного хозяйства

---

[1] К. Ф. Шмелев. „Основные вопросы учета в госуд. хозяйстве пролетариата", ст. в сб. „Проблемы денег и учета в социализме", Изд. Инст. Экон. Исслед. НКФ, 1922 г. стр. 127.

[2] Там же, стр. 126.

[3] Там же, стр. 128.

воплощается в продукты **меньше половины** того количества общественно-необходимого живого труда, которое затрачивается во всем народном хозяйстве в целом, и 2) когда в пределах государственного хозяйства мы имеем **больше** половины всей народно-хозяйственной суммы общественно-необходимого труда. Надо ли добавлять, что Соломоново решение автора сводится к следующему: чтобы был смысл подымать работу по введению трудовой единицы ценности, надобно, чтобы в государственном хозяйстве затрачивалось не менее половины всей массы народного труда [1].

Несравненно более интересна другая статья в том же сборнике, принадлежащая З. С. **Каценеленбауму**.

Он начинает свой анализ с решительного заявления:

„Мы должны признать, что с социалистическим устройством существование денег не совместимо" [2].

Засим автор переходит к размышлениям над тем, каким образом сможет обходиться социалистическое хозяйство без „существования денег". Он перечисляет 4 основных функции денег и исследует вопрос о том, сохраняются ли в социалистическом хозяйстве те задачи, которым соответствуют эти отдельные функции. Без особого труда автор приходит к выводу, что необходимость в деньгах в качестве орудия обмена, средства платежа и орудия накопления радикально исчезнет при социалистическом переустройстве хозяйства; совершенно иначе, по его мнению, будет обстоять дело с последней функцией денег в качестве **мерила ценности**. Автор считает, что

«измерительная функция денег» отнюдь не сходит со сцены одновременно с ликвидацией товарно-капиталистических отношений".

По его мнению, следует иметь в виду, что в капиталистическом хозяйстве эта функция осуществляется не только в процессе обмена, но и в процессе производства и в процессе потребления. Если в первой области, т.-е. в процессе

---

[1] К. Ф. Шмелев. „Основные вопросы учета в гос. хоз. пролетариата", стр. 131—133.

[2] Сб. статей „Проблемы денег и учета в социализме", Изд. Инст. Экон. Исслед. НКФ, 1922 г. стр. 35 — 36.

обмена, необходимость денег, как мерила ценности, при социализме ликвидируется за уничтожением самого процесса обмена, то совершенно иначе обстоит дело в отношении последних двух областей. Проблемы, которые встают здесь— проблема учета потребностей и проблема учета результатов производства должны опять-таки быть признаны разноценными. После более подробного анализа первой проблемы автор приходит к конечному выводу, что

> „учет потребностей может компенсировать в социалистическом государстве[1] отсутствие денег в качестве мерила ценности в сфере потребления“.

Более детального разбора заслуживает третья форма, в которой проявляется измерительная функция денег, а именно — ее роль в области производства. В товарном хозяйстве деньги служат формой учета результатов производства. „Можно ли, однако, вести какое-либо хозяйство—индивидуалистическое или коллективистическое, без учета его результатов?“ — вопрошает автор и отвечает без всяких колебаний в отрицательном смысле. Социалистическое хозяйство, как и всякое другое, будет иметь в своем распоряжении лишь ограниченный запас труда и капитала. Его задача будет заключаться в том, чтобы, руководствуясь хозяйственным принципом, получить при помощи этого запаса максимум продуктов, удовлетворить максимальное количество потребностей. Как и всякое другое хозяйство, социалистическое общество должно будет распределить свои производительные силы, прежде всего, между производством средств производства и производством предметов потребления. Далее, перед ним будет стоять задача не одного лишь простого воспроизводства, но и приумножения наличного запаса средств производства. А как судить о размерах этого запаса, когда конкретные виды машин и других орудий постоянно изменяются? Совершенно очевидно, что здесь должен действовать какой-либо общий измеритель.—Наконец, социалистическое хозяйство должно целесообразно распределять свои ресурсы между отдельными областями страны, между отдельными

[1] Здесь невольно вспоминается герой из „Мандата“ с его изречением: „В коммунистическом государстве нет любви, есть одна лишь промблема пола“.

отраслями производства и даже между отдельными типами предприятий. Все эти задачи не выполнимы при отсутствии какого-либо общего мерила, дающего возможность выразить в однородных единицах качественно-разнородные элементы хозяйства. И автор приходит к выводу, что

> „все это делает совершенно необходимым замену измерительной функции денег в социалистическом хозяйстве чем-нибудь иным, выработку новой системы учета результатов производства взамен учета денежного“ [1].

Этой новой системой учета не может служить натуральный учет, в силу целого ряда обстоятельств. Вопрос о формах учета в социалистическом хозяйстве остается открытым. Повидимому, должна создаться какая-то новая наука, которая поставила бы и разрешила этот вопрос во всем его объеме. А до тех пор, повидимому, место денежного учета займет учет трудовой, учет по количествам затраченной трудовой энергии“ [2].

Если разобранные выше авторы пытаются так или иначе разрешить вопрос об учете в социалистическом хозяйстве, возможность существования которого они в данном случае не ставят под знак вопроса, то мы сейчас познакомимся с одним из представителей того направления буржуазной экономической науки, которое использует проблему хозяйственного учета, якобы неразрешимую для социализма, для доказательства совершенной невозможности социалистического строя. Теоретические рассуждения проф. Б. Бруцкуса имеют своим непосредственным объектом критики хозяйственную систему военного коммунизма, которую автор рассматривает (и разносит), как попытку осуществления „марксистского социализма“ [3]. Нет нужды доказывать, что в настоящее время подобная критика потеряла, разумеется, какой бы то ни было смысл. Тем не менее, в брошюре Бруцкуса мы находим основные исходные пункты той критики экономиче-

---

[1] Сб. статей „Проблемы денег и учета в социализме“, Изд. Инст. Экон. Исслед. НКФ, 1922 г. стр. 48.

[2] Там же, стр. 53.

[3] См. Б. Бруцкус. „Социалистическое хозяйство“. Берлин, 1923 г., стр. 17. Первоначально печаталось в виде статей в журнале „Экономист“ № 1 3 за 1922 г.

ской системы социализма, которая чрезвычайно распространена в современной буржуазной экономической литературе. А поскольку эти соображения сформулированы у Бруцкуса несравненно живее и остроумнее, чем у других представителей той же литературы (напр., у Мизеса),—на нем стоит остановиться несколько подробнее.

Бруцкус исходил из того взгляда, что

„хозяйственный учет имеет в социалистическом обществе гораздо большее значение, чем в капиталистическом“ [1].

Капиталист может, если ему угодно, работать вслепую. Зато стихийная сила рынка позаботится о том, чтобы воздать этому капиталисту по заслугам. „И не уйдет он от суда мирского...“ При социализме же каждый руководитель предприятия или целого хозяйственного объединения не отвечает своим личным имуществом за нерациональную постановку дела и т. п. Отсюда огромная роль и значение хозяйственного учета и расчета в социалистическом хозяйстве. Предложение заменить все прежние формы учета натуральным учетом Бруцкус, в полном согласии со многими другими авторами, объявляет совершенно несостоятельным и заявляет, что

„без ценностного учета никакое рациональное хозяйствование ни при каком социально-экономическом строе невозможно“ [2].

Более того, он считает совершенно несбыточной утопией представление о том, что в условиях современной эпохи с ее широко разветвленным разделением труда возможно построить планомерно-организованное общественное хозяйство. Он отрицает возможность организации хозяйства по одному плану, без посредства рынка и его законов. Обычно уподобляют организованное социалистическое хозяйство натуральному крестьянскому хозяйству. Отличительной особенностью последнего является то, что различные его угодья, части и отрасли непосредственно связываются в одно целое.

---

[1] Б. Бруцкус. „Социалистическое хозяйство, Берлин, 1923 г., стр. 15.—У автора разрядка.

[2] Там же, стр. 17.—У автора разрядка.

„Это сравнение...

по мнению Бруцкуса —

> решало бы проблему регулирования социалистического хозяйства, если бы... если бы только обе хозяйственные организации были схожи по своим размерам. Крестьянское хозяйство можно охватить здравым крестьянским умом. Но можно ли путем соответственной интуиции охватить социалистическое хозяйство не только великой России, но и какого-нибудь маленького государства?! Именно в таких случаях количественное различие переходит в качественное" —

заключает наш автор, щеголяя даже диалектикой [1].

Засим следуют мало оригинальные разглагольствования на тему о том, что никакая статистика и вообще никакая наука не в состоянии заранее определить, какое количество предметов потребления определенных видов и категорий потребуется для населения большой страны. Обычные беззубые рассуждения насчет превращения жизни в казарму, а всех людей — в несчастных солдат увенчиваются оригинальным и приятным откровением, что осуществление программы, требующей одинаковых условий жизни для всех, создания домов-коммун, общих столовых и т. п. провалилось,

> „ибо ее (т.-е. программы) предпосылкой должна была бы быть отмена моногамного брака, чего последовательно и требовала гр. Коллонтай, но на это наша власть не пошла [2].

Одержав, таким образом, победу над коммунизмом по вопросу о моногамном браке, Бруцкус считает себя окончательно вправе провозгласить, что

> „даже во всеоружии теоретической науки и громадного статистического аппарата социалистическое государство не в силах взвесить потребностей всех своих граждан,

---

[1] Б. Бруцкус. „Социалистическое хозяйство", Берлин, 1923 г., стр. 31.

[2] Там же, стр. 35.

а в связи с этим оно не может дать надлежащих директив производству" [1].

Нетрудно заметить, что Бруцкус (как и все, впрочем, его бесчисленные предшественники и последователи на этой стезе социалистоедства) делает сразу две грубейших ошибки, когда он с большим пафосом изображает крайнее возмущение по поводу „установления норм" в области пищи, жилища, одежды и друг. областей личного потребления. Во-первых, он безбожно прикрашивает капитализм, как это, впрочем, и полагается откровенному буржуазному апологету. Во всяком случае, когда он расписывает ту якобы неограниченную свободу в удовлетворении своих потребностей, которой обладает каждый рабочий в капиталистическом хозяйстве, то эта грубая апологетика вряд ли кого может ввести в заблуждение. Он „забывает" при этом такую мелочь, что, при теоретически полной свободе качественного выбора предметов потребления, огромнейшее большинство населения жестким образом ограничено с количественной стороны величиной своего дохода. Антагонистическая система распределения, уделяющая рабочему лишь ценность его рабочей силы, фактически сводит на-нет и формальную качественную свободу в удовлетворении потребностей. Ибо кому неизвестно, что когда у человека постоянно имеется крайне ограниченный фонд для удовлетворения своих потребностей, то он обычно следует вполне определенным стандартам в этом отношении. И, действительно, всякий, наблюдавший жизнь даже прилично-оплачиваемых слоев европейского пролетариата (не говоря уже, разумеется, о наемных рабах колониальных и остальных стран, влачащих жалкое существование, по сравнению с которым высмеиваемая Бруцкусом „сытая казарма" может, действительно, показаться раем и, во всяком случае, — первой ступенью к человеческому существованию), подтвердит сравнительное единообразие и постоянство в образе жизни этих слоев.

Еще более грубой и недопустимой для человека, причастного к экономике и статистике, является, однако, вторая ошибка. Бруцкус изображает дело так, будто социалистическое общество, чтобы быть в состоянии „дать надлежащие директивы производству", должно обязательно знать заранее,

---

[1] Б. Бруцкус. „Социалистическое хозяйство", Берлин, 1923 г., стр. 36.

сколько различных предметов вздумает потребить каждый отдельный Иван Иванович или Иван Петрович [1].

Можно, в самом деле, подумать, что статистический закон больших чисел еще не был открыт в 1920—23 г., когда Бруцкус производил свои изыскания. Достаточно кинуть беглый взгляд на статистику душевого потребления важнейших продуктов в любой из стран, чтобы убедиться в значительном постоянстве и крайне постепенном и плавном характере изменения этих данных в совершенно подавляющем большинстве случаев. В тех же сравнительно редких случаях, когда имеют место резкие прыжки потребления, толчком для этих изменений обычно служат те или иные перемены в области производства данных продуктов (пример — рост потребления искусственного шелка в послевоенные годы, вызванное изобретениями в этой области производства и соответственным удешевлением товара). — Таким образом, социалистическая организация производства отнюдь не должна заранее учитывать все капризы отдельных потребителей, чтобы иметь возможность направлять производство в полнейшем соответствии с потребностями всего населения в целом. С другой стороны, социалистическое хозяйство не имеет ничего общего с той казарменной карикатурой на социализм, которую выдумали его противники. Напротив, только социалистическая организация хозяйства впервые в истории человечества открывает перед широкими слоями населения возможность более разнообразного и богатого удовлетворения человеческих потребностей, ибо оно кончает с господством закона ценности рабочей силы, железными рамками ограничивающим уровень жизни трудящихся масс при капитализме.

---

[1] Поразительное родство душ с кадетом Бруцкусом обнаруживает в этом отношении меньшевик Далин. В качестве доказательства „незрелости" современного капитализма для социалистической революции этот последний приводит пример конфекционного производства, где господствует капризная мода. Социализм невозможен, пока имеется такое положение, когда „одеть дамскую половину человечества куда труднее, чем ее раздеть. Это задача, которая не по плечу самому мудрому из мудрых правительств. А их ведь так мало на свете." (Д. Далин. После войн и революций, стр. 193). — Остается, таким образом, лишь надеяться на то, что, вследствие обуздания капризов моды, или же, наоборот, вследствие повышения нравственности нынешнее положение с „дамской половиной человечества" превратится в обратное, и тогда меньшевизм разрешит пролетариям бороться за ликвидацию капитализма.

Другое соображение, служащее у Бруцкуса доказательством невозможности социалистического планового хозяйства, по своему глубокомыслию не уступает первому. Оказывается, в социалистическом хозяйстве не существует прямой связи „между производительностью предприятия и его питанием“ [1].

Социалистическое хозяйство не в состоянии решить, какое предприятие является более выгодным и какое менее выгодным.

„У социалистического хозяйства нет никакого механизма для координирования каждого отдельного производства с народным хозяйством“ [2].

Причиной столь печального положения является то обстоятельство, что социалистическое хозяйство должно плыть по „воле волн“ без всякого хозяйственного учета. Ибо хозяйственный учет может быть только ценностным учетом, а ценностный учет немыслим без сохранения рынка. Но социалистическое хозяйство построено на отрицании рынка. Естественно, что его полный крах неминуем.

По мнению Бруцкуса, столь безнадежное положение не может быть спасено при помощи трудового метода учета, который предлагается некоторыми авторами. Прежде всего, возникают трудности уже при одном лишь подсчете труда, затраченного на производство различных продуктов. Как известно, не всякий труд одинаков. Маркс не дает никаких формул для перевода сложного труда в простой и т. п.

„Но оставим эти сомнения...—

смягчается вдруг Бруцкус —

Предположим, что этот учет труда на всем громадном объеме народного хозяйства... так или иначе осуществлен. Даст ли он нам что-нибудь подобное по своему значению ценностному учету в капиталистическом хозяйстве, получающему свои директивы от свободного рынка“? [3].

---

[1] Б. Бруцкус. „Социалистическое хозяйство“. Берлин, 1923 г., стр. 36.

[2] Там же, стр. 38.

[3] Там же, стр. 19.

Решительно нетрудно догадаться, что наш автор отвечает на свой риторический вопрос отрицательно. По его мнению,

„трудовой учет теряет какое бы то ни было значение, когда отдельные предприятия поставлены в различные естественные условия, либо если они в различных соотношениях используют капитал“ [1].

В таких случаях на основании одних лишь данных насчет трудовых затрат на единицу изделия нельзя делать вывод насчет степени выгодности того или иного предприятия. А, между тем, ясно, что и в социалистическом производстве взаимодействие трех факторов: труда, капитала и природы сохраняет все свое значение. Но если трудовой учет не в состоянии дать достаточные указания насчет сравнительной выгодности различных предприятий, то каким же образом разрешается вопрос о том, как и в каком направлении развивать дальнейшее производство. Трудовой учет этой проблемы не решает; вне рынка немыслимо никакое рациональное хозяйство в человеческом обществе — таковы альфа и омега всех рассуждений Бруцкуса.

5.

Мы далеко не исчерпали, разумеется, всей литературы, посвященной проблемам ценности и хозяйственного учета при социализме [2]. Все же на основании разработанного нами материала можно подвести некоторые итоги, наметить некоторые особенности разбираемой нами проблемы.

---

[1] Б. Бруцкус. „Социалистическое хозяйство“. Берлин, 1923 г., стр. 21.—У автора курсив.

[2] В обширной литературе, оставленной нами в стороне, читатель найдет сравнительно немного нового. Тем не менее, дадим здесь некоторый перечень произведений, освещающих данную проблему. Разумеется, этот перечень не претендует на полноту.

I. На русском языке имеется:

Ряд статей в газете „Экономическая Жизнь“:

1) Е. Варга. „Исчисление стоимости производства в безденежном хозяйстве“ („Э. Ж.,“ № 259 за 1920 г.).
2) С. Струмилин. „Проблема трудового учета“ („Э. Ж.“. № 237, 238 за 1920 г.).
3) А. Чаянов. — „Проблема хозяйственного учета в социалистическом государстве“ („Э. Ж.“ № 225, 231 за 1920 г.).

Прежде всего, бросается в глаза, что ни у одного из разобранных нами авторов мы не встречаем даже попытки четко разграничить проблему ценности и проблему хозяйственного учета. В сущности, различие между отдельными авторами в этом отношении замечается в том, что одни смешивают эти понятия более безнадежно, другие — менее. „Ценностный учет“ для многих экономистов равнозначущ учету вообще; такая постановка вопроса свидетельствует о максимальном смешении понятий. Зачастую и трудовой учет трактуется, как одна из разновидностей ценностного учета, на-ряду с другой разновидностью — товарно-денежного.

Подобного рода формулировка и классификация чрезвычайно характерны для вульгарно-экономического подхода к явлениям. Вульгарный экономист не ставит перед теорией ценности такой задачи, какая ставится марксизмом: раскрытие основного закона существования и развития товарно-капиталистического общества. Ему достаточно, если теория ценности более или менее удовлетворительно объясняет и истолковывает повседневное движение цен. С другой стороны, вульгарный экономист несравненно менее требователен к тем явлениям, которым он согласен присвоить наименование ценностных категорий. Достаточно чисто внешнего сходства, чисто внешней аналогии, чтобы он был готов открыть категорию ценности в любом явлении, ничего общего с этой категорией не имеющем.

Ряд статей в журнале „Народное Хозяйство:

4) Х. Керве. „Учет трудовой ценности предметов и очередные задачи хозяйственного строительства“ („Н. Х.“ № 1—2 за 1921 г.).
5) В. Сарабьянов. „Об измерении трудовой стоимости“. („Н. Х.“ № 4 за 1921 г.).
6) М. Смит. „Проблема хозяйственного плана“. („Н. Х.“ № 1—2 1921 г.).
7) М. Смит. — „К вопросу об измерении трудовой стоимости“. („Н. Х.“ 1921, № 3).
8) С. Клепиков. „Опыт построения системы хозяйственных измерителей в промышленности“ („Н. Х.“ № 3 за 1921 г.).

В той или иной связи этот вопрос затрагивается в следующих произведениях:

9) А. Дембо. „Учет и преодоление разрухи“. Гос. Изд. Киев, 1920. (Нам известно неизданное произведение этого автора,

Блестящим примером в этом отношении служит Кассель. Когда он „открывает" категорию ценности в социалистическом хозяйстве, ему абсолютно дела нет до таких пустяков, как: 1) отсутствие рынка и конкуренции в этом хозяйстве, 2) отсутствие частной собственности и единичных хозяйств, 3) наконец, отсутствие обмена товарами, в которых только и может объективироваться категория ценности. Пусть марксисты толкуют о товарном фетишизме; пусть, по их мнению, категория ценности может иметь место лишь там, где общественно-производственные отношения людей принимают форму отношений между вещами, свойств этих вещей. До всего этого вульгарному экономисту никакого дела нет. Ему совершенно достаточно самой поверхностной аналогии. Категория

оставшееся после его смерти незаконченным и трактующее специально вопросы теории ценности и социалистического хозяйства).

10) Л. Лубны-Герцык. „О переводе капитала в трудовые эквиваленты". РИО ВСНХ, М. 1922 г.
11) П. Амосов и А. Савич. „Проблема материального учета в соц. хозяйстве". Петроград, 1921 г.
12) М. Шефлер. „Замена золотой валюты трудовой" (Сборник „Экономика и политика твердых цен", РИО ВСНХ, М., 1920 г.).
13) Е. Варга. „Проблема экономической политики при пролетарской диктатуре". Гиз, М., 1922 г.
14) М. Смит. „Очерки переходного периода". РИО ВСНХ, М., 1920 г.
15) Дискуссия вокруг „Экономики переходного периода". Н. Бухарина (См. в особенности №1 „Красной Нови" за 1921 г.).

Из переводной литературы можно указать:

16) А. Шефле. „Квинт-эссенция социализма" (есть целый ряд изданий).
17) М. Бургэн. „Современные социалистические системы и экономическое развитие". СПБ. 1906 г.
18) Ж. Ренар. — „Проблема социализма". М., 1918 г.

II. Немецкая литература по этому вопросу:

1) Mides. „Die Gemeinwirtschaft".
2) Mides. Статьи в „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik". B. 47 u. 51.
3) Karl Polanyi, статья в „Archiv", B. 49.
4) Felix Weil, статья в „Archiv", B. 50.
5) Ed. Heimann. „Mehrwert und Gemeinwissenschaft", Berlin, Rob. Engelmann, 1922.
6) Marschak, статья в „Archiv" B. 51.
7) A. Schäffle. „Bau und Leben des Sozialen Körpers". 1882.

ценности обеспечивает в товарно-капиталистическом хозяйстве каждому единичному участнику общественного производства в той или иной степени известное соответствие между совершенными им трудовыми затратами и покупаемой в итоге обмена и распределения долей общественного продукта. Но ведь соответствие между индивидуальными затратами и получаемой долей общественного продукта должно сохраниться и в социалистическом хозяйстве. Отсюда готовый вывод: в социалистическом хозяйстве закон ценности остается в силе. Нужды нет, что это же самое соответствие достигается здесь диаметрально-противоположными методами по сравнению с капитализмом: 1) плановая организация всего общественного производства взамен анархии раздробленных хозяйств, 2) сознательное управление хозяйством взамен господства стихии, априорное установление соответствия между затратами и вознаграждением, между производством и потреблением взамен апостериорного результата бессознательной стихии рынка.

От подобного смешения различных явлений в одну кучу метод Маркса отличается, как небо от земли. Маркс еще задолго до Касселя указывает, что соответствие между индивидуальными затратами и покупаемой долей отдельного работника социалистического хозяйства имеет нечто сходное с обменом по ценности в товарном хозяйстве. Но эта аналогия упоминается именно, как аналогия, как известного рода сравнение и сопоставление, а не как доказательство практичности этих разнородных в корне явлений.

Маркс следующим образом проводит эту аналогию по отношению к первой стадии социалистического хозяйства:

„Отдельный производитель получает от общества обратно, за всеми вычетами, ровно столько, сколько отдает ему, а отдает он ему свое индивидуальное количество работы. Так, общественный рабочий день представляет сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время отдельного производителя есть доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что отдал ему столько-то труда (за вычетом труда в пользу общественных фондов) и за эту квитанцию получает из общественных складов средства потребления в количестве, стоящем такого же количества труда.

Сколько труда он отдал обществу в одной форме столько же и получает в другой.—Здесь, очевидно, господствует принцип, тождественный с тем, который регулирует товарный обмен, поскольку последний есть обмен равноценностей. Содержание и форма изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, а, с другой стороны, ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления. Но что касается распределения их между отдельными производителями, то здесь господствует тот же самый принцип, что и при обмене товарных эквивалентов: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество в другой" [1].

Мы видим, таким образом, что при проведении этой аналогии Маркс не забывает подчеркнуть, что не только форма, но и само содержание процесса изменилось, поскольку речь идет: 1) не об обмене товарами и 2) лишь о распределении потребительных благ. Здесь господствует принцип, аналогичный принципу товарообмена: эквивалентность („обмен равноценностей"). Однако, величайшей ошибкой было бы заключить отсюда, будто весь описываемый процесс тождественен с процессом товарообмена; напротив, между обоими процессами нет ничего общего, кроме указанного принципа. Зато коренное различие между этими двумя процессами заключается, прежде всего, в том, что в товаропроизводящем обществе принцип эквивалентности, управляя товарообменом, выступает в качестве закона ценности как регулятор производства, в то время как во втором случае речь идет об „обмене равных количеств труда" лишь в качестве принципа распределения, между тем как организация производства претерпевает коренную перемену в сравнении с предшествующей исторической эпохой. Маркс никогда не забывает подчеркнуть примат производства. Он часто обращает внимание на то, что распределение нельзя рассматривать, как некий самодовлеющий про-

[1] К. Маркс. „К критике Готской программы". — Подчеркнуто нами.

цесс; напротив, следует помнить, что распределение, та или иная его форма, необходимейшим образом связано с формой производства: от нее зависит и ею определяется. Поэтому ошибку совершает тот, кто хочет рассматривать распределение средств потребления в социалистическом хозяйстве изолированно от формы организации производства в этом хозяйстве; ошибается, стало-быть, тот, кто в качестве основного принципа этого хозяйства берет не форму производства, а форму распределения.

„Любое распределение средств потребления, — говорит Маркс, —

> есть лишь производное следствие распределения самих средств производства. А распределение этих последних составляет характер самого способа производства.
>
> Само собою вытекает отличное от нынешнего распределение предметов потребления, когда условия и средства производства переходят в общественную собственность самих рабочих. — Вульгарный социализм... усвоил от буржуазных экономистов взгляд на распределение, как на нечто совершенно независимое от способа производства и поэтому представляет себе задачи социализма главным образом в области распределения“ [1].

В качестве классического примера буржуазного экономиста, рассматривающего распределение совершенно независимо от способа производства, можно взять Касселя. Как мы видели, экономист допускает, что средства производства поступают в общественную собственность и общество налаживает планомерную организацию всего производства. Это допущение нисколько ему не мешает, „открыв“ принцип эквивалентности в области социалистического распределения потребительных благ, сделать отсюда скоропалительное заключение о полном действии закона ценности в социалистическом хозяйстве.

Сравнительно больше последовательности обнаруживают те буржуазные теоретики, которые из своего тезиса о действительности закона цены-ценности для социалистического хозяйства делают заключение о том, что это хозяйство будет

---

[1] К. Маркс. „К критике Готской программы“, изд. 1919 г., стр. 19—20.

являться типично-меновым и в этом отношении ничем отличаться от современной экономической структуры капитализма не будет. С точки зрения этих теоретиков, стало-быть, уже не приходится говорить о том, что „общество планомерно организует хозяйство“. Напротив, общественное хозяйство, как и прежде, организуется при помощи стихийных велений рынка, находящих свое выражение в законе цены-ценности. Среди этих теоретиков опять-таки последовательность на стороне тех, кто делает отсюда вывод о полной невозможности и немыслимости социалистической организации хозяйства (Бруцкус, Muses). Напротив, большую непоследовательность обнаруживает Туган-Барановский, который продолжает еще говорить о социалистическом хозяйстве при подобных обстоятельствах.

Что касается теоретиков социал-демократии, то они обнаруживают чаще всего большую противоречивость и отсутствие какой-либо определенной точки зрения по данному вопросу. Лучшим примером в этом отношении может служить Каутский, который довольно беспомощно рассуждает о ценности и его мериле, о деньгах и средствах обращения в социалистическом хозяйстве. В основе этих противоречий лежит то обстоятельство, что теоретики социал-демократического „марксизма“ пытаются исследовать вопрос о социалистическом хозяйстве, не будучи в состоянии вообще представить себе возможность существования единого общества-хозяйства. Именно поэтому „социалистическое“ хозяйство разбираемых авторов так удивительно смахивает на современный нам общественный строй, с той только поправкой, что господа капиталисты отстранены от своих постов „капитанов индустрии“. Именно поэтому проблема хозяйственного учета в социалистическом хозяйстве сливается у этих авторов так непосредственно с проблемой возмещения, с проблемой расчета, которая в свою очередь теснейшим образом примыкает к проблеме ценности и эквивалентного обмена.

Недаром среди современных социал-демократических теоретиков такой любовью пользуются идеи гильдейского социализма. Это само по себе достаточно беспомощное в теоретическом отношении учение характерно и любопытно в том отношении, что оно представляет себе социалистическое хозяйство (или, как называют его представители, „гильдейское общество“) в качестве ряда автономных хозяйств. Отличие от капитализма заклю-

чается, таким образом, в ликвидации классового господства; автономия же отдельных предприятий или их крупных объединений в той или иной форме продолжает существовать[1]. Пожалуй, можно было бы видеть в идеях гильдеизма известную естественную реакцию против широко распространенных в эпоху Второго Интернационала взглядов насчет возможности и необходимости одновременной перестройки производственных отношений капитализма по двум линиям: как по вертикали (отношения классовой эксплуатации), так и по горизонтали (товарно-меновые отношения между автономными хозяйствами). Поэтому во взглядах гильдейцев можно, пожалуй, найти здоровое зерно, поскольку речь идет о сохранении множественности хозяйств в период переходный к социальному. Но дело в том, что конструктивные планы гильдеизма по мысли их авторов относятся не к переходному лишь хозяйству, а сохраняют свою полную силу и значимость для социалистического хозяйства. Немудрено, что социализм в этом случае получается весьма однобокий и незаконченный.

Авторы, пребывающие в той или иной степени под влиянием гильдейского социализма (примером в этом отношении может служить О т т о Л е й х т е р), в трактовке вопросов социалистической хозяйственной структуры неизбежно сбиваются на постановку проблемы м е ж х о з я й с т в е н н о й с в я з и в той или иной форме. Отсюда все разговоры о том, что в социалистическом хозяйстве труд, как основа учета, проявляется более непосредственно и точно, чем при капитализме. Отсюда упоминание о рабочих деньгах, которые не годятся для товарно-капиталистического хозяйства, но превосходно гармонируют с хозяйством социалистическим. Отсюда, наконец, та или иная степень смешения проблемы хозяйственного учета с проблемой ценности; наиболее тонкой формой этого смешения является подмена проблемы у ч е т а проблемой р а с ч е т а.

---

[1] См. об этом имеющиеся на русском языке брошюры о гильдейском социализме: Г. К о л ь. „Гильдейский социализм“, изд. „План. Х-во“, М. 1925 г., в особенности стр. 43 и след., и С т и р л и н г Т э й л о р. „Гильдейский социализм и его политика“. Гиз. 1925 г., стр. 50—51 в особенности.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Закон ценности и политика цен в переходной экономике.

1. Важнейшие группы производственных отношений. — 2. Ценность и цена внутри социалистического сектора хозяйства. — 3. Ценность и цена в частно-хозяйственном секторе. —4. Социалистический сектор, как продавец. — 5. Социалистический сектор, как покупатель. — 6. Взаимоотношения с мировым рынком.—7. Удельный вес каждого типа отношений. — 8. Закон ценности, рынок и товар.

1.

Переходя к разбору тех изменений, которые претерпевает категория ценности в хозяйстве переходного типа, мы считаем совершенно необходимым разделить всю пеструю сумму производственных отношений, существующих в переходной экономике, на несколько групп, объединяющих явления более или менее однотипного характера [1]. Здесь, прежде всего, на-

---

[1] Попытки *сплошного* анализа трансформации категории ценности в переходном хозяйстве заранее обречены на неуспех, ибо судьба этой категории различна в разных секторах переходной экономики. Подобный сплошной подход может дать в результате лишь бессодержательные выводы, построенные по принципу: с одной стороны, нельзя не признаться, с другой стороны, нельзя не сознаться.

Так, отсутствие дифференцированного подхода к различным типам отношений является слабым местом анализа ценообразования, данного в работе т. А. М. Гинзбурга, чрезвычайно содержательной и вдумчивой. („Экономия промышленности", ч. II, М. Гиз, 1927 г.).— Отмечая обычную печальную участь указных цен при сохранении частно-хозяйственного порядка в области производства, автор совершенно справедливо указывает: „Власть над ценами определяется степенью господства над всем производственным аппаратом страны".

прашивается элементарное подразделение на две группы: 1) явления, имеющие место внутри системы переходной экономики, и 2) явления, расположенные по линии связи страны пролетарской диктатуры с капиталистическим окружением, с мировым рынком. Это разделение нам представляется не только вполне законным, но и весьма необходимым по той причине, что переходная экономика, несмотря на чрезвычайную пестроту, разнообразие и противоречивость встречающихся в ней форм и типов хозяйственных отношений, должна быть рассматриваема все же, как известная система; пусть негармоническая, противоречивая, весьма динамическая — одним словом переходная, но все-таки система, которая должна быть рассматриваема прежде всего как одно целое, противопоставленное всему остальному, в данном отношении — капиталистическому хозяйству других стран.

Если из двух намеченных выше групп явлений вторая группа, охватывающая линии связи и соприкосновения переходно-хозяйственной системы с капиталистическим внешним миром, примерно однотипна и не требует дальнейших подразделений, то совершенно иначе дело обстоит с первой группой. Заключая в себе все многообразие отношений, уживающихся внутри рамок переходной экономики, эта группа может быть разделена в свою очередь на три основных категории явлений. Во-первых, отношения внутри социалисти-

---

(стр. 358).—Казалось бы, поскольку „степень господства над производственным аппаратом“ в области обобществленного хозяйства у нас довольно велика, „власть над ценами“ в этом секторе также бесспорна. Однако, сплошная, недифференцированная постановка вопроса приводит автора к определенным противоречиям. Он ставит риторический вопрос: „может ли наше государство игнорировать те факторы ценообразования, которые действуют в товарно-капиталистическом хозяйстве?“ и замечает: „Неверно, будто у нас вовсе не существует средней нормы прибыли“ (стр. 340).—Наконец, указывая, что практика последних лет характеризуется вытеснением „свободной“ цены в области госпромышленности „указной“ ценой, автор замечает: „Какая из двух систем образования цен имманентна нашему хозяйственному строю, в настоящее время с уверенностью сказать невозможно“ (стр. 339).

Подобного рода противоречия могут быть разрешены лишь при дифференцированном подходе к проблеме. Тогда выясняется, что в явлениях определенного типа принципы свободного ценообразования не могут игнорироваться, в другом же секторе отношений указная цена отнюдь не является какой-либо аномалией.

ческого круга производства; во-вторых, — отношения внутри несоциалистического сектора; в третьих — отношения связи между этими двумя основными долями переходного хозяйства. Легко понять, что судьба категории ценности, роль и значение, форма действия и проявления закона ценности оказывается глубоко различной во всех трех случаях.

Еще одно предварительное замечание, прежде чем перейти к разбору действия закона ценности в установленных нами группах и случаях. Как достаточно подробно выяснено было выше, мы не можем ограничиться рассмотрением закона ценности, как нормы движения и изменения рыночных цен; иными словами, нас интересует не только количественная, но и качественная сторона тех явлений, где мы имеем действие закона ценности. Закон ценности трактуется в марксовой теоретической системе не только как средняя бесчисленных колебаний единичных цен. Закон ценности помимо этого внешнего своего проявления имеет еще внутреннюю, скрытую от глаз вульгарной экономии, сущность: он является стихийным разумом неорганизованного общественного хозяйства, он осуществляет необходимую этому хозяйству долю равновесия, он выполняет задачу распределения производительных сил общества, при чем выполняет ее в противоречивой, стихийной форме. Поэтому наш разбор модификаций, претерпеваемых законом ценностей в различных группах явлений переходного хозяйства, должен будет касаться как внешней (определение уровня товарных цен), так и внутренней (стихийное распределение производительных сил) стороны действия закона ценности.

Наконец, необходимо иметь в виду, что видоизменения закона ценности в переходной экономике логически и исторически непосредственно примыкают к тем модификациям, которые закон ценности претерпевает уже в экономической структуре монополистического капитализма. Исторически, ибо практика монополистического капитализма в области ущемления стихийной силы рынка, вытеснения ее посредством целого ряда планомерных мероприятий является тем наследством, от которого строящиеся социалистические отношения отнюдь не отказываются; целый ряд технических методов и приемов, организационно-хозяйственных форм и элементов, характерных для монополистического капитализма, находит себе то или иное применение в системе переходной экономики.

Логически — ибо ограничение власти прежнего всесильного самодержца — рынка в эпоху господства капиталистических монополий, в эпоху опытов государственного капитализма является непосредственным прообразом той борьбы за полную замену стихии сознательностью, которая составляет основное содержание хозяйственных процессов переходного периода.

При всем этом не следует, разумеется, чересчур смело и некритически переносить на переходное хозяйство все те закономерности и особенности, которые могут быть установлены применительно к монополистическому капитализму. Большая опасность подобного некритического отношения, подобного смешения весьма разнохарактерных и разнотипных явлений кроется уже в том, что поверхностное наблюдение встречает в переходном хозяйстве ряд форм и категорий, свойственных высшей стадии капитализма. А так как коренное различие *содержания* этих форм зачастую скрадывается, вследствие известной косности и инертности нашего обычного словоупотребления, путем сохранения старых *названий* и терминов — вспомним лишь про тресты, синдикаты, конвенции, банковские консорциумы, акции, биржу и т. д., то почва для такого смешения чрезвычайно благоприятна. О том, насколько подобное смешение незаконно и теоретически гибельно — нечего и говорить.

2.

Если взять для изолированного рассмотрения область социализированного производства, отвлекаясь на первых порах от связей и взаимодействия, существующих как между этим сектором и остальными частями народно-хозяйственной системы, так и между ним и мировым хозяйством, то перед нами будет круг, воплощающий в себе наивысшую форму организации, характеризующийся максимальной насыщенностью социалистическими элементами, свойствами и признаками, по сравнению со всеми остальными долями переходной экономики. Это будут, по известному выражению Ленина, предприятия „последовательно-социалистического типа“, к которым относится вся обобществленная промышленность, находящаяся в руках пролетарского государства. Распространяя в известном смысле понятие „производства“ и на транспортную деятельность, мы должны к этому же кругу отнести огосударствленный крупный механический транспорт, в первую очередь, железнодорожный

транспорт страны. В сельском хозяйстве роль социалистически-организованного производства, как известно, крайне незначительна по своему удельному весу; здесь государственные предприятия являются либо подсобными для промышленности, либо играют роль агрикультурных центров. Путь к обобществлению сельского хозяйства, как показал опыт, пролегает не через искусственное насаждение государственного производства, а через кооперативное завоевание деревни, продвигающееся через целый ряд этапов, из которых начальные расположены в области обращения в широком смысле (товарооборот, кредит и т. д.) и лишь самые последние — в области производства.

Социализированная промышленность и транспорт представляют собою, по существу господствующих в них производственных отношений, единый массив, находящийся в руках одного хозяина — пролетарского государства. Является ли, однако, этот массив единым хозяйством? — До известной степени — да и до известной степени — нет. Является единым хозяйством, поскольку дело касается существа отношений, не является — поскольку речь идет об их форме.

Эта двойственность, это расщепление между содержанием и формой начинается уже с коренного отношения собственности. В самом деле, пролетарское государство является единственным и нераздельным собственником всех средств производства социализированной промышленности и транспорта; а для хозяйственного использования этих средств производства этот единый субъект собственности создает изрядное количество единиц — так называемых трестов и т. п., обладающих известной формальной самостоятельностью и осуществляющих право пользования этой собственностью. Эти отдельные единицы не являются, однако, обычными контрагентами собственника, перенимающими у него временное право пользования собственностью, вроде арендаторов. Они не являются чем-то чуждым собственнику, самостоятельным от него — что является неотъемлемым условием для отношения аренды. Напротив, они выступают скорее, как отдельные приказчики одного хозяина, облеченные известной самостоятельностью в ведении дел.

Далее, эта двойственность проходит по всей линии. Роль хозяйствующего субъекта, например, также весьма своеобразно разделяется между единым хозяином — пролетарским государством и его отдельными хозяйственными пред-

приятиями — трестами и т. п. Государство является хозяйствующим субъектом, поскольку оно сосредоточивает в своих руках: 1) собственность на средства производства со всеми вытекающими отсюда последствиями (присвоение определенных долей прибыли и т. п.), 2) общее руководство и контроль над хозяйственной деятельностью отдельных единиц и, наконец, 3) прерогативу создания, сохранения или ликвидации отдельных единиц. Другие же функции хозяйствующего субъекта переданы в руки отдельных трестов и хозяйственных единиц; сюда относятся, прежде всего, сбыт и реализация готовых изделий, закупка элементов производительного капитала. Наконец, ряд функций и прерогатив разделяется между единым хозяйствующим субъектом и отдельными частичными хозяйствующими субъектами в той или иной мере и форме: составление и утверждение планов производства, зачастую также планов реализации, далее — финансовых и кредитных планов и т. п.

В одной из предыдущих глав, при анализе своеобразного соотношения формы и содержания в экономике переходного типа, мы уже видели, какими причинами и соображениями вызывается подобное сложное и противоречивое сочетание элементов двух различных хозяйственных систем, вытекающее из сохранения товарной формы в общественном секторе производства. Здесь мы попытаемся несколько ближе подойти к вопросу о том, какие следствия вытекают из этого своеобразного сочетания для судьбы закона ценности на рассматриваемом нами участке переходной экономики.

Мы только что убедились, что вопросы о том, имеем ли мы в лице обобществленного круга производства единое хозяйство или систему взаимодействующих хозяйств, имеем ли мы в этом круге единого или нескольких хозяйствующих субъектов, не допускают определенных однозначных ответов. Да это и естественно: поскольку перед нами диалектический процесс исчезновения одного типа отношений и возникновения, становления другой системы — возможность однозначных ответов на подобные вопросы исключается. В подобных случаях ответ может гласить только диалектически: и да и нет; ни да ни нет. Такого же рода ответ нам придется дать и на вопрос о характере того разделения труда, которое существует внутри круга обобществленного хозяйства. Является ли это разделение труда только техническим, или же оно является также общественным разделением труда? С одной стороны, поскольку

перед нами единый хозяйственный комплекс, базирующийся на обобществлении (в форме огосударствления) средств производства, имеющий до известной степени одного хозяйствующего субъекта — разделение труда является как будто только техническим. Но тут выступает другое лицо двуликого Януса переходного хозяйства. Отдельные единицы, охватывающие отдельные части обобществленного производства, самостоятельно приобретают и отчуждают (и зачастую друг у друга, что нас в данной связи особенно интересует) те или иные элементы и продукты производства, далее — обладают самостоятельными балансами, счетами своих доходов и расходов; „общего котла", общей кассы или общего счетчика непосредственно не имеется. Такова, во всяком случае, формальная сторона дела. Все это — признаки общественного разделения труда.

Продукт хозрасчетного предприятия государственной промышленности передвигается в другое такое же предприятие лишь при условии передвижения соответствующего эквивалента в обратном направлении. С этой точки зрения мы имели бы формальное основание назвать продукт, передвигающийся внутри круга обобществленного производства, товаром, его дежурный эквивалент — ценой, а весь процесс — товарооборотом, вполне типичным для товарно-менового хозяйства. Для действия закона ценности в таком случае открывался бы полнейший простор. Более внимательное рассмотрение, не ограничивающееся формальной стороной дела, должно, однако, внести существеннейшие поправки в подобного рода представление, которое тем шире распространено, что целиком принятая старая экономическая терминология и установившиеся формы конкретно-экономического мышления чрезвычайно мало приспособлены для обхождения с теми динамическими категориями, которые столь характерны для переходного типа хозяйства.

В самом деле, является ли товаром в обычном смысле, придаваемом этому слову марксистской теоретической экономией, тот продукт, который совершает оборот между двумя хозяйственными единицами обобществленного сектора производства? — Этот продукт в большинстве случаев не поступает на вольный рынок; его реализация происходит не по воле случая, а в порядке решения плановых органов государственного хозяйства. Уже в настоящее время большая часть продуктов того типа, о котором идет речь, фактически подвер-

гаются плановому распределению; сюда относится минеральное топливо, металл, оборудование и пр., добываемые или изготовляемые одними предприятиями госпромышленности для других. Непосредственным историческим прообразом подобного рода отношений следует, пожалуй, считать систему договорных отношений, работы на заказ и т. п., получающую довольно широкое распространение в монополистическом капитализме, где тресты тяжелой индустрии в своих взаимных отношениях переходят от свободной игры сил на рынке к попыткам сознательного регулирования, то и дело прерывающимся взаимной ожесточенной борьбой противоречивых интересов. Само собою разумеется, что последний момент не может иметь места в рассматриваемой нами системе обобществленного производства.

Бакинская нефть и донецкий уголь переходят в распоряжение потребителей из круга государственного хозяйства не в порядке свободного состязания сил, а в значительнейшей и решающей доле в порядке планового регулирования соответствующих органов. Южная и уральская руда в таком же порядке попадает на паровозостроительные и машиностроительные заводы Центральной России. Наконец, Гомза поставляет свои изделия транспорту также в порядке предварительного согласования соответствующих инстанций [1]. Возникает вопрос, каким образом при таком порядке отношений осуществляется необходимое для бесперебойного течения хозяйственной жизни распределение производительных сил, каким образом устанавливаются те или иные размеры производства каждого вида изделий, каким путем обеспечиваются необходимые пропорции и соотношения в производстве различного рода продуктов. Совершенно ясно, что не рынок, не свободная конкуренция, не стихийная игра спроса и предложения, одним словом — не механизм действия закона ценности осуществляет эту задачу. Здесь выступает на сцену сознательное начало: планирующие и регулирующие органы пролетарского государства на-ряду с плановым распределением продуктов различного рода устанавливают также объем их производства и размер ресурсов, отпускаемых на производство каждого рода изделий. Социалистический учет и строящийся на его основе план — и то и другое пока выражается в товарно-денежных категориях — занимают место,

---

[1] Е. Преображенский. „Новая экономика".

принадлежавшее раньше стихийной воле рынка, а после — попыткам сговора монополистических объединений капиталистов.

Но если важнейшая хозяйственная функция закона ценностей в значительной степени вытеснена из обихода в рассматриваемом нами круге производственных отношений, то чем же является категория цены, несомненно, в этом секторе сохранившаяся? — Совершенно правильно замечает т. Преображенский, что в отношениях данного типа категория цены претерпевает превращение в „калькуляционный метод" бухгалтерии социализированного хозяйства, в своего рода „псевдоним планового распределения ресурсов внутри государственного круга хозяйства"[1]. Но такое качественное перерождение категории цены не может не оказать решающего влияния на ее количественное определение. Между тем, именно на этот счет довольно широко распространены грубейшие теоретические заблуждения. Иногда приходится слышать, что не только закон ценности, но и его дальнейшая модификация в закон цен производства и средней нормы прибыли в такой же мере обязательны для ценообразования в нашей государственной промышленности, как и для всякой „порядочной" капиталистической индустрии[2].

Нет смысла серьезно опровергать подобного рода заблуждения. В их основе лежит полное непонимание того, что

---

[1] Е. Преображенский. „Новая экономика", стр. 149 (первое изд. 1926 г.) „Вестник Коммунистической Академии" № 14, стр. 19.

[2] „Как же обстоит дело с проверкой экономической рациональности производства у нас? Можно категорически утверждать, что в нашем государственном хозяйстве, при данной его организации, нет иного масштаба, кроме нормы прибыли, поскольку мы не можем осуществить сейчас непосредственного измерения стоимости товара". — И. Дашковский. „Рынок и цена в современном хозяйстве", стр. 204; ср. также стр. 219: „закон цен производства имеет для нашей системы даже более действительное значение, чем для монопольного (т.-е. монополистического) капитализма". Напротив, В. Мотылев („Курс политической экономии", стр. 142) справедливо отмечает: „В СССР совсем необязательно, чтобы норма прибыли была средней... Закон цен производства по отношению к переходной эпохе силы своей не сохраняет". — Впрочем, оба автора одинаково грешат в том отношении, что они этот вопрос пытаются разрешить в сплошной постановке, смешивая воедино принципиально различные случаи: 1) отношений внутри соцсектора и 2) отношений этого сектора к несоциалистическим элементам. — Ср. с другой стороны: Ю. Митлянский. „Денежное обращение и товарооборот", Гиз, 1927 г., стр. 155.

средняя норма прибыли и цены производства осуществляются механизмом конкуренции стихийно-капиталистического хозяйства и в качестве своей основной предпосылки предполагают наличие — действительного или потенциального — перелива капиталов из одной отрасли в другую, подобно тому как уровень воды в двух сосудах (за исключением случайного совпадения) предполагает наличие соединения между этими сосудами.

Правильный теоретический подход к вопросу о количественном определении цены в разбираемом нами типе отношений должен исходить именно из того, что категория цены в данном случае выступает в значительной степени как „псевдоним планового распределения ресурсов". Но ведь ясно, что цена является не единственной формой и методом планового распределения ресурсов. Это соображение дает нам ключ к правильному разрешению вопроса. То обстоятельство, что цена в разбираемом здесь случае должна в той или иной степени тяготеть к уровню издержек производства и себестоимости продукта — является в данном случае бесспорным трюизмом: ведь в противном случае использование категории цены потеряло бы решительно всякий смысл. Весь вопрос, однако, в том, в какой мере высота цены может отклоняться от уровня себестоимости, каков здесь предел для сознательного вмешательства хозяйственного регулирования.

Нетрудно заметить, что этот предел весьма велик. В плановом порядке можно, с одной стороны, повышать цены за пределы себестоимости в тех случаях, когда такой способ перекачки ресурсов из более богатых средствами отраслей потребителей данного продукта — в более нищие или нуждающиеся отрасли производителей его представляется целесообразным. С другой стороны, зачастую устанавливается сознательно такой уровень цены, который ниже издержек производства, почему-либо непомерно возросших. В таких случаях — а под этот тип подходит вся наша тяжелая индустрия в период восстановительного процесса — государство считает более целесообразным прибегнуть к иным способам перераспределения ресурсов: дотациям, долгосрочному кредитованию и пр. Такое решение вопроса применяется в тех, достаточно частых случаях, когда оказывается невозможным или нецелесообразным взвалить всю тяжесть восстановления, подъема или расширения какой-либо отрасли госхозяйства на

плечи одной какой-нибудь другой отрасли, которая является главным потребителем продуктов первой отрасли и которая еще сама, быть-может, недостаточно твердо стоит на ногах. Так, например, железнодорожный транспорт является покупателем паровозов и вагонов, которые производились при сильно возросших издержках производства вследствие разрушения хозяйства и т. п. Но транспорт сам по себе дефицитен; он оказался бы не в силах вынести на своих плечах восстановление паровозо- и вагоностроения. Поэтому в том или ином случае может оказаться целесообразнее отпускать транспорту соответственные изделия по цене ниже себестоимости, одновременно расширяя ресурсы паровозо- и вагоностроения иными путями, черпая средства для этого не из неблагополучного в финансовом отношении транспорта, а из всего народного хозяйства в целом. Споры о так называемых восстановительных ценах, которые были особенно актуальны в 1923 — 1924 гг., рассуждения о том, что выгоднее в каждом данном случае — высокая цена или дотация из госбюджета, — могут дать богатейший иллюстративный материал к формулированным здесь положениям.

Таким образом мы видим, что амплитуда отклонений количественного выражения цены от уровня издержек производства в рассматриваемых нами отношениях внутри социалистического круга очень значительна.

В известной мере сходные явления мы можем наблюдать в новейшем капитализме. Достаточно напомнить о правительственных дотациях, которые выплачивались углепромышленникам в Англии, или о субсидиях целому ряду отраслей промышленности в послевоенной Германии. Правда, оба эти случая несравненно сложнее разбираемых нами здесь отношений. Аналогия носит здесь чрезвычайно условный характер; в сущности, ее значение ограничивается лишь самым фактом воздействия на цену при помощи субвенций того или иного рода. В самом деле, при дотировании английской углепромышленности забота о конкурентоспособной цене английского угля на мировом рынке играла, повидимому, не меньшую, а скорее всего — бо́льшую роль, чем соображения о сохранении приемлемого уровня цен на уголь для внутреннего рынка промышленного потребления. Еще более сложны были отношения в Германии в период инфляции, Рурской борьбы и пассивного сопротивления, когда под теми или

иными предлогами в определенные отрасли промышленности производилась изрядная перекачка средств из государственного бюджета. Но как бы то ни было, подобного рода случаи могут быть рассматриваемы как известного рода прообраз анализируемых здесь отношений в том смысле, что здесь категория цены явным образом совлекается с пьедестала единственной формы распределения ресурсов и возмещения затрат; другая, сознательная форма того же распределения возникает рядом с ней, составляя ей по временам серьезнейшую конкуренцию.

Как мы уже отмечали, это изменение количественного определения цены внутри социалистического круга производства резко связана с перерождением ее качественного значения и роли. Совершенно естественно, что мы разбираем здесь вопрос в его общей принципиальной постановке. Отсюда понятно, что мы можем при этом отвлечься от целого ряда „возмущающих факторов", от искажений, сплошь и рядом накладывающих свою печать на конкретную картину хозяйственной жизни. Достаточно, например, вспомнить про те случаи, — очень нередкие в обстановке первых лет нэпа, в эпоху, запечатленную в „Воздушном пироге", — когда передвижение изделий от одного хозяйственного предприятия в другое государственное же предприятие происходит через посредство... частных дельцов и спекулянтов. Если такие случаи вызывались обстановкой, когда переход на хозрасчет внес разброд и сумятицу в прежде скованную системой военного коммунизма промышленность, то не следует все же забывать, что известная доля сделок между отдельными предприятиями госпромышленности совершается вне строго-определенного плана и в настоящее время. Ведь в общие рамки госпромышленности на-ряду с гигантскими и весьма крупными единицами входят предприятия средних размеров, а в известной доле — даже определенно мелкая, зачастую полукустарного типа промышленность (так называемая промышленность местного значения). Естественно, что в отдельных случаях сделки, совершаемые такого рода предприятиями, приближаются к сделкам рыночного типа в гораздо большей степени. Также понятно, конечно, что подобные случаи ничего не изменяют в той принципиальной характеристике отношений внутри социалистического сектора производства, которая дана выше.

3.

Что касается производственных отношений, отнесенных в нашей классификации ко второму типу, т.-е. производственных отношений, существующих внутри несоциалистического сектора переходного хозяйства, то здесь надо иметь в виду следующее. Частно-хозяйственный сектор не представляет собою чего-либо однотипного. Напротив, в нем следует строго различать: 1) простое товарное хозяйство и 2) частно-капиталистическое производство. В то же время нельзя упускать из виду, что первый тип очень часто превращается во второй, путем ряда малозаметных переходов. В особенности в области сельского хозяйства, где капиталистические отношения зачастую маскируются, бывает далеко нелегко отделить элементы простого товарного от элементов зарождающегося мелко-капиталистического производства.

Эта трудность, разумеется, ни в какой мере не может служить предлогом для игнорирования различия между простым товарным и частно-капиталистическим производством, различия, имеющего на-ряду с принципиальным также огромное практическое значение. С этим различием нам еще придется встретиться дальше, при анализе производственных отношений третьего, по принятой нами классификации, типа.

Отношения, существующие внутри несоциалистического сектора производства и проявляющиеся в категории цены-ценности, не представляют собою чего-либо принципиально-нового по сравнению с обычными производственными отношениями досоциалистического порядка. Помимо того, можно предполагать, что этот тип отношений играет сравнительно скромную роль в общей сумме меновых связей, существующих в системе переходного хозяйства. В самом деле, ведь огромное большинство хозяйств простого товарного типа находятся между собою скорее в отношениях простой кооперации, чем в отношениях общественного разделения труда. Поскольку здесь нет в наличии общественного разделения труда в широких размерах, постольку отсутствует почва для развития меновых связей. В сущности говоря, сделки внутри круга крестьянских хозяйств чаще всего бывают в той или иной мере окрашены в распределительные цвета: здесь мы имеем дело зачастую не с производственной связью, а с распределительными отношениями. Таковы многие из

случаев „прикупок“ хлеба нуждающимися дворами, которые при этом попадают в зависимость от зажиточных хозяйств. Иное дело закупка хлеба крестьянством потребляющих местностей, получающим доходы от ремесел, от кустарных промыслов или городских заработков. Здесь перед нами обмен, осуществляющий производственную связь на основании общественного разделения труда в той или иной форме и виде[1].

Такого же рода обмен, основанный на общественном разделении труда, происходит между крестьянским хозяйством и ремесленно-кустарной промышленностью, не выходящей зачастую из рамок простого товарного производства. Как известно, в годы разрушения крупной промышленности, роль ремесла и кустарного производства в деле обслуживания крестьянского рынка была особенно велика. Нечего и говорить, что кустарное и ремесленное производство и ныне не теряют своего значения, несмотря на значительно-выросшее обслуживание нужд крестьянства городской индустрией.

Наконец, частно-капиталистическая часть несоциалистического круга производства, как уже указывалось выше, в своих более мелких формах не отделена какой-либо китайской стеной от простого товарного производства ни в области обрабатывающих отраслей труда — в ремесле и кустарничестве, ни тем более в области сельско-хозяйственного производства. В более крупных же масштабах частный капитал, как известно, не идет в область производства, предпочитая более удобную для него в условиях пролетарской диктатуры область обращения.

Как осуществляется и проявляется закон ценности во всей этой довольно пестрой массе явлений, умещающихся в рамках несоциалистического сектора советской экономики? Перед законом ценности здесь в общем и целом открывается такое же поле деятельности, как и во всякой несоциалистической хозяйственной системе; мы бы сказали, что прин-

---

[1] Имеющиеся цифровые данные не представляют возможности расчленить эти две струи в едином потоке внутрикрестьянского оборота, исчисляемом на основании данных бюджетных обследований. Любопытно лишь отметить, что в общем итоге на долю так наз. крестьянских покупок падает немногим менее половины всей товарной продукции сельского и лесного хозяйства. Вот данные „Контрольных цифр Госплана“ (стр. 353):

ципиально дело не меняется, изменения заключаются лишь в том, что соседство социалистического сектора весьма существенно суживает те пространственные, если можно так выразиться, рамки, в пределах которых проявляется суверенное действие закона ценности.

В самом деле. В рассматриваемом нами случае трудовых связей закон ценности выполняет свои обычные функции. На его долю приходится осуществление соответствующего распределения производительных сил между отдельными отраслями и видами производства, он осуществляет регулирование производства в разрозненных и разъединенных хозяйствах, вступающих между собою в связь лишь при посредстве и в форме обмена. Категория цены имеет здесь далеко не одно лишь формальное значение, как это было в охарактеризованном нами выше типе производственных отношений. Напротив, категория цены служит здесь орудием стихийного регулирования производственного процесса. Цена означает в этих условиях возмещение трудовых затрат каждого единоличного хозяйства, возмещение, являющееся необходимейшей предпосылкой дальнейшего существования и сохранения этого хозяйства. Цена товара, совершающего циркуляцию внутри несоциалистического круга производства, в этом отношении конституируется таким же образом, как и обычная цена товара в товарно-капиталистическом хозяйстве, при чем эта цена по своей природе гораздо ближе к цене при простом товарном хозяйстве, чем к цене капиталистически производимого товара, ибо с отходом крупной индустрии к социалистическому сектору удельный вес простого товарного производства в несоциалистическом остатке народно-хозяйственного целого сильнейшим образом вырастает по отношению к элементам капиталистическим. Цена кустарно-ремесленных изделий, поступающих на крестьянский рынок, гораздо ближе к трудовой ценности простого товарного, чем к цене производства капиталистического предприятия. Трудовая ценность здесь играет бо́льшую роль, чем капиталистические издержки производства.

(в милл. черв. руб. по ценам производителей).

	1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.
Товарная доля сельско-хозяйственной продукции	2,976,7	4,325,2	5,538,0
В том числе крестьянской покупки	1,343,9	2,019,0	2,648,0

Однако, простор для деятельности закона ценности в рассматриваемой сфере отношений серьезнейшим образом суживается, благодаря тому, что эта область отношений расположена в гуще своеобразных процессов переходной экономики. Нетрудно убедиться, что наличие социалистического хозяйственного сектора сильнейшим образом ограничивает даже те рамки, в которых закон ценности распространяется на внутренние отношения несоциалистического круга. Прежде всего ясно, что хозяйственные отношения и меновые связи в конкретной действительности теснейшим образом переплетены: зачастую лишь абстрактный анализ в состоянии выделить из этого сложного переплета отношения, существующие внутри одного из секторов и отношения, существующие между обоими секторами. Конкретно это теснейшее сплетение и сцепление выражается в том, что одни и те же товарные виды совершают циркуляцию как внутри одного из секторов, так и между этими секторами. А так как, по известному выражению Маркса, каждый отдельный экземпляр определенного товарного вида так же хорош, как и другой экземпляр того же вида, то ясно, что сплошь и рядом конкретные цены товаров выступают в качестве феномена, относящегося как к внутренним связям какого-либо одного из секторов, так и к внешним отношениям между обоими секторами. Было бы поэтому ошибкой забывать, что самое подразделение всей суммы явлений связи на три группы носит чрезвычайно условный характер и может служить лишь первым и самым грубым приближением к анализу многоликой конкретики переходного хозяйства.

Другой метод воздействия социалистического сектора на внутреннюю структуру несоциалистического круга производства проходит по линии общей экономической политики пролетарского государства, в особенности же при помощи кооперативной, кредитной, налоговой политики. Поддерживая простое товарное хозяйство при помощи всех этих мероприятий в его борьбе против капиталистической тенденции развития, поощряя кооперирование и товарищеское обобществление мелкого производства (как в области сельского хозяйства, так и в области кустарной промышленности), пролетарское государство тем самым вносит порою существеннейшие коррективы в действие закона ценности, результат которого выглядел бы совершенно иначе при отсутствии этого воздействия.

Таким образом, мы приходим к совершенно естественному выводу, что если общественный сектор является областью максимальной атрофии стихийного закона ценности, то противоположный полюс — частно-хозяйственная сфера остается полем наибольшего сохранения закона ценности. Такая расчлененная постановка вопроса, которая представляется нам единственно плодотворной, вызывает иногда сомнения такого сорта: не означает ли она допущение двух регуляторов в едином хозяйстве? Подобное возражение фигурировало в полемике вокруг работы т. Преображенского[1]. Мы уже видели выше (см. главу III, § 1), в чем заключается основной методологический порок всей концепции т. Преображенского. Не в том беда, что он находит в едином хозяйстве два различных регулятора, а в том, что он сопоставляет два явления совершенно различной логической конструкции, дает им одинаковое название „законов", состязание между этими двумя различными и разнородными тенденциями трактует как борьбу двух логически однородных законов и на этом сопоставлении, на этой борьбе строит все свое теоретическое здание. Когда оппоненты возражают против признания одновременного сосуществования этих конкретных двух регуляторов в советском хозяйстве, они совершенно правы постольку, поскольку критикуемый ими автор допускает методологическую ошибку в самом сопоставлении и сравнении двух различных начал в качестве категорий одинакового логического склада. Совершенно несостоятельной является, однако, попытка сделать из этого справедливого (для данного конкретного случая) критического замечания широкое обобщение, претендующее на всеобщую значимость. — „Может ли единое хозяйство управляться двумя регуляторами?" — такая постановка вопроса должна быть признана бессодержательной и метафизической одновременно. Бессодержательность этого вопроса достаточно красноречиво обнаруживается самим его автором, заявляющим: „Специфичность нашего советского регулятора, нашей экономики заключается в том, что принципов регулирования два, а регулятор один". — „У нас есть два элемента регулирования, но регулятор один"[2].

---

[1] См. „Вестник Комм. Академии", № 15, прения по докладу т. Преображенского, выступление т. А. Кона.

[2] „Вестник Комм. Академии", № 15, стр. 162.

В другом месте тот же автор заявляет: „Дуализма нашей экономики отрицать нельзя и нельзя поэтому требовать, чтобы регулятор был обязательно однороден. У нас есть два элемента регулирования, но оба они скрываются под покровом единой цены“ [1]. Таким образом, единый регулятор предстает перед нами уже в образе двуединого. Получается поистине, — „тех же щей, да пожиже влей“. Все пресловутое единство регулятора сводится к существованию единой цены. Однако, как раз здесь проблема только начинается. Что следует понимать под „единой ценой“? В это выражение можно вкладывать троякого рода содержание. Прежде всего можно понимать под этим выражением всепроникающую форму цены, которую надевают на себя продукты производства в переходной экономике, овеществляя общественные отношения людей. Поскольку имеются совершенно достаточные фактические данные, свидетельствующие о том, что без денежного эквивалента в нашем хозяйстве продукты производства не отчуждаются и не перемещаются между хозяйствами— эта сторона дела как будто очевидна и бесспорна. Далее, можно иметь в виду единое количественное выражение цены на каждый определенный вид товара. Это явление, к сожалению, в нашей экономике еще не является вполне всеобщим, но изъяны в этом отношении должны быть отнесены, разумеется, не на счет победы планового элемента регулирования над его стихийным компаньоном, а совсем наоборот—за счет недостаточного овладения стихией. Наконец, под „единой ценой“ может подразумеваться качественно однородная категория цены, служащая на всем протяжении хозяйственного фронта и одинаковой степени формой выражения беспредельного и безраздельного господства стихийного закона ценности. Такое толкование будет, однако, не только совершенно неправильно: оно находилось бы также в вопиющем противоречии с утверждением насчет наличия двух элементов регулирования в переходном хозяйстве. В самом деле, если единая цена означает одинаковое по всему хозяйственному организму господство закона ценности, то где же тут два элемента регулирования?—Всякому ясно, что в таком случае пришлось бы говорить не только о едином, но и об однородном, единообразном, монистическом регуляторе; плановое

[1] „Вестник Комм. Академии“, № 15, стр. 206.

начало, как второй элемент регулирования, совершенно исчезает в случае допущения качественной однородности цены, как формы выражения полного господства закона ценности в нашей экономике. — Бесплодность подобных рассуждений о едином (и в то же время двуедином) регуляторе выяснена нами достаточно.

Но может быть разговоры о едином регуляторе должны иметь тот смысл, что, мол, формальная сторона ценностных отношений у нас обнимает всю область хозяйственной жизни[1]. Ничего нового такое открытие собою не представляет: вряд ли хоть один здравомыслящий человек рискнет утверждать обратное; фактические данные легко обнаружат его заблуждение. Однако говоря о форме ценности в нашем хозяйстве, необходимо иметь в виду то двоякое значение понятия формы, о котором нам приходилось говорить выше (см. главу III, § 3). В самом деле, у нас всеобщей распространенностью пользуется форма ценности, как внешняя форма проявления. Этого нельзя, однако сказать о форме ценности, как общественной форме, которую труд принимает в товаропроизводящем обществе.

С точки зрения теоретической системы марксизма, единственным регулятором общественного хозяйства на всех его ступенях, при всех его экономических структурах является одна и та же субстанция, а именно, человеческий общественный труд. Марксизму совершенно чужды и враждебны рассуждения о том, что на-ряду с трудом в качестве регуляторов хозяйственной жизни общества выступают еще другие „факторы“: капитал или еще что-нибудь. Различные общественно-экономические формации отличаются не тем, что им присущи в корне разные регуляторы, а тем, что единый регулятор труд принимает различную оболочку, выступает в разной форме. Форма ценности — вот та оболочка, в которой труд выступает регулятором в товаропроизводящем общественном хозяйстве. Капиталистическая система усложняет формы регуляторов общественного производства, модифицируя ценность в цену производства, вводя закон равной нормы прибыли. Однако, эта экономическая новелла является лишь видоизменением основного регулятора—труда в его ценностной форме— ибо лишь на основе формы ценности она могла возникнуть

[1] „Вестник Комм. Академии“, № 15, стр. 204.

и найти свое существование. Наконец, социалистическая трансформация (перестройка) хозяйственных тканей связана с отмиранием формы ценности, которую принимает труд в предшествующий период экономического развития. Труд становится регулятором хозяйства уже не в искривленном виде цен производства, не в завуалированной форме закона ценности, а в своей непосредственной форме трудовых затрат. Отсюда ясно, что если нельзя говорить ни о каких двух регуляторах в едином хозяйстве, в том числе и в переходной экономике, то с марксистской точки зрения нет особого смысла распространяться и насчет единого регулятора, ибо это значит — ломиться в открытую дверь.

4.

Уже те соображения, которые нам приходилось высказывать выше, делают совершенно ясным, что наибольшее принципиальное значение в разбираемом нами вопросе о действии закона ценности в переходную эпоху имеет третий тип явлений, т.-е. явления связи между социалистическим и несоциалистическим секторами производства.

Именно явления „межсекториальные“, явления этого третьего типа отражают в себе всю специфичность переходного хозяйства. В этой области отношений проявляется как 1) максимальное давление рыночной стихии на социалистические элементы хозяйства, так и 2) максимальное воздействие социалистического массива на обширное поле досоциалистических хозяйственных форм.

Таким образом, эта демаркационная линия между двумя секторами переходной экономики служит одновременно как полем определенного сожительства, так и линией борьбы между двумя принципиально различными методами хозяйственной организации и представляющими эти методы хозяйственными комплексами.

Поскольку область обмена между социализированной и частно-хозяйственной сферами производства служит ареной борьбы между противоположными принципами хозяйственной организации, постольку эта область является полем непрестанной борьбы между стихийным законом ценности и сознательным плановым регулированием производства. Действие стихийного закона ценности выражается в тех отношениях

и пропорциях обмена, которые устанавливаются на рынке, вне всякой зависимости от сознательного вмешательства и предвидения. Действие же планового начала находит свое выражение в той сознательной политике цен, как пропорций обмена, которая устанавливается субъектами обобществленной экономики, ее регулирующими и планирующими органами. Эту борьбу двух принципов отнюдь не следует представлять себе таким образом, будто объектом этой борьбы должно непременно служить количественное выражение меновых пропорций. Было бы крайне ошибочно думать, что во всех случаях сознательная политика цен должна своей задачей ставить поддержание и сохранение таких количественных пропорций обмена, которые противоречат и приходят в столкновение со стихийными моментами ценообразования: законом ценности и механизмом его действия — соотношением спроса и предложения и т. д. Скорее наоборот — именно предварительный учет всей полноты рыночных факторов ценообразования является одной из основных предпосылок успешной и целесообразной плановой политики цен [1]. Не установление определенных пропорций обмена само по себе следует считать с марксистской точки зрения основной характеристикой закона ценности и основным мерилом пределов и рамок его господства, а тот **стихийный метод**, при помощи которого эти пропорции устанавливаются и осуществляются. Точно так же, мерилом успешности планового регулирования в области производственных отношений между секторами переходного хозяйства следует считать отнюдь не степень произвольности тех или иных меновых пропорций, а напротив — степень сознательного, предвидимого воздействия на установление пропорций обмена, которые количественно могут даже вовсе не отличаться от тех пропорций, которые в ином случае были бы установлены стихийным процессом ценообразования. Решающей служит, таким образом, не количественная, а качественная сторона ценообразующего процесса.

В связи со сказанным выше следует отметить еще одно обстоятельство. Часто приходится встречать чересчур формальное понимание эквивалентного характера обмена. Понятие эквивалентности приобретает иной раз какой-то метафизический оттенок. Встречается совершенно фетишистическое

---

[1] Ср. А. Кактынь. „Борьба за снижение цен“, стр. 6.

представление об эквивалентности, как о некоей самостоятельной субстанции. Между тем, совершенно ясно, что выражение „обмен эквивалентов“ имеет весьма условное и динамическое значение в марксовой теории ценности. В самом деле, что такое марксово учение об общественно-необходимом труде, как не беспрестанное подчеркивание именно этой условности и диалектичности понятия эквивалентности? Десять часов одного индивидуального труда приравниваются к одному часу другого индивидуального труда — в зависимости от умелости, интенсивности и др. личных свойств, а главное — в зависимости от технического вооружения того или иного работника. Приравниваемые друг к другу эквиваленты предстают перед нами, таким образом, в весьма своеобразном свете. Самый эквивалентный, с точки зрения марксовой теории ценности, обмен содержит в себе, таким образом, изрядную дозу „неэквивалентности“, если трактовать это понятие чересчур формально и фетишистически.

Какое же значение имеет в таком случае тезис об эквивалентности, прокладывающей себе дорогу в стихийном процессе обмена? На наш взгляд, эквивалентность здесь понимается в определенном смысле. Закон ценности, обеспечивающий обмен товаров по их эквивалентам, является законом сохранения и развития определенного способа производства. Эквивалентный обмен, с этой точки зрения, это — обмен в таких пропорциях, когда наилучшим образом обеспечены интересы сохранения и расширения капиталистического способа производства. В этом смысле эквивалентный обмен выполняет две функции, разрешает двоякого рода задачу: 1) обеспечивает, в общем и целом, сохранение капиталистически-производящих хозяйств; 2) обеспечивает этим хозяйствам определенные преимущества перед всякого рода производителями докапиталистического типа. Поэтому эквивалентными при капитализме являются такого рода меновые пропорции, которые дают капиталистическому предприятию как возмещение его затрат в самом широком смысле (включая сюда и „затрату капитала“, выражаясь термином вульгарной экономии), так и определенные преимущества в борьбе против отживших форм хозяйства. Но совершенно ясно, что те самые меновые пропорции, которые в этом смысле эквивалентны с точки зрения побеждающего капитализма, выступают в качестве

вопиющего нарушения эквивалентности по отношению к формам, разрушаемым капиталистическим ходом развития, т.-е., прежде всего, к хозяйству феодальному и простому товарному. И действительно, оборотная сторона эквивалентности, устанавливающейся на основе соотношений общественно-необходимого труда, диктуемых капиталистическими предприятиями, заключается в грубейшем нарушении той эквивалентности, которая устанавливается в предыдущей стадии — простым товарным хозяйством. Это противоречие между двумя эквивалентностями, характеризующими две социально-экономические системы, выступает на техническом базисе противопоставления машинного производства, с одной стороны, и ручного труда — с другой.

Категория эквивалентности носит, стало-быть, специфически-исторический характер. Возникает вопрос, как видоизменяется эта категория в условиях переходной экономики и, в особенности, применительно к рассматриваемой здесь области связи между социалистическим и несоциалистическим секторами производства. Легко понять, что ответ на этот вопрос теснейшим образом связан с теми или иными представлениями о характере того процесса „врастания в социализм“, который заполняет собою хозяйственное содержание переходного периода. В самом деле, если представлять себе ход борьбы социалистических начал в хозяйстве с досоциалистическими элементами в виде полной аналогии борьбы капитализма с докапиталистическими формами, то вопрос о характере эквивалентности обмена разрешается, согласно той же аналогии, довольно легко и просто. Совершенно понятно, однако, что подобная аналогия до чрезвычайности упрощает сложнейший процесс, оставляя без внимания как раз наиболее своеобразные и характерные его черты.

Когда речь идет о характере врастания в социализм, следует, прежде всего, в общем лагере несоциалистических контрагентов социализированного круга производства различать те составные части, из которых этот лагерь образуется; задачи социалистического преобразования следует также строго дифференцировать по отношению к разнородным экономическим элементам. Притом, основное различие следует делать по демаркационной линии, разделяющей капиталистические элементы и простое товарное хозяйство. Нужды нет, что в конкретной действительности эта демаркационная линия

сплошь и рядом расплывается во многочисленных переходах. Это обстоятельство бесконечно усложняет задачу, как практически, так и теоретически, но оно не снимает и не уничтожает самой задачи; более того — оно может обусловить то или иное неправильное разрешение задачи, но совершенно ясно, что этим не снимается необходимость ее правильного решения. Различие трансформационного воздействия на частно-капиталистические элементы, с одной стороны, и на формы простого товарного хозяйства — с другой, в общем виде формулируется таким образом: уничтожение, вытеснение и пожирание частно-капиталистических элементов, переделка, некапиталистическое кооперирование, товарищеское обобществление простого товарного производства. Границей выполнения и той и другой задачи является наличное соотношение сил, те возможности и средства, которыми располагает социалистический массив переходного хозяйства.

Эквивалентность обмена в рассматриваемой нами области может быть определена, в выше разъясненном условном значении, как установление таких меновых пропорций, которые способствовали бы, на-ряду с укреплением и расширением социалистического круга хозяйства, также:

1) некапиталистическому обобществлению простого товарного производства и

2) вытеснению и уничтожению капиталистических форм.

Нетрудно себе представить, до чего сложным является такое переплетение задач, которые отчасти противоречивым образом должны влиять на установление меновых пропорций. Именно благодаря своей противоречивости, эти задачи отнюдь не могут быть разрешены при помощи одного лишь установления определенных пропорций обмена; весь арсенал мероприятий экономической политики, все методы, как экономической борьбы, так и трансформирующего воздействия, привлекаются к разрешению этих основных задач. Но нас в данном случае интересует не это. Нам важно лишь подчеркнуть, что категория эквивалентности для переходной эпохи принимает чрезвычайно своеобразную форму.

Поскольку стоит задача вытеснения и уничтожения капиталистических форм производства, постольку механизм эквивалентности должен действовать, примерно, в том же направлении, что и в прежнюю эпоху. Социалистический сектор,

располагая наиболее совершенной в техническом отношении частью производственного аппарата страны, может вытеснять более отсталые в техническом смысле, большей частью мелкие предприятия, оставшиеся в руках частного капитала, тем же способом, как в свое время капитализм вытеснял ремесло. Впрочем, тут же следует оговориться, что большого практического значения этот момент не имеет, потому что — 1) доля частного капитала в области промышленного производства как раз наименее значительна; его главные силы находятся на других хозяйственных участках; 2) преимущества социализированной крупной промышленности на первых этапах переходной экономики зачастую не только не выступают с полной силой, но иногда даже превращаются, благодаря разрухе и т. д., в свою противоположность. С последним явлением нам пришлось, в частности, встретиться в первом этапе восстановительного процесса, когда мелкая и кустарная промышленность сплошь и рядом обгоняли в своем развитии крупную государственную индустрию.

Что же касается той задачи, которая стоит перед социалистическим кругом производства в отношении простого товарного производства, то представляется чрезвычайно трудным указать какой-либо один критерий для определения эквивалентности обмена между этими контрагентами. Для практических целей обычно берется в качестве исходного момента довоенное соотношение меновых пропорций. Так называемое довоенное соотношение цен на продукты промышленности и сельского хозяйства служит исходным пунктом, а всякое отклонение от этого уровня характеризуется известным расхождением кривых, образующих „ножницы“. В большинстве случаев, этот критерий оказывается удовлетворительным. Это свидетельствует отнюдь не о том, что соотношения эквивалентности нынешнего периода принципиально не изменились, по сравнению с довоенной эпохой; напротив, это свидетельствует скорее о том, что происшедшие изменения, действуя в противоположных направлениях, более или менее уравновешиваются и дают положение, в той или иной мере приближающееся к status quo. В самом деле, с одной стороны, можно было бы предполагать, что для переходной экономики окажется необязательным сохранение старых пропорций обмена между простым товарным крестьянским производством и вытесняющей и разоряющей крестьянское

хозяйство капиталистической индустрией. Зато, с другой стороны, разрушение промышленности за годы войны и революции, необходимость как восстановления разрушенного, так и дальнейшего развития социалистической индустрии создают властную необходимость не только сохранения прежних пропорций обмена, но — на первые годы — даже известного ущербления эквивалентов, получаемых системой простого товарного производства. Опыт первых лет нэпа свидетельствует об этом достаточно красноречиво.

Прежние представления о социалистическом преобразовании хозяйства, в особенности относящиеся к эпохе II Интернационала, исходили из предположения, что социализированные отрасли хозяйства с самых первых своих шагов будут обладать колоссальными преимуществами перед остатками предыдущих хозяйственных формаций. Представлялось совершенно несомненным, что эти преимущества будут во всяком случае не менее решающими, чем преимущества рождающегося капиталистического производства перед ремеслом и кустарничеством.

Пользуясь этими преимуществами, позволяющими производить товары при значительно пониженной индивидуальной ценности, ранний капитализм вытесняет предшествующие формы хозяйства при помощи закона ценности, диктующего обмен в пропорциях, соответствующих массам не индивидуального, а среднего общественно-необходимого труда. Прежние представления исходили из того, что социализму, при первых же шагах его развития, будет обеспечено не меньшее преимущество перед частно-хозяйственными элементами, и победный марш социализма сможет осуществляться при помощи того же механизма эквивалентного обмена товаров пропорционально овеществленного в них общественно-необходимого труда. Эти преимущества казались столь бесспорными и решающими уже на первых порах, что ряд оппортунистических и реформистских предложений (вроде выкупа при социализации и т. д.) обосновывался именно ссылками на эти преимущества социализма перед капитализмом. Не жалко, мол, уплатить капиталистам выкуп, так как в дальнейшем легко будет больше ценностей накопить, используя все преимущества новой организации хозяйства.

Опыт советского хозяйственного строительства заставляет внести существеннейшие поправки в эти столь распространенные в свое время представления. Первые шаги социалистиче-

ского строительства в области хозяйства далеко не устланы розами. Если в высоко-индустриальной стране, где революция победит уж после своей победы в ряде других стран, преимущества социализма могут действительно обнаружиться уже с первых шагов, на другой же день после переворота, то совершенно иная картина имела место в исторической обстановке нашей революции. На первых ступенях нашего хозяйственного строительства ряд преимуществ, свойственных социалистической организации хозяйства, оказывает свое влияние в весьма незначительной степени (уничтожение накладных расходов капитализма, укрупнение производства, отмена коммерческой тайны, отмена рамок собственности в области земли, недр, изобретений и т. п.). Многие из этих особенностей начинают в полной мере проявлять свою силу лишь когда социалистический сектор до известной степени консолидируется и окрепнет. Зато, с другой стороны, молодой социалистический массив на первых порах имеет немало слабых мест, прорех и недостатков. Сюда относятся как издержки революции, разрушения войны и т. п., так и недочеты организационного порядка, неизбежные в известной степени на первых порах, трудности в разрешении вопроса о замене прежних хозяйственных стимулов и т. д. Понятно, по мере укрепления и развития социалистического сектора эти недочеты исчезают, преимущества же проявляются со все возрастающей силой. Поэтому, естественно, на первых порах обмен социалистического сектора с частно-хозяйственной сре-ой может протекать (и фактически протекает у нас еще до настоящего времени) по эквивалентам более низким, чем в прежнее время. Также естественно, что этот порядок олжен изменяться по мере проявления преимуществ социалитической организации хозяйства. Актуальнейшая задача этой области — достижение такого положения, когда выгода оциалистического сектора окажется обеспеченной и при более лагоприятных для мелкого хозяйства отношениях обмена, ежели эквиваленты довоенного времени, стимулировавшие ишь, пожалуй, разорение и обнищание деревни.

Проблема производственных отношений между социалистиеским и несоциалистическим секторами переходной экономики, оскольку эти отношения принимают меновую форму, имеет вусторонний характер, соответствующий двустороннему характ ру менового акта или сделки. Одну сторону вопроса соста-

вляет совокупность случаев, где социалистический круг производства выступает продавцом, а несоциалистический сектор— покупателем. Другую сторону проблемы образует сумма сделок, в которых, напротив, социалистическая часть фигурирует в качестве покупателя, а продавцом является несоциалистический сектор. С первого взгляда может возникнуть сомнение в целесообразности подобного разграничения проблемы: ведь, в конечном-то счете, сумма покупок каждого из секторов соответствует, в общем и целом — если абстрагировать от денежных сбережений, налогов и т. п. — сумме его продаж. Легко, однако, заметить, что это справедливое замечание ни в какой мере не уничтожает необходимости разграничения обеих сторон проблемы. Ведь, в самом деле, прежде всего, совпадение конечного результата не означает совпадения по всем отдельным пунктам. Далее — что еще важнее — каждый из двух названных нами собирательных контрагентов ведь участвует, помимо сделок данного характера, еще в сделках иного рода. Достаточно вспомнить про связи с мировым хозяйством, с одной стороны, про сделки внутри каждого из секторов — с другой. Наконец, едва ли не наиболее существенное обстоятельство заключается в том, что если мы можем рассматривать социалистический сектор как реальное единство, несмотря на формальную самостоятельность его членов, то при употреблении термина „несоциалистический сектор" не следует забывать, что это выражение обозначает собою лишь логическую совокупность, объединяющую не только самостоятельные, но и зачастую довольно разнохарактерные и враждебные между собою элементы. Если возможна такая комбинация, что по сделкам продажного характера контрагентом социалистического круга выступают одни элементы другого сектора, а по сделкам купли — иные элементы того же сектора, то необходимость расчлененного анализа проблемы ясна сама собою.

Рассмотрим сначала ту категорию случаев, где социалистический сектор выступает в качестве продавца. Прежде всего, каково здесь значение стихийного закона ценности в деле регулирования процесса производства и распределения производительных сил между отраслями производства? — Наши суждения на этот счет, построенные на основании хозяйственного развития Советского Союза, не могут претендовать на универсальное значение. Эмпирический опыт в данном случае относится к стране с исторически сложившейся диспропорцией

между сельским хозяйством и промышленностью, к стране с недоразвитой индустрией, занимающей, в условиях надлежащей защиты от иностранного рынка, весьма доминирующую позицию на внутреннем рынке. Наша страна, стоящая лишь на первых ступенях индустриализации, не может служить в данном отношении прототипом для высокоиндустриальных государств. Понятно, что особенности экономики Советского Союза обусловливают весьма широкую самостоятельность социализированной индустрии от стихии обслуживаемого ею рынка. Стихийная игра спроса и предложения уже по одному тому не может играть решающую роль для распределения производительных сил в целом ряде отраслей нашей индустрии, что не рамки спроса, а пределы накопления служат границей для их развития. Такие явления, как кризис сбыта и покупательская забастовка осени 1923 г., могут иметь место лишь в случаях исключительно грубого просчета экономической политики, возможного в условиях первых лет нэпа, когда новая хозяйственная система еще находилась в процессе становления, но чрезвычайно маловероятного для периода известной констелляции и стабилизации этой системы. Более тщательное предвидение хозяйственных явлений может обеспечить социалистическую промышленность от таких сюрпризов, как стихийные „поправки“, вносимые абсолютно-недостаточным спросом и кризисом сбыта в те или иные производственные программы индустрии. Несмотря на то, что спрос в рассматриваемом нами типе отношений целиком находится на стороне распыленных элементов несоциалистического сектора, следует считать в наших условиях вполне возможной такую степень предвидения и учета этого стихийного фактора, при которой этот фактор, в сущности говоря, потерял бы способность стихийно влиять на промышленное производство в целом.

Гораздо больший простор сохраняется для стихийности в деле определения пропорций между отдельными областями и отраслями промышленного производства. Разумеется, научное предвидение и в этом отношении сильнейшим образом сокращает рамки стихийного воздействия закона ценности. Все же точный учет необходимых пропорций между различными отраслями производства, работающими на „широкий рынок“ несоциалистического сектора хозяйства, является подчас делом довольно сложным. Эта сложность возрастает, пожалуй, вследствие того, что в специфических условиях страны, пребываю-

щей лишь на первоначальных ступенях индустриализации, необходимость соблюдения известных пропорций в производстве заявляет о себе чаще всего не явлениями отсутствия сбыта, а сигналом противоположного характера — товарным голодом. Трудность сознательного и точного предвидения и — соответственно этому — возрастание роли стихийного давления рыночных законов на установление необходимых пропорций между отраслями производства обусловливается еще тем обстоятельством, что в конкретной хозяйственной жизни сплетаются в единый клубок производственно-меновые связи, соединяющие социалистическую промышленность как с несоциалистическим сектором хозяйства, так и с потребительным рынком индустриального пролетариата, так и — непосредственно или посредственно — с мировым рынком.

Обратимся теперь к количественной характеристике категории цены в рассматриваемом нами типе явлений. То обстоятельство, что стихийные факторы рынка не являются в данном случае непосредственным и единственным регулятором производства, обусловливает наличие известного простора для сознательного установления и урегулирования уровня цен. Но если сама возможность сознательного воздействия на установление меновых пропорций не подлежит сомнению, то по вопросу о рамках и границах этого воздействия чрезвычайно распространены разнообразные недоразумения.

Чем определяется, прежде всего, верхний предел при установлении цен на промышленные изделия, переходящие из социалистического круга, целиком или большей частью, в область несоциалистических форм производства? Оставляя в стороне практически-политическую сторону проблемы, следует все же признать, что ошибочные теоретические представления на этот счет распространены более, чем это может казаться на первый взгляд. Вот, например, положение, выставляемое одним из старых и видных теоретиков-экономистов в издании ведомства, которое никак не может быть заподозрено в излишних симпатиях к сверх-индустриализации. Политика цен, согласно этому положению, должна равняться „по платежеспособности покупателя, в целях извлечения наибольшего дохода“ [1].

[1] См. „Вопросы конъюнктуры“, изд. НКФ, т. I, в. I, стр. 113; статья Н. Н. Шапошникова „Амортизация и накопление, как факторы капиталообразования“.

Этот тезис никак нельзя истолковать иначе, как в том смысле, что единственным верхним пределом, при установлении цен в интересующем нас случае, должна служить платежеспособность населения. Всякому известно, что за все годы советского хозяйственного строительства этот предел был достигнут — и несколько превзойден — лишь однажды, осенью 1923 г. Во все остальные моменты уровень цен на промышленные изделия, обычно, далеко не исчерпывал „до дна“ платежеспособность покупателя. Впрочем, как представитель школы ценности, построенной на полезности, автор должен был бы вспомнить приводимые обычно теоретиками предельной полезности таблицы соотношения платежеспособного спроса и уровня цен. Эти таблицы совершенно справедливо иллюстрируют зависимость размеров спроса от высоты цен. Таким образом, критерий „платежеспособности населения“ приобретает достаточно эластичный характер. Но, в таком случае, по точному смыслу приведенного нами положения, единственным и решающим критерием при установлении цен является „извлечение наибольшего дохода“. Такая постановка вопроса, в условиях монополистического положения одного из агентов менового акта, в данном случае продавца, отнюдь не страдает расплывчатостью или неопределенностью. Практика монополистического повышения цен при капитализме выработала вполне определенные методы вычисления оптимума („наибольшего дохода“), которое является произведением высоты данной надбавки и себестоимости и количества единиц товаров, поддающихся реализации при довоенном уровне цен. Предложение, приведенное нами здесь, оказывается, при более близком рассмотрении, предложением полного возврата к практике монополистического капитализма в области политики цен.

Аналогичная, в сущности, концепция находит себе место в недавно появившейся работе, посвященной проблемам товарооборота и денежной политики [1]. На этой работе стоит остановиться несколько подробнее, так как в ней содержится некоторая попытка теоретико-экономического обоснования подобного рода концепций.

В этой работе следующим образом ставится вопрос о политике цен:

---

[1] См. Ю. Митлянский. „Денежное обращение и товарооборот“, Гиз. 1927 г.

„При продолжающемся повышении производительности труда спрашивается, какие цены мы должны поддерживать? Следует ли понизить цены товаров пропорционально понижению их трудовой стоимости и повышению производительности труда, оставляя денежную массу без изменения... или же поддерживать цены на прежнем уровне и повысить цену единицы трудовой стоимости, соответственно увеличив количество денег в обращении?“ (стр. 133).

Автор совершенно справедливо считает основной задачей момента накопление и расширение промышленного производства. Далее, он говорит:

„Если подойти к вопросу исключительно с точки зрения потребительской, то вопрос сводится к тому, что важнее: увеличить ли путем снижения цен потребление той части населения, которая уже теперь имеет доход, или путем расширения производства предоставить доход той части населения, которая находится без работы и вовсе не имеет дохода“ (стр. 138).

Без всяких колебаний, автор склоняется ко второму решению вопроса и заявляет:

„Это значит, что цены должны оставаться стабильными, а спрос приводится в соответствие с увеличивающимся предложением путем эмиссии“.

Результат подобной политики цен представляется ему в следующем виде:

„Накопление капитала при этом происходит двояким образом. Во-первых, промышленность получает непосредственно добавочную прибыль от повышения производительности труда при стабильных ценах. Во-вторых, эмиссируемые деньги образуют новый денежный капитал, предоставляемый промышленности в кредит. Этими двумя путями промышленности доставляются денежные средства, за которые она приобретает соответствующие реальные ресурсы, и, таким образом, добавочная часть общественного продукта, получаемая от повышения производительности труда, вместо того, чтобы достаться потребителям и в процессе потребления исчезнуть, капитализируется и направляется на дальнейшее расширение

производства..." „Капитализируясь, она служит основанием для дальнейшего накопления в геометрической прогрессии (по формуле сложных процентов)" (стр. 138—139).

Единственная поправка, которую автор далее вносит в этот набросок политики цен, заключается в признании им необходимости повышения реальной зарплаты по мере роста производительности труда. При стабильных ценах это повышение реальной зарплаты достигается путем повышения номинальной величины последней, в отношении, например, равном половине коэффициента роста производительности труда.

Перед нами, таким образом, довольно целостная концепция. Первое, что сразу же бросается в глаза, это — полное умолчание о тех контрагентах промышленности, за счет которых будет происходить столь блестящий процесс капитализации. Лишь в одном месте упоминается о „частном мелком производстве", да и то лишь для того, чтобы выставить тезис:

„Стабилизация цен (при росте производительности труда) означала бы увеличение социалистического накопления за счет частного потребления и накопления" (стр. 154).

Легко заметить, что стоило бы нашему автору лишь поставить перед собой конкретный вопрос (хотя бы в *самой общей* форме) о взаимоотношениях между крупной социализированной индустрией и „частным мелким производством" *в нашей стране и в наше время*, — и все его построение разлетелось бы, как дым. Он был бы тогда вынужден признать, что наша промышленность работает сейчас при гораздо более высоких издержках производства, чем в довоенное время и чем промышленность других стран. Требуется, стало-быть, значительное „повышение производительности труда", сопровождаемое соответствующим снижением цен, для того лишь, чтобы „частное мелкое производство" смогло добывать продукты промышленности по ценам, тяготеющим к довоенным, а далее — к современным заграничным. Далее, автор убедился бы, что от высоты промышленных цен зависит во многих случаях „хозяйственное поведение" мелкого частного товаропроизводителя, которого нельзя, например, заставить покупать товары, когда он не хочет платить слишком высокие, по его понятиям, цены и — что еще хуже, пожалуй—

нельзя заставить продавать — и даже производить „те товары, которые нужны промышленности в качестве сырья, рабочим — в качестве продовольствия и внешней торговле — в качестве основного вывозного фонда. От всех этих вопросов автор абстрагирует при помощи следующей фразы:

> „Вопрос о политике цен в разных отраслях и, в особенности, вопрос о соотношении цен сельско-хозяйственных и промышленных товаров чрезвычайно сложен и требует специального обсуждения“ (стр. 155 — 156).

Это — все, больше ни слова не найти во всей работе по этому вопросу. Каждый читатель согласится, что если это считать анализом проблемы, то трудно будет определить, что является издевательством над проблемой. В самом деле, ставится вопрос о политике цен, о политике цен госпромышленности по отношению к частному хозяйству прежде и раньше всего; а в это же время откладывается до лучших времен вопрос о „соотношении цен сельско-хозяйственных и промышленных товаров“.

Чрезвычайно скучно было бы здесь повторять общеизвестные истины насчет необходимости смычки с основной массой крестьянских хозяйств и т. п. Заметим лишь, поскольку автор выступает в роли защитника безработных — что политика стабильности высоких цен на промтовары являлась бы наилучшим способом неслыханного форсирования роста безработицы. Ведь не следует забывать, что не одни лишь предметы индивидуального потребления „мелкое частное хозяйство“ получает от госпромышленности; напротив, именно госпромышленность (и отчасти импорт) доставляет крестьянству основную массу орудий производства. При стабильности высоких цен на последние все более широкие слои крестьян будут терять хозяйственную самостоятельность и заливать города таким потоком безработных, который не может быть всосан даже за счет увеличившихся норм промышленного накопления; соотношение сельского и промышленного населения в нашей стране делает это обстоятельство совершенно очевидным.

Разбор подобных концепций относительно политики цен приводит, таким образом, к следующему выводу. Каждое *конкретное* снижение цен, в зависимости от обстоятельств, может оказаться правильным или ошибочным мероприятием;

решение этого вопроса является делом подробного исследования всех предпосылок, условий и последствий данной меры. С этой точки зрения, каждый конкретный случай снижения цен можно оспаривать, анализируя его возможные результаты и последствия в хозяйственной обстановке каждого данного момента. Но общая линия на снижение цен, по мере понижения издержек производства и роста производительности труда (а иной раз, даже забегая вперед по отношению к этим величинам), является для *нашей страны и нынешнего периода* единственно приемлемой. Ошибка представителей противоположной точки зрения обычно заключается в том, что они незаконно отвлекаются от таких особенностей советской экономики, которые оставлять безнаказанно вне поля своего зрения никак нельзя.

Рассмотрим теперь, чем определяется *низший предел* сознательно регулируемых цен на изделия социализированной индустрии, вступающие в товарооборот с несоциалистическим сектором. Прежде всего ясно, что этот предел не может располагаться ниже уровня *издержек производства*, ибо лишь при полном возмещении последних возможно беспрерывное воспроизводство. Но возмещение одних лишь издержек производства обеспечивает только *простое* воспроизводство; ясно, однако, что для закономерности переходного хозяйства предполагают бесперебойное течение процесса *расширенного* воспроизводства. Таким образом, цена должна включать в себе, помимо полного возмещения производственных издержек, еще некую надбавку, предназначаемую для целей расширения процесса воспроизводства. Эта надбавка по своему назначению аналогична, стало-быть, накопляемой доле прибыли обычного капиталистического предприятия. Вследствие невыработанности специальной для переходного хозяйства терминологии, эта надбавка так обычно и называется „прибылью“ госпромышленности. — Разумеется, в отдельных случаях или в особые периоды времени цена промышленных изделий может быть устанавливаема не только ниже издержек производства плюс надбавка, но и ниже производственной себестоимости. Такое снижение цен часто имело место на протяжении восстановительного периода, когда оно служило единственным средством достижения полной нагрузки, сильным стимулом к снижению издержек производства и поднятию производительности труда, так что через короткие сроки

прежние убыточные цены становились опять прибыльными. — Все же остается ясным и бесспорным, что, в качестве обычного и постоянного явления, цена должна быть достаточна, чтобы не только полностью возмещать издержки производства, но и давать промышленности известную „прибыль“, обращаемую на цели накопления. Без этой „прибыли“, возможно, в виде общего правила, лишь простое воспроизводство, а без полного возмещения производственных затрат — лишь „расширенное отрицательное“, т. е. суживающееся воспроизводство. Ясно, что ни первое ни второе не может служить нормальным явлением переходной экономики в период ее развития.

Возникает, стало-быть, вопрос, чем определяется высота той надбавки к себестоимости, которая определяет низкий уровень цен и которую мы будем (исключительно по аналогии) называть прибылью. В условиях товарно-капиталистического производства эта величина определяется, как известно, законом общей нормы прибыли. Выше мы уже убедились, что этот закон теряет свое действие по отношению к отраслям социализированной индустрии, обслуживающим социалистический же круг производства. Посмотрим, как обстоит дело в применении к тем отраслям, которые имеют своим контрагентом несоциалистический сектор.

Производство этих отраслей устанавливается точно так же в плановом порядке с той, правда, разницей, что материалами для исчисления плана здесь служат не непосредственные данные о потребностях, ресурсах и т. д., а данные, получаемые в значительной доле путем наблюдения рыночных, конъюнктурных, стихийного порядка явлений. Далее, свободного и стихийного перелива капиталов в этих отраслях точно так же не существует. Этот процесс рыночного порядка здесь замещается сознательным и планомерным распределением ресурсов между отдельными отраслями, передвижкой государственных средств, по мере необходимости, из одной отрасли в другую. Таким образом, та задача, которая выполняется механизмом рыночного закона общей нормы прибыли, и в этой части социалистического сектора осуществляется в порядке сознательного и планомерного управления и руководства. Но поскольку прекращается действие закона средней нормы прибыли, постольку установление размеров „нормы прибыли“ для отдельных отраслей становится делом сознательного регулирования уровня цен. Конкретно это означает, что органы,

управляющие государственной индустрией, могут снизить до нуля надбавку к ценам на сельско-хозяйственный инвентарь, например, и одновременно поднять цены на шелковые материи, парфюмерию и т. д. до уровня, определяемого лишь соображениями об оптимуме наибольшей суммы прибыли. Соображениями экономической политики в широком смысле слова, стремлению к максимальной экономической целесообразности открывается, таким образом, достаточный простор при определении высоты прибыли, получаемой на каждом роде изделий государственной индустрии. Ясно также, что прибыль, получаемую шелковой и парфюмерной промышленностью, можно в значительной доле переводить в отрасли сельскохозяйственного машиностроения и, таким образом, заменить действие закона средней нормы прибыли и миграции капитала из одной отрасли в другую.

Значит ли это, что установление высоты доли прибыли в цене товара является делом совершенно произвольным? Такой вывод был бы весьма несправедлив. Свобода маневрирования в установлении высоты накидки, применительно к отдельным отраслям и товарным видам, в значительной степени предполагает предварительный точный учет рыночных условий реализации того или иного товара; с другой стороны, поскольку уровень накидок, в конечном счете, определяет общую массу прибыли, которой промышленность будет располагать для накопления и расширенного воспроизводства, постольку учет необходимого расширения промышленного производства, диктуемого хозяйственными условиями всего народно-хозяйственного целого, должен оказывать свое решающее влияние при определении этого уровня. Наличие иных источников расширения промышленного производства, помимо прибылей самой индустрии, значительно смягчает необходимость подобного соответствия и согласования, но не может вовсе устранить эту необходимость.

Плановое регулирование цен на изделия госпромышленности, предназначенные для широкого рынка, распространяется прежде всего на отпускные цены хозяйственных органов или их объединений. Но сознательное регулирование отпускных цен отнюдь не обеспечивает полного господства над розничными ценами, по которым товар продается непосредственному потребителю. Проблема расхождения между отпускными и розничными ценами, проблема оптово-розничных ножниц

является чрезвычайно сложным явлением экономической действительности последнего времени. Колебания розничных цен вокруг оптовых, отклонения первых от вторых обусловливаются всей суммой конъюнктурных данных. Как известно, розничная конъюнктура последних лет характеризуется у нас явлением так называемого товарного голода. Здесь не место попытке анализа природы товарного голода, его причин и следствий. Эта задача могла бы быть выполнена лишь при подробном анализе условий воспроизводства, реализации и накопления в переходной советской экономике. Заметим лишь здесь, что чересчур упрощенное истолкование товарного голода, как следствия исключительно лишь недостаточного накопления в области промышленности, явно несостоятельно. Эта точка зрения, чрезвычайно распространенная и молчаливо признаваемая весьма широкими кругами, грешит чрезвычайно односторонним подходом к проблеме. Существеннейшие особенности структурных изменений в нашем хозяйстве (отставание внешней торговли, изменения в условиях распределения и потребления) остаются при этом более или менее затушеванными.

Последние годы характеризуются политикой снижения отпускных цен на промышленные изделия, проводимой в условиях почти непрекращающегося товарного голода. Естественно поэтому, что в этих условиях снижение оптовых цен далеко не сразу и далеко не автоматически влечет за собою снижение соответствующих цен в рознице. Вот данные о сравнительном движении оптового и розничного индекса цен промышленных изделий за последние годы[1].

Период времени.	Движение оптовых цен.	Движение розничных цен.
1 окт. 23 г.— 1 февр. 24 г.	— 21,5%	— 7,3%
1 февр. 24 г.— 1 нояб. 24 г.	— 18,9 „	— 3,6 „
1 нояб. 24 г.— 1 апр. 25 г.	— 0,5 „	— 7,0 „
1 апр. 25 г.— 1 авг. 25 г.	— 1,0 „	— 2,6 „
1 авг. 25 г.— 1 апр. 26 г.	+ 2,1 „	+ 18,6 „

Из этой таблички явствует, что в течение первого периода проведения политики снижения цен,—периода, характеризующегося ликвидацией осеннего кризиса 1923 г. и далее проведением и закреплением денежной реформы—темп снижения

---

[1] Данные А. Гринцера, приводимые в работе А. М. Гинзбурга — „Экономия промышленности“, гл. II стр. 353.

розничных цен резко отстает от хода снижения оптовых цен. Следующий отрезок времени (третий период по данной таблице и отчасти четвертый) характеризуется, напротив, более сильным снижением розничных цен, происходящим за счет прежде проведенного снижения цен оптовых. Наконец, последний отрезок времени знаменуется новым приступом товарного голода, притом в небывало острой форме; здесь мы видим рост даже оптового индекса при значительно более быстром подъеме уровня розничных цен.

Регулирование цен в условиях товарного голода является чрезвычайно трудным и сложным делом. Прежде всего, хозорганы и объединения, не имея конъюнктурных стимулов к проведению политики низких цен, зачастую пытаются в той или иной скрытой форме обойти принудительное регулирование цен. Такого рода обход в ряде отраслей довольно легко осуществим: меняется ассортимент товаров, понижается их качество и т. д. Несравненно серьезнее однако другое затруднение, заключающееся в том, что результаты снижения цен не доходят до потребителя вследствие раздвижения оптово-розничных ножниц. В условиях абсолютного недостатка предложения товаров фиксация оптовой цены оказывается далеко недостаточной. Прежде всего встает задача более или менее планомерного распределения товарных масс по многочисленным рынкам страны. Попыткой осуществления этой задачи является плановый завоз, утверждение регулирующими инстанциями того распределения товарных запасов, которое в условиях удовлетворенности товарного рынка осуществляется в порядке обычной коммерческой деятельности торгующих организаций. Далее, возможность доведения сниженной цены до конечного потребителя в громадной мере зависит от структуры товаропроводящего аппарата и, прежде всего, от степени его обобществления. Хотя, с другой стороны, не следует упускать из виду, что конъюктурные условия товарного голода чрезвычайно благоприятствуют практике высоких торговых накидок и в пределах обобществленного сектора товаропроизводящей сети. Если некоторое повышение торговой розничной накидки может считаться естественным на первых порах, когда обобществленная торговля за счет получаемых таким образом прибылей расширяет свои основные факты, то значительно менее терпимым является рост розничных накидок, идущий на покрытие возрастающих накладных расходов торгового

аппарата. В области такого рода явлений, носящих характер паразитизма и загнивания, открывается широкое поле для активной борьбы.

Зачастую благоприятная почва для высоких розничных накидок создается негибким проведением политики цен органами госпромышленности. Часто — в особенности в условиях фактического применения „указных“ цен—отпускные цены на отдельные виды товаров чрезвычайно мало дифференцированы в зависимости от ряда условий, решающим образом влияющих на розничную цену, уплачиваемую потребителем. Различия в сорте, в качестве, в моде, различия в марке или „фирме“ товара, условия сезонности по целому ряду отраслей оказывают огромное влияние на уровень продажной цены в каждом отдельном случае в рознице. Поскольку хозорганы проводят недостаточно гибкую политику цен в зависимости от подобного рода условий — разница частенько идет в пользу товаропроводящего аппарата, при чем особым умением использовать этот источник добавочного барыша отличается, разумеется, частник, обладающий наибольшей гибкостью и приноровленностью к улавливанию малейших нюансов в условиях соотношения спроса и предложения [1].

Форма и степень стихийного воздействия рынка на государственную индустрию, обслуживающую несоциалистический сектор производства и потребительский рынок, в немалой мере зависит от степени обобществления товарооборота, при чем следует принимать в расчет не только обобществление процесса обращения в ш и р ь, но и его обобществление в г л у б ь. Если обобществление вширь измеряется численной долей обобществленных форм торговли (госторговли и кооперации) в общем товарообороте страны, то обобществление вглубь зависит от показателей, характеризующих, прежде всего, степень согласованности обобществленной формы обращения (кооперации) и обобществленного производства (госу-

[1] См. по этому поводу статью В. К а н т о р о в и ч а „О политике цен госорганов“, в журн. „Экономическое Обозрение“ октябрь 1926 г. Автор следующим образом формулирует свой совершенно правильный вывод: „В основу политики цен хозорганов должны быть положены основные принципы нормальной коммерческой работы, стремящиеся к соблюдению нормальных соотношений между основными свойствами товаров и их ценами, между ценами в отдельных звеньях товаропроводящей сети, между ценами в отдельные периоды и т. п.“ (стр. 104).

дарственной промышленности), а главное—степень превращения кооперации из обычного типа лавочки в подлинно коллективно-социалистическое учреждение. Совершенно ясно, что по третьему критерию каких-либо общих или сводных данных быть не может; по первым же двум статьям можно располагать данными общего значения, более или менее надежными.

Обратимся к характеристике, так сказать, экстенсивной формы обобществления товарооборота. Если взять данные, относящиеся к торгово-посредническому обороту в целом, то соотношение долей различных секторов за последние годы испытало следующую эволюцию:

Участие государственных, кооперативных и частных заведений в товарообороте[1]:

(в %, по современным ценам).

	1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
Госуд.	31,0	35,5	34,0	34,0
Коопер.	28,2	37,5	42,3	44,5
Итого обобщ. . . .	59,2	73,0	76,3	78,5
Частн.	40,8	27,0	23,7	21,5
Всего	100	100	100	100

Пожалуй, еще большее значение для наших целей имеют показатели, относящиеся не к товарообороту в его целом, а специально к розничной форме товарообращения, где частный капитал играет более крупную роль и служит непосредственным орудием воздействия рыночной стихии на наше хозяйство. Вот данные, несколько иначе сгруппированные, но для нашей цели противопоставления обобществленного и необобществленного товарооборота вполне пригодные.

Структура розничного оборота[2]:

(в % к общему итогу).

	1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
Потреб. коопер. .	22,2	32,3	34,7	38,6
Проч. обобщ. розн.	19,2	23,4	26,5	25,9
Итого обобщ. . . .	41,4	55,7	61,2	64,5
Частн. розн. . . .	58,6	44,3	38,8	35,5
Всего	100	100	100	100

[1] Таблица позаимствована из „Контрольных цифр Госплана“ за 1926—27 г. стр. 208.

[2] См. „Контр. цифры потребительской кооперации“. Изд. „Центросоюз“.

В этой таблице выделена розница потребительской кооперации; розница же госторговли, равно как и всех других видов кооперации (производственной, с.-х. и т. п.), объединена под общей рубрикой „прочей обобществленной розницы“.

Эти данные иллюстрируют неуклонный рост обобществления товарооборота, при чем обобществление розницы подвигается даже быстрее общего темпа обобществления всего оборота в целом. Разумеется, эти данные, охватывающие обращение товаров всякого происхождения (т.-е. как социалистического, так и несоциалистического кругов производства) и притом обращение, обслуживающее, как несоциалистический сектор, так и потребительский рынок, значительно шире, чем разбираемый нами здесь тип отношений. Тем не менее, они сохраняют известное значение и для данного типа явлений.

Довольно показательны также цифры, позволяющие несколько приблизиться к рассматриваемому здесь типу отношений. К сожалению, эти данные относятся лишь к потребительской кооперации. Из общей массы закупки промышленных изделий отдельные категории потребителей приобретали в потребительской кооперации (в процентах):

	1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
Раб. и служ. . . .	36,7	—	70,2	78
Транспортники . .	31,4	—	67,3	—
Земледельцы и батраки	—	—	14,7	38

Таким образом, последний случай (приобретение земледельцами и батраками промышленных изделий), весьма приближающийся в конкретной хозяйственной действительности к рассматриваемому нами абстрактно-теоретическому типу явлений, показывает, что общие итоги по всему товарообороту могли бы вызвать не совсем точное представление на этот счет. Если даже прибавить к 38%, спланированным на текущий год, еще десяток процентов за счет: 1) покупок крестьянского населения в городах, а также в госрознице и у других видов кооперативной торговли, и 2) покупок промышленных изделий производственного значения через систему сельскохозяйственной кооперации и пр., то все же совершенно ясно, что не менее 50% всех промышленных изделий, поступающих на крестьянский рынок, проходит через руки частного розничника. А эта доля далеко не мала.

По вопросу о глубине обобществления товарооборота данные цифрового характера могут быть приведены исключительно по части отношения между госпромышленностью и кооперацией. Естественно, чем более планомерными и урегулированными становятся эти отношения, тем дальше мы подвигаемся по пути углубления процесса обобществления товарообращения. Мерилом плановости взаимоотношений между индустрией и кооперативной системой могут служить существующие между ними договорные отношения, в первую очередь, генеральные договора, заключаемые кооперацией с целым рядом промышленных объединений, по отношению к которым кооперация выступает в качестве важнейшего проводника их изделий.

По восьми важнейшим отраслям промышленности (текстильной, кожевенно-обувной, резиновой, металлической, силикатной, спичечной, махорочной, сахарной) общая сумма генеральных и длительных договоров, заключенных с кооперацией, в 1925—1926 г. равнялась 627,6 милл. руб., что составляло 24,9% по отношению ко всей продукции этих отраслей, предъявляемой широкому рынку. По отношению же к сумме покупок кооперации у этих отраслей, эта сумма составляла 44,6%. В 1926—1927 г. общая сумма генеральных договоров достигает 938,7 милл. рублей, что дает возрастание на 49,5%, по сравнению с истекшим годом. Эта сумма должна составить, примерно, 32,6% по отношению к общей массе изделий, предъявляемых широкому рынку, и около 53,7% кооперативных закупок у этих отраслей [1].

5.

Перейдем к анализу второй стороны проблемы. Обратимся к той массе случаев взаимоотношений между социалистическим и частно-хозяйственным секторами переходной экономики, когда первый выступает покупателем, а второй — продавцом. Мы уже отметили выше, почему этот ряд явлений надлежит рассматривать особо. Даже в конечном итоге сумма покупок социалистического сектора у несоциалистического отнюдь не совпадает целиком и полностью с суммой продаж первого второму,—ибо приходится вносить целый ряд существеннейших

---

[1] Данные приведены в газ. „Экономическая Жизнь“ от 10 ноября 1926 г.

поправок: суммы, уплачиваемые частным хозяйством в виде налогов, далее—доля, перепадающая посреднической торговле, доходы частного хозяйства, получаемые не от продажи его товаров, а от продажи рабочей силы (заработки крестьянского населения на отхожих промыслах) и т. д. и т. п. Еще значительнее эта разница в тех случаях, когда мы попытаемся разложить „частно-хозяйственный сектор“ на единичные хозяйства, из которых он в реальной действительности и состоит. А ведь совершенно ясно и понятно, что только подобный конкретный подход в данном случае может считаться правильным. Ибо лишь такой конкретный подход в состоянии выяснить те особенности, которые характеризуют экономическую категорию ценности—цены на различных участках переходного хозяйства.

Как обстоит дело, прежде всего, с качественной стороной закона ценности в явлениях рассматриваемого здесь типа? Почва для сохранения в силе закона ценности, как закона стихийного, раздробленного производства, здесь дана, поскольку одним из контрагентов выступает частно-хозяйственный сектор. С другой стороны, роль социалистического сектора, в качестве второго контрагента, предполагает известные возможности в смысле ограничения и ущемления прежнего простора для действия закона ценности, как олицетворения экономической стихии. Социалистический сектор, как контрагент, несет с собой известные возможности предварительного учета, плана и сознательного действия, отчасти занимающих место прежнего неограниченного произвола стихийного закона ценности.

Вполне естественно, что в этом случае, как и в других, наиболее трудным делом является установление каких-либо конкретных границ рационализации общественно-производственных отношений, находящих свое выражение в ценностных категориях рынка. Полное отрицание каких-либо возможностей в смысле этой рационализации встречается у нас лишь в области теории; оно обязано своим существованием, пожалуй, исключительно полному непониманию значения закона ценности и его рационалистического перерождения. Именно поэтому у нас частенько признаком хорошего тона, символом особого „делячества“ и практицизма слывет вполне наплевательское отношение ко всякого рода разговорам об ограничении власти закона ценности, об изменении его силы и действия в наших условиях. Пускай, мол, теоретики болтают,

что им угодно — у нас стихийные законы рынка действуют с такой же точно силой, как и в любом порядочном капиталистическом хозяйстве — вот альфа и омега подобных настроений. При этом обычно не учитывается, что при последовательном проведении подобной точки зрения следует отказаться, например, от всякой мысли сознательного регулирования заготовительных цен на товары, скупаемые государственными органами у крестьянского хозяйства. В самом деле, ведь стихийные законы рынка сохраняют свою неограниченную власть, а они потому и являются стихийными, что никак нельзя как-либо предвидеть их действия, предугадать их результат. Совершенно ясно, однако, что отказ от заготовительных планов, от регулирования и предварительного учета заготовительных цен в условиях, когда государственное хозяйство борется и не может не бороться за фактическую монополию в области заготовок сельско-хозяйственной продукции, являлся бы полнейшим абсурдом. Таким же абсурдом и результатом сплошного недоразумения следует считать скептицизм в отношении ограничения закона ценности, выдаваемый частенько за сверхделовой подход к вопросу.

Встречаются, однако, и перегибы палки в другую сторону. Встречается иной раз стремление рассматривать категорию цены в рассматриваемом случае взаимоотношений между секторами, как вполне рационализированную форму распределения средств и ресурсов. Остановимся на одном из примеров подобной переоценки степени рационализации данного типа отношений.

При обсуждении в нашей печати принципов хлебозаготовительной политики накануне кампании 1925—1926 г., один из авторов выступил со следующим предложением относительно политики хлебных цен:

„Цены на продукцию сельского хозяйства необходимо строить таким образом, чтобы платежно-потребительский спрос деревни, неуклонно увеличиваясь из года в год, не превышал в значительной степени максимально возможного предложения промтоваров“.

„Уменьшение сельско-хозяйственных цен ниже этого предела, - продолжает автор,—не давая импульса к расширению промышленности, будет связано с образованием товарных запасов. От повышения цен сверх этого пре-

дела, в свою очередь, **крестьянин** ничего не выиграет, так как дополнительный спрос не будет удовлетворен. **Скорее проиграет**: червонный рубль покатится вниз по наклонной плоскости“ [1] и т. п.

Далее, автор, при помощи довольно несложных приемов, выясняет основные моменты, оказывающие влияние как на предложение, так и на спрос промышленной продукции и приходит к следующему заключению, в котором сформулирован окончательный результат его исследовательской попытки:

„Стоимость промтоваров, которые будут предложены в 1925—26 г. (по индексу 1,9), равна 9 190 милл. черв. рублей. Из них город потребит на 5 690 милл. черв. рублей. На долю деревни остается промтоваров на 2 500 милл. руб. Спрос деревни мы оценили в 1 650 милл. дов. руб. Разбив его пропорционально цифрами земледельческих и внеземледельческих доходов (1 923 и 480), получим, что спрос земледельческого происхождения равен 1 220 милл. дов. руб. и внеземледельческого—330 милл. дов. руб., или 630 милл. черв. руб. На долю деревни, как уже было указано, остается промтоваров (за погашением спроса города) на 2 500 милл. черв. руб. Покрыв спрос на внеземледельческие доходы, получим, что спросу деревни на земледельческие доходы в 1 320 милл. дов. руб. может быть противопоставлена товарная масса в 1 870 милл. черв. руб. При индексе сельско-хозяйственных продуктов $\frac{1\,870}{1\,320}$ или, кругло, 1,40, все промтовары будут куплены деревней. При этом индексе дефицитный спрос также не будет иметь места“.

Этому индексу, по вычислениям автора, соответствует средняя цена на хлеб, равная около 1 р. 15 к. за пуд. Рожь должна стоить в таком случае 80 коп., пшеница 1 р. 30 к. и т. д.

---

[1] И. П. **Петряков**. „Хлебные цены“, статья в „Правде“ № 174 за 1925 г.—Мы опускаем авторский курсив.

„Средняя цена в 1 р. 15 к. и может быть принята директивной ценой при заготовках 1925—1926 г. Так как весенние цены будут выше средней годовой, и поэтому осенние должны быть ниже (для 1925—1926 г. амплитуда колебаний может быть допущена до 20 к.), то мы имеем осенние заготовительные цены: на рожь — 70—75 к. и пшеницу — 1 р. 20 к. — 1 р. 25 к. и весенние заготовительные цены: на рожь—85—90 к. и пшеницу—1 р. 35 к. — 1 р. 40 к.“.

В другой статье того же автора этот исходный принцип, лежащий в основе вышеизложенного предложения, нашел себе следующую формулировку:

„При построении реального уровня желательных цен, вполне **достаточным** признаком этих цен является условие, при котором платежно-потребительский спрос деревни, покрывая полностью максимально возможное предложение на рынке промтоваров (за вычетом, конечно, потребления города), не превышал бы в то же время в значительной степени этого предложения товаров (с учетом, конечно, импорта, не входящего за пределы активного баланса страны“ [1].

Изложенное здесь предложение вызвало в свое время довольно оживленную полемику в печати, при чем отношение к этому предложению оказалось сплошь отрицательным. Ряд возражений был выдвинут против этого предложения; большинство обвинений касалось, однако, частностей (хотя бы и очень важных), не задевая самой идеи по существу. Так, был поставлен риторический вопрос автору:

„Почему это он так великодушен к городу, предоставляя ему полностью удовлетворить свой спрос на промтовары, и так несправедлив к деревне, уделяя ей в своих расчетах лишь то, что останется после удовлетворения города?“ [2].

---

[1] И. Петряков. „Лимиты и директивные цены“, статья в „Правде“ № 168 за 1925 г.

[2] П. Дашевский. „Хлебные цены“, статья в „Правде“ № 183 за 1925 г.

Нетрудно заметить, что можно было бы найти целый ряд других конкретных возражений, касающихся той или иной стороны расчетов автора. В самом деле, при определении платежеспособного спроса деревни, он исходит из цифры товарного выхода зерновых хлебов на сумму 790 милл. руб. по довоенным ценам, в то время как фактически 1925—1926 г. дал всего лишь товарной массы зерновых хлебов на сумму 394,1 милл. руб. по довоенным ценам [1]. Понятно, что один лишь „просчетец“ подобных масштабов сводит на-нет какое-либо практическое значение всего предложения. Если добавить, что расчеты по поводу товарных масс промпродукции отличаются не большей достоверностью, то по поводу практической пригодности изложенного предложения не может оказаться двух мнений.

Остается, однако, открытым вопрос, можно ли вообще разрешить задачу установления того или иного уровня хлебных цен, на основании расчета подобного типа. Неудача данной конкретной попытки, разумеется, не разрешает вопроса в его общей форме. Характерная особенность этой попытки заключается в том, что она ищет разрешения проблемы хлебных цен на пути полной рационализации этой экономической категории. В самом деле, цена на хлеб, согласно этому предложению, устанавливается вполне сознательно, на основании предварительного расчета, при чем эта цена должна явиться функцией, в сущности говоря, лишь одной переменой экономического характера, а именно, массы промышленных товаров, противопоставляемой крестьянскому спросу (прочие переменные сводятся в конечном итоге к естественным факторам, к урожаю и т. п., а потому в экономическом анализе фигурируют лишь как внешние данные).

Признание возможности подобного рационального и, мы бы сказали, монистического установления цен в интересующем нас случае взаимоотношений между социалистическим и несоциалистическим секторами было бы принципиально равносильно признанию полной атрофии закона ценности на этом участке, признанию полной замены „рыночной цены“ — „указной ценой“.

Можно ожидать, что дальнейшее развитие переходной экономики в направлении к социализму, дальнейшее социалисти-

---

[1] „Контр. цифры на 1926—1927 г.“, стр. 342.

ческое перерождение хозяйственных тканей, находящее своё выражение в росте крупной социалистической индустрии, в полном овладении рынком со стороны государства, в сведении на-нет роли частного капитала и, наконец, в значительных успехах кооперативного строительства среди крестьянства—будет нас приближать именно к такому перерождению категории цены. Однако, совершенно ясно, что мы в настоящее время пребываем лишь на первых ступенях этого процесса. Его завершения следует ожидат лишь на последних ступенях переходного периода, ведущего к социализму. Лишь тогда имеет место полное отмирание закона ценности, лишь тогда цена превращается в форму рационального и сознательного учета хозяйства, достигшего уже высокой степени обобществленности.

Качественное значение категории цены на современном этапе переходной экономики существенно иное. Категория цены в рассматриваемом здесь случае является фокусом, отображающим борьбу, столкновения и сожительство весьма различных элементов:

1) социалистического сектора хозяйства;
2) мелкого товарного хозяйства;
3) частно-капиталистических элементов и
4) мирового рынка.

Категория цены в данном типе явлений выступает предметом борьбы между социалистической и капиталистической линией хозяйственного развития, борьбы, которая ведется на арене мелкого товарного хозяйства. Поэтому, при определении масштабов цен, приходится считаться не только с (1) оптимумом для социалистического сектора, но и с (2) ходами противников (мирового хозяйства, капиталистических элементов внутри страны) и с (3) условиями распыленного мелкого товарного производства. Отсюда множественность соображений и принципов, кладущих свой отпечаток на хлебные цены, устанавливаемые для каждой заготовительной кампании; отсюда, с другой стороны, принципиальная несостоятельность попытки установления этих цен при помощи одного лишь единственного критерия — товарной массы, выбрасываемой промышленностью на крестьянский рынок.

Невозможность полной рационализации производственных отношений, находящих свое выражение в категории цены в данной области явлений, проявляется также в невозможности вполне точного и адэкватного учета всех хозяйственных

моментов, влияющих на процесс ценообразования. Разумеется, наиболее грубые просчеты, вроде знаменитых ошибок осени 1925 г., отнюдь не заложены с полной неизбежностью в самом характере нашего хозяйства; напротив, они ни с какой стороны не могут быть признаны явлением объективного порядка, подобные ошибки и просчеты надлежит относить к числу субъективных моментов нашей хозяйственной жизни и экономической политики. Но в то же время следует, на наш взгляд, признать, что идеально точное предвидение всех рыночных элементов и условий, их антиципация, носящая весьма фотографический характер, в нынешних условиях объективно недопустима. С другой стороны, при всем обилии мер экономического и всеэкономического воздействия, которыми социалистический сектор располагает по отношению к своим частно-капиталистическим противникам и контрагентам, известная свобода действий и известное поле для хозяйственного маневрирования у этих элементов все же остается. В сущности, ликвидация их хозяйственной самостоятельности была бы равносильна ликвидации частно-капиталистических элементов в переходной экономике вообще; общеизвестно, однако, что так далеко мы еще не продвинулись.

В этих условиях сплошь и рядом наиболее целесообразными ценами оказываются такие цены, которые хотя и не пролегают по наиболее идеальному оптимуму, но зато способны сохранить наибольшую стабильность и постоянство. Отсутствие резких колебаний цен вышибает почву из-под ног спекулятивных устремлений частного капитала в его различных формах. В сущности, эти спекулятивные маневры основываются на различии в ценах, существующем (1) в различные периоды времени или (2) в различных местностях. На различие цен в разных районах (потребляющих и производящих) спекулирует частный торговый капитал. На различии в ценах в различные периоды года (весной и осенью) спекулирует деревенская буржуазия, придерживающая хлеб до „лучших времен“. Любопытно, что в тех случаях, когда государственным заготовителям удается твердо держать цену на протяжении всего года, почва для создания спекулятивных запасов сельско-хозяйственной продукции исчезает целиком. Таково, например, положение с хлопком, который почти целиком выбрасывается на рынок в течение первых двух-трех месяцев заготовительного сезона, ибо хлопководы привыкли

к стабильной монопольной цене Главхлопкома, не изменяющейся на протяжении нескольких лет [1].

Вопрос о единственности или множественности подходов при назначении заготовительных цен на продукцию сельского хозяйства подводит нас вплотную к количественной характеристике цены. Совершенно очевидно, что в рассматриваемом случае количественное значение цены должно играть чрезвычайно большую роль в деле управления и регулирования производства миллионов разрозненных хозяйств. При господстве мелкого товарного производства, различие в уровне и соотношениях цен на те или иные продукты должно стимулировать соответственное перераспределение производительных сил, перелив труда из менее выгодной отрасли производства в более выгодную. При этом, необходимо иметь в виду, что в современных условиях перелив труда из сельского хозяйства в область индустрии чрезвычайно затруднен; к тем препятствиям, которые ставит в этом отношении уже капитализм и его развитие (господство мелкого товарного производства в сельском хозяйстве и крупно-капиталистического — в индустрии), в условиях переходной экономики присоединяются еще специфические трудности, как, например, невозможность мобилизации земельных владений — с одной стороны, и „закрытые двери“ для частно-хозяйственной деятельности в индустрии — с другой. Поэтому изменение ценностных соотношений стимулирует, прежде всего, перелив труда внутри сельского хозяйства, перераспределение производительных сил между различными его отдельными отраслями.

Поскольку сельское хозяйство превращается, таким образом, в более или менее ограниченное целое, внутри которого действие закона ценности проявляется с несравненно большей силой, чем во взаимоотношениях этого целого с внешним миром, постольку наиболее универсальный продукт производства сельского хозяйства начинает играть для этого круга своеобразную роль второго всеобщего эквивалента. Эта роль, естественно, выпадает на долю хлеба. Хлеб становится общим знаменателем, к которому приводятся ценностные соотношения всех продуктов сельского хозяйства. Так как почти любая отрасль сельско-хозяйственного производства, за весьма

---

[1] См. А. Микоян. „К вопросам хлебной кампании“, статья в „Большевике“, № 19—20 за 1926 г., стр. 81—82.

малыми исключениями, может сравнительно легко быть заменена посевом зерновых хлебов, то всякие неблагоприятные изменения цен на отдельные продукты сельского хозяйства, по сравнению с ценами на хлеб, сравнительно быстро ведут к вытеснению соответствующих отраслей сельского хозяйства зерновыми культурами. Покупательная сила хлеба становится масштабом, которым крестьянин пользуется для определения сравнительной выгодности той или иной отрасли сельско-хозяйственного производства.

Это обстоятельство необходимо иметь в виду, когда речь идет о пределах, на которые наталкивается сознательное установление заготовительных цен. Довольно бесспорным следует считать, что верхним пределом заготовительной цены является цена мирового рынка. Это без дальнейшего ясно в отношении тех видов сельско-хозяйственной продукции, которые являются предметом экспорта или импорта. Но раз так, то и для остальных продуктов сельско-хозяйственного производства тот же верхний предел, в общем и целом, сохраняет свою силу, вследствие теснейшей цепной зависимости, существующей между ценностными соотношениями различных продуктов сельско-хозяйственного круга. Точнее, следовало бы сказать, что верхним пределом заготовительной цены является мировая цена минус необходимые и неизбежные издержки заготовок, перевозок и т. п.; в реальной экономике издержки этого рода составляют немалую величину.

Как определяется низший предел заготовительной цены?— Вот одна из попыток разрешения этого вопроса:

„Очевидно, линия минимума определяется степенью выгодности данной культуры для производителей, в сравнении с другими культурами сельского хозяйства“ [1].

Здесь совершенно правильно определяется линия минимума заготовительной цены для „данной культуры“, т.-е. для каждого отдельного взятого в изолированном виде продукта сельско-хозяйственного производства. Но таким путем отнюдь не разрешается вопрос минимума общего уровня заготовительных цен на все виды сельско-хозяйственной продукции.

---

[1] Е. А. Преображенский. „Новая экономика“.

Минимальный предел цены на каждый отдельный вид сельско-хозяйственной продукции определяется степенью выгодности этой культуры, по сравнению с другими культурами. Но ведь линия минимума для других культур также, должно-быть, будет определяться степенью выгодности, по сравнению с первой культурой. Таким образом, мы не найдем выхода из круга, где каждый член определяет собой значение всех остальных.

Так как наиболее всеобщей единицей сравнения и единицей измерения выгодности служит хлеб, то линия минимума заготовительной цены определяется прежде всего, в зависимости от минимальной цены на хлеб. От чего зависит величина последней? Без сомнения, от большого обилия различного рода факторов. Не приходится утверждать, что хлебная цена целиком определяется рыночным законом ценности в наших условиях, когда фактически мы в основных чертах имеем — или, по меньшей мере, стремимся иметь — государственную монополию хлебной торговли, правда, с известными послаблениями. Тем не менее, целый ряд соображений рыночного порядка должен приниматься в расчет, при намечении минимума хлебной цены. Решающую роль, при установлении этого минимума, должны играть общие народно-хозяйственные соображения насчет направления и перспектив развития всего сельского хозяйства в целом.

Как велика амплитуда колебаний, как широко расстояние между максимальной и минимальной ценой в области сельско-хозяйственной продукции? Цитированный нами автор полагает, что „площадь для маневрирования здесь весьма обширна, вероятно, не менее 50% вниз от мировой цены“ [1]. На наш взгляд, автор мог прийти к такому рискованному выводу лишь потому, что он ограничился общим туманным рассуждением насчет минимума для отдельных культур, не поставив даже вопроса об общем минимуме цены для всей сельско-хозяйственной продукции. Определяющим моментом здесь следует считать, как мы уже упоминали, цену на хлеб. Можно ли сколько-нибудь серьезно утверждать, что поле для маневрирования здесь достигает 50% вниз от мировой цены? Необходимо здесь принимать в расчет, как уже было упомя-

---

[1] Е. А. Преображенский. „Новая экономика“.

нуто, тот вычет из мировой цены, который идет на покрытие расходов заготовки, перевозки и торгового аппарата и который, по своему довоенному весу, довольно высок. Так, например, известно, что и в довоенное время хлебные цены в России достигали лишь 70% мировых цен. Если даже из 30% вычета скинуть известную часть, составлявшую прибыль экспортеров, то и тогда ясно, что „площадь маневрирования“ наверху ограничена отнюдь не 100% мировой цены. Ныне, при сильном росте накладных расходов торгующих организаций, верхний предел еще более отклоняется от стопроцентной мировой цены. Считать при этих обстоятельствах, что еще около 50% максимальной цены может служить полем для маневрирования — тем более неправильно. Минимальная цена на хлеб в размере 50% максимальной ни в коем случае не может гарантировать даже простого вос[illegible] производства в крестьянском хозяйстве, не в состоянии обе[illegible] печить выполнение производственных издержек; такая цена потерпела бы неслыханное экономическое фиаско, совершенно отвлекаясь от политических перспектив, которые были бы вызваны подобной политикой.

Можно было бы привести колоссальное количество иллюстраций к тому положению, что меновые соотношения между хлебом и отдельными сельско-хозяйственными продуктами оказывают решающее влияние на судьбу производства этих продуктов. Эта взаимосвязь резче всего бросается в глаза, естественно, в случаях отрицательного рода: когда невыгодное соотношение цен на хлеб и на данную культуру задерживает рост или же вызывает падение производства данной культуры.

Уже в 1923 и 1924 г. мы имели подобного рода случай с кукурузой. Под влиянием агрономической пропаганды, рекомендовавшей кукурузу, как засухоустойчивую культуру, крестьянство после неурожайного 1921 г. сильно расширило посевы под этим злаком; даже в 1923 г., уже после некоторого падения, посевная площадь доходила до 2 378 тыс. десятин (в 1913 г. посевы кукурузы составляли всего лишь 1 300 тыс. десятин). Однако, рыночная конъюнктура жестоко обманула надежды, возлагавшиеся на эту культуру: заготовки не были организованы в достаточных масштабах, цены стояли чрезвычайно низкие. Результат — сокращение посевной площади к следующему 1924 г. до 2 260 тыс.

десятин [1], на фоне общего роста посевов и хозяйства вообще.

Аналогичная история происходит в области свиноводства. 1924 г. дает неслыханный рост количества свиней, по сравнению с предыдущим годом: 18,4 милл. голов против 10,5 милл. голов в 1923 году. Зато следующий 1925 г. приносит с собой абсолютное сокращение свиноводства: численность свиней доходит до 17,7 милл. голов [2]. Причина — та же: отсутствие достаточной подготовки для организации широкого экспорта за границу (отсутствие бэконных заводов) и, как следствие этого—низкие цены на свинину.

Рыночная конъюнктура, находящая свое выражение в соотношении цен на различные продукты сельского хозяйства, оказывается могучим фактором, накладывающим свою печать на весь ход эволюции сельского хозяйства, на рост одних его отраслей и сокращение других, на его интенсификацию, на его прогресс или регресс. Опыт последних лет с полной несомненностью доказывает, что всякое перспективное планирование в области сельского хозяйства должно быть тщательно согласовано с политикой цен на сельско-хозяйственные продукты. Ни административные, ни агрикультурные мероприятия не в состоянии направить в течение долгого времени развитие сельского хозяйства по определенному руслу, если соотношение цен препятствует или задерживает его развитие в данном направлении.

Данные выборочной переписи, проведенной ЦСУ Украины весной 1926 г., дают любопытный материал для суждения

---

1 „Контрольные цифры“, стр. 337.

2 Это — данные Госплана (см. „Контрольные цифры“, стр. 338); согласно этим данным, 1926 года дает опять прирост свиноводства — с 17,7 до 20,7, превзойдя уровень 1916 г. — 20,3 милл. голов. Совершенно иную картину дают цифры Наркомзема:

1916 г.		19,5 милл. гол.
1923 г.		9,4 „ „
1924 г.		17,2 „ „
1925 г.		16,9 „ „
1926 г.		16,1 „ „

Согласно этим данным, падение свиноводства продолжается и в 1926 году. См. статью А. Свидерского „Развитие сельского хозяйства“ в сб. „На путях социалистического строительства“, ГИЗ, 1927, стр. 106.

о том, в какой степени соотношения цен влияют на то или иное направление сельско-хозяйственной эволюции [1]. Ограничимся здесь приведением наиболее ярких примеров. В правобережной лесостепи из двух намеченных перспективным планом Наркомзема путей реорганизации сельского хозяйства — в направлении развития свеклосеяния и в сторону развития животноводства — первый путь оказался фактически сорванным, вследствие неблагоприятного соотношения цен. В 1925—26 г. крестьянин за пуд пшеницы выручал больше, чем за берковец свеклы, тогда как нормальная цена пуда пшеницы должна достигать всего лишь 60% цены берковца свеклы. В результате, сокращение крестьянских посевов свеклы на Правобережье в 1926 г. достигает 13% (с 233 до 203 тыс. дес.). По остальным районам Украины (левобережная лесостепь и степь) мы наблюдаем, вследствие тех же рыночных факторов, сильное сокращение посевов пропашных культур (от 13 до 30 процентов по отдельным культурам). В итоге следует признать, что положительное влияние рыночной конъюнктуры, характеризовавшейся высокими ценами на хлеб, сравнительно со всеми остальными продуктами сельского хозяйства обнаружились только в расширении посевов озимой пшеницы. К числу же отрицательных, с точки зрения народного хозяйства в целом, последствий такого соотношения цен следует отнести: 1) расширение посевов ценной, но весьма неустойчивой и потому большей частью убыточной яровой пшеницы, придающей крестьянскому хозяйству спекулятивный оттенок; 2) сокращение посевов кукурузы, подсолнуха, сахарной свеклы и других технических культур. При этих условиях, борьба против вздутых цен на зерно и установление приемлемых соотношений цен на технические культуры является единственным средством, чтобы избежать экстенсификации и регресса сельского хозяйства.

Вообще, 1926 г. дает богатейшую картину для раскрытия взаимосвязи между направлением развития сельского хозяйства и соотношением цен на различные продукты последнего. Имеющиеся в настоящее время данные, характеризующие этот год, носят по большей части предварительный характер и рисуют зачастую довольно противоречивую картину; тем

---

[1] Эти данные сообщены в статье В. Вольфа „Сдвиги в сельском хозяйстве Украины". — „Правда", № 189 за 1926 г.

не менее, они дают возможность установить чрезвычайно важные причинные зависимости по интересующему нас вопросу. Изменения в соотношении между зерновыми и техническими культурами рисуются по предварительным данным ЦСУ в следующем виде: в то время как площади зерновых культур выросли в 1924 г. на 7%, в 1925 г. на 5%, а в 1926 г. — на 6,3%, — посевные площади технических культур дают в 1924 г. прирост на 26%, в 1925 г. — прирост на 22%, а в 1926 г. — сокращение более, чем на 2%. При несколько пониженном против прошлогоднего урожае, это дает сокращение продукции, примерно, на 5 — 6% [1]. Соотношение посевных площадей зерновых и технических культур изменяется за последние два года следующим образом: 1925 г. 82,4% — зерновых и 17,6% — технических; 1926 г. 83,3% — зерновых и 16,7% — технических культур [2]. Изменения в посевных площадях по отдельным техническим культурам дают за последние два года следующую картину: площадь 1926 г. составляет по отношению к площади 1925 г., по льну 99,7%, по конопле — 99,5%, по подсолнуху 84,8%, по хлопку 106,8%, по сахарной свекле — 101,5% [3].

Все без исключения авторы, останавливающиеся на этих изменениях в развитии сельского хозяйства в 1926 г, в той или иной форме отмечают связь этих изменений с соотношением цен.

„Главной причиной, вызвавшей это снижение (технических культур в 1926 г., по сравнению с 1925 г.) следует считать несоответствие между ценами на технические и зерновые культуры“ [4].

„Эта поразительная по быстроте реакция мелкого крестьянского хозяйства на соотношение цен между разными отраслями сельского хозяйства прямо поразительна“ [5].

---

[1] Н. Огановский. „Поворот назад“, статья в „Эк. Жизни“, № 260 за 1926 г.

[2] См. статью А. Свидерского в сб. „На путях социалистического строительства“, ГИЗ, 1927 г., стр. 104.

[3] Там же, стр. 105.

[4] Статья Свидерского, стр. 105.

[5] Яковлев. „Сельское Хозяйство“, стр. 15.

„До 1925 г. индекс цен на технические культуры, по отношению к довоенным, почти повсюду значительно превышал индекс цен на зерновые хлеба, что и вызывало, повидимому, повсеместный форсированный прирост площадей технических культур.—В 1925—26 г. произошел во многих случаях обратный процесс" [1].

Когда мы желаем обнаружить влияние изменений в соотношении цен на эволюцию отдельных отраслей сельского хозяйства, мы должны брать показатели цен, наиболее близкие к действительно уплачиваемым в данных местностях и в данное время ценам. Средние индексы здесь чаще всего непригодны: они скрадывают различие в порайонном движении цен, годовые же индексы ничего не говорят о движении цен по отдельным кварталам и месяцам. А ведь нетрудно понять, что наибольшее значение имеет цена того месяца или квартала, на который выпадает значительная часть закупок данного вида сельско-хозяйственной продукции. О поквартальном движении цен за 1925—26 г. дает представление таблица на стр. 227.

Эта таблица показывает падение цен на лен, табак, масло и яйца как раз во II и III кварталах, когда производятся посевы технических культур и концентрируются заготовки таких продуктов, как масло и яйца. По некоторым продуктам, как, например, по льну, мы имеем также абсолютное падение годового индекса, по сравнению с предыдущим годом. Значение этого понижения выступает перед нами нагляднее всего, если мы сравним помесячное движение цен на лен с изменением цен на те продукты сельского хозяйства, с которыми лен конкурирует в хозяйстве каждого отдельного крестьянина. Расширяя посевы льна, крестьянин льноводного района сокращает свои посевы ржи, что вынуждает его прикупать рожь для своего продовольствия, или же сокращает посевы овса и картофеля, что уменьшает отчуждаемую долю этих продуктов. Таблица на стр. 228 дает представление о соотносительном движении как ыабсолютнх цен, так и покупательной силы льноволокна, ржи, картофеля и овса по месяцам 1925—26 г. [2].

---

[1] Н. Огановский, — цит. статья.

[2] См. „Экономическую Жизнь", № 272 за 1926 г. Статья С. Ефимова „Цены, как фактор развития сельского хозяйства".

Средне-взвешенные индексы заготовленных с.-х. продуктов.

(По отношению к довоенным)[1].

Группы продуктов	Кварталы 1925—26 года				Среднее за год	Среднее в 1924—25 г.
	I	II	III	IV		
Зернопродукты	119,1	129,5	117,5	107,2	118,3	126,8
Маслосемена	90,4	101,1	98,9	93,4	94,1	88,5
Лен и кудель (волокно)	151,2	133,7	129,8	132,1	146,0	176,3
Хлопок	124,1	124,1	124,1	124,1	124,1	124,1
Табак	155,3	147,1	123,9	114,1	141,1	148,8
Махорка	186,8	283,1	288,5	240,2	295,0	268,8
Масло коровье	147,9	106,3	107,3	113,3	113,0	115,5
Яйца	147,9	217,7	127,8	190,3	178,4	150,3
Кожи крупные	134,1	133,1	139,1	135,2	135,2	118,5
„ мелкие	175,6	185,3	102,3	195,9	188,0	166,2
Всего	125,9	130,9	123,5	115,7	125,2	132,4

[1] Таблица взята из цитированной статьи Огановского.

Движение цен и покупательной силы с.-х. продуктов[1].

	1913 г.	1925 год				1926 год			
		IX	X	XI	XII	I	II	III	IV
Льноволокно в руб.	5,64	9,41	8,94	7,68	7,67	7,09	6,72	6,76	6,70
„ „ проц.	—	100	95	82	81	75	71	71	71
Покупная сила льноволокна	100	74	68	60	58	54	52	51	47
Рожь в коп.	80	105	126	138	149	155	200	213	213
„ „ проц.	—	100	120	131	142	148	191	203	203
Картофель в коп. за пуд	—	33	35	41	42	53	74	77	80
„ „ проц.	—	100	106	124	127	161	224	233	242
Покупная сила картофеля	—	54	54	62	72	79	110	114	113
Овес в коп. за пуд	—	82	85	94	113	122	163	174	186
„ „ проц.	—	100	104	115	138	149	199	212	227
Покупательная сила	—	47	46	49	59	64	86	92	93

1 См. „Экономическая Жизнь", № 272 за 1926 г. — Статья С. Ефимова. „Цены, как фактор развития сельского хозяйства".

Эти данные, вычисленные для льноводного района для важнейших месяцев заготовительной кампании, достаточно наглядно иллюстрируют простой хозяйственный расчет, руководящий крестьянином, воздерживающимся от дальнейшего расширения площади под льном. Эта таблица показывает также, какое колоссальное значение имеет разрыв, существующий между ценами на хлеб в производящем и потребляющем районах; эта разница, доходящая в отдельные моменты до 100%[1], оказывает громадное влияние на судьбу технических культур, ибо крестьянин сравнивает цену сырьевого продукта не со средней по СССР ценой на зерно, а с местной ценой.

В качестве последней иллюстрации приведем данные относительно подсолнуха. Этот продукт дал особенно сильное сокращение посевной площади, которая составляет в 1926 г. всего лишь 84% по отношению к 1925 г. Естественным конкурентом подсолнуха в крестьянском хозяйстве является пшеница. Подсолнух, как пропашная культура, требует значительно больше труда, чем пшеница; зато, как культура засухоустойчивая, он связан с меньшим риском в случае неурожая или недорода, чем пшеница. До войны пуд подсолнуха всегда расценивался выше пуда пшеницы. Посмотрим, каково было соотношение цен в 1925—1926 г. в двух важнейших для этой культуры районах: на Сев. Кавказе и на Украине (см. таблицу на стр. 230).

Причины сокращения площади под подсолнухом здесь выступают достаточно наглядно: на протяжении всего года соотношение цен складывается со значительным перевесом в пользу пшеницы, при чем местами и временами (на Украине в сентябре 1925 года — марте 1926 г.) этот перевес достигает около 100%, т.-е. пшеница оказывается вдвое более выгодной, по сравнению с подсолнухом.

6.

Нам остается рассмотреть последний тип отношений, складывающихся в форме цены-ценности: отношения между системой переходной экономики и мировым хозяйством. Разу-

---

[1] На 11 октября 1926 г., при заготовительной цене ржи в ЦЗО в 76 коп. и в Поволжье в 70 коп., розничная цена Центр. Пром. Области была равна 1 руб. 56 коп.

Соотношение цен подсолнуха и пшеницы.

	1913 г.	1925 год		1926 год			
		IX	X	I	III	VII	IX
Северный Кавказ.							
Подсолнух в коп. за пуд	115	86	79	96	94	86	100
Индекс подсолнуха	100	75	69	83	82	75	87
Пшеница в коп. за пуд	101	116	114	115	113	100	104
Индекс пшеницы	100	115	113	114	112	29	203
Украина.							
Подсолнух в коп. за пуд	115	85	84	97	100	83	98
Индекс подсолнуха	100	74	73	84	87	72	89
Пшеница в коп. за пуд	101	149	157	169	181	110	110
Индекс пшеницы	100	148	155	167	179	109	109

меется, мы здесь не предполагаем анализировать эти отношения во всей их полноте и многообразии. Проблема взаимоотношений между переходной экономикой и окружающим ее со всех сторон мировым капитализмом может быть поставлена во всем обьеме лишь при анализе системы переходного хозяйства в целом, в динамическом разрезе. В данной же связи эти отношения нас интересуют с более узкой точки зрения действия закона ценности и судьбы категории цены-ценности в упомянутом круге явлений.

Развитие капитализма на его высших ступенях характеризуется сцеплением прежде разрозненных национальных хозяйств в единый мирохозяйственный организм. Общественное разделение труда и обмен товарами охватывает по мере победного продвижения капиталистических отношений одну страну за другой. Поскольку мировой рынок все тесней и тесней связывает национальные хозяйства отдельных стран, категории капиталистической экономики приобретают мирохозяйственную значимость. Закон ценности, как основная категория товарно-капиталистического хозяйства, распространяет свое сильнейшее влияние, а отчасти и свое неограниченное господство над всем миром, вступившим в стадию капиталистического мирового хозяйства.

Не следует, однако, представлять себе слишком упрощенно степень и формы господства единого закона ценности в мировом хозяйстве. В период сгущения мирохозяйственных связей национально-хозяйственные границы не только не теряют своего значения, но, напротив, впервые лишь обнаруживают это значение во всем его объеме. В различных странах капитализм развивается в неодинаковых условиях, неодинаковым темпом и с неодинаковой силой; в каждый данный исторический момент хозяйственная мощь капитализма разных стран далеко неодинакова как вследствие различия в отношении технического вооружения, естественных богатств и т. п. материально-хозяйственных предпосылок, так и вследствие различия в организационно-хозяйственных формах (роль в системе экспорта капиталов на мировом денежном рынке и т. п.). Если закон ценности олицетворяет собою тенденцию к максимальной нивелировке всей системы мирового капитализма, к максимальному распространению обоих основных отношений капитализма — общественного разделения труда и отношения эксплуатации — в масштабе мирового хозяйства, то противопо-

ложная тенденция к индивидуализации отдельных народно-хозяйственных типов развития находит свое воплощение в национально-хозяйственной обособленности, национально-хозяйственных барьерах и границах, значение которых безмерно возрастает именно в эпоху мирового капитализма. Национально-хозяйственный барьер обеспечивает отечественному закону ценности существенные преимущества пред законом ценности мировым; от „защиты“ национального хозяйства протекционизм ведет к усилению его агрессивной боеспособности.

Закон ценности мирового капитализма с самого начала оказывается смертельным врагом хозяйственного строительства страны пролетарской диктатуры. Лишь в одном гипотетическом случае это положение потеряло бы силу: если бы на путь социалистической революции вступили одновременно все наиболее передовые капиталистические страны. Естественно, в этом случае осталось бы мало места соображениям о том, что оставшиеся в руках капитализма отсталые национально-хозяйственные организмы смогут на базе закона ценности, в эквивалентном обмене при условиях свободной конкуренции, захлестнуть мощный социалистический массив. Эти отношения имели бы, однако, вполне достаточные основания даже в том случае, если бы на путь социалистической трансформации хозяйства вступила бы одна из стран высоко развитого капитализма. Первые шаги революции и социалистического строительства должны были бы неизбежно ослабить ее позицию по отношению к другим передовым странам, оставшимся капиталистическими; стоит лишь вспомнить об издержках революции и гражданской войны, с одной стороны, об организационных трудностях социалистической трансформации хозяйства — с другой. Разумеется, эта временная слабость социалистического народно-хозяйственного организма пред лицом его капиталистического окружения в данном случае довольно скоро, по мере проявления преимуществ, заключающихся в обобществленной форме хозяйства, превратилась бы в свою противоположность; капитализм и социализм поменялись бы ролями в системе конкуренции — социализм переходит от обороны к нападению, капитализм, наоборот, от нападения к обороне. Но даже и в этом случае в течение известного периода социалистическое хозяйство оказалось бы вынужденным к экономической обороне от наседающего со всех сторон (мы имеем в виду в данном случае исключи-

тельно экономические формы борьбы; на практике они обычно резко переплетаются с борьбой военной и вообще политической) капитализма. Эта оборона неизбежна для всего периода, пока: 1) залечиваются раны, нанесенные гражданской войной и т. д. и 2) не успели еще развернуться во всем объеме преимущества обобществленного хозяйства перед царством „личной инициативы“ и борьбы всех против всех. Нечего говорить, что оба эти процесса — в особенности же второй — требуют достаточного срока.

Если мы от гипотетического случая перейдем к нашей действительности, то все отмеченные обстоятельства выступят на сцену с несравненно большей силой и наглядностью. Социалистическая революция совершается не в одной из передовых, а в одной из отсталых в хозяйственном отношении стран. Мы имеем дело со страной, в которой в предыдущую капиталистическую эпоху ее развития протекционизм играл еще в значительной степени защитительную роль. Ее хозяйственная слабость, в условиях свободной конкуренции, пред лицом капиталистического окружения не может не быть значительно больше, чем в случае, о котором шла речь выше. Срок, в течение которого ей предстоит обороняться, не может не быть более долгим. Опасность, которая ей угрожает со стороны закона ценности мирового капитализма, не может не быть серьезнее.

В условиях свободной конкуренции закон ценности передовых капиталистических стран, распространившись на советскую экономику, довольно легко смог бы завоевать ее командные высоты и подчинить их господству капиталистической экономики. Но свободная конкуренция и неограниченное господство закона ценности в области межгосударственных хозяйственных отношений являются редчайшим исключением даже в пределах капиталистического мирового хозяйства. Везде и повсюду при достижении государственной границы закон ценности оказывается вынужденным обзавестись новым паспортом и визой, при чем эти атрибуты подвергают закон ценности, в отличие от большинства обыкновенных туристов, существенному перерождению и во всяком случае видоизменению. Таможенные барьеры, системы договоров и т. п. вносят существенные поправки в работу закона ценности, стремящегося уравнять производственные условия (находящие свое выражение в ценностной категории издержек производ-

ства) в разных странах, подобно тому как соединительная трубка приводит к одинаковому уровню воды в сообщающихся сосудах. Разумеется, еще большее значение имеет для закона ценности государственная граница переходной экономики.

В наших условиях обычные методы защиты от иностранной конкуренции оказываются далеко недостаточными. Связь с мировым хозяйством, осуществляемая в форме внешней торговли, оказывает существеннейшее воздействие на всю хозяйственную жизнь страны. Внешняя торговля, в качестве одной из командных высот в переходном хозяйстве, находится в руках государства. Но у нас существует не только национализация, но и монополия внешней торговли. Смысл монополии двойной: прежде всего это исключительное сосредоточие в руках государства того звена, которое связывает переходную экономику с мировым капитализмом, означает концентрацию средств защиты и обороны от хозяйственного натиска капиталистического окружения; затем монополия должна обеспечить максимальное проявление тех преимуществ, которые вытекают из планомерной организации торговли в крупных масштабах. Нет сомнения, что в нынешний период первая сторона дела несравненно существеннее второй; более того, зачастую преимущества монопольного выступления на мировом рынке еще очень незначительны, иногда они вообще еще не обнаруживают своего действия, в то время как защита народно-хозяйственного организма при помощи монополизированной внешней торговли есть непреложный факт, признаваемый даже врагами Советского Союза, стремящимися взорвать монополию внешней торговли.

Качественное видоизменение и перерождение закона ценности в группе явлений, лежащих по линии связи переходно-хозяйственной системы с мировым капитализмом, представляется в следующем виде. Закон ценности мирового рынка представляет собой тенденцию ко включению советского хозяйства в международную систему разделения труда в ее современной *капиталистической* форме. Эта тенденция заключает в себе две стороны: как перераспределение производительных сил страны в соответствии с мирохозяйственной системой разделения труда (при данной конъюнктуре — аграризация страны и т. д.), так и ликвидацию социалистических элементов переходной экономики и их замену колониально-капиталистическими отношениями, соответствующими отсталому хара-

ктеру страны в системе мирового капитализма (замена национализированной индустрии промышленностью концессионно-колониального типа). Монополия внешней торговли представляет собою барьер на пути этой тенденции, представляемой законом ценности мирового рынка. Этот барьер подвергается непрерывным атакам со стороны сил международного капитализма; внутри же системы переходной экономики эти атаки встречают достаточно сочувственный отклик в секторе частно-капиталистического хозяйства. Чем значительнее различие в экономическом состоянии переходного хозяйства, с одной стороны, и мирового капитализма, с другой — а эти различия наиболее полно отражаются в различиях в у р о в н е ц е н — тем сильнее, при прочих равных условиях, натиск на барьер, стоящий по дороге действий закона ценности мирового рынка. При достижении в переходно-хозяйственной системе того же уровня цен (или более низкого), какой существует в капиталистическом окружении, монополия внешней торговли лишается своего значения барьера; в этом случае она остается лишь определенной организационной формой, которую, повидимому, целесообразно использовать для достижения преимуществ планомерного ведения дела.

Каковы различия в уровне цен в хозяйстве СССР, с одной стороны, и в странах передового капитализма, с другой? Чтобы картина получилась более ясная, необходимо иметь данные не только касательно современного состояния, но также данные, относящиеся к довоенному периоду. Ведь Россия и до войны была отсталой страной, и эта отсталость должна была так или иначе отразиться на соотношении цен в России и за границей. С другой стороны, было бы совершенно недостаточно ограничиться приведением показателей лишь о б щ е г о у р о в н я цен: совершенно необходимы данные, относящиеся к каждой из двух больших групп товаров: сельско-хозяйственных и промышленных в отдельности. Ведь преимущественно аграрный характер нашей экономики по сравнению с хозяйством развитых стран находит свое непосредственное выражение именно в соотношении цен на эти две группы товаров. — Мы располагаем подсчетом, произведенным по интересующему нас вопросу, с соблюдением выше отмеченных условий, Конъюнктурным Институтом НКФ; подсчет касается соотношения оптовых цен. Он сделан на

основании наиболее надежных и сравнительно сопоставимых индексов таким образом, что наши цены принимаются за 100, и в процентах к ним вычисляются цены других стран за те же сроки [1].

Соотношение оптовых цен в Англии, Германии, Франции и С-А СШ по отношению к России.

Россия = 100.

	Англия	Германия	Франция	С-А СШ
1913 г.				
С.-х. товары	143	143	158	142
Пром. товары	64	55	66	59
Все товары	95	89	102	91
Сентябрь 1925 г.				
С.-х. товары	148	131	138	144
Пром. товары	43	45	42	40
Все товары	80	77	76	76
Сентябрь 1926 г.				
С.-х. товары	145	123	111	—
Пром. товары	43	35	40	—
Все товары	69	66	68	—

Эта таблица дает возможность сделать ряд весьма существенных выводов. Прежде всего, по отношению к довоенному соотношению цен мы видим, что хозяйственная отсталость России находила свое выражение в общем уровне цен, превышавшем на пять процентов уровень цен в Англии и на десять процентов—уровень цен в Германии и Америке

[1] Заимствуем эти данные из статьи Н. Якушкина и М. Игнатьева. „Соотношение между ценами СССР и мировыми ценами“.— „Финансы и Народное Хозяйство“ № от 2 января 1297 г.

(уровень цен Франции в 1913 г. даже несколько превосходил уровень цен в России). Но если различие общих уровней цен не столь значительно, то несравненно более существенные различия обнаруживаются при сравнении отдельно взятых индексов сельско-хозяйственной и промышленной групп товаров. В то время как цены на сельско-хозяйственные товары в странах развитого капитализма на 40—50°/o выше соответствующих цен в России, промышленные цены в этих странах составляют лишь 55°/o—66°/o (т.-е., примерно, от половины до двух третей) российских цен. Это соотношение промышленных цен, служащее мерой отсталости довоенной России в индустриальном отношении, могло удержаться, естественно, лишь при наличии достаточно высокого таможенного барьера, каковым служили протекционистские тарифы на промышленные товары. В довоенный период этот таможенный барьер до известной степени побуждал иностранных капиталистов ввозить в Россию капиталы (вместо прежде обычного ввоза товаров) и постольку содействовал промышленному развитию страны.

Если обратиться к современному положению, то прежде всего бросается в глаза сильнейший рост „ножниц“ в отношении общего уровня цен: мировые цены оказываются ниже наших цен в 1925 г. на 20—24°/o, а в 1926 г. еще более—на 31—34°/o. Как и следовало ожидать, расхождение цен сильно возросло по сравнению с довоенным состоянием. Здесь отображается как рост производственных издержек в нашем хозяйстве, лишь в настоящий год переступающем порог от восстановления к реконструкции, так и известный рост производительной силы труда, характеризующий хозяйство передового капитализма в последние годы. Как и в довоенное время, это расхождение общих уровней цен скрывает за собою совершенно различные соотношения цен сельско-хозяйственных, по которым капиталистические страны имеют более высокий индекс, чем советское хозяйство,—и цен промышленных товаров, по которым индекс капиталистических стран составляет менее половины (45—35°/o) нашего индекса. Нет никакого сомнения, что главная опасность советскому хозяйству угрожает именно с этой последней стороны, со стороны расхождения цен на товары промышленной группы. Изменения, характеризующие 1926 г. по сравнению с 1925 г., должны привлечь поэтому наше внимание, главным образом,

в том отношении, что они характеризуют известное снижение цен промышленной группы в результате проводимой капиталистами „рационализации“, которая, на-ряду с усилением эксплуатации рабочего класса, знаменуется также значительными улучшениями в области техники и организации производства. Напротив, несравненно меньше тревоги должна вызвать некоторая тенденция к ликвидации относительной чрезвычайной дешевизны сельско-хозяйственных товаров в нашей стране, поскольку эта дешевизна в довоенный период была, главным образом, функцией чрезвычайной эксплуатации крестьянского хозяйства, а отнюдь не наших преимуществ в области производительности труда.

Приведенные данные характеризуют как нельзя лучше всю трудность и в то же время настоятельность для советской экономики задачи постепенного приближения к мировому уровню цен, который является лишь обратной стороной или, лучше сказать, функцией мирового уровня производительности труда. Только ликвидация ножниц между уровнем цен в мировом хозяйстве и в экономике СССР может уничтожить напор стихии мирового рынка на барьеры, ограждающие СССР. Можно считать совершенно бесспорным, что усиление накопления внутри страны, при условии отсутствия притока иностранных капиталов и кредитов, является необходимой предпосылкой технической реконструкции хозяйства, которая должна подравнять условия производства в Советском Союзе к общему техническому уровню современного мирового хозяйства. Нельзя, однако, забывать в то же время, какую огромную роль в определении того или иного уровня производственных издержек играет организационная сторона хозяйства. Рационализация, проводимая в капиталистических странах, сплошь и рядом дает разительные примеры чрезвычайно существенных достижений в этом отношении, не требующих каких-либо серьезных затрат нового капитала и вполне возможных, следовательно, помимо особенного быстрого темпа аккумуляции, вряд ли посильного современному советскому хозяйству, по крайней мере, на первых порах. А так как именно эта „первая пора“ имеет особенно важное значение для советской экономики в данном отношении, то весь смысл борьбы за целесообразное ведение хозяйства в самом широком значении понятия станет ясна без дальнейших слов.

Внешняя торговля связана со всеми сторонами народнохозяйственного организма. Она связана с производством тех отраслей, которые доставляют экспортные товары; она оказывает сильнейшее влияние на производственные сферы, работающие при посредстве импортных элементов оборотного капитала; она накладывает печать на всю индустрию, поскольку последняя применяет импортные элементы основного капитала. Внешняя торговля даже оказывает воздействие на потребительский рынок страны, которому она доставляет ряд товаров. На денежное обращение внешняя торговля влияет через механизм вексельных курсов, расчетного и торгового балансов. Этих обстоятельств более чем достаточно для того, чтобы планомерному ведению внешней торговли в условиях переходного хозяйства придавать существеннейшее значение; планирование внешнего товарооборота является одной из существенных предпосылок и составных частей планирования всего народного хозяйства в целом.

Плановая организация внешнего товарообмена является предпосылкой для тех видоизменений количественной стороны категории ценности, которые имеют место в рассматриваемом кругу явлений. Внешняя торговля—это перемещение товаров с внутреннего рынка на мировой и обратно. Уровень внешнеторговых цен находится под воздействием уровня цен на этих двух рынках. Внешняя торговля осуществляет известное взаимодействие между этими двумя уровнями цен. Количественное регулирование внешнеторговых цен в этих условиях приобретает немалое значение. Это количественное регулирование в большинстве случаев возможно в довольно широких пределах.

Естественно, что сознательное воздействие на внешнеторговые цены в сущности исчерпывается той стороной дела, которая упирается во внутренний рынок страны. Что касается до мирового рынка, то воздействие на его условия чрезвычайно ограничено. Если исключить несколько видов экспортных товаров второстепенного значения, по которым Советский Союз является монополистом и имеет, таким образом, довольно широкие возможности в области установления цен, то воздействие советского экспорта на цены мирового рынка совершенно аналогично воздействию любого крупного поставщика товаров. Монополия внешней торговли дает возможность советскому хозяйству выступать в качестве еди-

ного купца, располагающего всей суммой предназначаемых к реализации товаров. Это ставит советское хозяйство в смысле возможностей воздействия на условия мирового рынка на одну доску с крупнейшими поставщиками, каковыми являются капиталистические монополистические объединения, принимающие иной раз даже международный характер. Точно так же в области закупочных операций объединение в руках государства всей массы отдельных операций ставит советское хозяйство на одну доску с крупнейшими монополистическими объединениями импортеров. Если известная возможность воздействия на уровень мировых цен здесь и заключается, то она, во всяком случае, ничем принципиально не отличается от того воздействия, которое оказывает на мировой рынок то или иное монополистическое объединение.

Совершенно иначе складывается ситуация на внутреннем рынке страны. Широкие возможности планового воздействия на внешнеторговые цены здесь даны тем обстоятельством, что внешняя торговля является исключительной прерогативой социалистического сектора хозяйства в лице его субъекта—пролетарского государства. Необходимость же воздействия определяется разницей в уровне цен на внутреннем и внешнем рынках.

Эта разница в уровне цен грозит, прежде всего, во многих случаях сделать нерентабельным экспорт тех товаров, которые по всем прочим обстоятельствам вполне пригодны для экспорта. Плановая организация внешней торговли дает возможность вывозить даже те товары, которые на внешнем рынке оцениваются дешевле, чем на внутреннем. Компенсации, которые в таких случаях приходится предоставлять экспортным организациям, получаются от импортной прибыли, вследствие разницы между ценами приобретения и ценами реализации ввозимых из-за границы товаров. Форма компенсационного экспорта дает, таким образом, возможность избежать последствий „ножниц“ между внутренними и внешними ценами, не колебля при этом устойчивости валюты.

Не меньшее значение имеет регулирование продажной цены импортных товаров на внутреннем рынке. Укажем здесь лишь на один случай, имеющий большое принципиальное значение. Зачастую приходится ввозить товары, которые производятся также внутри страны, но в недостаточ-

ном количестве. Положение, при котором на один и тот же товарный вид существовали бы на внутреннем рынке две различные цены: одна высокая—для экземпляров внутреннего происхождения и другая значительно более низкая—для экземпляров, импортированных из-за границы, явилось бы совершенно нетерпимым. Точно так же нецелесообразно весь излишек внутренней цены, по сравнению с закупочной заграничной, предоставлять импортирующей организации в виде прибыли. В иных случаях целесообразнее всего оказывается обращать „прибыль" от реализации импортных экземпляров данного товара на удешевление остальных экземпляров внутреннего происхождения. И те и другие продаются в таком случае по комбинированной цене [1], средней между высокой себестоимостью отечественного производства и низкой заграничной закупочной ценой.

7.

Как велика относительная роль всех четырех типов явлений обмена в конкретной экономике Советского Союза?— Лучше всего дать цифровую характеристику явлениям меновой связи системы переходного хозяйства с мировым рынком; для этого достаточно привести данные об объеме внешней торговли СССР за последние годы:

Внешняя торговля СССР

(в миллионах червонных рублей)

	1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
Экспорт	521	558	670	820
Импорт	439	720	735	745
Оборот	960	1 278	1 405	1 565
Баланс	+82	—162	—65	+75

[1] См. об этом статью А. Михайловского в „Плановом Хозяйстве", № 12 за 1925 г.

Несравненно трудней разграничить внутреннее обращение товаров по тем трем группам явлений, которые вытекают из нашей классификации.

Здесь перед нами встает прежде всего ряд трудностей методологического характера. Многоликая хозяйственная действительность знает, помимо резко очерченных типовых явлений, ряд переходных и сложных случаев, которые с трудом укладываются в рамки определенной классификации. Сложные явления мы имеем во всех тех случаях, когда какой-нибудь один товар последовательно проходит через целый ряд сделок, притом весьма различного типа и характера. Скажем, из трех сделок, через которые продукт госпромышленности проходит по дороге от производителя к потребителю, первая сделка происходит внутри сектора социалистического хозяйства (госпромышленность — государственная оптовая торговля), вторая имеет место между контрагентами социалистического и несоциалистического секторов (госторговля — частный розничник), третья, наконец, совершается в рамках частнохозяйственного сектора (частная торговля—частный потребитель). Еще запутаннее и сложнее обстояло бы дело в том (ныне, правда, довольно редком) случае, когда контрагентами третьей сделки выступают опять представители обоих секторов (частный торговец сбывает товар органу государственного хозяйства). Так как в общепринятых подсчетах товарооборота учитываются далеко не все сделки, совершаемые с каждым товаром — задача статистики товарооборота как раз противоположная: она старается исключить повторные сделки, чтобы получить правильные данные о фактическом объеме циркулирующей товарной массы, — то трудности, связанные с нашей попыткой, совершенно очевидны. Недоучет этого обстоятельства зачастую ведет к совершенно неправильным выводам, как мы вскоре увидим. Правильнее всего было бы, пожалуй, в вышеописанном случае, когда один товар последовательно проходит через три разнохарактерные сделки, поступить следующим образом: каждую из этих сделок сопричислить к соответствующему типу отношений. Первая сдел а должна быть отнесена к первому типу явлений, вторая сделка — к третьему и третья сделка—ко второму типу. Или же следует характеризовать обращение данного товара на основании сопоставления обоих крайних полюсов процесса обращения — производителя и конечного потребителя. Наиболее распространенная ошибка

заключается в том, что из нескольких сделок с одним товаром учитывается лишь одна (чаще всего первая); на основании одной лишь сделки циркуляция данного товара включается в тот или иной круг отношений, что является совершенно несостоятельным.

Но трудности дела не исчерпываются этим обстоятельством. Помимо подобных сложных случаев, экономическая действительность богата рядом явлений переходного характера, которые чрезвычайно трудно отнести к какому-либо определенному типу отношений. Сюда относится, напр., изрядная доля потребительского рынка, далее — часть кооперативного товарооборота и т. п. В самом деле, куда отнести, напр., частное потребление рабочих и служащих государственного хозяйства? — С одной стороны, этот слой населения всеми своими производственными отношениями связан с социалистическим сектором хозяйства; его место в трудораздельном процессе производства явным образом расположено вне частно-хозяйственного сектора. С другой стороны, по норме потребительский спрос работников социалистического сектора хозяйства носит такой же частный характер, как и потребительский спрос других слоев населения. Различие между тем и другим заключается, пожалуй, лишь в большой степени кооперативной организованности, которой отличается слой работников социализированного сектора хозяйства. Разумеется бо̀льшая насыщенность кооперативным элементом дает значительный простор сознательному и планомерному воздействию на эту часть потребительского рынка. Можно, однако, предполагать, что потребительское хозяйство работников социалистического сектора будет, на-ряду с областью мелкого производства, той хозяйственной территорией, на которой дольше всего сохранится меновая форма отношений. Даже значительные успехи натурализации производственных отношений внутри социалистического сектора производства не смогут обусловить ликвидации меновой формы именно в этих областях, где известная свобода действий и инициативы играет особенно большую роль. Разумеется, в условиях всеохватывающей организации и кооперирования этого „рынка“, меновая форма остается одной лишь формой, лишенной своего специфического, рыночного и стихийного содержания; в таких условиях эта форма отнюдь не будет являться препятствием для полного осуществления сознательного и планового господства над хо-

зяйственными процессами. Ясно, однако, что так далеко мы еще не зашли; в наших условиях частно-хозяйственная форма потребительского рынка работников социалистического сектора является чем-то бо́льшим, чем формальным лишь моментом. Поэтому, если рассматриваемый круг контрагентов обмена не может быть отнесен без дальнейших околичностей в частно-хозяйственную область, то точно так же нельзя его попросту присоединить к области социалистического хозяйства. Эта область отношений должна быть рассматриваема, как промежуточная между первым и вторым секторами хозяйства.

То же самое относится, до известной степени, ко многим случаям кооперативного оборота. Кооперация, объединяющая мелких товаропроизводителей, не может быть попросту отнесена к частно-хозяйственному кругу на том основании, что ее составные части носят частно-хозяйственный характер. Здесь, поистине количество переходит в иное качество. Несмотря на сохранение частно-хозяйственных основ в области производства, сохраняющего свою форму мелкого товарного производства, подобного типа кооперация является коллективно-хозяйственной организацией, отличающейся, с интересующей нас здесь точки зрения, двумя особенностями. Во-первых, такого рода организация поддается учету и планомерному воздействию со стороны социалистического массива в несравненно большей степени, чем разрозненные единичные хозяйства. Во-вторых, мы можем рассматривать кооперативную организацию, охватывающую на первых порах лишь область обращения, как первый шаг ко всесторонней коллективизации мелкого хозяйства.

Но первый шаг еще не равнозначущ пройденному пути. Поэтому, если нам важна тенденция развития—мы вправе сопричислить кооперативную торговлю к социалистическим элементам хозяйства в наших условиях[1]. Если же мы анализируем хозяйственные отношения в их, до известной степени, статическом состоянии—нам не следует забывать про отличия рассматриваемой формы от всецело и полностью обобществленного хозяйства. Здесь перед нами также область, занимающая

---

[1] Именно эту сторону дела имеет в виду известное положение Ленина, что простой рост кооперации в наших условиях равносилен росту социализма.

до некоторой степени промежуточное место. Это промежуточное положение находит свое выражение в том, что плановое регулирование кооперативного товарооборота обычно наталкивается на значительно большие трудности, чем в области государственного хозяйства. Промежуточному расположению кооперативной формы торговли соответствует также ее роль,

	1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.
I. Сельское хозяйство.			
1) Все, кроме лесного хозяйства.			
Государственное	145	230	288
Кооперативное	23	34	48
Частное	2 727	3 808	4 723
2) Лесное хозяйство.			
Государственное	429	586	682
Кооперативное	—	—	—
Частное	—	—	—
II. Промышленность.			
1) Крупная.			
Государственная	3 027	4 909	6 999
Кооперативная	210	365	610
Частная	193	256	391
2) Мелкая.			
Государственная	28	34	41
Кооперативная	115	139	160
Частная	1 276	1 545	1 775

как посредника, главнейшим образом, между представителями социалистического и частнохозяйственного секторов переходной экономики. После этих предварительных замечаний мы можем подойти к вопросу об объеме каждого типа отношений и его доле в общей массе товарного обращения страны. Достаточно понятно по вышеизложенным соображениям, что речь здесь может итти лишь о самой приблизительной прикидке, ни с какой стороны не претендующей на точность или общеобязательное значение.

Прежде всего обратимся к первому типу меновых отношений, к обращению товаров внутри социалистического круга хозяйства. Следующая таблица дает представление о соотношении различных социальных форм хозяйства в общей массе товарной продукции народного хозяйства (данные приводятся в миллионах червонных рублей по ценам производителей [1].

Из этой таблицы видно, что подавляющая доля (около 95%) продукции обобществленных форм хозяйства (считая государственное и кооперативное производство вместе) падает на область крупной промышленности и лесного хозяйства. Стало-быть, мы можем обратиться именно к этим областям, оставляя все остальное в стороне.

Какая доля продукции обобществленных форм производства обращается в пределах одного лишь социалистического сектора? Контрольные цифры Госплана в главе, посвященной процессам обобществления, пытаются ответить на этот вопрос. Мы находим там следующую таблицу, которая должна характеризовать взаимозависимость всех социальных секторов в товарообороте СССР за 1924—25 г. [2].

Мы эту таблицу привели, как образец совершенно неправильного подхода к разрешению вопроса. В самом деле, в счете поступления товаров мы обнаруживаем, что три четверти (74%) поступления товаров в государственный сектор происходят из того же государственного сектора. Что же касается отпуска товаров, то государственный сектор оставляет в своих же собственных пределах около двух пятых (58%) всего своего отпуска. Может-быть, с точки абстрактного принципа „обобществления“ подобное положе-

[1] Составлено по сводной таблице контрольных цифр Госплана на 1926—27 г., стр. 294—296.

[2] См. „Контрольные цифры Госплана на 1926—27 г.“, стр. 192.

Взаимозависимость всех социальных секторов в товарообороте СССР в 1924—25 г.

Из каких секторов	Поступление товаров							В какие секторы	Отпуск товаров						
	В какие секторы								Из каких секторов						
	В госуд.	В %	Кооп.	В %	Частн.	В %	Итого		Госуд.	%	Кооп.	%	Частн.	%	Итого
Госуд. . В % к итогу .	5 229 32	74 —	1 806 11	53 —	1 917 12	33,5 —	8 952 55	Госуд. . В %. .	5 229 32	58 —	441 3	24 —	1 312 8	24,5 —	6 982 43
Коопер. В % к итогу .	441 3	6,3 —	986 6	28 —	386 2	6,5 —	1 813 11	Коопер. В %. .	1 806 11	20 —	986 6	55 21	649 4	12,5 —	3 431 21
Частн. . В % к. итогу .	1 312 8	19,7 —	649 4	19 —	3 418 22	60 —	5 369 34	Частн. . В %. .	1 917 12	22 —	386 2	21 —	3 418 22	63 —	5 721 36
Итого пост. в . В %. .	6 982 43	100 —	3 431 21	100 —	5 721 36	100 —	16 134 100	Итого пост. в . В % . .	8 952 55	100 —	1 813 11	100 —	5 369 34	100 —	1 6134 100

ние могло бы считаться блестящим, но на деле оно означало бы значительно больший отрыв промышленности от сельского хозяйства, чем имеющийся в действительности. Это означало бы, что только две пятых своей товарной продукции промышленность выпускает за свои рамки, а целых три пятых съедает сама (разумеется, вместе с транспортом, связью, коммунальным хозяйством); нет сомнения, что фактическое положение вещей значительно благоприятнее. Повидимому, источником такого теоретического фаворизирования государственного сектора хозяйства является та ошибка, опасность которой мы отмечали выше: из нескольких сделок, через которые последовательно проходит товар, берется лишь одна (чаще всего первая), и на ее основании делается заключение о характере оборота данного товара.

Далее, данные о кооперативном секторе относятся явным образом не только к кооперативной организации производства, но и к кооперированию мелкого товарного хозяйства в одной лишь области обращения (закупки и сбыта), а также к кооперированным закупочным операциям хозяйств потребительского типа. С точки зрения задач, стоявших перед составителями данной таблицы, такая классификация вполне целесообразна, для наших же целей отнесение „кооперативного сектора“ в этом понимании к социалистическому кругу производства следовало бы считать не совсем точным. Заметим все же, что при объединении государственного и кооперативного секторов данной таблицы мы бы получили такую картину: около четырех пятых всего отпуска товаров из обобществленных секторов обращается в пределах самого же обобществленного круга (государственное плюс кооперативное хозяйство). Лишь около одной пятой (немногим более 20%) всего отпуска товаров из обобществленного сектора попадает в область частного хозяйства. Межсекториальная связь и здесь, по нашему мнению, представлена значительно более тонкой и жидкой, чем она является в действительности.

Другую, еще менее удовлетворительную попытку исчисления структуры товарооборота Советского Союза мы встречаем в балансе народного хозяйства СССР 1923—24 года. Эта попытка дается в статье П. И. Попова о „структуре советского народного хозяйства“—одной из наименее удачных статей в этом вообще мало удачном — в теоретико-экономи-

ческом отношении — произведении. Автор пытается разбить всю продукцию различных отраслей народного хозяйства по методам ее реализации на три категории: товары, реализуемые: 1) через неурегулированный рынок, 2) через урегулированный рынок и 3) в плановом порядке. Получается следующая таблица [1].

Методы реализации продуктов

(в процентах):

Отрасли народного хозяйства	Через рынки:		В плановом порядке	Итого
	Неурегулированный	Урегулированный гос-капитал		
1. Сельское хозяйство	67,6	29,8	2,6	100
2. Промышленность:				
Частная	100	—	—	100
Кооперативная	17,0	83,0	—	100
Государственная	13,6	67,9	18,5	100
Итого по промышл.	36,1	51,5	12,4	100
3. Транспорт	—	—	100	100
4. Мировое хозяйство	—	17,6	82,4	100
Итого	38,9	40,2	20,9	100

„Итак,—резюмирует автор свои изыскания,—методы государственного капитализма господствуют в сфере реализации продукции государственной промышленности, совхозов, кооперации; методы чистого капитализма,

[1] См. „Баланс народного хозяйства СССР 1923—24 г.“, изд. ЦСУ 1926 г., стр. 47.

точнее—методы денежно-товарных отношений на неурегулированных рынках,—господствуют в сельском хозяйстве, мелкой ремесленно - кустарной промышленности и частной крупной и средней промышленности. Методы планового распределения охватывают $^1/_5$ всей продукции страны и, главным образом, относятся к реализации продукции транспорта, орудий производства, поставляемых промышленностью, и продукции, привозимой из-за границы".

Получается, таким образом, чрезвычайно симметричная картина реализации „продукции", как любит выражаться автор (вплоть до несравненного выражения: „продукции, привозимой из-за границы"). Около двух пятых реализуется через „неурегулированный рынок", две пятые — через „урегулированный рынок государственного капитализма", последняя пятая — в „плановом порядке". К сожалению, во всей работе нет ни малейшего намека на указание, какой критерий или какие принципы были положены в основу подобного разграничения сферы обращения; нет ни малейшего намека, наконец, на простое объяснение того, что подразумевается автором под этими тремя методами, какое содержание следует вкладывать в эти весьма неопределенные термины. Не разрешает вопроса, разумеется, и ссылка на пресловутые „методы государственного капитализма", ссылка, свидетельствующая лишь о том, что автор отдал дань весьма распространенной у нас одно время путанице в употреблении (и злоупотреблении) этого термина ни к селу ни к городу. В частности и в особенности совершенно непонятным остается, какая разница существует между последними двумя рубриками: что относится к реализации в плановом порядке и что отнесено за счет „госкапитализма". Если обращение внутри социалистического круга фигурирует исключительно под рубрикой „планового порядка", то данные по госпромышленности (18,5%) следует принять безбожно преуменьшенными. Если же автор зачисляет эти отношения также во вторую рубрику — реализация методами урегулированного рынка государственного капитализма — то, не говоря уже о вопиющем применении термина „госкапитализм" для характеристики отношений, ничего общего с последними не имеющих,—картина получилась бы слишком радужная: итог был бы равен 86,4% продукции госпромышленности.

Среди общей массы отношений внутри круга государственного хозяйства может быть выделена одна группа, отличающаяся известными формальными особенностями. В эту группу следует отнести поставки некоторых отраслей госпромышленности: 1) ряду государственных учреждений — наркоматам, военному ведомству и т. п. и 2) хозрасчетным государственным предприятиям — транспорту железно-дорожному и водному, аппарату народной связи и т. п. Эта область так называемых госзаказов в промышленности отличается: 1) тем, что почти все сделки здесь с самого начала всегда строго регламентировались плановыми и регулирующими органами советского хозяйства и 2) порядок кредитования, взаимных расчетов и т. д. обычно иной, чем в других случаях. Впрочем, вторая особенность относится к финансовой стороне дела, что же касается первого обстоятельства, то, по мере роста регулирующего воздействия соответствующих органов на всю жизнь промышленности, разница между областью госзаказов и областью остального, внутрипромышленного оборота все более уменьшается. Тем не менее, считаем нелишним привести данные относительно доли госзаказов в реализации продукции ряда отраслей, где эти заказы играют существенную роль (в процентах) [1].

Отрасли промышленности	1922—23	1923—24	1924—25
Каменноугольная	57,3	53	менее 41
Нефтетопливная	55	50	44
Металлическая	52	48	30
Грубошерстная	свыше 50	37	20—25

Госзаказы имеют место преимущественно в отраслях производства средств производства. Из отраслей производства

[1] С. Цельникер.—„Госзаказы в промышленности", статья в сб. „Финансовые проблемы промышленности", изд. ЦУП ВСНХ, 1925 г., стр. 168.

средств потребления, кроме приведенной здесь грубошерстной промышленности, госзаказы некоторое значение имеют для остальной текстильной промышленности, для резиновой и сахарной. Что же касается до внутрипромышленного оборота, то он естественно имеет место лишь в отношении средств производства. Таким образом, мы могли бы значительно приблизиться к разрешению нашей задачи — к определению доли продукции социалистического сектора, обращающейся в пределах того же сектора, — если бы удалось достаточно точно установить соотношение производства средств производства и производства средств потребления в нашей промышленности. Если известная доля средств потребления реализуется внутри круга государственного хозяйства, то это обстоятельство, повидимому, компенсируется той долей средств производства, которая не остается в кругу государственного хозяйства, а переходит в частно-хозяйственный сектор (около 10% всех создаваемых промышленностью средств производства поглощает сельское хозяйство [1]. К сожалению, данные о соотношении долей производства средств производства и производства средств потребления в разных источниках чрезвычайно разнообразны. Разноречие объясняется значительными трудностями, встающими при разграничении этих двух групп: как известно, некоторые отрасли производят как средства производства, так и средства потребления; более того — зачастую один и тот же продукт, по своим материальным свойствам, пригоден как для целей личного потребления, так и для производительного потребления в качестве элемента производства.

Контрольные цифры Госплана дают следующую картину соотношения долей производства средств производства и производства средств потребления в общей сумме валовой продукции цензовой промышленности СССР за последние годы (в процентах) [2].

Ничего общего с этими данными не имеют подсчеты ВСНХ, который в своей работе по выработке пятилетних гипотез развития промышленности исходил из расчета, что в 1925—26 г. на долю отраслей, производящих средства производства, при-

---

[1] См. А. М. Гинзбург. — „Пятилетняя гипотеза развития промышленности“, статья в „Соц. Хозяйстве“, №4 за 1926 г., стр. 43.

[2] „Контрольные цифры на 1926—27 г.“, стр. 176.

	1923—24	1924—25	1925—26
Производство средств производства	51,7	52,6	54,4
Производство средств потребления	48,3	47,4	45,6
Итого	100	100	100

ходится 35%, а на долю отраслей производства средств потребления—65% всей ценности продукции [1]. Сопоставление обоих источников дает для 1925—26 г. следующую картину:

	Абсолютные величины (милл. довоенных рублей)		%%-ое соотношение	
	Данные Госплана	Данные ВСНХ	Данные Госплана	Данные ВСНХ
Средства производства . .	3 153	1 997,6	54,4	35
„ потребления .	2 644	3 776,1	45,6	65
Итого . . .	5 797	5 973,7	100	100

Мы не располагаем достаточным основанием для того, чтобы безоговорочно согласиться с одним из этих противоречащих друг другу источников. „Контрольные цифры", по своему обыкновению, не сообщают ни звука насчет способа исчисления этих, во всяком случае не бесспорных, данных. Помимо того, оба источника не упоминают, опять-таки по установившемуся у нас обыкновению, не только о наличии,

[1] См. названную статью А. М. Гинзбурга в „Соц. Хозяйстве", № 4, за 1926 г., стр. 34.

но даже о возможности существования других исчислений по данному вопросу.

Вот в каком состоянии находятся данные, по которым можно было бы судить об относительном объеме явлений обмена внутри социалистического круга хозяйства, а на этом основании и об объеме остальных типов отношений. Совершенно ясно, что делать на основании одних лишь этих данных какие-либо определенные, претендующие на известную точность, выводы не представляется возможным. Единственно, что можно было бы сформулировать, — это чрезвычайно грубая прикидка, которая должна выразиться в том, что на долю отношений первого типа (т.-е. внутрисоциалистического оборота) падает, повидимому, от одной трети до половины продукции социалистического круга хозяйства. На долю третьего типа явлений — отношений связи между социалистическим и частно-хозяйственным кругами — следовало бы в таком случае отнести от половины до двух третей производства обобществленного хозяйства. Этому бы соответствовала на другой стороне доля частно-хозяйственного производства, попадающая в межсекториальный оборот, равная от 55% до 75% всей продукции частного круга. Наконец, на долю внутрисекториального обращения в частно-хозяйственном кругу осталось бы от 25% до 45% всей продукции этого круга.

Не стоит повторять, после всего сказанного, насколько грубой и приблизительной должна считаться подобного рода прикидка. Отметим лишь, что всякая попытка более точного и определенного подсчета должна была бы учесть еще ряд других факторов, существенным образом влияющих на соотношения рассматриваемых типов явлений. Сюда относятся в первую очередь: 1) налоговое обложение деревни и частного хозяйства, изымающее определенную долю дохода; 2) фактор, действующий в обратном направлении — доходы частного хозяйства, получаемые не от реализации товаров: подсобные заработки и т. д.; 3) рынок работников обобществленного хозяйства, предъявляющих спрос на товары как частно-хозяйственного, так и социалистического происхождения, в обмен на свой доход от труда, а не от реализации товаров; 4) поправка, вносимая иным распределением массы импортируемых товаров между обоими кругами хозяйства, по сравнению с распределением между ними экспортного фонда; 5) доходы торговли как обобществленной, так и частной.

8.

Мы подвергли рассмотрению закон ценности и его метаморфозы в хозяйстве переходного типа. Сколько-нибудь конкретный анализ перерождения основной экономической категории— категории ценности-цены—в условиях переходного хозяйства требует разделения всей пестрой массы рыночных, товарно-меновых явлений на несколько основных типов. Эти основные типы явлений строятся в зависимости от разделения хозяйства переходного периода на различные части или секторы. В данной связи можно считать достаточным разделение на два круга: социалистический и частно-хозяйственный. В этом пункте могли бы быть сделаны два возражения.

Во-первых, может быть указано, что самое разделение единого народно-хозяйственного организма на отдельные секторы является недопустимым. Поскольку народное хозяйство страны существует, как единое целое, всякое теоретическое расщепление его на части вступает, якобы, в противоречие с действительностью. Такого сорта возражение приходится отмести, как совершенно вздорное. В самом деле, разве существование в советском хозяйстве разнообразных экономических укладов является выдумкой теоретика, а не вполне объективным, вполне реальным фактом нашей действительности? Даже при анализе реального капитализма совершенно непростительно поступил бы тот экономист, который бы отвлекся от всего многообразия докапиталистических форм и элементов, существующих почти во всех капиталистических странах, и видел бы повсюду и везде один лишь „чистый капитализм". Познавательная ценность работ подобного исследователя оказалась бы под большим сомнением. В отношении же анализа переходной экономики необходимость различать отдельные хозяйственные уклады дана самой природой специфического объекта исследования. В самом деле, что такое переходное хозяйство, как не известное сочетание – в тех или иных пропорциях и формах— двух различных и принципиально противоположных форм общественной организации хозяйственной жизни? Не будь в переходном хозяйстве элементов двух хозяйственных типов (социалистического и товарно-капиталистического) — мы не имели бы никакого права говорить об этом хозяйстве, как о переходном. Нельзя же в самом деле представлять себе пере-

ходный тип хозяйства чем то вроде промежуточного полустанка между двумя станциями.

Во-вторых, возможно возражение иного порядка. Может быть указано, что пестрота хозяйственных типов в советской экономике не исчерпывается теми двумя кругами, которые фигурируют в нашем анализе и что поэтому анализ должен быть признан неполным и недостаточным, поскольку он не предусматривает иных делений. Мы считаем, что насколько справедливо и бесспорно само по себе первое соображение, настолько же несостоятельно второе. Действительно, в советской экономике следует различать больше, чем два уклада. Как известно, Ленин говорил о пяти хозяйственных укладах в нашей стране. При рассмотрении хозяйственных связей и взаимоотношений можно прежде всего оставить в стороне первый из этих укладов: его роль в смысле хозяйственных связей чисто-отрицательная — натуральное хозяйство ведь как раз отсутствием связей отличается и характеризуется. Далее, что касается элементов государственного капитализма, под которыми Ленин подразумевал капиталистические предприятия, находящиеся под контролем пролетарского государства, в первую очередь — концессии и аренду — то эти элементы в современной конкретной советской экономике играют столь незначительную роль, что без ущерба для дела их можно оставить в стороне. Остается три типа отношений, которые должны быть, действительно, различаемы самым тщательным образом: 1) простое товарное производство, 2) частный капитализм и 3) социализм. Отличительные черты этих трех хозяйственных форм по двум признакам: 1) способу хозяйственной связи и 2) отношению к классовой эксплуатации могут быть изображены следующим образом:

Признаки / Типы хозяйства	Рыночно-стихийный (р) или плановый (п) тип связи	Наличие (+) или отсутствие (—) эксплуатации
Простое товарное производство	р	—
Капитализм	р	+
Социализм	п	—

Табличка наглядно иллюстрирует то положение, что в смысле типа хозяйственной связи (горизонтальной стороны хозяйственных отношений) как простое товарное хозяйство, так и частно-капиталистические элементы противостоят социалистическим элементам хозяйства, как стихийно-рыночный метод противостоит методу сознательного планового управления. Именно поэтому, например, в 1918 году и далее в 1921 году, когда овладение рыночной стихией (или, по крайней мере, успешная оборона от ее наступления) являлась одной из наиболее трудных и животрепещущих задач хозяйственного момента, Ленин неоднократно подчеркивал, что борьба в этом отношении будет происходить между социализмом + госкапитализмом (т.-е. урегулированным и поставленным под контроль капитализмом), с одной стороны, и объединенными силами мелкого товарного и частно-капиталистического хозяйства—с другой. В то время как первая „коалиция" олицетворяет плановое, сознательно-управляемое начало, второй „блок" представляет противоположное начало — господство стихийных экономических законов. Отсюда ясна не только допустимость, но и полная необходимость разделения советской экономики на два сектора обобществленный и частно-хозяйственный—при анализе: отношений связи между хозяйственными единицами, отношений, олицетворяемых стихийным законом ценности, с одной стороны, и плановым началом — с другой.

Совершенно иная дислокация сил трех укладов получается с точки зрения вертикальной структуры хозяйства, с точки зрения межклассовых хозяйственных отношений, которые характеризуются наличием или отсутствием эксплуатации. Со знаком плюс (наличие эксплуатации) фигурирует частный капитализм, напротив того простое товарное хозяйство и элементы социализма одинаково характеризуются знаком минус (отсутствие эксплуатации). Разумеется, было бы совершенно нелепо заключать отсюда о полной идентичности простого товарного и социалистического хозяйства: не следует забывать, что первый тип представляет собою докапиталистический, который беспрерывно дает новые ростки капиталистических отношений, в то время как социализм представляет собою результат преодоления и уничтожения капитализма. Все же сходственное положение этих двух укладов в смысле характеризующего их отсутствия эксплуатации имеет колоссальное значение, являясь основой как политического блока рабочего

класса с крестьянством, так и открывающихся в условиях советской экономики перед простым товарным хозяйством путей к обобществлению на некапиталистической основе. Капиталистические же элементы в рассматриваемом здесь отношении противостоят остальным двум укладам; противоречие между блоком простого товарного и социалистического хозяйства на одной стороне, и хозяйства капиталистического — на другой, является здесь решающим. В дальнейшем продвижении к социализму капиталистические элементы могут быть превзойдены лишь при помощи классовой борьбы, путем их хозяйственного уничтожения, деформации и вытеснения. Отсюда совершенно ясно, что четкое разграничение между элементами простого товарного хозяйства и капитализма является непременным условием успешного анализа целого ряда проблем переходной экономики, прежде всего — анализа отношений распределения и тенденций хозяйственного развития.

Итак, при анализе категории ценности, при рассмотрении тех метаморфоз, которым она подвергается в условиях переходного хозяйства, мы делим весь народно-хозяйственный организм на два сектора, привлекая по временам к рассмотрению также дальнейшее распадение одного из этих секторов, а именно - частно-хозяйственного — на два противоположных уклада. Такое теоретическое расщепление отнюдь не приходит в какое-либо противоречие с реальным единством народно-хозяйственного целого. Ведь анализ не ограничивается поочередным рассмотрением закономерностей, складывающихся в каждом из секторов, взятом в совершенно изолированном виде. Напротив, главное внимание уделяется рассмотрению именно тех отношений, которые возникают как результат связи и взаимодействия отдельных секторов переходного хозяйства. Постольку реальное единство системы ни в коей мере не может пострадать от расщепления этой системы на части, вполне соответствующие фактически существующим крайне различным типам отношений.

Результат, к которому нас приводит рассмотрение категории ценности-цены, может быть формулирован в следующем виде. Закон ценности со своей качественной стороны, как закон стихийного распределения производительных сил и стихийного же регулирования и управления всем производственным процессом общества, претерпевает в условиях переходной экономики существенную трансформацию, которая по убывающей

степени идет от внутренних отношений обобществленного сектора, где эта трансформация всего сильнее, к внутренним отношениям частно-хозяйственного круга, где она всего незначительнее. В общих чертах трансформация закона ценности с его качественной стороны заключается в постепенном вытеснении стихийного „разума“ рынка сознательными и плановыми методами управления хозяйственным процессом. Отступая, оставляя одну позицию за другой, закон ценности, как метод стихийного, иррационального, апостериорного регулирования хозяйственной жизни, везде и повсюду заменяется и замещается новым началом сознательно-рациональной, априорно-плановой организации хозяйственного процесса. На-ряду с этим перерождением качественной сущности закона ценности происходят соответствующие процессы в отношении его количественной стороны. Установление определенных пропорций обмена (конкретно, в условиях товарно-денежного хозяйства — товарных цен), составляющих количественную сторону закона ценности, происходит в обычных условиях товарно-капиталистического хозяйства также в порядке стихийного, апостериорного действия экономической закономерности, проявляющейся как средняя бесчисленных отклонений. Сознательная, априорно-плановая политика цен берет на себя выполнение этой количественной функции закона ценности. Замена одного начала другим здесь также происходит более быстрым темпом на обобществленном, более медленным — на частно-хозяйственных полюсах переходной экономики. Было бы совершенно нелепо предполагать, что замена стихийного порядка установления меновых пропорций плановым методом должна привести к революции в самих количественных значениях меновых пропорций, что все эти пропорции должны непременно встать дыбом, вверх ногами, вследствие подобной замены. Напротив, количественные значения меновых отношений остаются, и не могут не оставаться в общем и целом примерно такими же, как и при действии закона ценности. Поскольку основа этих пропорций — соотносительная величина трудовых затрат, необходимых для производства и воспроизводства данного товарного вида — одна и та же, как при действии закона ценности, так и при его замене сознательной политикой цен, совершенно ясно, что в общем и целом количественные значения меновых отношений должны остаться примерно теми же. Сохранение прежних пропорций в их

общем виде не исключает, конечно, возможности довольно существенных изменений, которые могут вноситься в эти пропорции для достижения тех или иных плановых задач.

Такая цена, которая сознательно устанавливается в соответствии с определенными пропорциями в производстве и под углом зрения сохранения равновесия на рынке, уже не является категорией, идентичной классической „вольной цене", которую знает рынок—властелин производственного процесса. Она также не является ценой „указной", под которой обычно понимают всякого рода опыты и попытки воздействия на процесс рыночного ценообразования, без предварительного внесения организованности и плановосознательного начала в производственный процесс и создающиеся в нем соотношения. Такую цену, поскольку она скрывает под старой формой цены уже некоторый зародыш нового содержания, можно было бы назвать плановой, или регулируемой ценой, поскольку в ее основе лежит сознательное регулирование производственного процесса с последующим приспособлением цены к устанавливающимся в этом процессе пропорциям и отношениям.

В современной экономической литературе иногда встречается совершенно другое представление о характере тех изменений, которые претерпевает закон ценности в условиях переходного хозяйства. В качестве примера приведем прежде всего следующее рассуждение, принадлежащее перу одного из виднейших руководящих участников советского хозяйственного строительства.

> „Что означает принцип хозяйственного расчета?.. — спрашивает этот автор. — На языке теоретической экономики это означало восстановление действия закона ценности с рядом ограничений, вытекающих из своеобразия хозяйства Советского Союза. Это утверждение встречает возражения со стороны ряда экономистов. Возражения эти сводятся обычно к тому, что закон ценности, грубо говоря, воспроизводит капитализм, а мы строим социализм. Второе возражение заключается в том, что закон ценности регулирует анархию капиталистического строя, а для планового хозяйства он не пригоден. Абстракция и схематизм мешают этим экономистам разобраться в этом вопросе".

И далее автор продолжает:

> „Нельзя говорить об одновременном действии нескольких, взаимно-исключающих регулятивных законов, управляющих хозяйством Советского Союза. По мере роста социалистических элементов нашего хозяйства и в соответствии с процессом преодоления товарных отношений будет отмирать закон ценности. На данной же стадии развития этот закон подобен пулемету, который служит тому, к кому он обращен казенной частью. Попытка трактовать в плоскости взаимноисключающий вопрос о законе ценности и плане является не чем иным, как возобновлением решенного жизнью спора о плане и рынке в условиях новой экономической политики“ [1].

С одной мыслью, выраженной здесь, можно согласиться безусловно. Мы говорим о том месте, где автор отвергает концепцию „одновременного действия нескольких, взаимно исключающих регулятивных законов“, поскольку автор здесь явным образом имеет в виду теорию т. Преображенского о борьбе закона ценности с „законом первоначального социалистического накопления“ (ибо ни одного другого теоретического построения, основанного на борьбе „взаимно исключающих регулятивных законов“, в нашей экономической литературе не встречается). Все же остальное в этом рассуждении представляется в высшей степени спорным. Прежде всего, почему противопоставление закона ценности и плана приравнивается противопоставлению плана и рынка? Что такое рынок? Это соединение двух элементов: 1) рыночной (т.-е. товарно-ценностной) формы и 2) рыночного (т.-е. стихийно-экономического) содержания. Когда мы говорим о „решенном жизнью споре о плане и рынке в условиях новой экономической политики“, мы имеем в виду, что плановое начало в хозяйстве СССР: 1) не исключает господства экономической стихии (рыночного содержания) в известных частях советской экономики и 2) сочетается с рыночной формой во всем хозяйстве. Значит ли это, что нельзя противопоставлять („трактовать в плоскости взаимно исключающей“) план и стихию? — Ничуть не бывало. Успехи плана как раз измеряются степенью

---

1) И. Смилга. „Восстановительный процесс“, изд. „План. Хозяйство“. М. 1927 г. — Введение, стр. XV — XVI. Разрядка автора.

преодоления хозяйственной стихии, степенью ее подчинения и господства над нею. Сущность закона ценности в теоретической системе Маркса заключается как раз не в рыночной форме, а в рыночном, стихийном содержании. Всякая иная трактовка закона ценности с марксистской точки зрения является недостаточной. Но поскольку мы можем, должны и обычно противопоставляем план и стихию, постольку же естественным и законным является противопоставление плана и закона ценности, олицетворяющего как раз эту стихию экономических отношений.

Отсюда совершенно ясно, что переход к хозрасчету отнюдь не означал восстановления действия закона ценности (упоминание о „ряде ограничений" в данной связи является у автора не более, как стилистическим украшением, ибо дальше нет ни единого конкретного указания на наличие этих ограничений, да и вся концепция в целом вряд ли подобных „ограничений" требует). Здесь мы у автора имеем полное соединение (чтобы не сказать — смешение) ценностной формы с содержанием закона ценности, между тем как наиболее характерной особенностью переходного хозяйства вообще является наполнение прежней, свойственной товарно-капиталистическому хозяйству, формы совершенно новым содержанием. Отделение формы от содержания (или, если угодно, содержания от формы, ибо новое содержание сочетается со старой формой) чрезвычайно характерно не только для категории ценности, но и для многих других категорий переходной экономики (зарплата, прибыль, процент и т. п.). Анализ этих категорий возможен лишь в том случае, если тщательнейшим образом отделять их форму от содержания.

Весьма родственную и сходную концепцию мы встречаем у проф. Л. Н. Юровского, который пытается придать ей некоторое теоретическое обоснование [1].

Подобно предыдущему автору, проф. Юровский исходит из того положения, что „закон ценности действует всюду, где есть рынок и товар" [2]. Как известно, в пределах рыночной формы хозяйства возможны самые различные комбинации: неограниченная свобода конкуренции или господство

---

[1] Проф. Л. Юровский. „К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе", ст. в „Вестнике Финансов", № 12, за 1925; эта работа должна, кажется, появиться также отдельным изданием.

[2] Там же, стр. 14; разрядка автора.

монополии, полное невмешательство государства или весьма активное воздействие его на хозяйственную жизнь. Автор находит все же, что

> „если при всех этих условиях остается рынок, то действует закон ценности. Конкретные условия ценообразования могут быть, конечно, различны... Но закон ценности действует во всех случаях, где сохраняется рынок“ [1].

Поскольку наш автор, как известно, не причисляет себя к числу экономистов-марксистов, мы не имеем никакого основания, разумеется, требовать от него марксистского понимания и толкования категории ценности. Следует сознаться даже, что это обстоятельство является неоспоримым „преимуществом“ проф. Юровского перед другими сторонниками той же концепции, принадлежащими к марксистскому направлению. Все то, что эти последние могут утверждать лишь ценой непоследовательности и внутренних противоречий, проф. Юровский может проповедывать, оставаясь всецело на почве своего основного теоретического подхода к явлениям экономической жизни. Тем более важно и необходимо скрыть характер этого подхода.

Проф. Юровский исходит из общепринятого в немарксистской экономической теории понимания закона ценности исключительно как начала, определяющего движение рыночных цен. Как мы уже видели в предыдущей главе, другое, более глубокое и существенное значение закона ценности, как стихийного регулятора неорганизованного общественного хозяйства, как основного закона равновесия этого хозяйства, остается для экономиста-немарксиста книгой за семью печатями. Ценность, как норма рыночной цены, — ценность, как известная средняя из реальных рыночных цен — вот альфа и омега этой трактовки важнейшей экономической категории. Такое понимание ценности до того пусто и бессодержательно, что нельзя отказать в известной последовательности П. Б. Струве — экономисту, имевшему несомненное влияние на прежние работы проф. Л. Н. Юровского [2], — когда тот по-геро-

---

[1] Проф. Юровский. „К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе“, ст. в „Вестнике Финансов“, № 12, за 1925, стр. 15, разрядка автора.

[2] См. Л. Н. Юровский. „Очерки по теории цены“, Саратов, 1920.

стратовски предлагает отбросить вовсе категорию ценности, как пережиток метафизических идей в области науки о хозяйстве, а засим ликвидировать и теоретическую экономию вообще.

Но если все значение ценности в том, что она является определяющим началом рыночной цены, то не трудно умозаключить, что закон ценности проявляется во всех тех случаях, когда имеют место рынок и цена. Проф. Юровский так и поступает, вполне последовательно со своей точки зрения:- раз существует рынок, товарная форма хозяйства, поскольку существуют цены — стало-быть, закон ценности господствует, как и встарь.

> „Он действует по-разному в зависимости от того, какова та хозяйственная обстановка, в которой на рынке реализуются товары“ [1],

но он действует полностью и целиком. Здесь проф. Юровский также последовательнее т. Смилги, упоминающего о каких-то „ограничениях“. Некоторое затруднение появляется у проф. Юровского, когда ему приходится говорить о плановом начале советской экономики и когда требуется сочетать или, как любят говорить в настоящее время, „увязать“ наличие планового начала с таким неограниченным признанием действия закона ценности. Он считает, что плановый принцип может заменить действие закона ценности лишь при условии полной организации народного хозяйства, перед которым тогда открывается возможность широкой натурализации хозяйственных отношений. Поскольку этого нет, можно говорить лишь о некотором

> „внесении планового начала в товарное хозяйство, что совсем непохоже на его преодоление“.

Вообще автор считает, что

> „существующую систему нельзя понять, как mixtum compositum, как смесь прошлой и будущей. Она есть система товарного хозяйства, но только особая его система[2].

---

[1] См. Л. Н. Юровский. „Очерки по теории цены“, Саратов, 1920, стр. 15.

[2] Там же, стр. 19.—Разрядка везде принадлежит автору.

Мы считаем, напротив, что „существующую систему нельзя понять“, если упустить из виду, что она является — правда, не „смесью“, а — *переходной* от прошлого хозяйственного строя к будущему. Постоянное подчеркивание того, что решительно никем не оспаривается, а именно, что современное хозяйство СССР является товарным хозяйством, напротив, имеет весьма скромную познавательную ценность. Нисколько не улучшает дела и оговорка насчет „*особой системы*“ товарного хозяйства, ибо мы дальше не встречаем никакого намека на попытку конкретного установления, в чем именно эта „особенность“ заключается. А всякая серьезная попытка в этом отношении обнаруживает, что „особенности“ переходной экономики так значительны, что голое сопричисление этой системы к прочим формам „товарного хозяйства“ является совершенно недопустимым, ибо, как мы видели выше, важнейшая особенность советского хозяйства заключается в том, что под товарной *формой* скрывается совершенно иное *содержание* людских производственных отношений.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Проблемы распределения.

1. Двоякое значение отношений распределения (распределение средств производства и распределение дохода). — 2. Формы распределения в хозяйстве СССР.—3. Проблема заработной платы. — 4. Прибавочный продукт, прибавочная ценность, прибыль. — 5. Торговая прибыль. — 6. Рента.

1.

Двойственность, расщепление формы и содержания экономических явлений, присущее переходному хозяйству, наиболее ярко проявляется в отношениях распределительного порядка, характеризующих распадение национального дохода, вновь произведенного продукта.

Буржуазная наука для целей ниспровержения Марксовой теории ценности, предварительно ссылает ее в область чистого обмена, в царство „случайных решений индивида“; в теории распределения прежде всего берется под сомнение самое ее существование в Марксовой системе.

В самом деле, Марксова постановка проблемы распределения никак не может быть уложена в общепринятые рубрики „учения о видах дохода и их источниках“. Распределение в этом узком и непосредственном смысле „распределения продуктов“ в Марксовой постановке не имеет господствующего значения, целиком подчинено и вытекает из данной формы общественного производства. Конечно, и в этом, более узком смысле, вопросы „распределения продуктов“ общества, национального дохода представляют огромный интерес; ибо вопрос о законах, определяющих величину, движение доходов —

заработной платы, прибыли, ренты, — в то же время является вопросом борьбы и соотношения сил основных общественных классов. Формы доходов или „различные титулы, на основании которых присваивается доля продукта, предназначенная для личного потребления“[1] в этом смысле фиксируют классовую структуру данной формы хозяйства.

Но распределение в этом более узком, непосредственном смысле в Марксовой постановке проблемы противопоставляется распределению средств производства, как моменту, включенному в самые формы производства и в известном смысле предшествующему ему.

> „Можно, конечно, сказать, — говорит Маркс, — что самое существование капитала (и земельной собственности, которую он включает в себя, как свою противоположность) уже предполагает известные формы распределения: экспроприацию у рабочего условий его труда, концентрацию этих условий в руках меньшинства членов общества, исключительную собственность на землю других лиц, — одним словом, все те отношения, которые были изложены в отделе о первоначальном накоплении“...

В отличие от распределения части общественного продукта, поступающей в непосредственное, личное потребление:

> „те формы распределения, о которых мы только-что говорили, являются базисом особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его деятелей, в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфически-общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства“. (Разрядка наша)[2].

Являясь как бы первичным, определяющим данную форму производства, распределение в этом смысле, — социального, классового отношения к средствам производства, — конечно, целиком обусловлено достигнутым уровнем развития произво-

---

[1] Маркс. „Капитал“, т. III, стр. 418.
[2] Маркс. „Капитал“, т. III, стр. 417—418.

дительных сил, так сказать, исторически предыдущей общественной формой. Так, формы распределения одного из важнейших средств производства — земли, — принесенные Октябрем и последующей аграрной революцией, несомненно, исторически обусловлены уровнем развития, которое было достигнуто на протяжении предыдущих исторических этапов эволюции нашего сельского хозяйства.

Нам в данном случае важно подчеркнуть то широкое значение, которое Маркс придает проблеме распределения, как важнейшему моменту воспроизводства самой формы производства, как элементу регулирования ее равновесия[1].

С этой точки зрения каждая распределенческая категория, каждый „вид дохода" выступает в системе Маркса не только как титул на долю продукта, но и как активный фактор регулирования и воспроизводства хозяйственной системы.

Прибыль фигурирует, с одной стороны, как „чистый вид дохода", который мог бы быть целиком потреблен, проеден отдельным капиталистом. Но помимо границ, которые ставятся отдельному капиталисту законом конкуренции и т. п., его доход, прибыль выступает в то же время как объект стихийного регулирования со стороны рынка, колебаний цен. Цены же производства в свою очередь регулируются процессом уравнения нормы прибыли, связанным с распределением капитала между различными областями общественного производства.

> „Таким образом, прибыль является здесь главным фактором не распределения продукта, но самого его производства, фактором распределения капиталов и самого труда между различными сферами производства"[2].

---

[1] Проблема „распределения производительных сил общества" ставится также в центре многочисленных экономических работ проф. П. Маслова. Но в отличие от Маркса, для которого проблема распределения в этом смысле является составным моментом данной общественной формы производства, характеризующим специфическое „социальное качество" самих условий производства и их представителей (Маркс. „Капитал", т. III, стр. 418), проф. Маслова интересует по преимуществу чисто-материальная, технически-производственная сторона проблемы. Этот подход вытекает из свойственного всей экономической концепции П. Маслова игнорирования социально-классовой сущности экономических проблем.

[2] Маркс. „Капитал" т. III, стр. 421.

В свою очередь, распадение прибыли на процент и предпринимательский доход олицетворяет такие существенные моменты современной производственной структуры, как кредит и кредитные учреждения.

Но и такая чисто-распределительная категория, как рента, по существу связанная с прямым отвлечением, вычетом части вновь созданного продукта из сельского хозяйства, в то же время олицетворяет частную собственность на землю, служит важнейшим определяющим моментом для капиталистической формы сельского хозяйства. Таким образом, основные категории распределения дохода, вновь произведенного общественного продукта, выступают в Марксовой системе одновременно в качестве определяющих производственных моментов. Если по отношению к отдельному индивиду формы распределения действуют как объективный общественный закон, определяющий его место в сфере производства, то по отношению ко всей хозяйственной системе распределение средств производства является в известном смысле первичным, исходным моментом; распределение же дохода в свою очередь входит важнейшим моментом в систету равновесия и воспроизводства[1].

---

[1] Проф. Солнцеву Марксова постановка проблемы распределения в широком смысле (как формы распределения средств производства) представляется результатом „смешения рыночных моментов реализации с общественно-распределительным процессом". Средства производства выпадают, по его мнению, из сферы распределительных отношений по той простой причине, что они... покупаются лишь классом капиталистов. Перемещаясь лишь в пределах этого класса, средства производства, таким образом, якобы не относятся к числу объектов социального распределения. Разделу подлежит только вновь произведенный продукт, v + m, из которого одно слагаемое падает на долю рабочего класса, а другое на долю капиталистов. Но как ни бесспорна устанавливаемая здесь проф. Солнцевым истина, объясняющая нам, что сумма двух слагаемых может быть с успехом разложена на ее составные части, эта истина все же ничего не говорит нам именно о процессе распределения, свойственном капиталистической системе воспроизводства. Ибо с этой точки зрения сумма прибавочной ценности, произведенной в обществе, должна обязательно представлять собою чистый фонд потребления буржуазией. В условиях расширенного воспроизводства, нормального для капиталистической системы, к фонду общественного распределения, „социального дивиденда", по выражению проф. Солнцева, не может быть отнесена та часть m, которая не проедается капиталистами, а в форме средств производства поступает в фонд накопления. Проф. Солнцев пытается выйти из затруднения, объявляя исходным моментом анализа общественно-хозяйственный процесс в условиях простого вос-

Для переходной экономики новое распределение средств производства, произведенное социальной революцией, также служит в этом, указанном Марксом смысле, первичным, исходным моментом, определяющим новые переходные к социализму формы производства.

Новые формы распределения средств производства, принесенные социальной революцией, конечно, сами являются продуктом развития и разложения предреволюционной формой производства. Обобществление средств производства исторически подготовляется обобществлением процесса производства в капитализме. Но самый акт нового распределения средств производства, переход их в руки рабочего класса, является первичной, важнейшей предпосылкой для развития новой формы производства [1].

Выше, характеризуя последовательные этапы перерождения и отмирания элементов капитализма в переходной экономике, мы условно, фигуральным образом, разграничили по двум линиям перестройку хозяйственной системы. Мы видели, что

производства. Условия расширенного производства, по его мнению, затемняют анализ проблемы распределения. Этим самым проф. Солнцев открыто свидетельствует непригодность теории „очищенного“ от моментов производства и реализации „социального распределения“ именно в условиях непрерывного расширенного воспроизводства капиталистических отношений.

Проф. Солнцев здесь повторяет вскрытую Марксом ошибку классиков, которые

„при рассмотрении отношений распределения исходят обыкновенно из того мнимого факта, что годовой продукт распределяется в виде заработной платы, прибыли и земельной ренты. Но формулированный таким образом факт неверен. Продукт распределяется, с одной стороны, на капитал, с другой стороны, на доходы. Один из этих доходов, заработная плата, сам принимает форму дохода — дохода рабочего — лишь после того, как он противостоял тому же самому рабочему в форме капитала“ (Маркс. „Капитал“, т. III, стр. 417).

[1] „Достигнув известной степени зрелости, данная историческая форма совлекается и уступает место более высокой. Момент наступления такого кризиса обнаруживается в том, что приобретает особенную глубину и широту противоречие и противоположность между распределительными отношениями (Разрядка наша. Авт.)... и производительными силами“. Маркс. — „Капитал“, т. III, стр. 422.

Здесь Маркс лишний раз подчеркивает значение форм распределения средств производства (определяющих формы распределения дохода), как исходного и начального момента для новых форм производства.

в плоскости обмена, рыночной связи между многочисленными отдельными хозяйствами, в этой горизонтальной линии строения товарно-капиталистического общества изменение и отмирание старых форм особенно затруднено и представляет длительный процесс, заполняющий весь переходный этап. Наоборот, по линии основного классового деления, отношения к средствам производства, — в этом вертикальном разрезе капиталистического производства, — смена форм производится социальной революцией в виде одного или нескольких актов, с максимальной в данных условиях последовательностью и решительностью. Экспроприация крупной промышленности, железных дорог, крупного землевладения, отмена частной собственности на землю — вот содержание этого переворота в вертикальном разрезе капитализма. Этим самым в первую очередь реализуется та новая форма распределения в широком смысле, распределения средств производства, которая приходит на смену распределенческим формам капитализма. Теоретически последующим за этой сменой форм распределения средств производства является изменение форм дохода, классовых титулов на национальный продукт, непосредственно вытекающих из новой формы производственных отношений.

Если форма дохода рабочего класса — заработная плата — является лишь обратной стороной отчуждения средств производства, противопоставления их в виде капитала владельцу рабочей силы, то, теоретически, переход основных средств производства к рабочему классу должен сопровождаться и уничтожением заработной платы, как формы дохода.

Но эта абстрактно-теоретическая возможность отмирания старых форм дохода не может быть практически реализована в такой же последовательности и тем же путем, как это произошло с распределением средств производства.

Рыночные формы связи в хозяйстве, товарный тип производства обнаруживают несравненно большую живучесть и силу сопротивления новым началам, соответствующим созданным революцией формам распределения производительных сил.

Но все своеобразие капиталистических форм дохода именно в том и заключается, что они могут быть выражены лишь в ценностной форме. В условиях товарного хозяйства каждый вид дохода находит свое отражение прежде всего в категории цены, в определенных ценностных величинах.

Между тем, эти рыночные ценностные формы хозяйства переходного периода сохраняют свое значение на довольно долгий срок. Более того, приведенный выше анализ действия ценностных категорий для различных экономических типов, „укладов“ нашей экономики обнаружил в высшей степени своеобразную форму сожительства этого ценностного начала с началом планового регулирования, олицетворяющим нарастание новых, социалистических элементов в нашем хозяйстве. Своеобразие это заключается в том, что на известных ступенях и до известных пределов само плановое социалистическое начало вынуждено облекаться в покров ценностных понятий, пользоваться ими как бы в роли псевдонимов.

Но сохранение ценностной формы как в порядке стихийных регулирующих функций (в частно-хозяйственном секторе нашей системы), так и в порядке наиболее приемлемого внешнего выражения для плановых действий сознательного регулирования (в социалистическом секторе) неизбежно вызывает и сохранение присущей капитализму ценностной формы для категорий распределения дохода.

Формы распределения основных средств производства, свойственные социалистической системе хозяйства, таким образом, сосуществуют на-ряду с формами распределения дохода, облаченными в одежды товарно-ценностного порядка.

Эта двойственность в отношениях распределения целиком соответствует расщеплению между формой и содержанием экономических отношений, проходящему по всей линии нашего хозяйства. Сочетание отношений ценностного порядка в сфере распределения национального дохода, с социалистическими формами распределения средств производства, вместе с тем, создает особые трудности для анализа всех распределительных категорий в нашем хозяйстве.

В самом деле, для капиталистического хозяйства

> „процент и прибыль, как формы распределения, подразумевают капитал, как фактор производства. Они — способы распределения, предпосылкой которых является капитал, как агент производства. Они являются способами воспроизводства капитала“ [1].

---

[1] Маркс. „Введение к критике политэкономии“, пом. в сб. „Основные проблемы политэкономии“, под ред. Двола йцкого и Рубина, М. 1922, стр. 18.

С другой стороны, заработная плата предполагает на другом полюсе отделение, противопоставление средств производства в форме капитала наемному труду [1].

Между тем, основное содержание революции в формах распределения средств производства, произведенной Октябрем, как раз и заключается в уничтожении этого противопоставления средств производства производителю ценностей — рабочему классу.

Разрешение этого противоречия мыслимо лишь в той мере, в какой будет разъяснено новое социальное содержание в категориях распределения дохода, в какой мере их экономическое существо будет обнажено от внешней ценностной оболочки. Для этой цели нам необходимо проанализировать основные формы дохода как со стороны их взаимной связи, так и в разрезе основных экономических укладов, секторов нашего хозяйства. Выше мы видели, что при анализе закона ценности, между-хозяйственных связей в нашей экономике вполне законно рассмотрение проблемы в двух плоскостях — в сфере обобществленного и частного хозяйства.

При рассмотрении проблемы распределения в нашем хозяйстве такое противопоставление обобществленному сектору сферы частного хозяйства, как сплошной однородной массы, принципиально недопустимо и связано с грубейшими ошибками теоретического и практически-политического порядка. Если в смысле типа хозяйственных связей стихийная, товарно-ценностная форма является общей для всего сектора частного хозяйства в целом, то в смысле отношений распределения частно-хозяйственный сектор распадается прежде всего на два основных подразделения — капиталистического и простого товарного производства.

Для простого товарного производства, представляющего основной и количественно подавляющий тип хозяйства в частном секторе, проблема распределения ставится совершенно иначе, нежели для капиталистических элементов этого сектора. Отношения эксплуатации, составляющие основное содержание категории распределения в капиталистическом хозяйстве, здесь отсутствуют. Форма распределения средств производства,

---

[1] „Если бы одна часть продукта не превращалась в капитал, то другая не могла бы принять форму заработной платы, прибыли ренты". Маркс. — „Капитал", т. III, стр. 417.

частная собственность мелких производителей, обусловливает особую форму распределения доходов в простом товарном производстве. Доход мелкого производителя не поддается тому расчленению по рубрикам, которое характерно для доходов капиталистического хозяйства. В этом смысле проблема распределения дохода встает для мелкого производства лишь постольку, поскольку оно вступает в связь с другими типами и элементами хозяйственной системы и в процессе этой связи и обмена отдает им часть своего прибавочного продукта. Этот вопрос о формах отчуждения части прибавочного продукта простого товарного хозяйства подлежит особому рассмотрению при разборе проблемы торговой прибыли, кредитных отношений, ренты, а также налогов в нашем хозяйстве.

2.

Распределение средств производства в нашем хозяйстве может быть охарактеризовано с количественной стороны путем сопоставления капиталов обобществленного и частнохозяйственного секторов. Конечно, картина будет весьма грубая и приближенная. „Баланс народного хозяйства на 1923/24 г.“ [1] показывает следующее распределение капитальных фондов:

„Капиталы“	С землей	Без земли
Социалистические	90,9	62,1
Несоциалистические	9,1	37,9
Итого . . .	100%	100%

Включение „капитала“ в земле обосновывается необходимостью сравнения народного хозяйства Союза с капиталистическими хозяйствами. При распределении по основным отраслям народного хозяйства наибольший процент „социалистичности“ (выражаясь принятой в „Балансе“ терминологией) дает крупная промышленность (99,7%). Наоборот, в сельском хозяйстве необобществленные („несоциалистические“) капиталы, при условии исключения „капитала в земле“ равны 99,6%, в мелкой промышленности — 81,6%.

[1] Стр. 47.

Итоговые данные о распределении капитальных фондов, приведенные в „Контрольных цифрах Госплана на 1926/27 г.“ [1], показывают следующее:

ПО СЕКТОРАМ	В миллионах червонных рублей			
	1923/24 г. К концу года	1924/25 г. К концу года	1925/26 г. К концу года	1926/27 г. Предположительно
Государственному . .	24 666,6	24 792,9	25 816,9	27 052,3
Кооперативному . . .	367,2	423,0	522,8	619,9
Частному	24 879,3	25 466,8	26 093,6	26 858,1

Удельный вес основных форм владений средствами производства характеризуется [2]:

В процентах.

Капиталы (основные фонды к концу года)

(по современным ценам).

ГОДЫ	Государственные	Кооперативные	Итого обобществл.	Частные	Всего
1923/24	54,7	0,8	55,5	44,5	100
1924/25	54,5	0,9	55,4	44,6	100
1925/26	55,0	1,0	56,0	44,0	100
1926/27	55,5	1,2	56,7	43,3	100

[1] Таблица № 1, стр. 13.
[2] Таблица № 8 (показатели процессов обобществления), стр. 108.

Как видим, и методы подсчета и итоги обоих источников существеннейшим образом расходятся. Это лишний раз подтверждает всю условность и приблизительность этой количественной характеристики распределения средств производства.

Но уже и в этой весьма суммарной и грубой картине проявляется своеобразие взаимоотношений форм производства в нашем хозяйстве (resp. — распределения средств производства) с формами распределения национального дохода. Ибо, с одной стороны, в секторе, характеризующемся обобществлением средств производства, мы имеем одновременно товарно-ценностную форму доходов. С другой же стороны, в секторе частного хозяйства, представляющем в подавляющей массе крестьянское хозяйство, сосуществуют индивидуальные товарные формы производства и присвоение дохода на-ряду с обобществленной формой владения основным средством производства — землей.

Очевидно, основное положение о том, что формы распределения в народно-хозяйственной системе целиком корреспондируют наличной форме производства, не следует понимать буквально, догматически. Эту двойственность форм распределения в нашем хозяйстве редактор „Баланса народного хозяйства“ т. П о п о в в одном месте старательно пытается защитить от упреков теоретической ереси [1]. Эта защита, очевидно, основана на смешении диалектических противоречий хозяйственной действительности с логическими противоречиями неудачных попыток научного отображения ее. Своеобразное расщепление внешних форм, внешней оболочки процесса распределения и присвоения национального дохода — с одной стороны, и социального содержания производственных отношений, распределения средств производства — с другой стороны, естественно вытекает из своеобразного, дуалистического характера переходной системы хозяйства, все проблемы

---

[1] В классе мелких производителей „нет разрыва между отношениями производства и распределения“, ибо при кооперировании сфера обмена в мелком хозяйстве поскольку сохраняется рынок и его законы,—„сохраняются все производственные отношения и отношения распределения мелких товарных хозяйств“.

„Значит, и здесь мы не находим никакого разрыва между производственными отношениями и отношениями распределения, и н е т з д е с ь н и к а к о й т е о р е т и ч е с к о й е р е с и“. (Разрядка наша. *Е. Х.*). „Баланс народного хозяйства“, стр. 51.

которой не поддаются однозначному, формально-логическому решению.

В сводной статье „Баланса народного хозяйства“ мы находим также попытку теоретического объяснения соотношений системы распределения и системы производства в нашем хозяйстве:

> „В сфере производственных отношений мы можем провести резко разграничительную линию между капиталистическими и социалистическими элементами, системами; в отношении же распределения и реализации такой резкой разграничительной линии мы не можем провести, ибо социалистические элементы еще не вылились в определенную систему, еще не всегда отграничены от элементов несоциалистических“ [1].

Здесь, прежде всего, обнаруживается некритическое смешение различных экономических отношений, составляющих совокупность несоциалистического, частного сектора в нашем хозяйстве. Автор, ничтоже сумняшеся, зачисляет всю массу мелкого товарного хозяйства, составляющего подавляющее большинство частно-хозяйственного сектора, в разряд „капиталистических элементов“. Уже одного этого смешения принципиально разнородных хозяйственных укладов достаточно для того, чтобы радикальнейшим образом отрезать путь к действительному исследованию этой „разграничительной линии“ в отношениях распределения и реализации.

Однако, корень трудности разграничения несоциалистических и социалистических отношений автор усматривает в том обстоятельстве, что продукты производства несоциалистических частей нашего хозяйства служат средствами производства для социалистического его сектора; и, наоборот, несоциалистические элементы хозяйства в значительной мере питаются из источников социалистического порядка.

Далее приводится количественное определение социалистических и несоциалистических источников, из которых „население черпает свои средства для удовлетворения личных потребностей и организации производства“. Из таблицы мы узнаем, что источники средств сельского хозяйства несоциалистичны на 87%, источники средств городского населения социалистичны на 60%. Мелкая промышленность черпает средства

[1] „Баланс народного хозяйства“, стр. 42.

из несоциалистических источников — из своего несоциалистического хозяйства (!). Источники крупной промышленности и транспорта социалистичны в 100%. И, наконец, для полноты картины, нам сообщается оригинальная истина, гласящая, что источники средств мирового хозяйства несоциалистичны на все 100%.

Бесспорность определения последнего источника — мирового хозяйства — однако, далеко не „корреспондирует" точности и ясности характеристики источников, хотя бы крупной и мелкой промышленности. Ибо, если даже отказаться от невольно напрашивающегося упрека в изрядной пустоте и бессодержательности этих расчетов, смысл приведенной таблицы, очевидно, может заключаться лишь в том, что она должна нам иллюстрировать степень связи и взаимодействия между социалистическими и несоциалистическими элементами, в нашем хозяйстве. Но в таком случае совершенно непонятно, каким образом крупная промышленность, питаясь сырьем из сельского хозяйства, сохраняет чистоту и „социалистичность" своих источников на все 100%. И как возможна 100% несоциалистичность для мелкой промышленности, получающая от социалистического сектора: железо, уголь, значительную долю орудий производства и т. д.

Как ни заманчива и удобна на первый взгляд эта классификация источников распределения по социалистическому и несоциалистическому ведомству, она все же едва ли может нам помочь в анализе сложнейшего клубка распределительных категорий в нашем хозяйстве.

Анализу фонда, поступающего в процесс распределения между основными социальными группами в нашем хозяйстве, должна быть предпослана количественная характеристика народного дохода страны в целом. По расчетам, приведенным в „Балансе народного хозяйства", вся вновь произведенная в течение 1923—24 г. ценность распадается на средства производства (47,2%) и средства существования (52,8%). Таким образом, „чтобы потребить 100 единиц продукции, как средства существования, необходимо произвести еще 90 единиц ценности для вложения в производство, как средства производства". Таков закон равновесия воспроизводства советской экономики [1].

[1] „Баланс народного хозяйства", стр. 296.

В этом расчете разделению на средства производства и предметы потребления подверглась продукция как сельского хозяйства, так и промышленности. В основу расчета положена продукция всего народного хозяйства в целом. При разграничении сферы промышленного производства от сельскохозяйственного, понятие „промышленность" взято в самом широком смысле слова, как сфера всякой технологической обработки сырых веществ, получаемых в результате органических процессов в земледелии (а также добывающая промышленность). Лишь технические трудности учета таких продуктов технологической обработки, как хлебопечение, прядение и шитье в домашнем хозяйстве и исключительно для его нужд, остановило авторов этих расчетов от включения указанных отраслей труда в область промышленного производства. Отсюда понятна вся условность приводимых цифровых данных и та сугубая осторожность, которая необходима при всякой попытке использования их для целей экономического анализа.

По основным отраслям народного хозяйства доход страны распадается следующим образом [1]:

Национальный доход за 1923/24 г.

Отрасли народного хозяйства	В милл. черв. руб. без скидки на снашивание основн. капит. в жилых постр.	%%
Сельское хозяйство . . .	5 652,1	47,2
Промышленность	2 612,3	21,8
Строительство	391,3	3,3
Транспорт	909,5	7,6
Торговля	1 816,4	—
Косв. налоги, пошлины и торговые надбавки, остающ. у производителя	584,3	4,9
Итого	11 965,9	100

[1] „Баланс народного хозяйства", стр. 296.

Эти данные не представляется возможным сравнить с другими имеющимися попытками подсчета национального дохода вследствие коренного различия методов и объектов исчисления. Подсчет национального дохода, произведенный проф. Литошенко[1] имеет своим объектом доходы различных социальных групп населения. Анализу процесса распределения, данному „Контрольными цифрами Госплана на 1926—27 г.“, предпослана оговорка о невозможности исследовать динамику вновь созданной ценности и ее составных частей — заработной платы, прибыли, ренты. Этот метод был заменен суррогатным, и вместо народного дохода был произведен анализ суммы доходов всех хозяйств страны[2].

Различие методов исчисления национального дохода, как известно, более или менее узаконено в экономической статистике. Метод реального учета представляет нам народный доход, как сумму ценностей, вновь произведенных в важнейших отраслях народного хозяйства. С другой стороны, по методу личного учета, народный доход рассматривается, как сумма индивидуальных доходов населения, полученных в течение данного отрезка времени. Несомненно, правильная теоретическая установка предполагает совпадение результатов обоих методов учета, ибо если первый путь должен привести нас к сумме реальных ценностей, вновь произведенных в стране, то второй путь анализирует тот же фонд в процессе распределения между основными социальными группами. Поэтому, думается нам, нельзя согласиться с проф. Литошенко[3], отдающим предпочтение личному методу на том основании, что сумма доходов отдельных отраслей народного хозяйства (он применяет к этой величине понятие „национального продукта“) является абстракцией, построенной на „псевдохозяйственных величинах“. Нам не приходится в данной связи сколько-нибудь подробнее останавливаться на критической проверке позаимствованного из арсенала струвианских премудростей „псевдохозяйственного“ определения системы народного хозяйства. Для марксиста единство товарно-капиталистической системы отнюдь не отрицается бесспорным фактом отсутствия единого хозяйственного субъекта и единой хозяйствен-

---

[1] Литошенко, „Национальный доход СССР“, М. НКФ. 1925.
[2] „Контр. цифры Госплана“, стр. 209.
[3] Цит. соч., стр.

ной воли в капиталистическом обществе. Здесь меняется лишь форма, в которой это единство всей системы хозяйства и ее основных отраслей доходит до индивидуальной ячейки, и определяет ее действия. В этом смысле уступка, которую проф. Литошенко решается сделать по отношению к отдельным частям народного хозяйства СССР, вряд ли меняет дело [1].

Во всяком случае, думается нам, количественные расхождения, получающиеся между итогами обоих методов учета национального дохода, следует отнести скорее к неясностям и недочетам чисто-статистического характера, вызывающим недоучет, или, наоборот, удвоение отдельных статей, нежели к имманентным свойствам того или иного метода [2].

С другой стороны, национальный доход, установленный личным методом подсчета, также не следует представлять, как чистую „счетную абстракцию“ (по определению проф. Литошенко), как простую арифметическую сумму индивидуальных доходов. Основные виды доходов — заработная плата, рента, прибыль, также мало соответствуют механически суммированным величинам, как и представление о псевдохозяйственной природе соответствует тесной взаимной обусловленности, связующей все частички, все индивидуальные хозяйства в единый народно-хозяйственный организм. Ибо за каждой формой дохода стоит известное единство классовых отношений, положения и места отдельных индивидуумов в системе общественного производства. В этом смысле методологически правильно указание „Контрольных цифр“ на суррогатный характер практикующегося у нас метода учета народного дохода, как суммы доходов всех хозяйств страны, метода обусловленного данным состоянием статистики.

В какой мере доступные нам в настоящее время возможности народно-хозяйственно учета не в состоянии отразить и проанализировать классовую структуру доходов, видно из таблиц, приведенных в „Контрольных цифрах“ [3].

---

[1] Проф. Литошенко оговаривается в примечании, что в условиях СССР это положение (псевдо-хозяйственный характер Е. Х) сохраняет силу полностью, по крайней мере, для сельского хозяйства. Там же, стр. 7.

[2] См. по этому вопросу любопытные замечания в ст. т. Струмилина, „Плановое Хозяйство“, № 8 за 1926 г.

[3] Там же, стр. 213.

КАТЕГОРИИ ХОЗЯЙСТВ	В миллионах червонных рублей				В % к итогу			
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926 27 г.
А. Население.								
1. Земледел.	6 910	8 750	10 500	11 250	59,0	56,6	52,8	51,6
2. Неземледел. . . .	4 340	5 769	8 007	8 834	37,0	37,3	40,2	40,6
Итого по А .	11 250	14 519	18 507	20 084	96,0	93,9	93,0	92,2
В том числе лиц наемного труда . .	2 714	4 011	5 824	6 493	23,2	26,1	29,2	29,8
Б. Обобществл. хозяйство	468	937	1 407	1 695	4,0	6,1	7,0	7,8
Всего . . .	11 718	15 456	19 914	27 779	100	100	100	100

Основные группировки этой таблицы, конечно, далеко не отражают классовое распределение народного дохода в нашем хозяйстве. Ибо графа, показывающая доходы неземледельческого населения, объединяет и доходы рабочего класса, и, в то же время, доходы нетрудовых групп городского населения — представителей частной торговли и промышленности. Доходы земледельческого населения в свою очередь скрывают классовые группировки в деревне, соответствующие линии дифференциации крестьянского хозяйства. Наконец, и доходы лиц наемного труда суммируют такие различные группировки, как производственные рабочие и служащие государственного аппарата, источники доходов которых перераспределяются из всего народного хозяйства через государственный бюджет.

Таким образом, для анализа основных видов дохода в нашем хозяйстве суммарные итоговые цифры приведенной таблицы нужно было бы подвергнуть классификации в соответствии с этой задачей; лишь тогда представилась бы возможность выявить распределение дохода по основным категориям — зарплаты, прибыли, торговой прибыли и ссудного процента, ренты.

КЛАССЫ НАСЕЛЕНИЯ	Численность населения [1] (милл. душ).	Ими произведено милл. р. по производ. ценам	Ими потреблено			Тоже в %	
			В производстве	Лично	Итого	В производстве	Лично
А. Классы, участвующие в мелком хозяйстве, мелкой промышленности и строительстве, связанном с мелким хозяйством	113,7	11 660,7	5 132,3	7 107,4	12 239,7	41,9	58,1
Б. Классы, участвующие в крупном хозяйстве и во всем городском строительстве	8,1	5 772,8	3 301,1	1 257,7	4 558,8	72,4	27,6
В. Классы, не участвующие в производстве . .	11,7	2 330,0 [2]	162,2	1 956,8	2 119,0	7,7	92,3
Всего . . .	135,5	17 433,5 [3]	8 595,6	10 321,9	18 917,5	45,4	54,6
		в процентах					
А. То же	85,1	66,9	59,7	68,8	64,7	—	—
Б. То же	6,1	33,1	38,4	12,2	24,1	—	—
В. То же	8,8	—	1,9	19,0	11,2	—	—
Всего . . .	100	100	100	100	100	100	100

[1] За вычетом городского населения Армении и Грузии.
[2] Торговля.
[3] Без торговли.

Другой опыт общей классификации доходов населения проделан в „Балансе народного хозяйства“ [1].

И эта группировка также недостаточна для целей анализа основных категорий дохода в нашем хозяйстве. Прежде всего самый принцип группировки недостаточно ярко отражает классовую, социальную природы каждого вида дохода. Ибо участие, напр., в сельском хозяйстве или в „строительстве, связанном с мелким хозяйством“, может быть и в форме наемного труда и в форме владения средствами производства при личном труде и т. д. В частности, для советского хозяйства даже обособление группы, участвующей наемным трудом, все же не дает ясного ответа на вопрос о социальной природе доходов сельского хозяйства в наших условиях, когда отношение эксплуатации и зависимости в крестьянском хозяйстве прикрываются самыми причудливыми оболочками [2].

Особенно же много неясностей связано с рубрикой В — „Классы, не участвующие в производстве“. Прямого пояснения объектов этой группы в таблице не дано, но указания на стр. 305 позволяют судить о том, что авторы „Баланса“ относят к группе населения, не участвующего в производстве:

а) лиц, занятых в торгово-распределительном аппарате;

б) служащих в государственных и общественных учреждениях;

в) оказывающих личные и общественные услуги населению;

г) иждивенцев, безработных и прочее население, не имеющее постоянных средств существования.

Перечисленные здесь группы, совершенно очевидно, представляют в экономическом отношении доходы принципиально различных источников и природы. Доходы же, представляющие собой результат распределения прибавочного продукта и прибавочной ценности, совершенно не подверглись обособлению и анализу в „Балансе“.

Таким образом, всякая попытка общего количественного рассмотрения основных видов дохода в нашем хозяйстве — зарплаты, прибыли, торговой прибыли, процента, — требует колоссальной сложности и трудности работы по анализу

---

[1] Стр. 303.

[2] См. об этом любопытные данные, приведенные в работе Л. Крицмана. „Классовое расслоение деревни“. Изд. Ком. Академии. 1926 г.

и перегруппировке приведенных нами из обоих источников суммарных данных о народном доходе СССР [1].

Значительный шаг в этом направлении — разграничение различных по социальной природе доходов — представляет произведенное в „Контрольных цифрах Госплана" выделение доходов обобществленного сектора нашего хозяйства (в отличие от личных доходов занятого в этих частях народного хозяйства населения).

Доходы обобществленного сектора хозяйства складываются из доходов создаваемых:

а) по государственному хозяйству:

1. Совхозами и лесными фондами,
2. Промышленностью,
3. Транспортом и связью,
4. Торговыми предприятиями и
5. Кредитными институтами.

б) по коммунальному хозяйству и кооперативным предприятиям различных видов [2].

Следуя своему представлению о „псевдо-хозяйственном характере" всякой части народного хозяйства, за исключением индивидуальной, частно-хозяйственной ячейки, проф. Ли-

---

[1] „В абстрактно-капиталистическом обществе, о котором трактует Маркс, теоретически не трудно расчленить все возможные виды доходов на заработную плату, прибыль и ренту. Но мы живем не в абстрактном мире законченно-капиталистических отношений, а в таком, где в конкретной практике капиталистические отношения весьма причудливо переплетаются и с весьма архаическими, докапиталистическими, и с новейшими последовательно социалистическими формами хозяйства и взаимоотношениями. Отсюда следует, что в правой стороне нашего баланса нам не удастся без больших условностей расчленить весь народный доход на заработную плату, прибыль и ренту. В отношении обобществленного сектора хозяйства эти категории еще применяются нами по инерции, хотя содержание их весьма существенно изменилось по сравнению с одноименными категориями капиталистического хозяйства. К докапиталистическим же хозяйственным формам эти категории еще менее применимы. И здесь мы предпочли бы всем им один общий термин: «нерасчлененные доходы». К такой категории мы относим доходы всех независимых производителей, не эксплуатирующих наемной рабочей силы, т.-е. огромного большинства крестьян, ремесленников, представителей, так называемых, свободных профессий и т. п.".

„Плановое Хозяйство", № 8 за 1926 г. Струмилин, „Народный доход СССР", стр. 141.

[2] „Контрольные цифры", стр. 212.

тошенко в цитированной работе счел излишним какой-либо учет и анализ обобществленной части нашего хозяйства. Последовательное применение „личного метода“ привело нашего профессора к полному игнорированию доходов всего сектора обобществленного хозяйства, к игнорированию элементов, составляющих специфическую структурную особенность нашей системы народного хозяйства. Отсутствие же попытки проанализировать этот принципиально новый вид дохода в „Балансе народного хозяйства“ следует, очевидно, отнести, главным образом, за счет статистической рутины.

Анализ народно-хозяйственной системы распределения в целом наталкивает нас на проблему государственного бюджета, как фактора распределения. Самая постановка этой проблемы неразрывно связана с особенностями структуры нашего хозяйства. В самом деле, для капиталистического государства бюджет, как момент распределения национального дохода, не связан с вопросами экономико-теоретического порядка, поскольку, за исключением имеющих довольно ограниченное значение предприятий фискального типа, все доходы государства представляют собою результат распределения, так сказать, вторичного, производного порядка. Налоги, пошлины, акцизы и проч. статьи доходной части госбюджета капиталистического государства являются вычетом либо из заработной платы, либо из различных долей прибавочной ценности. Влияние же государства на экономику страны, на процесс перераспределения производительных сил, сказывается лишь косвенным путем и с успехом может быть элиминировано при анализе форм распределения. В нашем хозяйстве, вместе с коренным изменением позиций государства и роли его экономической политики, государственный бюджет превращается в весьма существенный фактор воздействия, как на распределение производительных сил, так и на распределение дохода между социальными, классовыми группировками. Доходная часть бюджета капиталистического государства (за исключением доходов от эксплуатации предприятий фиска), очевидно, балансируется расходами, связанными с поддержанием и охранением „устоев“ капиталистического государства. В бюджете государства переходного периода, на-ряду со статьями, также связанными с сохранением социальных завоеваний рабочего класса, созданной им переходной к социализму общественной структуры, появляются рубрики совершенно нового

порядка. Принципиально новая роль госбюджета в процессе распределения начинается там, где аппарат фиска, извлечение в форме налоговой, податной и т. п. части наличных доходов, становится одновременно рычагом для перераспределения средств между различными отраслями народного хозяйства. Те же налоговые поступления, извлечённые из сельского хозяйства и в смысле природы своих источников представляющие вторичное перераспределение доходов простого товарного производства, поскольку они идут на финансирование электрификации, на новое строительство в промышленности и т. п., превращаются уже в важнейшее орудие распределения народного дохода в целом. Госбюджет здесь непосредственно воздействует на процесс распределения, меняя соотношение между частью вновь произведенной ценности, поступающей в личное потребление, и частью, поступающей в накопление. Функции распределения труда, которые в товарно-капиталистической системе лежат на колебаниях нормы прибыли, таким образом, в известной части переходят в руки планового государственного регулирования через посредство госбюджета. Еще яснее роль госбюджета в распределении в тех случаях, когда, скажем, извлеченные налоговой системой части прибылей частно-капиталистических хозяйств поступают непосредственно на удовлетворение нужд рабочего класса. Но в основном принципиальное изменение роли бюджета в процессе распределения характеризуется той плановой деятельностью по переливу производительных сил между различными отраслями народного хозяйства, которая составляет одну из особенностей госбюджета переходной эпохи.

3.

Рисуя картину хозяйственных отношений „на другой день" после завоевания власти пролетариатом, Карл Каутский подходит также к вопросу о заработной плате. Здесь он, прежде всего, пытается оправдать самую законность этого вопроса. Он говорит:

„Как, — скажут нам, — неужели в новом обществе будет еще существовать рабочая плата? Ведь мы хотим уничтожить наемный труд и деньги, — как же можно говорить о рабочей плате? Возражения эти были бы

основательны, если бы намерены были при социальной революции сейчас же приступить к упразднению денег. Я считаю это, однако, невозможным"[1].

„Итак, раз существуют деньги и цены на продукты, то и труд будет оплачиваться деньгами,— должна будет, следовательно, существовать и рабочая плата"[2].

Действительно, здесь в самой элементарной и общей форме указана неизбежность известного сожительства в переходном хозяйстве старых ценностных форм, ценностной оболочки в распределении доходов с новым классовым содержанием его.

Но в то же время в категории заработной платы, как в фокусе, отражается то своеобразие, та двойственность, которая вытекает из факта ее сожительства с новыми социальными, классовыми отношениями в распределении основных средств производства.

Отсюда же (поскольку новые формы распределения средств производства конституируют новый тип отношений лишь на отдельных участках нашего хозяйства) вытекает необходимость рассмотреть содержание категорий заработной платы отдельно в разрезе обобществленного и частного секторов нашего хозяйства, а также в плоскости связи и взаимного влияния между ними.

Заработная плата, которая при поверхностном рассмотрении представляется, как простое „вознаграждение за труд", является прямым выразителем антагонистической формы распределения и присвоения при капитализме — отделения средств производства от производителя. Борьба рабочего за долю в „национальном продукте" соответствует этому антагонистическому характеру распределения, имманентно присущему капитализму.

„Так как капиталист и рабочий могут делить между собою только эту ограниченную ценность, то-есть ценность, измеряемую всем трудом рабочего, то, чем меньше получит один из них, тем больше получит другой — и наоборот. Но если есть определенное количество

---

[1] Каутский. „Общественные реформы". Изд. „Колокол", М 1905, стр. 131.

[2] Там же, стр. 131.

чего-либо, то все, что появляется в одной части этого количества, должно быть взято из другой. Следовательно, если заработная плата изменяется, то должна изменяться и прибыль — в противоположном направлении“ [1].

В этой яркой формулировке антагонистической природы заработной платы непосредственно подчеркивается значение соотношения классовых сил при основном распределении дохода [2].

Меновой акт, совершаемый при продаже — покупке рабочей силы, сам по себе уже предполагает наличность классовых противоречий и классовой борьбы в капиталистическом обществе. Это классовое антагонистическое отношение и составляет, таким образом, качественную сторону капиталистического закона определения заработной платы.

Достаточно лишь подчеркнуть эту социальную, качественную сторону категории заработной платы для того, чтобы стало ясно коренное изменение содержания этой категории в обобществленном секторе нашего хозяйства.

В самом деле, не приходится говорить об антагонистическом противопоставлении заработной платы прибыли там, где и средства производства и продукт труда присваиваются тем же классом получателей заработной платы. Самый факт распадения вновь произведенных ценностей в обобществленном секторе нашего хозяйства на две части, фигурирующие под капиталистическими псевдонимами, здесь уже соответствует совершенно иному социально-классовому содержанию. Момент соотношения классовых сил, характеризующий капиталистическое определение заработной платы, тем самым отпадает. В распределении продуктов обобществленного сектора нашего хозяйства нет места классовому антагонизму и классовой борьбе за долю во вновь произведенных ценностях.

Однако, разделение этого продукта на часть необходимую и часть прибавочную, — разделение, проводимое определен-

---

[1] Маркс. „Заработная плата, цена и прибыль“. II. 1918, стр. 35.

[2] „Я показал, что периодическое противодействие рабочих понижению заработной платы и периодически предпринимаемые ими попытки добиться повышения ее неразрывно связаны с системой наемного труда и вызываются именно тем, что труд приравнен к товару, а вследствие этого, подчинен тем законам, которыми определяется общее движение цен“. Маркс. „Зарплата, цена и прибыль“, стр. 41.

ной политикой заработной платы, имеет немалое значение для судеб переходного хозяйства. Таким образом, здесь на обобществленном участке нашего хозяйства **точка зрения классового распределения и борьбы за долю в продукте, сменяется точкой зрения накопления, раздела вновь произведенной ценности на часть, поступающую в потребление, и часть, составляющую фонд накопления обобществленного хозяйства.**

Если очевидно, что линия, по которой проходит это разделение в обобществленном секторе хозяйства, определяется не классовой борьбой, а сознательными регулирующими действиями экономической политики, то встает вопрос об условиях, детерминирующих это разделение на потребляемую и накопляемую часть, иными словами, вопрос о количественном определении заработной платы.

Сознательность, известная планомерность, имеющая место в самом процессе распадения этого продукта в обобществленном хозяйстве, не должна быть понята, конечно, как факт господства **полного произвола** со стороны государства, его органов, осуществляющих это разделение. Здесь важно лишь подчеркнуть, что нормы этого раздела, конечно, детерминированные целым рядом объективных условий, являются в этом секторе нашего хозяйства объектом принципиально иной природы исследования. Ибо здесь мы имеем дело не со стихийными законами, а с нормами, проходящими через волю и сознательное воздействие регулирующих центров обобществленного сектора хозяйства.

Здесь мы подходим к другой стороне проблемы заработной платы, к ее ценностно-трудовому содержанию. В капиталистическом хозяйстве ценность рабочей силы, как всякого другого товара, определяется количеством труда, необходимого для ее создания.

> „Рабочая сила человека существует только в его живой личности. Человек должен потреблять известное количество продуктов, чтобы поддерживать свое существование и свое развитие“ [1].

Очевидно, количество общественного труда, исторически необходимого для сохранения и воспроизводства рабочей силы,

---

[1] Маркс. „Зарплата“, стр. 27.

как внутреннее содержание категорий заработной платы, дает нам в то же время ключ для объяснения колебаний цены рабочей силы при капитализме. Но в какой мере эта количественная сторона закона ценности рабочей силы еще сохраняет свое действие при установлении той нормы накопления, которая для обобществленного сектора хозяйства заменяет капиталистические формы распределения? Другими словами, сохраняет ли количественная сторона закона ценности рабочей силы свою значимость для обобществленной части нашего хозяйства? Однозначный ответ здесь не может осветить существо отношений.

Марксово определение закона ценности рабочей силы далеко от механических формул теории „железного закона заработной платы". Маркс рассматривает ценность рабочей силы, а следовательно, и ее внешнюю форму, — заработную плату, как исторически определенную величину. Исторические, общественные условия, соотношения классовых сил, в которых формируется рабочая сила, определяют ее качество.

> „Есть особенные обстоятельства, которые отличают ценность рабочей силы или ценность труда от ценностей всех других товаров. Ценность рабочей силы обусловливается двумя элементами, из которых один — физический, а другой — исторический или общественный. Низшие ее границы определяются физическим элементом, т.-е. рабочий класс для того, чтобы содержать и воспроизводить самого себя, должен получать жизненные средства, безусловно, необходимые для жизни и размножения. Поэтому, ценность этих безусловно необходимых жизненных средств представляет низшую границу ценности труда".
>
> „Кроме этого чисто физического элемента, ценность труда определяется в каждой стране традиционными условиями жизни. Они заключаются ни в одной лишь исключительно физической жизни, но так же в удовлетворении известных потребностей, вытекающих из общественных условий, при которых люди живут и при которых они выросли [1].

Ценность рабочей силы, которой располагает обобществленный сектор нашего хозяйства, таким образом, представляется

---

[1] Маркс. „Зарплата", стр. 42.

величиной, качественно и количественно данной всем историческим развитием страны. К этому исторически данному количественному уровню переходное хозяйство, естественно, примыкает в начале процесса деформации категории заработной платы в новое, социалистическое отношение распределения продукта. В этом смысле восстановление довоенного уровня заработной платы, заполняющее первые годы восстановительного процесса в нашем хозяйстве, служит, в количественном отношении, некиим исходным пунктом для дальнейшего развития отношений распределения.

Таким образом, капиталистический закон ценности рабочей силы сохраняет свою значимость для обобществленного хозяйства, как исходный момент, количественно определяющий тот уровень, ту границу в распределении вновь созданного продукта на потребляемую и накопляемую часть, с которого начинаются дальнейшие и количественные и качественные изменения и отмирание категорий заработной платы. С этого исходного пункта (конечно, не в буквальном, календарном смысле) начинаются те глубокие изменения, тот процесс отмирания закона ценности рабочей силы, который характеризует процесс перерождения отношений распределения в обобществленном секторе.

Общий уровень производительности труда, достигнутый в капиталистическом хозяйстве в каждый данный момент, несомненно, оказывает влияние на определение доли рабочего класса в национальном доходе. Но это влияние осуществляется лишь косвенным, посредственным путем, через целый ряд промежуточных звеньев. Несомненно, вся масса благ, поступающих в распределение, увеличивается вместе с ростом производительности труда и падает вместе с ее падением. Но эта общая формулировка еще не характеризует определение доли, достающейся рабочему классу. Она недостаточна для анализа того способа, который специфичен для капиталистических отношений распределения. При капитализме путь связи производительной силы труда с ценностью рабочей силы проходит через удешевление товарной единицы, что, при неизменном количестве потребительных благ, необходимых для поддержания существования рабочего, ведет к соответственному удешевлению ценности рабочей силы. Отсюда, как известно, Маркс выводит категорию относительной прибавочной ценности, которая получается посредством уменьше-

ния необходимого рабочего времени, создающего эквивалент ценности затрачиваемой рабочей силы. Отсюда же соответственное увеличение доли прибавочной ценности при неизменной сумме всей ценности, произведенной рабочим. Таким образом, эта связь проходит через горнило всего менового оборота, через цепную связь системы общественного разделения труда.

Рост производительной силы труда здесь является обратной стороной относительного падения доли рабочего класса в национальном доходе. Здесь находит свое непосредственное выражение та антагонистичность отношений распределения при капитализме, которая вытекает из противопоставления средств производства рабочей силе.

Уничтожение этого противопоставления, составляющее наиболее характерный признак обобществленного сектора, коренным образом меняет связь доли, потребляемой рабочим классом, с движением производительной силы труда. Вместо косвенной, антагонистической связи, приводящей по цепной линии обмена через рост относительной прибавочной ценности к падению доли рабочего класса, в переходном хозяйстве возникает непосредственное, параллельное движение реальной заработной платы и производительности труда.

Эта непосредственная и прямая связь доли, потребляемой рабочим классом, с ростом производительности труда уже получила (со всеми оговорками по поводу неточности учета) эмпирическую проверку на цифрах, характеризующих движение доли заработной платы в национальном доходе СССР.

По данным „Контрольных цифр Госплана“ доля заработной платы в национальном доходе СССР представляется в следующем виде:

> „В противоположность закону падения доли пролетариата в народном доходе, общему всем капиталистическим странам (в том числе и царской России), в эти годы доля пролетариата в народном доходе возрастает и в настоящее время она более, чем на 30% выше, чем в 1913 году. Этот рост совершается на-ряду с ростом доли обобществленного хозяйства“ [1].

Конечно, эти данные, в первую очередь, отражают условия, свойственные восстановительному периоду в нашем хозяйстве,

---

[1] „Контро цифры Гослана на 1926/27 г.“ стр. 214.

Сумма доходов

(в миллионах рублей, в валюте и ценах каждого года)

Годы	ВСЕГО	В том числе лиц наемного труда	В %% ко всей сумме дохода
1913	15 130	3 330	22,0
1923—24	11 718	2 714	23,2
1924—25	15 456	4 011	26,1
1925—26	19 914	5 824	29,2
1926—27	21 779	6 493	29,8

когда рост заработной платы имел исходным пунктом глубокое падение и самих размеров зарплаты и численности рабочего класса. Однако, на-ряду с моментами, связанными с восстановительным характером этих лет, здесь, несомненно, проявляется и общая тенденция роста доли рабочего класса в национальном доходе, присущая нашему хозяйству. В этом отношении чрезвычайно показательно движение заработной платы в капиталистических странах, также переживших в последние годы процесс восстановления своего хозяйства, разрушенного войной. И здесь имело место известное восстановление, подтягивание глубоко упавших в результате войны абсолютных размеров заработной платы к довоенному уровню. Однако, несмотря на это, в Германии, напр., чрезвычайно ярко выявился процесс падения относительной доли заработной платы в общем национальном доходе, свойственный капитализму в целом.

Эта прямая связь между движением заработной платы, как доли в национальном доходе, и движением производительности труда, приводящая к относительному росту этой доли, переходит в нашем хозяйстве в одну из важнейших структурных особенностей[1].

---

[1] В. Базаров дает любопытную постановку этой проблемы в своей статье: „«Кривые развития» капиталистического и советского хозяйства“. „Плановое Хозяйство“, № 6, 1926 г., стр. 52—53:

Таким образом, если при распадении вновь произведенной в обобществленном секторе нашего хозяйства ценности на потребляемую и накопляемую часть нижний предел в известном смысле детерминирован, дан исторически сложившимися условиями ценности рабочей силы, то колебания заработной платы вверх от этого предела становятся объектом сознательной политики рабочего класса на основе движения производительности труда.

Весьма существенные изменения и отклонения от довоенного строения заработной платы в различных отраслях нашей госпромышленности в настоящее время иллюстрируют это положение.

Здесь уже намечается путь к отмиранию количественной стороны закона ценности рабочей платы на обобществленном участке нашего хозяйства [1].

„До войны у нас, как и во всем капиталистическом мире, народное хозяйство страдало от противоречия между общественным характером производства и частно-капиталистическим присвоением; несмотря на весьма скромный по своей абсолютной величине уровень развития производительных сил, промышленная продукция имела постоянную тенденцию к относительному перепроизводству, к расширению за пределы до-нельзя сжатого платежеспособного спроса основной массы населения. В настоящую «переходную эпоху» нашей системе хозяйства присуще прямо-противоположное противоречие между довольно быстро растущим платежеспособным спросом трудящихся масс и недостаточным для удовлетворения этого спроса ростом общественных производительных сил. Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозой товарного голода, кризиса недопроизводства“...

„Тенденция к относительному недопроизводств должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма“.

Корень этого любопытно поставленного положения лежит, несомненно, в отпадении закона относительного падения доли рабочего класса, создающего имманентную капитализму ограниченность платежеспособного спроса населения.

[1] Этой стороны не замечает т. В. Мотылев, по которому „закон стоимости рабочей силы продолжает действовать с теми отклонениями и искажениями, которые вытекают из отмирания влияния степени организованности и боеспособности рабочего класса“ (В. Мотылев. „Заработная плата при капитализме и в СССР“, 1924, стр. 78).

Из этой крайне неудачной формулировки можно было бы даже вывести заключение, что в наших условиях закон ценности рабочей

Вернемся к вопросу о пределе, детерминирующем уровень заработной платы с нижней стороны. Здесь встает проблема колебаний цены рабочей силы вокруг ценностного ядра. При капитализме эти внешние количественные колебания находятся, как известно, в непосредственной связи с положением на рынке труда.

„Что касается границ ценности труда, то их действительное определение зависит каждый раз от предложения и спроса. Я говорю здесь о спросе на труд со стороны капитала и предложении труда со стороны рабочих“, — указывает Маркс[1].

И здесь мы имеем в нашем хозяйстве на-лицо весьма существенные изменения и устранение капиталистических условий регулирования уровня заработной платы. Практика наших хозяйственных и профессиональных организаций в регулировании заработной платы устанавливает определенный минимальный предел (ставку 1 разряда тарифной сетки), ниже которого заработная плата не должна опускаться. Практически этот минимум совпадает с размерами оплаты наименее квалифицированной рабочей силы. Но как раз для этой группы рабочих рук соотношение на нашем рынке труда является, как известно, наименее благоприятным. Давление безработицы, приток необученной рабочей силы из деревни в результате аграрного перенаселения, прежде всего и с наибольшей силой сказывается для этих нижних групп нашей тарифной сетки. Можно с очень большой долей уверенности предполагать, что в условиях капиталистического хозяйства при тех же размерах скрытой и явной безработицы, которая сейчас имеется у нас, заработная плата менее квалифицированных слоев рабочего класса выглядела бы совершенно иначе, нежели это допускается нашими регулируемыми государством пределами[2].

силы должен действовать с еще большей беспощадностью, чем при капитализме, ибо отпадает даже тот сдерживающий момент, который создается организованной борьбой рабочего класса.

[1] Маркс. „Зарплата“, стр. 43.

[2] Что капиталисты прекрасно умеют использовать этакое „благоприятное“ положение на рынке труда для снижения заработной платы до голого физического минимума — известно и из истории капитализма. На это указывает Маркс:

Влияние спроса и предложения рабочей силы на уровень заработной платы оказывается в нашем хозяйстве (и, прежде всего, в обобществленном секторе его) зажатым в тиски тарифного минимума и в известных, очень значительных пределах парализованным государственным регулированием заработной платы. Так как влияние рынка труда в настоящем его положении при капиталистических условиях неизбежно потянуло бы вниз не только низшие по квалификации группы рабочего класса, но и смежные с ними слои квалифицированных и особенно полуквалифицированных рабочих, то в наших условиях момент спроса и предложения оказывается подчиненным (плановому регулированию) не только для низших групп, но и для всей заработной платы в целом [1].

„Во время анти-якобинской войны (война коалиции против революционной Франции и Бонапарта) наши добрые английские фермеры, о которых мы так благодушно говорили в одном из наших предыдущих заседаний, понизили заработную плату сельских рабочих даже ниже ее чисто-физического минимума, оказавшийся же дефицит на средствах жизни для сохранения расы они пополняли при помощи законов о бедных. Это был превосходный способ обратить наемного рабочего в раба — шекспировского гордого крестьянина в нищего, получающего милостыню". Примеры можно было бы продолжить указанием хотя бы на положение рабочего класса в послевоенной Германии.

[1] Эта сторона перерождения категории заработной платы в переходном хозяйстве отмечена и Каутским. Он говорит:

„В действительности рабочая плата при пролетарском режиме представляет из себя нечто совершенно иное, чем при капиталистическом режиме. В настоящее время рабочая плата есть цена товара — „рабочая сила". Она определяется в конечном счете издержками содержания рабочего; ее колебания зависят от колебаний спроса и предложения. В обществе, где господствует пролетариат все это исчезает. Работника уже не заставляет нужда продавать свою рабочую силу, рабочая сила перестает быть товаром, цена которого определяется издержками его воспроизведения, и цена ее становится независящей от отношения между спросом и предложением. Высота рабочей силы определяется теперь в конечном счете количеством продуктов, имеющихся на-лицо для распределения между рабочими. Чем больше это количество, тем выше может и будет подниматься общий уровень заработных плат. Правда, на отношение между величиной заработной платы в различных отраслях труда спрос и предложение и тогда будут оказывать известное влияние"... „Но общий уровень заработных плат всего рабочего класса будет зависеть уже не от отношения между предложением и спросом, а от количества находящихся на-лицо продуктов". Каутский. „Общественные реформы", стр. 136—137.

Однако, в соотношениях различных разрядов тарифной сетки, т.-е. в уровне заработной платы для рабочей силы различного качества, влияние закона ценности сказывается с гораздо большей силой. Здесь регулирующему воздействию государства приходится считаться с теми же исторически сложившимися условиями создания ценности рабочей силы различного качества. Поскольку капиталистические условия наложили свою печать на распределение рабочей силы по группам различной квалификации, регулирование заработной платы вынуждено брать эти исторически сложившиеся градации за основной пункт при установлении вариаций заработной платы в пределах тарифной сетки[1]. Кроме того, необходимость считаться с этим исторически определенным количественным уровнем различных заработных плат сочетается с задачей использования индивидуалистических стимулов, с необходимостью заинтересовать рабочего в поднятии производительности труда. Эта же задача стимулирования интенсивности и производительности труда находит свое выражение и в сдельной форме оплаты труда, широко распространенной в государственной промышленности. Сами по себе формы заработной платы, несомненно, обусловлены данным уровнем техники и характером основных производственных процессов. Новейшее развитие техники, усиление механизации труда, введение конвейерной системы и т. п., как известно, связано с известным сближением прежних резких делений на профессии и с постепенным оттеснением сдельщины. Вместе с реконструкцией нашего хозяйства, созданием новейшей технической базы, этот процесс смены форм заработной платы, очевидно, будет связан с общим ходом отмирания капиталистических форм оплаты труда в переходной экономике.

---

[1] Несмотря на некритическое пользование капиталистическими категориями, в „Балансе народного хозяйства" дано в общем правильное объяснение того факта, что из общего народного дохода доля, потребляемая служащими, относительно выше доли, потребляемой рабочими. Там говорится:

„Эти общественные отношения, несомненно, вытекают из того факта, что стоимость воспроизводства рабочей силы служащих выше стоимости воспроизводства рабочих. Рабочая сила, особенно ниже средней квалификации, не говоря о рабочей силе неквалифицированной, пополняется притоком из сельских местностей, где стоимсоть воспроизводства значительно ниже стоимости воспроизводства таковой же силы в городе": (стр. 301).

Что же касается оплаты труда высших групп специалистов, то здесь, несомненно, до известной степени сохраняется действие колебаний спроса и предложения этих видов труда.

В секторе частного, необобществленного хозяйства, категория заработной платы полностью сохраняет свое социально-классовое антагонистическое содержание. Частно-капиталистический характер отношений здесь с полной бесспорностью определяет и сохранение качественного содержания капиталистических законов заработной платы. Момент классовой борьбы и соотношения классовых сил здесь находят свое выражение, прежде всего, в том, в какой мере профессиональным союзам удается объединить и организовать рабочих и воздействовать на условия определения заработной платы (коллективные договоры, сохранение тарифных ставок, косвенно также преимущественный наем безработных, организованных в профессиональные союзы). Эти достижения профессиональных союзов, а также государственных органов регулирования и охраны труда, отражая мощность и степень организованности рабочего класса в целом, в то же время оказывают непосредственное воздействие на заработную плату в частнохозяйственном секторе, с количественной ее стороны.

Распространение профсоюзных тарифов на рабочих частнохозяйственных предприятий создает тенденцию к количественному приравнению заработной платы в частном секторе к обобществленному сектору, известное единство уровня заработной платы во всем народном хозяйстве. Сила этой тенденции, повторяем, зависит от того, в какой мере органам рабочего класса (и профессиональным и государственным) удается охватить этот участок своим воздействием. Однако, эти количественные ограничения и регулирования отнюдь не меняют принципиальной социально-экономической природы категорий заработной платы для этого сектора. Здесь процесс перерождения содержания категории заработной платы находится в непосредственной зависимости от степени роста сферы обобществленных отношений, т.-е. от прямого вытеснения частного капитала.

Опыт показывает, что и степень количественного воздействия на заработную плату в частном секторе хозяйства ослабляется по мере приближения к более мелким, зачаточным капиталистическим формам предприятий. Частный капитал умеет находить многочисленные лазейки и выходы для того,

чтобы замаскировать свою капиталистическую сущность и скрыть отношения наемного труда от государственного регулирования и вмешательства. Достаточно указать на многочисленные факты маскировки капиталистических предприятий под вывеской различного рода „артелей“, „кооперативов“, „паевых товариществ“ и т. п. В связи с этим стоит также довольно значительное распространение домашних форм производства, в которых легче скрыть фактически наемных рабочих под видом самостоятельных кустарей-одиночек[1].

Особую сложность эти отношения найма рабочей силы и ее оплаты представляют в сельском хозяйстве.

> „В советской деревне капиталистическая эксплуатация пока сравнительно редко выступает в форме открытого и постоянного применения наемного труда (срокового найма), при чем в этой своей форме она в очень значительных размерах ускользает от статистической регистрации“[2].

а, следовательно, и от организованного воздействия государственных и профессиональных органов. Этим, абстрактно говоря, наиболее характерные и типичные формы оказываются в такой степени замаскированными своеобразными отношениями обладания средствами производства, что прибегать к этим прямым показателям для характеристики наемного труда и классового распределения в деревне приходится с сугубой осторожностью.

Основой для возникновения отношений найма рабочей силы в деревне у нас служит, главным образом, отсутствие или недостаток орудий производства в беднейших группах крестьянства.

> „Обычно при этом хозяйство, нанимающее «рабочего» с лошадью (а нередко и плугом), ведется таким образом, что одни операции выполняет нанятый (напр., вспашку), а другие (напр., посев, уборку) — нанимающий. В результате нанятый (опираясь на то, что основные средства производства находятся в его руках, а нанимающий является, по существу дела, лишь владельцем

---

[1] См. об этом работу: „Наемный труд в частном хозяйстве“. М. 1927.

[2] Л. Крицман, „Классовое расслоение деревни“. Изд. Ком. Академии, 1926, стр. 30.

рабочей силы) оставляет нанимающему лишь заработную плату, или только даже часть ее, а сам не только получает заработную плату за произведенную им работу, но и присваивает себе всю произведенную в хозяйстве нанимающего прибавочную ценность, а нередко и часть заработной платы нанимающего“ [1].

Отношения заработной платы и наемного труда представляют собою здесь

„скрытую, более того, прямо поставленную на голову форму капиталистической эксплуатации, так как при ней эксплуататор, следовательно, по существу дела, нанимающий, выступает под видом нанятого, под видом рабочего с лошадью (а иногда и плугом и т. п.), а эксплуатируемый, следовательно, по существу дела, нанятый, под видом нанимающего, иными словами: капиталист под видом пролетария, пролетарий под видом капиталиста...“

Таким образом, на этих начальных ступенях выделения капиталистических отношений категория заработной платы, со всем присущим ей качественным, социально-классовым и количественным, ценностным содержанием, еще лишь начинает вылупляться и очищаться от натуральных, докапиталистических форм.

4.

Ни в одном из вопросов теоретического осознания нашей хозяйственной действительности настоятельность критического анализа старой, капиталистической терминологии не чувствуется с такой остротой, как это имеет место по отношению к вопросам о прибавочном продукте и его разделении между общественными группами.

И это не случайно, ибо с этими „сугубо-капиталистическими“ категориями и понятиями связываются как-раз наиболее важные и существенные основы классовых отношений, в уничтожении которых и заключается главная задача переходного периода.

---

[1] Л. Крицман, „Классовое расслоение деревни“, стр. 32.

„Только вследствие того, что даны, как предпосылка, труд в форме наемного труда и средства производства в форме капитала — следовательно, только вследствие этого специфического общественного строения этих двух важных факторов производства — часть ценности (продукта) превращается в прибавочную ценность; и эта прибавочная ценность — в прибыль (ренту) в доход капиталиста, в добавочное, находящееся в его распоряжении, принадлежащее ему богатство“ [1].

Таким образом, Маркс здесь со всей ясностью показывает, что основой, базой той формы, которую прибавочный продукт, существующий на всех прогрессивных ступенях общественного развития, приобретает в капиталистическом обществе, является именно превращение рабочей силы в товар, монополизация средств производства. Этому специфическому социально-классовому содержанию, составляющему как бы качественную сторону прибавочной ценности, соответствует ценностная форма выражения, вытекающая из основного характера структуры капиталистического общества (в горизонтальном разрезе — рыночный тип связи между отдельными хозяйствами), и именно в этой ценностной форме и лежит вся трудность анализа прибавочного продукта в нашем хозяйстве.

Необходимо таким образом проследить, в какой мере внешняя ценностная оболочка в нашем хозяйстве соответствует тому содержанию, которое вкладывается в марксову категорию капиталистической прибавочной ценности. Так как самая необходимость и неизбежность существования прибавочного продукта и в социалистическом, и в переходном хозяйстве является совершенно бесспорной азбучной истиной, то наша задача сводится, повторяем, именно к рассмотрению той формы, которую прибавочный продукт приобретает в переходной экономике. Тем самым может быть дан ответ на вопрос о том, в какой мере законно самое перенесение категории прибавочной ценности на наше хозяйство, в первую очередь на его обобществленную часть [2].

---

[1] Маркс. „Капитал“, т. III, стр. 420.

[2] Несмотря на большое практически-политическое и теоретическое значение этого вопроса, в нашей литературе мы находим чрезвычайно мало попыток его разрешения. Та постановка, которая дана

Здесь, в этом секторе из самого типа производственных отношений вытекает с полной ясностью отмирание той социально-классовой базы, которая является исходной, конституирующей марксову категорию прибавочной ценности. Противопоставление рабочей силы — товара средствам производства — капиталу, обособление средств производства от производителя здесь уничтожено. Тем самым уничтожено то классовое содержание, та специфическая форма производственных отношений, выражением которых и служила прибавочная ценность. Но мы знаем, что для Маркса и самое наличие классово-антагонистической формы отчуждения прибавочного продукта, которое имело место в докапиталистических формациях, напр. в феодальном обществе, все же не служило достаточным основанием для признания за этим прибавочным продуктом формы прибавочной ценности. Таким образом, решающее значение имеет именно ценностная форма, которую прибавочный продукт принимает в капиталистическом хозяйстве.

Выше мы видели, что в обобществленном секторе нашего хозяйства ценностное определение рабочей силы оказывается существеннейшим образом ограниченным и трансформированным не только с социально-классовой, качественной, но и с количественной стороны. Рабочая сила теряет свойство товара не только в силу устранения определяющей эти свойства формы производственных отношений (resp. распределения средств производства), она отходит, освобождается от ценностной скорлупы в меру превращения стихийного закона ценности рабочей силы в сознательный процесс разделения вновь созданного продукта на потребляемую и накопляемую часть.

Мы видели, наконец, что обобществленный сектор нашего хозяйства является сферой наименьшего господства стихии ценностного регулирования в целом. В этой части нашего хозяйства мы наметили такой участок (главным образом, производство средств производства крупной промышленности), где трансформация рыночных отношений в планово-регулируемые зашла настолько далеко, что цена в известном смысле представляется лишь чисто-внешней формой, псевдонимом планового расчета и сознательно-организованного начала.

этому вопросу в брошюре т. Мотылева, уже встретила достаточно единодушную отрицательную оценку критики. (Мотылев. „Прибавочная стоимость и социалистческое накопление в СССР“).

Таким образом, обобществленный сектор нашего хозяйства представляет такой тип отношений, где а) исчезла социально-антагонистическая основа, эксплуатация на основе отделения средств производства относительно рабочей силы; где б) закон определения ценности рабочей силы, как товара, соответственно количеству труда, необходимого для ее воспроизводства, действует в значительной мере лишь как исторически данная исходная граница, с которой начинается трансформация стихийно-ценностной формы распределения в сознательную, плановоорганизованную; и, наконец в) где в наибольшей мере проявляется трансформация закона ценности в целом в плановое начало.

И социально-классовое, и чисто-ценностное содержание категории прибавочной ценности здесь либо отсутствует, либо существеннейшим образом ограничено, вследствие этого категория прибавочной ценности оказывается не соответствующей отношениям, господствующим в этом участке нашего хозяйства и по существу, и, в значительной мере, по форме их проявления. Применение категории прибавочной ценности к этому сектору не оправдывается даже недостатками нашей экономической терминологии.

Переходим к частно-хозяйственному сектору.

Поскольку сектор частно-хозяйственных отношений включает в себе известные элементы капитализма, то применительно к последним вся совокупность отношений, связанных с категорией прибавочной ценности, целиком и полностью сохраняет свою силу. То обстоятельство, что рабочее государство и профессиональные организации рабочего класса подвергают большим органичениям эксплуатацию рабочих этими частно-капиталистическими элементами, нисколько не меняет природы прибавочной ценности, извлекаемой в этих предприятиях. И в капиталистических странах рабочий класс, в меру своей организованности и сплоченности, может добиться весьма значительных завоеваний в смысле ограничения рабочего дня, уровня заработной платы и т. д., т.-е., вызвать известное снижение доли прибавочной ценности, нормы эксплуатации. Однако, это нисколько не меняет сущности категории прибавочной ценности и тех классовых отношений, которые она выражает.

Но, как известно, капиталистические предприятия представляют не столь большую долю в нашем частно-хозяйствен-

ном секторе. Для подавляющей массы хозяйств этого сектора (прежде всего в деревне) характерны как-раз отношения простого товарного производства. Никто не станет отрицать факта наличия прибавочного продукта в этом море хозяйств типа простого товарного производства (при любой количественной оценке размеров этого прибавочного продукта). Но в то же время здесь отсутствует основное условие, основной момент, конституирующий прибавочную ценность, — обособление, отделение средств производства. Вместе с тем разделение рабочего времени на необходимое и прибавочное, конечно, может быть проделано с известными условными оговорками, но большого теоретического интереса оно не представляет. Правда, в простом товарном производстве ценностная форма еще не получает своего окончательного развития и завершения, неразрывно связанного с превращением рабочей силы в товар. Но важно то, что обособление прибавочного продукта, даже в случае, если он был реализован на рынке и приобрел таким образом денежную ценностную форму, здесь лишено экономического, социального смысла. Ибо весь этот продукт и в непосредственной натуральной форме, и даже пройдя через горнило обмена, остается в том же хозяйстве, в тех же руках.

Маркс, предостерегая от смешения прибавочного продукта с прибавочной ценностью, не относит к последней прибавочный труд рабского или феодального общества, ибо здесь отсутствует основная предпосылка — товарный характер рабочей силы. Тем более ошибочно было бы смешение прибавочного продукта с прибавочной ценностью в простом товарном производстве, где отсутствует и отчуждение, без-эквивалентное отделение прибавочного продукта от необходимого, с одной стороны, и товарная, ценностная форма существования рабочей силы, с другой стороны.

Таким образом, в нашей хозяйственной системе в целом на двух решающих участках — в секторе обобществленного хозяйства и в части простого товарного производства — категория прибавочной ценности оказывается неприменимой. Ибо в одной части отношения уже переросли эту форму, в другой же части она не получила господства, вследствие неразвитости самих меновых отношений.

Сложение этих диаметрально-противоположных моментов, целиком вытекающее из противоречивого, дуалистического характера переходной системы и в этом смысле чрезвычайно

характерное для нее, обусловливает неприменимость категории прибавочной ценности к нашему хозяйству в целом.

Если уже ценностная сторона и совокупность социальных отношений, связанных с формой проявления прибавочного продукта в капиталистическом обществе, оказываются совершенно недействительными для отношений переходного хозяйства, то при применении к нему категории прибыли искажение действительной сущности отношений возводится как бы в квадрат.

В самом деле, в капиталистическом хозяйстве форма прибыли является единственной возможной формой проявления прибавочной ценности. Прибыль здесь „есть форма проявления прибавочной ценности, при чем последнюю лишь посредством анализа удается вылупить из первой“ [1].

Механизм этого превращения прибавочной ценности в прибыль с необходимостью вытекает из всей системы капиталистического производства и внешней формы его проявления.

> „Так как при кажущемся образовании издержек производства не видно никакого различия между постоянным и переменным капиталом, то источник изменения ценности, совершающегося во время процесса производства, приходится перенести с переменной части капитала на весь капитал. Так как на одном полюсе цена рабочей силы является в превращенной форме заработной платы, то на противоположном полюсе прибавочная ценность является в превращенной форме прибыли“ [2].

То, что приращенная в процессе производства ценность противопоставляется не ценности затраченной рабочей силы, а всему авансированному капиталу, что норма прибавочной ценности превращается в норму прибыли, это превращение является функцией, следствием того же основного социального отношения, которое лежит в основе самой формы прибавочной ценности [3].

В переходном хозяйстве коренным образом меняется именно это основное социальное отношение, функцией и формой про-

---

[1] Маркс. „Капитал“, т. III, часть I, стр. 22.

[2] Маркс. „Капитал“, т. III, часть I, стр. 11.

[3] „Превращение прибавочной ценности в прибыль следует выводить из превращения нормы прибавочной ценности в норму прибыли, а не наоборот“. Маркс. „Капитал“, т. III, часть I, стр. 17.

явления которого и является прибавочная ценность, превращающаяся на поверхности капиталистической действительности в прибыль.

Но капиталистическая категория прибыли представляет двойное искажение и затемнение действительной сущности отношений переходного хозяйства, не только в силу отмирания социальной основы категории прибавочной ценности и ее превращенной формы — прибыли; не только, следовательно, в силу отпадения основы капиталистического производственного отношения — наемного труда и капитала.

Искажение и затемнение удваивается также в силу того, что понятие прибыли, представляющее само по себе превращенную форму, отправляется в нашем хозяйстве, по существу, не от прибавочной ценности, а от прибавочного продукта. Для последнего внешняя, ценностная оболочка в свою очередь представляется искажением истинного содержания. Категория прибыли предполагает полное развитие ценностной формы, между тем как последняя сама претерпевает процесс трансформации и отмирания в сфере обобществленного хозяйства.

Укрощение ценностной стихии, подчинение ее плановому началу вносит коренные изменения также в тот механизм рыночных цен и отношений обмена, через которые проходит капиталистическая прибыль. В капиталистической действительности мы имеем дело не с индивидуальной прибылью, соответствующей массе приведенного в движение данным индивидуальным капиталом живого труда и созданной им прибавочной ценности. Такой случай, приведенный Марксом в гл. X, третьего тома, когда в капиталистическом хозяйстве предполагается отсутствие конкуренции между отдельными сферами и, следовательно, различные нормы прибыли, является у Маркса лишь гипотезой, упрощенной теоретической схемой, нужной для дальнейшего анализа [1]. В действительности, прибыль, зафиксированная отдельным капиталистом или акционерным обществом в результате операционного года, является величиной, определенной общественным уравнением индивидуальных прибылей к общей средней норме. Это не значит, конечно, что средняя норма прибыли находит непосредственное численное выражение в практике капиталистического

---

[1] Рубин. „Очерки по теории стоимости“. ГИЗ. Изд. 2, 1925 г., стр. 182—183.

хозяйства. Факт весьма значительного колебания фактической нормы прибыли по различным отраслям и предприятиям в капитализме бесспорен. Это тяготение индивидуальных прибылей к средней норме сильнейшим образом затруднено уже в монополистическом капитализме. В нашем же государственном, обобществленном хозяйстве мы с известными оговорками, конечно, имеем как раз приближение к тому типу хозяйства, где отсутствует конкуренция между различными отраслями, к примеру чисто гипотетическому для капитализма.

Превращение нормы прибыли в среднюю общественную при капитализме, как известно, играет роль того механизма распределения капитала, перелива их между отдельными отраслями, известного приспособления к спросу, которое соответствует распределению труда непосредственно на основе закона ценности в простом товарном производстве. Эта существеннейшая задача стихийного регулирования, составляющая внутреннее содержание категории средней нормы прибыли в капиталистическом хозяйстве, не может быть отнесена к нашему хозяйству, где, прежде всего, отсутствует важнейшая предпосылка выравнивания прибыли по средней норме — свободная конкуренция и возможность свободного перелива капиталов.

Механизм превращения прибавочной ценности (прибавочного продукта) в среднюю норму прибыли у нас, таким образом, ограничен с двух концов—и со стороны свободного ценообразования на основе конкуренции, и со стороны перекачивывания капиталов в область более высокой нормы прибыли. Определение размеров прибыли в нашем хозяйстве становится в значительной степени результатом сознательного регулирования государства прежде всего через политику цен. Та регламентация цен, которая проводится государственными органами по отношению к продуктам производства обобществленного сектора, становится на-ряду с общим уровнем производительности труда, степенью рациональности производственного процесса, одной из внешних границ для регулирования размеров, а, следовательно, и нормы прибыли.

Таким образом, категория прибыли из стихийно-складывающейся превращенной формы прибавочной ценности переходит в сознательно регулируемый фонд накопления обобществленного сектора. Конечно, это сознательное регулирование фонда накопления детерминируется прежде всего размерами издержек

производства. Но из двух составных элементов издержек производства — затрат на оборудование, сырье, вспомогательные материалы, с одной стороны, и затрат на рабочую силу, с другой стороны ($C+a$ при капитализме), второе слагаемое в свою очередь в значительной мере переживает процесс перехода от стихийного, ценностного, к сознательному регулированию государства. Что же касается до части издержек производства, соответствующих c, то подчинение сознательному регулированию здесь зависит, во-первых, от степени овладения государством производственным процессом, и, во-вторых, от уровня цен на сырье, которое частично является продуктом частно-хозяйственного сектора и еще находится во власти закона ценности. Другим же, верхним пределом фонда накопления служит та политика цен, которую государство проводит с учетом взаимоотношений обобществленного сектора с частно-хозяйственным сектором, со всеми вытекающими отсюда соображениями политического и экономического характера.

5.

Выпадение всей сложной цепи промежуточных звеньев, составляющих механизм превращения прибавочной ценности сначала в ее затемненную форму прибыли, затем в определенную органическим составом капитала среднюю общественную норму ее, коренным образом изменяет проблему распределения прибавочного продукта в переходном хозяйстве.

Теоретически говоря, для вполне организованного коммунистического хозяйства вопрос о распределении „m", вновь созданного прибавочного продукта, является лишь вопросом о том, где следует провести границу между той частью этого прибавочного продукта, который поступит в фонд расширенного потребления однородного бесклассового общества, и той частью, которая составит фонд накопления расширенного воспроизводства. Но в нашем переходном хозяйстве этот подход со стороны накопления не может еще целиком заменить проблему распределения прибавочного продукта между различными классами и социальными группами. Ибо обобществленная часть нашего хозяйства не отгорожена китайской стеной от других его элементов; прибавочный продукт, создаваемый в этих разнородных частях единого народно-хозяй-

ственного организма находится в процессе беспрерывной флуктуации, перелива и перераспределения.

Под общей формой меновых связей этот процесс перелива прибавочного продукта протекает по каналам торговой, кредитной системы, финансово-налогового аппарата. Процент и торговая прибыль служат основными внешними формами этого аппарата распределения.

Нам предстоит рассмотреть внутреннее содержание этих категорий, формально копирующих отношения разделения прибавочной ценности в капиталистическом хозяйстве.

Для Маркса анализ категории прибавочной ценности, характеризующей производственные отношения между основными классами капиталистического общества — между капиталистами и рабочими,—служит исходным пунктом к анализу производственных отношений между промышленными капиталистами различных сфер производства. Исследование этих отношений, принимающих форму категорий средней нормы прибыли, в свою очередь, служит базой для анализа производственных отношений между группами капиталистов, персонифицирующих обособление основных функций процесса обращения капитала. Банкир, торговый капиталист и предприниматель-промышленник представляют эти функции, выделившиеся из единого процесса обращения капитала. Производственные отношения здесь выступают в виде категорий разделения прибыли на предпринимательский доход, процент и торговую прибыль. Несколько особняком стоит категория ренты, представляющая капиталистические отношения землевладения [1].

Таким образом, весь этот сложный механизм распределения прибавочной ценности предполагает в теоретической системе Маркса превращение прибыли в ее специфическую форму общей, средней, построенной по всем правилам „капиталистического коммунизма“, нормы прибыли на капитал любого органического состава.

Маркс каждый раз подчеркивает, что категории, в которые облачаются эти отношения распределения прибавочной цен-

---

[1] Поскольку рента в одной части (абсолютная рента) представляет условия существования класса землевладельческой феодальной аристократии, она вполне устранима из системы чистого, законченного капитализма.

ности, исторически старше капиталистического способа производства. Ссудный процент и ростовщический капитал, торговая прибыль и купеческий капитал являются исторически первоначальными формами капитала вообще. И рента также имеет свои докапиталистические формы, являющиеся продуктом разложения натурально-феодального строя — форму отработочной ренты, ренты продуктами, „голодной“ ренты издольного и парцеллярного крестьянского хозяйства.

Но Маркс везде предостерегает от смешения этих первичных, в известном смысле исходных капиталистических форм и категорий с теми категориями ренты, процента, торговой прибыли, которые являются специфическим продуктом капиталистического способа производства. Ибо там, в этой, так сказать, „предыстории“ капитализма, питательной средой этих форм капитала служили производственные отношения другого типа и склада. Они существовали как бы на поверхности этих разнородных систем хозяйства; грабеж и обман, неприкрытое насилие — вот та механика, посредством которой они внедрялись в эти докапиталистические системы производства. Вместе с тем и роль их в хозяйственных отношениях была совершенно иная, нежели при капитализме.

> „На подготовительных ступенях капиталистического общества торговля господствует над промышленностью; в современном обществе наоборот“ [1].

Эти „экстраординарные“ формы определения размеров ссудного процента, торговой прибыли в капиталистической системе заменяются урегулированными, „законными“ нормами на основе средней нормы прибыли.

Средняя норма прибыли становится крайним, высшим пределом колебаний уровня ссудного процента под влиянием спроса и предложения. Торговый капитал, попадая в общий котел общественного капитала, может также претендовать лишь на ту долю, которая приходится ему pro rata, согласно средней норме прибыли.

Таким образом, исходным, определяющим моментом в анализе содержания категорий торговой прибыли, процента (частично и ренты) для нас должно служить то отмирание категорий и механизма регулирования прибыли, на котором мы останавливались выше.

---

[1] Маркс. „Капитал“, т. III, часть I, стр. 314.

В то же время необходимо всегда иметь в виду, что употребление этих терминов (торговой прибыли, процента, ренты) условно в том смысле, что социальное содержание, классовые отношения, воплощающиеся в категориях распределения прибавочной ценности при капитализме, в переходном хозяйстве коренным образом изменено. Как уже неоднократно подчеркивалось выше, мы здесь имеем дело с категориями, в которых старая, ценностно-капиталистическая форма облекает новые социальные отношения производства и распределения.

В структуре нашего переходного хозяйства вопрос о доходе торгового капитала, о торговой прибыли представляет сугубый интерес, как в силу той роли, которая выпадает на долю торговой системы, так и благодаря количественным размерам торговой прибыли в распределительном балансе.

Обратимся к расчетам, приведенным в „Балансе народного хозяйства“ [1].

В этом исчислении исходной служит разница между ценностью валовой продукции по ценам на месте производства, с одной стороны, и по потребительским ценам, с другой стороны. Из этой разницы в размерах 3 553,7 милл. рублей 1 078,7 милл. рублей приходится на транспорт; акцизные сборы составляют 215,9 милл. руб., 63,1 милл. руб. падают на попенную плату и 55,3 милл. руб. на томоженные сборы. Материальные издержки по торговле определяются в сумме 145,2 милл. руб. В результате доля национального дохода по торговле исчисляется в 1923/24 г. в количестве 2 400,7 милл. руб. За вычетом косвенных налогов и пошлин, доход от торговли составляет 17,3% всего народного дохода (в сумме — 2 066,4 милл. руб.). Но эта доля нового продукта, извлеченная из народного хозяйства в порядке реализации и распределения, на самом деле отнюдь не может быть рассматриваема, как действительное численное выражение торговой прибыли в ее точном, экономическом понимании. Под торговой прибылью мы понимаем ту долю прибавочного продукта (resp. прибавочной ценности), которая приходится на долю обособленного, превратившего отдельную функцию кругооборота в самостоятельную задачу капитала.

---

[1] Стр. 278—279.

Таким образом, в этом смысле категория торговой прибыли неприменима 1) к тем случаям, когда производительные предприятия самостоятельно ведут торговые операции, не обособляя торговый капитал, и 2) к тому доходу от торговли, который получается мелкими производителями при сбыте своей продукции потребителям. (За этими двумя поправками доля торгового дохода в национальном доходе снижается по исчислениям баланса от 17,3% до 15,2%).

Эта существенная роль торговой прибыли в национальном доходе, как мы увидим ниже, обусловливается в значительной мере теми особенностями в строении этой категории дохода, которые вытекают из своеобразия нашей хозяйственной структуры.

Для наших целей непригоден метод сплошного недифференцированного рассмотрения торговой прибыли в нашем хозяйстве. Единая рубрика торгового дохода включает в себе в социально-экономическом отношении прибавочный продукт различных по укладу частей народного хозяйства. Кроме того, эта торговая прибыль служит предметом распределения по двум принципиально-разнородным направлениям — по линии частного торгового капитала, с одной стороны, и по линии обобществленного в государственном и кооперативном порядке торгового аппарата.

Рассмотрим проблему торговой прибыли сначала в этой плоскости — ее источников, происхождения того прибавочного продукта, из которого она черпается, а также основной линии ее распределения. Здесь важно прежде всего отметить, что линии раздела в первой и во второй плоскости не совпадают.

В самом деле, здесь мыслимо различное сплетение источников торговой прибыли и каналов ее распределения по социально-классовой линии.

Возьмем сначала обобществленную часть торговой системы. Она служит прежде всего проводником продукции обобществленного сектора хозяйства. Реализация этой продукции связана для обобществленной торговли с извлечением торговой прибыли, источник которой, очевидно, заложен в прибавочном продукте, создаваемом в процессе производства обобществленной части хозяйства.

С другой стороны, обобществленная торговая система проводит также и продукцию частного хозяйственного сектора, в первую очередь и в подавляющей массе продукцию сель-

ского хозяйства (хлебные и сырьевые заготовки). Извлекаемая из этого ряда торговых операций прибыль также не может считать своим источником процесс обращения. Она является известной долей того прибавочного продукта, который создается в этом частном, в большей массе простом товарном производстве. Разница здесь заключается в том, что прибавочный продукт в простом товарном производстве лишь с большими условностями и затруднениями может быть отделен от того продукта, который является „необходимым" для существования производителя и его семьи. Таким образом, торговая прибыль, реализующаяся через обобществленный аппарат товарообмена, складывается из прибавочного продукта разнородных по социальной структуре частей народного хозяйства.

Само собой разумеется, что в конкретной действительности мы не получим такого химически чистого разграничения источников, природы той доли прибавочного продукта, которая отлагается в виде торговой прибыли обобществленного торгового аппарата. Возьмем случай, когда через этот аппарат реализуется та доля продукции социалистического сектора, которая поступает в потребление крестьянского сектора нашего хозяйства. Здесь торговый аппарат служит связующим звеном между частями нашего народного хозяйства, в которых различие социальной структуры совпадает с очень большим различием в уровне технического базиса. Различие в технических, производственных условиях выражается также в различном уровне общественно-необходимого труда, овеществляющегося в продуктах этих хозяйств. На этой основе возникает известная неэквивалентность обмена между городом и деревней, между социалистическими и частными секторами нашего хозяйства — момент с достаточной бесспорностью установленный в литературе по нашей экономике. Эта разница в уровне общественно-необходимых трудовых затрат оседает в торговом аппарате в первую голову, поскольку он служит непосредственным связующим звеном между различными секторами нашей хозяйственной системы [1]. Доля прибавочного продукта,

---

[1] Маркс, анализируя торговую прибыль купеческого капитала в докапиталистическую эпоху, указывает, что ее источником является использование разницы между ценами производства различных стран („Капитал", т. III, стр. 15), разницы, вытекающей из различий уровня технического развития и общественно-экономических форм. Торговый

созданного в обобществленной части хозяйства, здесь обрастает известной долей продукта частного, крестьянского хозяйства; таким образом, торговая прибыль складывается из прибавочного продукта, имеющего источником различные хозяйственные уклады, неразрывно связанные через процесс обмена.

Наиболее сложной с этой точки зрения представляется прибыль, получаемая во внешней торговле. Здесь по линии экспорта государственная система внешней торговли реализует известную часть прибавочного продукта крестьянского хозяйства. С другой стороны, по линии импорта государственная торговля также имеет возможность отложить в форме прибыли не только нормальную разницу между отпускными, фабричными и продажными ценами; государство здесь может также использовать ту разницу между ценами производства нашего хозяйства и хозяйства капиталистических стран, которая в условиях капитализма становится законной добычей частного импортера. Кроме того, монополия внешней торговли создает обширные возможности для маневрирования в порядке перераспределения доходов от своих операций между импортом и экспортом [1], что создает еще более сложные отношения в смысле принципиальной природы, источников того прибавочного продукта, из которого черпается здесь торговая прибыль.

В сфере частного торгового капитала каналы присвоения также не совпадают целиком с источниками, из которых черпается торговая прибыль. Частная торговля, реализуя продукцию вообще частного (и крестьянского) хозяйства, конечно, в достаточно широких размерах использует возможности присвоения прибавочного продукта этого хозяйства. Здесь, пользуясь раздробленностью частного хозяйства, условиями, рынка и т. д., частная торговля имеет даже возможность высасывать количественно очень большие доли прибавоч-

---

капитал здесь выступает в качестве посредника между различными по общественной структуре хозяйствами, и прибыль его основана на неэквивалентном обмене между ними. В эпоху финансового капитала неэквивалентность обмена между городом и деревней усиливается, поскольку раздробленному сельскому хозяйству на рынке противостоит трестированная и синдицированная монополистическая промышленность.

[1] Скажем, убыточность экспорта, вызванная неблагоприятной конъюктурой мирового рынка, может быть компенсирована за счет несколько повышенных прибылей по импортным товарам.

ного продукта, в особенности в тех областях, где частный капитал слабо ощущает давление конкуренции государственных и кооперативных заготовителей.

Поскольку по каналам частной торговли реализуется известная часть продукции обобществленного сектора нашего хозяйства, торговая прибыль включает долю прибавочного продукта, созданного в этом обобществленном секторе. Так, разница, создаваемая оптово-розничными ножницами в нашем товарообороте в значительной мере используется частным торговым капиталом для накопления прибыли. Частный торговый капитал, используя слабость кооперативного и государственного торгового аппарата, а также обстановку товарного голода, получает частично возможности, связанные с монопольным положением; отношения обмена здесь уже выходят за рамки нормальных условий, и на этой почве вырастает чистая спекуляция и „сверхприбыль“ [1].

Здесь мы подходим к вопросу о количественном определении торговой прибыли в переходном хозяйстве. В капиталистической системе торговая прибыль включена в рамки средней нормы прибыли. Ее колебания в конечном счете регулируются тем же механизмом конкуренции и притока капиталов к отраслям, дающим более высокую норму прибыли. Для переходного хозяйства в нормальных условиях размеры торговой прибыли в ее обобществленной части определяются плановым регулированием в зависимости от необходимого уровня накопления. В таком случае частный торговый капитал выступает в качестве конкурента обобществленной торговле и, следовательно, вынужден приноравливаться, приспособляться к тому уровню торговых накидок, которые практикуются в конкурирующей системе [2].

---

[1] Снятие этих спекулятивных сверхприбылей становится одной из первоочередных задач налоговой политики в этих условиях.

[2] „Динамика цен частного капитала находится в непосредственной зависимости от состояния рынка и от условий снабжения частной промышленности и торговли. Всякий раз, когда отпуск товаров частными лицам усиливается, цены падают, и обратно — с сокращением отпуска товаров цены частной торговли и промышленности немедленно повышаются. Отпуск частным торговцам товаров с условием продажи с предельными накидками, как и опыт снабжения кустарей на условиях переработки по определенным ценам, показал, что в общем и целом торговцы выполняют принятые ими обязательства, за исключением тех случаев, когда вследствие нерегулярного снабжения воль-

Таким образом, можно считать, что в общем и целом в тех отраслях частной торговли, где конъюнктура рынка не обнаруживает большого напряжения, пределом для извлечения торговой прибыли служит та норма накопления, которая устанавливается государством для обобществленной торговли. Необходимо, конечно, учесть различия в скорости оборота, большую гибкость и дешевизну аппарата частной торговли, что создает возможность для извлечения на ту же единицу капитала большей торговой прибыли.

В нашей конкретной обстановке, осложненной действием товарного голода и известной слабостью обобществленного торгового аппарата на периферии, условия, регулирующие норму торговой прибыли частного капитала, существенно меняются. Частный торговый капитал имеет возможность в известных пределах выходить за те рамки, которые создаются для торговой прибыли в порядке сознательного, организованного регулирования государства. В торговой прибыли частного капитала реализуется также его изворотливость, гибкость, умение использовать слабые места обобществленного торгового аппарата. Но и в этой ситуации границы и условия, лимитирующие норму торговой прибыли частного капитала в нашем хозяйстве, принципиально отличаются от тех рамок, которые создаются для торговой прибыли на основе свободной конкуренции из механизма выравнения средней нормы прибыли при капитализме.

6.

Мы видели, что капиталистические категории распределения дохода теряют свою действительность для нашего переходного хозяйства в двух отношениях. Во-первых, коренным образом меняются социально-классовые отношения, выраже-

---

ные цены резко повышаются и разница между условленными и вольными ценами является слишком соблазнительной. Имеется много указаний на то, что по достаточным товарам цены держатся на уровне кооперативных и государственных, а иногда даже опускаются ниже последних. В этом отношении имеются определенные заявления Сахаротреста, Солесиндиката и других. Следовательно, более высокие цены частной торговли и промышленности относятся, главным образом, к недостаточным товарам. В подавляющем большинстве случаев частный торговец равняется по ценам государственной торговли". Гинзбург. „Частный капитал в СССР". „Эконом. Обозрение", общий 1926 г.

нием которых служат формы дохода. Во-вторых, претерпевает большие изменения, а в известных пределах отмирает количественное определение основных видов дохода, вытекающее из действия закона ценности и ее модификации — ценепроизводства. Ось количественных колебаний доходов (заработной платы, торговой прибыли) начинает перемещаться от устанавливающегося в стихии рынка центра — ценности и цены производства к границе, определяемой экономической политикой государства.

В отношении ренты условность применения этой экономической категории к советскому хозяйству возводится в квадрат. Марксова теория ренты воплощает в себе отношения сельско-хозяйственного производства, построенного на капиталистических началах. Абсолютная и дифференциальная рента в их развитом виде предполагают, во-первых, капиталистический характер сельского хозяйства и, во-вторых, отделение, обособление земледельца от арендатора — сельско-хозяйственного капиталиста. В этих условиях рента представляет собою (в обоих ее видах) разницу между ценой производства и нормой прибыли, средней для общественного капитала в целом и соответствующими индивидуальными категориями сельского хозяйства. Маркс неоднократно подчеркивает ошибочность выведения источника абсолютной ренты из одной лишь частной собственности на землю. Частное землевладение лишь фиксирует, закрепляет за данным хозяйством тот излишек прибавочной ценности (сверх средней нормы прибыли), который создается на каждом, даже на худшем, участке земли. „Землевладелец появляется посредине и подцепляет разницу между ценностью и ценой производства". Если в сельском хозяйстве органическое строение капитала будет такое же, как и в промышленности, абсолютная рента исчезнет",— указывает Маркс [1]. Но вместе с тем уничтожение земельной собственности означает уничтожение ренты с земель „всякого сорта" (даже при сохранении низкого органического состава сельско-хозяйственного капитала). Ибо

> „в этом случае сельское хозяйство не оказывает никакого особого сопротивления применению там капитала. Он движется там так же беспрепятственно, как

[1] Маркс и Энгельс, „Письма", изд. Адоратским, Москва, 1922, стр. 130.

и в другой области. Тогда сельско-хозяйственный продукт, подобно тому, как постоянно бывает с массой продуктов промышленности, будет продаваться ниже своей ценности по цене производства"[1].

Эта характеристика природы и источника абсолютной ренты служила, как известно, теоретическим обоснованием одного из требований программы-минимум рабочего движения -- лозунга национализации земли. В то же время отказ от Марксовой теории ренты являлся одним из звеньев оппортунистическо-ревизионистского решения аграрного вопроса меньшевиками. Ясное понимание природы и источников капиталистической ренты в то же время с полной очевидностью решает вопрос о категориях ренты в хозяйстве СССР. Очевидно, уже самый факт национализации земли, реализованный Октябрем, дает достаточное основание для отрицательного ответа на вопрос о существовании абсолютной ренты в нашем сельском хозяйстве.

Однако, это положение встречает возражение со стороны некоторых исследователей рентных отношеной в нашем хозяйстве. По мнению т. Шанина, „абсолютная рента сохраняет все свои черты"[2] в товарно-социалистической системе хозяйства, несмотря на национализацию земли. Основанием для этого является относительно низкое органическое строение капитала в земледелии, благодаря которому земледельческий капитал производит бóльшую норму прибыли, нежели в остальных сферах нашей Экономики".

Открыв таким образом в низком органическом строении нашего земледельческого капитала источник возникновения абсолютной ренты, т. Шанин начинает с усердием, достойным лучшего применения, искать способов закрепления этой сверхприбыли за земельными участками. По т. Шанину оказывается, что национализация земли отнюдь не уничтожает, а лишь несколько уменьшает шансы на существование абсолютной ренты. Ибо монопольная (?) ограниченность земельных фондов может сохраниться и при национализации земли[3].

---

[1] Маркс и Энгельс, „Письма", изд. Азоратским, Москва, 1922.

[2] См. журн. „На аграрном фронте", № 12 за 1926 г., стр. 24, ст. Шанина „Рента в хозяйстве СССР".

[3] „Монополии нет, а с нею нет и абсолютной ренты и без национализации земли (при частной собственности), если сохраняется факти-

Так как естественная ограниченность земельного фонда на нашей грешной планете пока что остается неоспоримым фактом, то единственной радикальной гарантией уничтожения абсолютной ренты (с точки зрения т. Шанина) могло бы, повидимому, явиться лишь какое-либо сногшибательное открытие способов искусственного воспроизведения земли. Однако, марксистская теория до сих пор не ставила таких, по меньшей мере затруднительных, условий для устранения абсолютной ренты даже при сохранении капиталистического способа производства. Здесь нет никакой надобности воспроизводить всю аргументацию Ленина в пользу того, что устранение абсолютной ренты не только не нарушает устоев капиталистической системы, но, наоборот, расчищает путь для действительного бурного развития чисто капиталистических отношений в земледелии [1]. Ограниченность земельного фонда, фактическая невозможность „свободной оккупации земель". действительно является условием закрепления за сельским хозяйством разницы между ценностью сельско-хозяйственных продуктов на различных по плодородию участках. Однако,

---

ческая свобода оккупации еще незанятых земель. И вместе с тем монополия сохраняется (а вместе с нею и абсолютная рента) и при национализации, если нет фактической возможности оккупировать новую землю".— Шанин, там же, стр. 33.

[1] Характеризуя прусский и американский типы развития сельского хозяйства, Ленин („К пересмотру аграрной программы с.-д.") неоднократно указывает на отсутствие задерживающего и реакционного влияния абсолютной ренты при развитии капиталистического земледелия в Соединенных Штатах.

На противоположной точке зрения стоят мелкобуржуазные утописты земельной реформы, считающие уничтожение крупного землевладения вполне достаточным условием для ликвидации капиталистической эксплуатации, наемного труда, экономического неравенства и всех вообще бед современности. Некоторые последователи Франца Оппенгаймера, выдвигающего подобный взгляд, считают „ограниченность земельного фонда" („Bodensperre") главным источником всех капиталистических зол. В качестве курьеза можно отметить, что представители этой группы (так называемого „Nelson-Bund") считают причиной частичного появления капиталистических отношений в хозяйстве СССР — допущение аренды земли, которое они чуть ли не приравнивают к восстановлению частной земельной собственности (см. журнал, издаваемый этой группой „I S K (Internationale Sozialisticher Kampfbund)", № 3 за 1925 г., статья „Das Wirtschafsprogramm des I S K und Sowjet-Russland" von Hellmut Rauschenplatt, в особенности стр. 44 –49, где дается поистине комическое изложение разногласий на XIV съезде ВКП (б).

эта разница составляет не абсолютную, а дифференциальную ренту. Таким образом, корень ошибки т. Шанина в данном случае, очевидно, заключается в смешении столь строго разграничиваемых Марксом категорий абсолютной и дифференциальной ренты.

Не меньше сомнения вызывает открытый т. Шаниным источник абсолютной ренты—превышающая все другие сферы советской экономики норма прибыли земледельческого капитала. Прежде всего, это утверждение должно основательно расходиться с действительностью; отставание нормы прибыли в капиталистических частях нашего сельского хозяйства от прибыли капиталистической промышленности и торговли является неоспоримым эмпирическим фактом. Да и самое понятие о некоторой единой норме прибыли в различных сферах народного хозяйства может быть применено лишь с очень большими оговорками в наших условиях, где национализация земли и ограничения трудового землепользования, с одной стороны, и общие ограничения для частного капитала, с другой стороны, фактически уничтожают основу выравнения нормы прибыли — возможность свободного перелива капиталов. На этом отмирании аппарата выравнения прибыли по средней норме в нашем хозяйстве мы уже останавливались выше. Но как только мы попытаемся проверить это утверждение о высокой норме прибыли на примере подавляющей массы наших сельских хозяйств, обнаружится ошибочность основного исходного положения нашего автора. Ибо подавляющую массу наших земледельческих хозяйств составляют, как известно, хозяйства типа простого товарного производства. Лишь, смешав понятия органического и технического строения капитала, можно говорить об „органическом составе"... в простом товарном производстве. Попытка перенести все составные элементы марксовой категории прибыли, предполагающей развитые капиталистические отношения, на наше крестьянское хозяйство лишний раз демонстрирует путаницу, связанную с таким некритическим жонглированием терминами марксовой политической экономии [1].

---

[1] В письме к Энгельсу от 9 августа 1863 г. Маркс с полной ясностью формулирует эти уловия существования абсолютной ренты. Он говорит: „Я утверждаю также, что его (Рикардо) отрицание абсолютной ренты основано на теоретически ложной догме,

Аргументация т. Шанина в пользу существования в нашем хозяйстве отношений дифференциальной ренты гораздо скромнее разобранной выше. Он говорит:

„Там, где есть различия в плодородии земли, где ведется хозяйство частного типа и где существует общая цена, там дифференциальная рента неизбежна, хотя бы строй этот и не был капиталистическим. И это положение в полной мере относится и к советским условиям в переходный период товарно-социалистического хозяйства, когда земледельческие продукты реализуются как товары по общей цене, нормально определяемой условиями производства на наихудших участках [1].

Таким образом, дифференциальная рента здесь определяется автором как простая разница между индивидуальной и рыночной (средней для общественного производства) ценностью сельско-хозяйственных товаров. Не трудно заметить, что это понимание существенным образом отличается от того содержания, которое вкладывается Марксом в категорию дифференциальной ренты. Маркс рассматривает дифференциальную ренту как добавочную прибыль —

„сверхприбыль, которая существует в любой отрасли промышленности для всякого капитала, который работает в условиях выше средних. Только в сельском хозяйстве эта сверхприбыль закрепляется, потому что основывается на такой солидной и (относительно) проч-

---

перешедшей от Ад. Смита — на отождествлении цен производства с ценностями товаров. Далее, что, когда Рикардо приводит в виде иллюстрирующих примеров различные случаи, он предполагает такие условия, в которых или не существует капиталистического производства, или не существует землевладения (фактически или легально). Дело же в том, что как раз необходимо исследовать закон при наличности этих вещей“ (Маркс и Энгельс, „Письма“, стр. 136). Таким образом советские условия сельского хозяйства как раз могут служить примером, который не является объектом исследования абсолютной ренты, ибо здесь также отсутствуют оба условия — капиталистический характер производства и частное землевладение.

[1] Шанин, там же, стр. 35.

ной основе, как различные ступени естественного плодородия различных сортов земли“ [1].

Таким образом,

„главное в вопросе о ренте это то, что она родится благодаря равенству цен, уплачиваемых за результат различных издержек производства“. „Этот закон рыночной цены есть не что иное, как закон буржуазной конкуренции“ [2].

Но закон рыночной цены, вырастающий на основе буржуазной конкуренции, находит свое воплощение в равенстве нормы прибыли на авансированный капитал. Таким образом, развитая Марксом форма дифференциальной ренты предполагает опять-таки наличие капиталистических условий производства в земледелии.

Между тем, та разница между индивидуальной и рыночной ценностью сельско-хозяйственного продукта, которую т. Шанин определяет как дифференциальную ренту в нашем сельском хозяйстве, не может быть воплощением закона буржуазной конкуренции и равной нормы прибыли по той простой причине, что капиталистические отношения вовсе не являются типичными и господствующими в нашем земледелии. Поскольку эта разница существует, она строится не как надбавка к средней норме прибыли, а как простое различие в производительности труда, приложенного на отличных по плодородию участках земли. В условиях простого товарного производства это различие в производительности труда естественно откладывается в прибавочном продукте товаропроизводителя.

В этом смысле различные условия производительности труда, несомненно существующие в нашем крестьянском хозяйстве, гораздо ближе к тем отношениям, которые Маркс анализирует в порядке ренты докапиталистической, во всех ее многообразных формах. Но при этом Маркс тщательно предостерегает от смешения этих докапиталистических форм ренты с развитой капиталистической рентой. Лишь при капитализме рента сводится к разнице между индивидуальной и средней нормой прибыли. Во всех же докапиталистических формациях рента воплощает в себе весь прибавочный

---

[1] Маркс и Энгельс. „Письма“, стр. 135.
[2] Там же, стр. 127.

продукт мелкого производителя. Но, если в прибавочном продукте нашего крестьянского хозяйства можно отличать часть, аналогичную дифференциальной ренте докапиталистических отношений земледелия, то все же следует со всей решительностью предостеречь от некритического пользования этой аналогией. Здесь имеется глубокое, принципиальное отличие в социально-классовых отношениях.

Для докапиталистического земледелия рента, прежде всего, воплощала в себе отношения эксплуатации, она являлась формой отчуждения прибавочного продукта в пользу другого класса. Эволюция докапиталистической ренты от отработочной формы к денежной ренте отражает разложение натурально-феодального строя и развитие капиталистических отношений в деревне. Обратной стороной,— вернее условием этой эволюции,— являются нарастание капиталистических отношений в обществе, развитие рынка, переход к новой исторической фазе — к эпохе капитализма.

В условиях советской экономики мелкое сельско-хозяйственное производство включено в систему переходного хозяйства, эволюционирующего к организованным, социалистическим формам. Эта эволюция связана с рассмотренным нами выше процессом отмирания и перерождения самой товарной формы, той „общей цены“, на которой базирует свою теорию ренты т. Шанин.

Оперируя понятием „общей цены“ на продукты сельского хозяйства в товарно-социалистической системе, наш автор ни единым словом не обмолвился насчет того нового содержания, которое вносится в рыночную форму условиями переходного хозяйства. Это, впрочем, вполне гармонирует с формальным анализом, отказом от какой бы то ни было проверки социально-классового содержания рассматриваемых категорий ренты, характерным для всей теоретической концепции автора.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Деньги и кредит.

1. Товарная форма хозяйства и роль денег. — 2. Денежная система в переходной экономике. — 3. „Советский номинализм“ и его ошибки.— 4. Кредит в переходном хозяйстве.—5. Функции кредитной системы.— 6. Особенности кредитной организации.

1.

Сохранение товарно-ценностной формы производственных отношений — вот важнейшая отличительная черта того пути социалистического хозяйственного строительства, по которому мы продвигаемся в настоящее время и который признан единственно правильным. Но существование товарно-ценностной формы с необходимостью предполагает наличие денежного обращения в данном хозяйственном организме. Товарное обращение без предпосылок денежной формы ценности немыслимо в условиях современного трудораздельного общественного производства; товарооборот, охватывающий всю пеструю сумму хозяйственных областей, не может пребывать в натуральной форме. Для переходной экономики необходимость сохранения денег, таким образом, в такой же степени, бесспорна, как бесспорна невозможность обойтись в процессе социалистического переустройства хозяйства без товарно-ценностной формы. С другой стороны, задача уничтожения денег теснейшим образом связывается с процессом изживания ценностной формы отношений. И то и другое является длительным экономическим процессом, развивающимся по мере роста, укрепления и распространения социалистических элементов в хозяйстве. Конечный пункт этого процесса мыслится лишь на

той грани, где экономика переходного типа соприкасается с хозяйством законченного социализма, характеризующимся полным обобществлением всего производственного процесса. Лишь всеобщая организованность хозяйственного организма общества является достаточной предпосылкой для окончательной дефетишизации и натурализации производственных отношений.

Естественно, поэтому, что идея ликвидации денег в качестве очередной практической задачи в области хозяйственного строительства выдвигалась лишь в эпоху распространения своеобразной „военно-коммунистической идеологии", аберрация которой заключалась в том, что вынужденное отклонение от естественного пути хозяйственного строительства социализма принималось за этот самый путь [1]. Естественно также, что еще накануне Октябрьской революции мы встречаем у Ленина ряд указаний насчет борьбы с финансовым крахом и падающей валютой [2]; несомненно, что он исходит при этом из предположения о необходимости сохранения денежной, равно как и кредитной системы в переходной экономике. В течение первой половины 1918 года упорядочение финансовой системы страны и подготовка к стабилизации валюты ставится еще, как вполне реальная и серьезная задача. Развертывание гражданской войны ставит, однако, в порядок дня иного рода задачи. Из целого ряда отдельных мероприятий постепенно создается довольно целостная система военного коммунизма. Эта система в основном характеризуется курсом на всеобщую натурализацию хозяйственных отношений и связей. Поскольку продукт занимает место товара, постольку деньги оказываются излишними; на их долю остается лишь путь к превращению в „цветную бумагу".

Если теория отмирания денег, характерная для военно-коммунистической эпохи, оказалась несостоятельной, то зато практика того времени в области политики денежного обращения выполнила чрезвычайно важные и весьма реальные задачи. Эмиссионная система этого периода служит могучим оружием в борьбе советской власти против ее врагов. С одной стороны, она снабжает советскую власть средствами, извлекаемыми при помощи эмиссионного налога—наиболее действи-

---

[1] См. главу II, § 7.

[2] См., напр., „Грядущая катастрофа и т. д.". Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 203 и след.

тельного из всех налогов, как известно. С другой стороны, падающая валюта выбивает оружие из рук зажиточных слоев населения—активных противников советской власти, организовавших против нее в тот период гражданскую войну; если экспроприация крупных экспроприаторов могла быть проведена и без помощи эмиссионного аппарата, то этот аппарат явился зато прекрасным и очень действительным средством для экспроприации значительно более широких слоев средних и мелких эксплуататоров, которые в тот период представляли наибольшую опасность. Выполнение печатным станком Наркомфина этой двусторонней задачи вполне оправдывает его деятельность в ту эпоху [1].

Восстановление денежной системы ставится в порядок дня вместе с завершением гражданской войны и переходом к хозяйственному строительству на новых началах. В условиях разоренного народного хозяйства восстановление чрезвычайно тонкого и сложного аппарата, каковым является денежно-финансовая и кредитная система, требует больших жертв и довольно продолжительного срока. Лишь весной 1924 г., после проведения денежной реформы, складывается в основных чертах та система денежного обращения, которая может быть рассматриваема, как нормальная в условиях нашего хозяйства. Та своеобразная товарно-ценностная форма, которая облекает собою всю массу хозяйственных процессов в переходной экономике, получает свое законченное выражение именно в денежной системе. Остановимся несколько подробнее на этой стороне дела.

Ценность прежде всего выступает, как внешняя форма проявления основного производственного отношения—социальной связи отдельных производителей, атомов товарного общества. Далее, однако, ценностная форма, фетишистическая оболочка, распространяется на все без исключения производственные отношения буржуазного мира, на отношения, охватывающие как производство в собственном смысле слова, так и обмен, и распределение, и в известном смысле (поскольку речь идет о социальной, а не индивидуальной стороне дела)—и потребление. Во всех областях социально-хозяйственной жизни господствуют стихийные ценностные законы, заменяю-

---

[1] См. об этом Е. А. Преображенский. „Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры“. М. Гиз., 1920 г.

щие сознательное общественное регулирование производственных отношений. В бессубъектном обществе, весьма условно называемом „неорганизованным“, бессознательные гетерогенные законы выполняют ту роль, которая в „непосредственно-организованном“ обществе выпадает на долю автогенного общественного руководства.

Деньги в бессубъектном общественном организме являются той вещественной оболочкой, в которой только и могут найти свое выражение ценностные законы.

Оба эти момента — ценность и деньги — логически тесно связаны между собою в Марксовой теоретической системе. Подобно тому как ценность является основной и наиболее общей формой, которую принимают общественно-производственные отношения в простом товарном, а затем и в развитом капиталистическом обществе, мыслимом, как исторически переходящий тип общественной формы — так деньги являются универсальным способом выражения, способом осуществления гетерогенных ценностных законов.

Но товаро-производящее общественное хозяйство характеризуется тем, что ему свойственно противоречие между производственным процессом и его общественной формой. Это противоречие заложено в основной клеточке товарного хозяйства — в товаре, в виде противоречия между абстрактным и конкретным трудом, между ценностью и потребительской ценностью. Денежная форма представляет собою дальнейшее развитие этого противоречия. Противоречие отдельного товара находит свое разрешение в тот момент, когда общество ставит на него печать своего признания, когда товар, являющийся продуктом индивидуального частного труда, превращается таким образом в продукт общественного труда. Это — момент продажи товара, момент его обмена на деньги, играющие здесь роль орудия обращения. Но прежде чем противоречие товара разрешается, оно должно быть поставлено, оно должно найти свое общественно-значимое выражение. Это предварительное условие осуществляется в момент оценки товара, в момент выражения его ценности. Но выражение ценности имеет место лишь в относительной форме ценности, а в развитом товаропроизводящем хозяйстве общественно-значимое выражение ценности товара мыслимо только в денежной форме, в форме цены товара. Эта роль выполняется деньгами в их функции мерила ценности. Отсюда совершенно

ясно, что ни одна денежная система немыслима без определенного мерила ценности. С другой стороны, также ясно, что мерилом ценности может быть лишь нечто, обладающее ценностью, т.-е. товар. Функцию выражения ценности всех товаров может выполнять таким образом лишь денежный товар, противопоставляемый в процессе обмена всем другим товарам.

Известно, что в процессе обращения, в качестве средства обращения, денежный товар замещается знаками ценности, выступающими в качестве представителей денежного товара. Здесь заложена возможность отрыва денежной системы от денежного товара. Все многообразие различных типов денежного обращения, различающихся между собою как экономически, так и организационно-юридически, целесообразнее всего было бы подразделить на два класса, в зависимости от отношения к денежному товару: на связанные и свободные системы. Под связанной валютой следует понимать всякую систему денежного обращения, которая прямо или косвенно, посредственно или непосредственно связана с денежным товаром в том смысле, что денежная единица по своей ценности связана с ценностью определенной единицы (или количества) денежного товара. Напротив, всякая свободная денежная система характеризуется отсутствием определенной связи между знаками ценности, заполняющими оборот, и ценностью денежного товара. Разумеется, и при свободной валюте роль мерила ценности выполняется денежным товаром, хотя бы он непосредственно в товарообороте не появлялся; далее, и при свободной валюте устанавливаются определенные количественные пропорции, в которых знаки ценности (скажем, бумажные деньги) замещают определенную единицу денежного товара (скажем, золота). Но установление этих пропорций при свободной валюте выступает, как акт, находящийся целиком **вне** валютной системы, зависящей непосредственно от совокупности всех условий товарооборота. В случаях связанной валюты, при обслуживании денежного обращения исключительно знаками ценности, установление и сохранение определенных пропорций, в которых эти знаки замещают денежный товар, является делом самой валютной системы и валютной политики [1].

---

[1] Подробнее обо всем этом смотри: А. Леонтьев. „Государственная теория денег“ в сб. „Проблемы теоретической экономии“ под общ. ред. Ш. С. Дволайцкого и С. Б. Членова. М. 1925 г., в особенности гл. II и IV.

2.

Вопрос о характере денег в переходном хозяйстве представляет собою немалые трудности. Деньги являются категорией фетишистической по преимуществу. Фетишизм товаров, фетишизм капитала достигает своего высшего проявления в насквозь фетишистической категории денег. Немудрено поэтому, что как раз мелкобуржуазный утопизм, вульгарный социализм требует прежде всего уничтожения денег, считая, что все остальное приложится [1]. Более тонкая форма идейного пленения денежным фетишем обнаруживается в тех случаях, когда немедленная ликвидация денег объявляется не единственным, но тем не менее необходимым и неизбежным средством для уничтожения капиталистических хозяйственных отношений. Деньги в этом случае рассматриваются, как нечто, самой природой призванное служить для распространения капиталистической эксплуатации. Опыт советского хозяйственного строительства опровергает этот предрассудок, как и многие другие, возникшие из некритического наблюдения явлений, расположенных на поверхности капиталистического хозяйства. Более углубленный теоретический анализ показывает, что решительно ничего удивительного нет в том, что прежняя архибуржуазная категория денег служит техническим средством в процессе социалистического хозяйственного строительства, играя зачастую роль оружия в борьбе социалистических элементов хозяйства против частно-капиталистических.

Но если принципиальная оценка явления денег в советской экономике в настоящее время может считаться ясной и не вызывающей сомнений, то значительно сложнее обстоит дело в смысле определения характера советской денежной системы. Существует большая разноголосица по вопросу об основах денежного обращения в условиях переходного хозяйства, о природе современной советской валюты и о законах, которым она подвержена. Чисто теоретические расхождения в этой области теснейшим образом переплетены с разногласиями в оценке целого ряда практических мероприятий.

---

[1] См. произведения Маркса, направленные против Прудона, в первую очередь — „Нищету философии“.

С первых же шагов в области восстановления денежного обращения, предпринятых вскоре после перехода к нэпу, область денежной политики становится полем непрерывных споров, в которых теоретический элемент непосредственно связывается с тем или иным подходом к разрешению конкретных вопросов и практических задач. Начиная с вопроса о товарном или золотом рубле, продолжая спором о характере выпущенной в конце 1922 г. червонной банкноты, далее через оживленную дискуссию, разгоревшуюся вокруг денежной реформы 1924 г., как в период подготовки реформы, так и в период ее проведения, и — наконец, после ее проведения, эти споры доходят до настоящего времени в форме различных оценок эмиссионных возможностей, различного объяснения изменения покупательной силы советской валюты и различных предложений, с этим связанных. Если нельзя сказать определенно, что все участники этих почти беспрерывных валютно-политических и денежно-теоретических дискуссий постоянно и неизменно защищают одну и ту же позицию, то все же несомненно, что основные подходы к принципиальному разрешению денежно-теоретических проблем в условиях переходного хозяйства в процессе этих дискуссий наметились с достаточной отчетливостью. В частности, вся пестрая масса теоретических погрешностей, которые могут быть обнаружены в этих дискуссиях, должна быть подразделена на две основные группы. С одной стороны, встречаются попытки трактовать денежную систему СССР, как типичную денежную систему любой капиталистической страны. С другой стороны, встречается ряд попыток, мы бы сказали, весьма своеобразного советского номинализма. Если представители первой группы ошибок не видят особенностей переходной экономики или недооценивают их, то вторая группа ошибок основана на неверном представлении, будто вследствие особенностей советского хозяйства целиком уничтожается значение основных законов денежного обращения. При последовательном доведении этой последней точки зрения до логического конца следовало бы рассматривать денежные знаки в советском хозяйстве уже не как деньги, а как своеобразные расчетные знаки.

Из этих двух групп неверных оценок советской денежной системы наибольший интерес представляет, естественно, вторая. Что касается до недооценки особенностей советской

хозяйственной системы, встречающейся главным образом среди буржуазных экономистов и финансистов, участвующих в качестве спецов в работе финансового ведомства, то этот дефект проявляется чаще всего в полном игнорировании и умолчании о таких сторонах переходного строя, которые не могут не оказать своего влияния на судьбы денежного обращения. Обобществление крупной индустрии и транспорта, обобществление значительной доли внутреннего товарооборота, обобществление и монополия внешней торговли и кредитного аппарата — все эти отличия советской хозяйственной системы, накладывающие на нее специфическую печать экономики переходного типа, не могут остаться без влияния и воздействия на денежную систему страны. Противоположная точка зрения до такой степени явно незащитима, что не стоит, пожалуй, задерживаться на ней, тем более, что вряд ли можно было бы найти сколь-нибудь членораздельную попытку ее обоснования или даже попросту формулировки.

Зато большой интерес и значение имеет вопрос о том, в какой степени и форме воздействуют все перечисленные особенности переходного хозяйства на денежную систему, в какой мере они видоизменяют принципиальную сущность денег и парализуют классические законы денежного обращения. Здесь следует с самого начала со всей определенностью подчеркнуть, что денежное обращение не является такой областью хозяйства, в которой процесс обобществлении может продвигаться постепенно, шаг за шагом. Противоположная точка зрения является сознательной или бессознательной данью денежному фетишизму, своеобразному субстанциональному пониманию сущности денег. Можно по частям, „по кусочкам" обобществлять производственный процесс; это понятно, ибо производственный процесс является *реальным* процессом, существующим *вне зависимости* от данной — обобществленной или необобществленной — общественной формы хозяйства. Можно по частям обобществлять товарооборот, ибо и он выполняет ряд функций, независящих непосредственно от данной его общественной формы; сюда относится, как известно, самый технический процесс перемещения товара (или продукта) от производителя к потребителю. Но нельзя частично обобществлять товарную форму. Она должна охватывать *весь* народно-хозяйственный организм или ее не должно существовать вовсе; третьего здесь не дано.

Нельзя себе представить, чтобы какой-либо сектор народного хозяйства был всесторонне, целиком и полностью, натурализован в то время, как в других секторах еще сохраняется товарно-ценностная форма; в этом случае натурализованный сектор не имел бы сродства, хозяйственных путей связи с остальными долями народно-хозяйственного целого; между ними выросла бы китайская стена. Выше, при анализе модификаций, переживаемых законом ценности в условиях переходного хозяйства, мы могли убедиться, что даже в тех областях экономики, где действие стихийного закона ценности более всего ограничивается и сходит на нет, товарная форма все же сохраняется. Зачастую она превращается только и исключительно в форму, притом в форму, постепенно заполняемую совершенно иным содержанием. Путь изживания товарно-ценностной формы представляется нам не в порядке последовательной, но полной натурализации отдельных частей целого, а при посредстве постепенного перерождения стихийного закона ценности, скрывающегося за этой формой, в планомерно-сознательную организацию всего общественного производства. Линяние закона ценности лишь постепенно охватывает одну производственную область за другими; лишь постепенно, по мере действительного обобществления производственного процесса, происходит выветривание стихийно-ценностного содержания их товарной формы. Сама же форма товара сохраняется для всего поля хозяйственных связей, и лишь в самом конце длинного пути, в момент достижения полного и окончательного обобществления всего народно-хозяйственного организма, товарная форма уступает место натурально-хозяйственной организации.

Денежное обращение непосредственно связано с товарной формой. Более того, денежная форма — это, в сущности, не что иное, как оборотная сторона товарной формы. Денежное обращение — это область объективации товарной формы, ее проявления и выражения в общественно-значимом виде. Пока существует товарная форма — необходимо сохранение денежной системы. Но денежная система представляет собою нечто цельное, не поддающееся разделению на части; само слово „система" указывает на это обстоятельство. Денежная система сохраняется лишь до тех пор, пока существует товарно-ценностная форма. Последняя же сохраняется до тех пор, пока обобществление производства, рационализация и на-

турализация общественно-производственных отношений не завершены. До полной же рационализации и натурализации прежде стихийного хозяйственного организма сохраняются также и деньги. Деньги — специфически фетишистическая, иррациональная категория. Говорить о полном подчинении денежной системы рациональному общественному фактору, плановому воздействию и т. д. — все равно, что толковать о горячем ... льде. При полной рационализации хозяйственного строя деньги будут ненужны; всякого рода расчетные знаки, талоны или квитанции того времени принципиально так же далеки от денег (в экономическом, а не в обывательском смысле этого слова), как конфетная бумажка или номерок от гардероба. Напротив, поскольку деньги сохраняются, постольку они неизбежно включают в себе весь тот остаток стихийности и иррациональности, который еще сохранился в народно-хозяйственном организме. Иллюзии или утопии насчет конституированной ценности не становятся более правильными от того, что вместо товарной ценности они избирают своим объектом ценность денег.

Но если рациональный фактор хозяйства — в переходной экономике таковым является пролетарское государство — не может и не должен ставить своей задачей изгнание всякого стихийного элемента из категории денег, ибо такая задача все равно не могла бы увенчаться успехом, то все же этот фактор в состоянии оказать существеннейшее влияние на организацию и функционирование денежной системы. Сфера денежного обращения относится к числу тех областей, где государственная власть с давних пор активно вмешивается в хозяйственную жизнь. Длинная цепь способов государственного вмешательства, выработавшаяся веками, начиная от самой простой операции чеканки монеты из денежного металла и кончая сложнейшими сооружениями вроде „валюты на золотой основе“ („Goldkernwährung“) не вытравляет из денежной системы ее основного, стихийно-иррационального элемента, а создает лишь наиболее благоприятные и упорядоченные условия для действия денежного механизма. Нет никакого сомнения, что в условиях переходного хозяйства государство имеет несравненно более широкие возможности в этой области, чем когда-либо прежде. Денежная система может быть организована наиболее целесообразным и экономным образом; огромные издержки, характеризующие денеж-

ное обращение в его более отсталых формах, здесь могут быть успешно устранены. Условия для действия денежного механизма создаются наиболее урегулированные; целый ряд сознательных мероприятий дает возможность избежать неожиданных и вредных для всего народного хозяйства потрясений. В этом более грубом смысле „стихия“ вполне поддается обузданию и воздействию. Но это не значит, что из денежного феномена вытравляется его живая душа, которая заключается в известном остатке стихийности, без которого деньги уже — не деньги.

Воздействие государства на денежное обращение в переходном хозяйстве начинается с той ступени, на которой останавливается история государственной регламентации денежного обращения при капитализме. Высший, принципиально наиболее смелый для капитализма тип валюты — формально свободная, а фактически связанная валюта — служит исходным пунктом для переходного хозяйства. Золотая валюта с банкнотным обращением внутри страны явилась последним словом в истории денежного обращения капиталистического мира. Этот тип валюты, сочетающий необходимую для здорового функционирования хозяйственного организма стабильность валюты с той экономией, по сравнению с „ортодоксальной“ золотой системой, которая получается от замены золота в обращении банковыми билетами, вводится в советском хозяйстве сразу же после денежной реформы.

В отличие от золотой валюты старого типа, которая с большим основанием может быть названа саморегулирующейся, или лучше — стихийно регулирующейся денежной системой, валюта описанного типа по самому своему характеру предполагает активную регулирующую роль государства. „Золотая валюта без золотого обращения“ остается стабильной лишь до тех пор, пока государство сохраняет ее „золотой“ характер; отсутствие же золотого обращения уже само по себе предполагает определенную совокупность мероприятий валютной политики, долженствующих этот золотой характер сохранить и обеспечить. В условиях капиталистического хозяйства возможности сознательного регулирования, необходимого для сохранения валюты упомянутого типа, ограничиваются, однако, исключительно (или почти исключительно) рамками денежного обращения, специфическим кругом вопросов валютной политики. Между тем, денежное обращение любой

страны является одной стороной медали, обратная сторона которой охватывает все разнообразие хозяйственных процессов данной страны в целом. В виде общего правила, капиталистическое государство, регулирующее узкую область денежного обращения, оказывается не в состоянии сколько-нибудь серьезно распространить свое регулирующее воздействие на эту обратную сторону медали, заключающуюся в совокупности разнородных явлений хозяйственной жизни страны. Между тем, регулирование денежного обращения возможно и мыслимо не только в качестве непосредственных мероприятий валютной политики, но и в форме воздействия на эту обратную сторону единой медали, охватывающую основные явления хозяйства. Ведь, в сущности говоря, изменения, наблюдаемые в узкой области денежного обращения, являются не более, как фотографическим снимком или, вернее, негативом с тех процессов, которые имеют место в глубинах народно-хозяйственной жизни. Поэтому естественно, что то или иное воздействие на область денежной системы может выражаться как в мероприятиях, касающихся непосредственно денежного механизма, как сколка с общехозяйственных феноменов, так и в мерах, относящихся ко всему хозяйственному процессу страны в целом. Немыслимые в сколько-нибудь широкой форме в условиях капитализма как-раз меры этого второго типа приобретают существенное значение в условиях переходной экономики. В этом обстоятельстве заключается то принципиальное различие, которое существует между регулируемой денежной системой при капитализме и в хозяйстве переходного типа.

Имеющийся недолголетний опыт функционирования советской денежной системы не дает еще достаточного материала для подробного анализа тех конкретных мероприятий, в которых находит свое выражение регулирование этого второго типа, регулирование денежного обращения со стороны общехозяйственного регулирования. Однако, уже в настоящее время с достаточной четкостью вскрываются три главнейших области регулирующей деятельности этого рода, без которой не представляется мыслимым функционирование советской денежной системы.

Во-первых, национализация и монополия внешнего товарооборота дает возможность широкого воздействия на складывающийся торговый (а, стало-быть, расчетный) баланс страны по

отношению к мировому хозяйству. Если в условиях капиталистического хозяйства задача поддержания интервалютарного курса валюты „австрийского“ типа ложится исключительно на плечи активной девизной политики эмиссионного банка (выполняющего в данном случае задание государства), то в условиях переходного хозяйства здесь на первое место выдвигается метод более прямого, а потому и более эффективного воздействия. Так, совершенно ясно, что при существующих ценностных соотношениях между мировым рынком и советским хозяйством никакая девизная политика не смогла бы справиться с задачей сохранения стабильного курса нашей валюты: торговый (а вследствие этого и расчетный) баланс страны давал бы хронический минус, сводящий на нет все усилия даже наиболее искусной девизной политики. Непосредственное регулирование хозяйственного процесса дает здесь результат, который оказался бы недостижимым при воздействии, ограничивающемся лишь узкой областью денежной оболочки, прикрывающей и охватывающей весь хозяйственный процесс.

Во-вторых, национализация и монополия кредитной системы открывает возможность непосредственного воздействия на количество денег во внутреннем обращении страны. В условиях капиталистической экономики эта задача выполняется методами дисконтной политики. Воздействие здесь направляется, таким образом, через стихийный механизм рынка; со стихией денежного обращения ведется разговор на ее родном, стихийном языке. В условиях монополии и национализации кредитного дела непосредственное регулирование эмиссии и непосредственное планирование кредита берут на себя выполнение той задачи, которая выпадает на долю дисконтной политики при капитализме. Принципиальное значение этого фактора заключается в том, что помимо воздействия на узкую область денежного обращения здесь применяется сознательное регулирование тех хозяйственных процессов, отображением которых, в сущности, лишь является эта область. Мы уже не говорим о том, что в наших современных условиях воздействие со стороны дисконтной политики оказалось бы чрезвычайно мало-эффективным; это обстоятельство, впрочем, в свою очередь обусловлено своеобразными чертами национализированного и монополизированного кредита.

В-третьих, наконец, обобществление крупной индустрии и значительной части внутреннего товарооборота страны позволяет в определенных случаях и при определенных условиях применить практику непосредственного регулирования уровня товарных цен в отношении довольно значительных товарных масс. Здесь мы точно так же имеем случай, принципиально отличающийся от всей практики регулирования денежной системы при капитализме, ибо воздействие этого рода направляется опять-таки не на механизм денежного обращения, а непосредственно на механизм ценообразования. Опыт проведения советской денежной реформы весной и летом 1924 г. показывает, что этот путь непосредственного регулирования хозяйственных процессов может сыграть серьезнейшую роль и выполнить существеннейшие задачи в критические моменты, образцом которых и был момент перехода к новой валюте. Однако, больше всего следует предостеречь против тех иллюзий, которые связаны (или, во всяком разе, могут быть связаны) с этим путем регулирования денежного обращения при помощи непосредственного воздействия на рыночные уровни цен. Если в отношении цены каждого отдельного товарного вида можно утверждать, что степень дефетишизации этой категории, степень превращения цены в „псевдоним планомерного распределения“ ресурсов прогрессирует в зависимости от фактического обобществления средств производства и обращения данного товарного вида, то существенно иначе складывается дело в отношении общего уровня товарных цен. Ведь цена является именно денежной формой товарной ценности; если вспомнить сравнение, которое мы приводили выше, то следует сказать, что именно здесь лицевая и оборотная сторона медали связаны между собою теснейшим образом. Денежная оболочка в сфере экономической действительности, хозяйственной практики, совершенно неотделима здесь от тех явлений, которые она облекает. Недаром, обычно, при анализе общего уровня цен указывается на необходимость (и в то же время трудность) теоретического разграничения между двумя родами причин, влияющих на изменение этого уровня: 1) причин, лежащих на стороне товаров и 2) причин, лежащих на стороне денег. В конкретной действительности мы имеем в виде общего уровня цен лишь общую результанту, равнодействующую многообразных причин обоих рядов, и лишь при помощи

абстрактно-теоретического анализа удается разделить эти два вида скрещивающихся сил, выделить один из этих рядов, абстрагируя временно от действия другого ряда. Общий уровень цен представляет собою, таким образом, специфический результат взаимодействия условий производства и обращения товаров, с одной стороны, и условий денежного обращения— с другой. Отсюда совершенно ясно, что даже обобществление значительной части производства и обращения товаров отнюдь еще не означает возможности сознательного управления общим уровнем цен, вне всякой зависимости от условий денежного обращения. А полная рационализация денежного механизма, как мы уже отмечали выше, означала бы вообще уничтожение денег, как экономической категории, замену денег расчетными знаками всесторонне-организованного общественного хозяйства. А совершенно бесспорно, что такое состояние достижимо лишь в историческом конечном пункте развития переходного хозяйства, в момент его перехода в хозяйство социалистическое.

В условиях капиталистического хозяйства всякая устойчивая валюта должна быть тем или иным порядком связана с денежным товаром, конкретнее говоря, с золотом. Народно-хозяйственное значение так называемой твердой или устойчивой валюты колоссально. Оно заключается в том, что почти совершенно элиминируются (исключаются) те воздействия и влияния на общий уровень цен, которым последний подвергается со стороны денежной системы. Подобного рода влияния в виде общего правила при валюте связанного типа имеют место лишь в случаях (достаточно редких) сильных изменений ценности золота. Подобный пример мы имеем в послевоенную эпоху. Но и в этих случаях общий уровень цен претерпевает под влиянием революции в ценности золота одинаковые изменения во всех странах, имеющих связанную с золотом валюту. Это обстоятельство имеет колоссальное значение с точки зрения международно-хозяйственного положения каждой страны.

Возникает вопрос, имеющий большое принципиальное значение: должна ли быть связана в той или иной форме с золотом валютная система переходной экономики, чтобы обладать такой же степенью устойчивости, какой в условиях капитализма обладает связанная денежная система? — Необходимо оговориться, что здесь не ставится вопрос о конкретных

формах связи валютной системы переходного хозяйства с золотом. Совершенно естественно, что этот последний вопрос даже в практике капиталистического хозяйства допускает целый ряд самых разнообразных практических решений, начиная с ортодоксальной (с точки зрения старого металлизма) системы золотого обращения и кончая самыми тонкими способами поддержания твердого интервалютарного курса, свойственными „валюте с золотым основанием" („Goldkernwährung") или „валюте с золотой каймой" („Goldrandwährung"). Весьма вероятно, что к этим разнообразным методам связи валюты с золотом, известным и капиталистическому хозяйству, практика переходного хозяйства прибавит еще более комплицированные (сложные) способы и мероприятия. Вопрос о конкретной форме подобного рода мероприятий мы в данной связи оставляем в стороне, равно как и вопрос о пользе или вреде, необходимости или ненужности тех мероприятий, которые проводились в практике регулирования советской денежной системы в течение истекшего периода времени. Опыт в этом отношении еще настолько мал и небогат, что вряд ли на его основании могли бы быть сделаны какие-либо выводы, претендующие на общезначимость. Делать же выводы, которые пришлось бы на завтра же заменять прямо противоположными, не входит в наши намерения.

Что же касается принципиального вопроса о том, нужна ли связь с золотом для устойчивой валюты в переходном хозяйстве, то на этот вопрос может быть дан лишь один ответ. Выше приведенные теоретические соображения показывают с достаточной ясностью, что эта связь нужна, что она необходима. Полная эмансипация нашей денежной системы от золота является теоретически совершенно незащитимой иллюзией. Разумеется, размеры вредных последствий этой иллюзии в зависимости от конкретных обстоятельств могут значительно колебаться, временами сводясь к нулю; теоретическая же несостоятельность этого воззрения от этого нисколько не уменьшается.

Теоретически можно было бы себе представить такое положение, когда при помощи особо предусмотрительного и жесткого планирования нам удалось бы сохранять расчетный баланс по внешней торговле неизменно активным. В этом случае советская валюта не появлялась бы вовсе

на мировом рынке, и не было бы необходимости в сохранении резервных золотых фондов для активной девизной политики, требуемой расчетными отношениями с заграницей. Теоретически можно было бы себе представить подобное же положение на внутреннем рынке страны, когда хозяйственный процесс оказался бы в результате всестороннего и полного планирования освобожденным от всяких конъюнктурных колебаний, от всяких сезонных факторов, — одним словом, от всяких элементов стихийности. „Если бы эти две задачи были практически разрешены, то потребность в золотом запасе была бы сведена на нет“ [1].

Совершенно очевидно, однако, что подобного рода задачи абсолютно неразрешимы на тех ступенях переходного хозяйства, на которых мы ныне пребываем. Всякая попытка постановки перед планированием задач подобного размаха могла бы окончиться лишь такими глубокими потрясениями, которые обошлись бы народному хозяйству неизмеримо дороже затрат, требуемых задачами поддержания связи советской валюты с золотом в наиболее целесообразной и экономной, разумеется, форме.

В конце-концов вопрос о связи или эмансипации советской денежной системы от золота является одной из частей общего вопроса о значении резервов в хозяйстве переходного типа. Совершенно очевидно, что никакие резервы не нужны, если имеется полная гарантия бесперебойного хода работ всего хозяйственного организма в целом и в каждой из его составных частей в отдельности, если все течение хозяйственного процесса до конца рационализировано, а всякие элементы стихийности, иррациональности, неорганизованности изгнаны до конца и бесповоротно. Нет сомнения, что при таких обстоятельствах всякий резерв болтался бы мертвым грузом на хозяйственном теле страны; политика исключения из хозяйственного процесса определенных масс хозяйственных благ, могущих быть использованными с пользой для дела, представлялась бы в таком случае чрезвычайно мало остроумной. Если же в настоящее время можно считать совершенно бесспорной необходимость определенных резервов в самых различных областях хозяйственной жизни, то это

[1] Л. Шанин. „Денежная система СССР в свете марксистской теории“, М. 1925, стр. 131—132.

показывает лишь, что на настоящей ступени нашего развития задача полного исключения элемента стихийности, полной рационализации всего хозяйства „без остатка“ признается всеми не только не выполненной, но и вообще **невыполнимой**. Речь может итти, разумеется, о более удачном планировании или менее удачном, о некотором усилении или, напротив, ослаблении планирующего влияния и воздействия. О достижении же полной плановости всего хозяйства не может быть речи потому, что это, по существу, означало бы немедленный переход с сегодня на завтра к законченному социалистическому хозяйственному строю. Но самая постановка вопроса о **переходном** хозяйстве показывает, что подобный переход с сегодня на завтра признается неосуществимым.

Связь валюты с золотом является наиболее **всеобщей** формой хозяйственного резерва подобно тому, как денежная форма ценности является наиболее всеобщей формой товарной ценности. Но если необходимость частных резервов на различных участках хозяйственного поля не подлежит сомнению, то еще более несомненной, казалось бы, должна быть необходимость наиболее всеобщей и всеохватывающей формы хозяйственного резерва. Если же в действительности именно по этому вопросу разгораются достаточно страстные споры, то корень этого, на первый взгляд, странного обстоятельства лежит в чрезвычайной сложности вопросов денежного обращения, с одной стороны, и в широком распространении неверных взглядов в этой области экономической теории — с другой.

3.

Мы упоминали выше о своеобразном направлении „советского номинализма“. Под этим направлением мы подразумеваем довольно многочисленную группу экономистов, которые в той или иной степени стоят на точке зрения возможности полной эмансипации устойчивой валюты переходного хозяйства от золота. Вообще номиналистический подход к явлениям денежного обращения заключается в основном в том, что деньги рассматриваются, как простой расчетный знак. Таким образом, исчезает специфичность экономической категории денег, затушевывается та роль, которую выполняют деньги, как всеобщая форма проявления ценностных законов в обществе

стихийного, неорганизованного типа. Основная ошибка но налистов заключается, таким образом, в незаконном абстрагировании от стихийного, неорганизованного характера товаропроизводящего общества. На место последнего номинализм мысленно подставляет общество организованного типа. Если в таком общественном хозяйстве не остается места для существования экономической категории денег, то зато **только** в таком типе хозяйства мыслимы те расчетные знаки, которые составляют предмет изысканий номиналистов-теоретиков [1].

Своеобразие „советского номинализма" заключается в том, что номиналистический подход к деньгам в данном случае применяется не по отношению к хозяйству товарно-капиталистического типа, а по отношению к экономике переходного характера. Несостоятельность же этого своеобразного „советско-номиналистического" подхода обусловлена тем, что хозяйство переходного типа не является еще всесторонне организованным и натурализованным общественным хозяйством; значительный остаток стихийных элементов в хозяйстве, сохранение товарно-ценностной формы вызывают необходимость не в расчетных знаках, а именно в деньгах, как определенной экономической категории. Эта категория была анализирована еще Марксом, и нет решительно никаких оснований отказываться ныне от основного результата этого анализа, прослеживающего развитие денег из товара и определяющего взаимоотношения между деньгами и товарами.

Насколько предпосылка полной всесторонней и всеохватывающей организованности народного хозяйства заслоняет грешную действительность переходного хозяйства перед глазами представителей советско-номиналистического направления, показывает следующий пример. Один из виднейших наших экономистов приводит цитату из Маркса, оговаривая, что она „как бы специально написана для нас". Основное положение этой цитаты заключается в следующем:

> „Вся история современной промышленности показывает, **что если бы производство внутри каждой страны было организовано**, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу

[1] См. об этом подробнее **нашу** работу „Государственная теория денег", в сб. „Проблемы теоретической экономии", М. 1925, в особенности гл. 6 и 9.

по балансу международной торговли, раз равновесие ее в данный момент нарушено" [1].

Эту цитату автор „очень рекомендует вниманию наших финансистов" [2]. Нам остается лишь горячо присоединиться к этому совету. Ведь совершенно ясно, что это положение Маркса, если не прямо, то косвенно бьет сторонников полной эмансипации советской денежной системы от золота беспощадным образом. В самом деле, ведь предпосылкой Маркса здесь является полная, всесторонняя и законченная организованность общественного хозяйства „внутри каждой страны"; лишь при осуществлении этой предпосылки золото потребуется только для платежей по внешне-торговому балансу. Нужно ли еще доказывать, что эта предпосылка вовсе не написана „как бы специально для нас", что наша современная экономическая действительность существеннейшим образом отличается от той картины, о которой здесь говорит Маркс [3]. Если эта цитата и „написана, как бы, специально для нас", то только в том смысле, что из нее необходимо сделать следующий вывод: поскольку мы еще далеки от достижения полной и всеохватывающей организованности производства внутри страны, металл необходим не только для платежей по внешне-торговому балансу; на его долю остается еще ряд других функций в денежной системе переходной экономики. Не беремся судить, насколько такой вывод входит в расчеты т. Преображенского, „рекомендующего" разобранную цитату из Маркса: во всяком случае этот вывод из данной цитаты вытекает с полнейшей неизбежностью.

Совершенно бесспорно, что после достижения полной организованности хозяйства в рамках какой либо страны, золото было бы ей необходимо лишь для выплаты сальдо по ее международной торговле. Совершенно бесспорно также, что после достижения полной организованности мирового социалистического хозяйства золото не понадобится и для этой функции. Тогда можно будет, по совету Ленина, построить

---

[1] „Капитал", т. III, ч. 2, стр. 56; разрядка наша.

[2] Е. Преображенский. „Новая экономика", I-ое издание, 1926 г., стр. 203.

[3] На это обстоятельство уже обратил внимание т. М. Бронский в своей статье „Современные проблемы денежного обращения и кредитной политики", помещенной в „Соц. Хозяйстве", № 3 за 1926 г.

из золота общественные уборные на крупнейших площадях мировых столиц социалистического человечества. Но ведь никому не придет в голову, на основании совета Ленина, предложить употребить золотой фонд Советского Союза на постройку уборной на одной из московских площадей в настоящее время. Причина — отсутствие той предпосылки, осуществление которой должно предшествовать выполнению совета Ленина. Точно так же нельзя из разобранного положения Маркса сделать вывод, будто уже в настоящее время золото необходимо советскому хозяйству только для международных расчетов. Причина: еще не осуществилась та предпосылка, которая является необходимым предварительным условием для подобного вывода. Величие Ленина, как революционного теоретика пролетариата, заключается не только в том, что он всеми фибрами своей души ненавидел капиталистический строй эксплуатации и гнета, но и в том, что он с исключительной трезвостью отдавал себе отчет в том, как далеко мы в каждый данный момент продвинулись в борьбе с этим строем, в создании нового порядка.

В современной экономической литературе, трактующей проблемы советского денежного обращения, приходится довольно часто встречать утверждения или соображения, чрезвычайно типичные для номиналистической теории денег в том виде, как она сложилась с давнейших времен. Вот один из многочисленных примеров подобного рода рассуждений, достаточно характерный и яркий:

> „При твердом курсе валюты, обеспеченном свободным разменом — скажем, на золото — никакие товары не могут ведь подняться в цене только потому, что эмиссионный банк, просчитавшись, выпустит в обращение больше банковых билетов, чем их требуется для оборота. Избыток денег, как нас учат школьные учебники, попросту будет вытолкнут при этом из оборота, превращенный в „сокровища“ без всякого влияния на цены. Так почему же вы допускаете иное только потому, что роль золота в нашем разменном фонде призваны выполнять железо, сталь, медь и тому подобные товары?“ [1].

[1] С. Струмилин. „На хозяйственном фронте“, стр. 166.—Статья, из которой взято это место, относится к дискуссии вокруг денежной реформы 1924 г. Так как эта статья перепечатана, однако, без изменений в сборнике, то мы можем предполагать, что имеем перед собою

Каждый экономист, знакомый с денежно-теоретической литературой, без особого труда заметит, что такого рода рассуждения, как две капли воды, похожи на обычные доводы номиналистов, отрицающих необходимость (или наличие) самостоятельной ценности денег. Этот аргумент в полном смысле слова гуляет по всей номиналистической литературе о деньгах, начиная с сочинений Беркли и Джемса Стюарта, а также авторов утопии „рабочих денег", ошибки которых в свое время разбирал Маркс, и кончая Бендиксеном, Эльстером и всей плеядой современных номиналистов. Разница заключается, однако, в том, что буржуазный номинализм применяет этот аргумент к обычному капиталистическому хозяйству, между тем как современный „советский номинализм" имеет в виду хозяйство переходного типа. Разница — чрезвычайно важная и существенная; ведь в целом ряде областей экономики нам приходится теоретические проблемы ставить совершенно по-иному в применении к советскому хозяйству, чем по отношению к хозяйству капиталистическому. Поэтому одна лишь ссылка на сходную с номиналистами аргументацию сама по себе еще не решает дела. Необходимо присмотреться к вопросу по существу. Необходимо решить, сохраняет ли свою силу в условиях советского хозяйства та критика, которой марксизм подвергает номиналистическую теорию денег.

В своей „Критике политической экономии", в особом экскурсе, посвященном „теориям единицы денежной меры", Маркс писал по поводу интересующего нас вопроса:

> „Каждый товар является непосредственно деньгами. Это была теория Грея, выведенная из его неполного, а потому неверного анализа товара... Догмат, по которому товар непосредственно является деньгами, или заключеный в нем особый труд частного лица непосредственно представляет общественный труд, конечно, не сделается истиной потому, что банк верит в него и сообразно с ним поступает. Скорей банкротство в этом случае приняло бы на себя роль практической критики" [1].

не случайную обмолвку в пылу полемики, а утверждение, чрезвычайно характерное для определенного подхода к явлениям денежного обращения СССР.

[1] К. Маркс. „К критике политической экономии", изд. 1907 г. стр. 73—74.

Корень ошибки заключается, стало-быть, в неполном и недостаточном анализе товарной формы. Характерная особенность последней заключается в противоречии между частным и общественным трудом, заложенным в товаре. Товар не является непосредственно деньгами. Товар — это прежде всего продукт частного труда, который превращается в овеществление труда общественного лишь в момент своей реализации; деньги, напротив, являются специфической формой общественного труда.

Вопрос заключается, следовательно, в том, сохраняется ли противоречие товарной формы и в условиях советского хозяйства, в системе переходной экономики. Нам представляется, что в тех секторах хозяйства, где товарная форма является лишь формой проявления новых производственных отношений более высокого типа, в корне отличающихся от производственных отношений обычного товаропроизводящего хозяйства, это противоречие уничтожается. В этих случаях продукт частного труда именно непосредственно является овеществлением труда общественного; товарная форма здесь служит лишь прикрытием совершенно новых отношений производства. Именно так обстоит дело, если брать внутренние отношения обобществленного сектора. Но не следует забывать ни на минуту, что эти отношения в конкретной действительности не существуют в изолированном виде; мы можем их изолировать лишь при помощи абстракции. Что же касается до всей массы остальных случаев, то там товарная форма не является одной лишь формой проявления; там она прикрывает производственные отношения, либо целиком расположенные в области максимального господства стихийных законов рынка (отношения внутри частно-хозяйзяйственного сектора), либо подверженные во всяком случае большему или меньшему влиянию и воздействию экономической стихии (отношения между обобществленным и необобществленным хозяйством). Именно это своеобразное положение имеется в виду, когда говорится, что элементы стихийности еще сохраняются в переходной экономике, что современное советское хозяйство еще далеко не представляет собою всесторонне и целиком организованного народно-хозяйственного организма. Но раз так, то и противоречие товарной формы в переходном хозяйстве не может считаться уничтоженным, и „догмат, по которому товар непосредственно является деньгами“, должен

быть признан ошибочным в применении к советской экономике.

Условия товарного голода, характеризующегося хроническим отставанием предложения товаров от спроса на них, несколько затушевывают основное противоречие товарной формы в современной обстановке. Товары рвут из рук, задержки в реализации не ощущается; частный труд так легко превращается в труд общественный, что противоречие между этими двумя видами труда иной раз невольно забывается. Нет сомнений, что товарный голод не является вечным спутником советского хозяйства. Его ликвидация не будет означать, правда, неизбежности заминок и кризисов сбыта. Напротив, при правильной плановой политике значительные потрясения вполне могут быть избегнуты. Все же возврат от товарного голода к нормальным условиям реализации товаров создаст условия для более наглядного усвоения противоречия товарной формы.

В настоящих же условиях „роль практической критики", о которой говорил Маркс, выпадает на долю другой стороны проблемы. Речь идет о количественных пределах денежного обращения, об эмиссионной проблеме, о проблемах инфляции и дефляции. Этот круг вопросов чрезвычайно усложняется в обстановке переходного хозяйства с характерным для него сплетением элементов сознательного регулирования и воздействия экономической стихии. Но с точки зрения затронутой нами „товарной концепции" советской валюты [1] эти вопросы представляются совершенно неразрешимыми. Так как связанность валюты с золотом в какой-либо форме этой концепцией исключается и отвергается, то в качестве единственной основы стабильности денег выступает государственная регламентация общего уровня цен [2]. Щекотливые вопросы о том, что случится с „зафиксированным уровнем" товарных цен при избытке денег в обращении и в каком именно случае надлежит признать наличие этого избытка, не могут быть разрешены „товарной концепцией" советского рубля иначе, как в духе

---

[1] „Говоря строго, мы имеем в нашем денежном обращении настоящий товарный рубль".— С. Струмилин. „На хозяйственном фронте", стр. 157.

[2] „Зафиксированный уровень оптовых цен государственной промышленности — вот, повидимому, все, что требуется для устойчивости нашей валюты". С. Струмилин. „На хоз. фронте", стр. 158.

вульгарной количественной теории, дающей всегда голое **описание** вместо теоретического объяснения. Что такое инфляция? Это то состояние денежного обращения, когда денег выпущено больше, чем их требуется для оборота при: 1) данном („зафиксированном“) уровне цен, 2) данном размере товарооборота и 3) данной скорости обращения (отвлекаясь от более второстепенных обстоятельств). Что случится при этакой инфляции? Сторонник „товарной теории“ советской валюты вынужден ответить: при „лошадиной дозе“ инфляции получится товарный голод (ибо ведь уровень цен „зафиксирован“), при более же мягкой форме инфляции замедлится скорость обращения денег [1]. Нетрудно заметить, что какая-либо попытка теоретического объяснения здесь заменяется голым описанием. Подобный ответ разделяет все недостатки некритического описания и, прежде всего, полную невозможность расчленить влияние различных причин, могущих вызвать одинаковые следствия. Так, товарный голод, как известно, может оказаться следствием не только инфляции, но и причин, лежащих вне узкой сферы денежного обращения. Далее, при любом „зафискированном“ уровне оптовых цен инфляция дает о себе знать при помощи повышения цен, хотя бы розничных, что особенно легко случается именно в обстановке товарного голода. Наконец, что касается скорости обращения, то это, как известно, палка о двух концах. В некоторых случаях легкое возрастание денежной массы (в особенности при наличии **стабильной**, связанной с металлом валюты), действительно, на первых порах приводит к замедлению обращения денег, росту остатков на текущих счетах и т. п. Зато в многочисленных иных случаях возрастание денежной массы сразу колеблет стабильность валюты, что в свою очередь вызывает тотчас же ускорение оборота денег. Голое описание не дает абсолютно никакого критерия для суждения о том, наступление какого из этих противоположных следствий является более вероятным.

Знакомство с основными „догматами“ „советско-номиналистического“ подхода к теоретическим проблемам денежного обращения приводит нас к выводу, что марксова критика старого номинализма сохраняет свою силу в решающих пунктах и в отно-

---

[1] С. **Струмилин**. „На хоз. фронте“, стр. 159—161: „при относительном избытке денег эта скорость будет падать“.

шении этого своеобразно воскресшего номиналистического направления. Номиналистический подход к денежной системе переходной экономики в общем и целом так же неправилен, как и в отношении экономики товарно-капиталистической. Системы хозяйства различаются коренным образом, ошибка же номинализма остается та же.

4.

Вопрос о роли и значении кредитного механизма в деле социалистической перестройки хозяйства привлекал к себе внимание социалистов с довольно давнего времени. Среди утопических проектов осуществления социализма увлечение банковской системой и преувеличенные надежды на нее играют довольно серьезную роль. Но и представители научного социализма, начиная с Маркса, считали, что кредитная система окажется в состоянии выполнить определенные функции в деле процесса обобществления хозяйственной жизни.

„Банковая система, — писал Маркс, — со стороны ее организационных форм и централизации . . . представляет самое искусное и совершенное произведение, к какому вообще способен капиталистический способ производства... Банковое дело, несомненно, создает форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форму“ [1].

Отсюда Маркс делал вывод о важной роли кредита в процессе социалистической трансформации хозяйства, в то же время разоблачая мелкобуржуазные иллюзии насчет чудодейственного значения кредита, взятого изолированно [2]. Относящееся сюда рассуждение Маркса часто цитируется; тем не менее, мы считаем нелишним привести его в данной связи:

---

[1] Вера в чудодейственную силу кредита, как обобществляющего и социализирующего начала, встречается в некоторых кругах и в нынешнее время; на-ряду со своеобразным „денежным утопизмом“ (Зильвио Геззель и его направление) и „земельным утопизмом“ (Франц Оппенгаймер и его школа) попадается и „кредитный утопизм“. — См. напр., Robert Deumer, „Die Verstaatlichung des Kredits“, 1926.
[2] К. Маркс. „Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 147.

„Не подлежит... никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда — однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела, как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит, как таковой, не имеет уже никакого смысла — это показали, впрочем, даже сен-симонисты. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать, как одна из его форм, и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы. Лишь такой сенсационный писатель, как Прудон — тот самый Прудон, который хотел сохранить товарное производство, уничтожив деньги — был способен создать чудовищную фантазию дарового кредита („credit gratuit"), долженствовавшую осуществить благопожелания мелкобуржуазной точки зрения" [1].

Таким образом, Маркс устанавливает здесь следующие три положения: 1) пока капиталистический способ производства существует в своей неприкосновенности, кредитная система не в состоянии выполнить социалистические „благопожелания" утопистов; 2) после полного уничтожения капитализма „кредит, как таковой, не имеет уже никакого смысла"; 3) зато в самом процессе перехода к „способу производства ассоциированного труда" кредитная система послужит „мощным рычагом" на-ряду и в связи „с другими великими органическими переворотами в самом способе производства".

Если уже в доимпериалистическую эпоху капиталистического развития прозорливый взор Маркса раскрывает все значение кредитной системы, то период империалистического

[1] К. Маркс. „Капитал", т. III, ч. 2, стр. 148.

перерождения капитализма обнаруживает с еще большей яркостью и бесспорностью громадную роль кредита. Характерно, что с самого начала февральской революции Ленин, в полном согласии с вышеприведенными взглядами Маркса, в целом ряде своих программных выступлений подчеркивает необходимость обобществления кредитного механизма в качестве одного из первых практических шагов к социализму. Еще в своих знаменитых „апрельских тезисах“, написанных, как известно, на другой день после приезда в Россию, Ленин в качестве одного из важнейших требований партии выставляет следующий пункт:

„Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.“ [1].

В программной брошюре „Задачи пролетариата в нашей революции“, написанной также в апреле 1917 г., Ленин выдвигает требование национализации банков на-ряду с национализацией синдикатов и трестов.

„Такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление немедленного контроля за ними Советов Рабочих Депутатов и т. п., отнюдь не будучи „введением социализма“, должны быть безусловно отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы. Вне таких мер, которые являются лишь шагами к социализму и которые вполне осуществимы, экономически, невозможно лечение ран, нанесенных войной и т. д.“ [2].

Далее, в своем „Проекте изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы“, написанном в том же апреле 1917 г., Ленин посвящает специальный пункт требованию национализации банков. Он дает этот пункт в следующей формулировке:

„Высокая ступень развития капитализма, уже достигнутая в банковом деле и в трестированных отраслях промышленности, с одной стороны, а с другой стороны, разруха, созданная империалистической войной и ото-

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 19.
[2] Ленин. Там же, стр. 51—52.

всюду вызывающая требования государственного и общественного контроля за производством и распределением важнейших продуктов, побуждает партию требовать национализации банков, синдикатов (трестов) и т. п.“ [1].

Минуя целый ряд других документов и статей той эпохи, в которых в том или ином виде фигурирует требование национализации банков, мы упомянем лишь об одной работе Ленина, относящейся к периоду, непосредственно предшествовавшему Октябрьской революции, и имеющей чрезвычайно важное значение для суждения о том, как Ленин представлял себе самые первые шаги в хозяйственной области, необходимые для перехода к социалистическому строительству. В брошюре „Грядущая катастрофа и как с ней бороться“ Ленин начинает перечисление „главнейших мер“, необходимых для предотвращения краха, следующим пунктом:

„Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков“ [2].

В обоснование этого требования Ленин писал:

„Банки, как известно, представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства. Говорить о «регулировании экономической жизни» и обходить вопрос о национализации банков значит либо обнаруживать самое круглое невежество, либо обманывать «простонародье» пышными словами и велеречивыми обещаниями, при заранее обдуманном решении не исполнять этих обещаний. Контролировать и регулировать доставку хлеба или вообще производство и распределение продуктов, не контролируя, не регулируя банковых операций, это бессмыслица“.

Совершенно естественно, что национализация банков была проведена сразу же после Октябрьской революции. Однако, в дальнейшем, роль кредитной системы не могла сколько-нибудь широко развернуться. Всеобщая финансовая разруха, хаос в области денежного обращения служили

---

[1] Ленин, Собр. соч. т. XIV, ч. I, стр. 119.
[2] Там же, ч. 2, стр. 182.

непреодолимым препятствием (которое еще усугублялось трудностью овладения банковским аппаратом, саботажем чиновников и пр.) в течение первых месяцев советской власти. А затем наступает полоса военного коммунизма, когда общий курс на натурализацию хозяйственных отношений приводит к ликвидации кредитного аппарата, как такового; банковские учреждения заменяются расчетными отделениями Наркомфина. Лишь после перехода к новой экономической политике создаются основные предпосылки, при которых значение кредитной системы в деле социалистического хозяйственного строительства встает во весь рост. Вновь оживший, при первых же шагах реорганизации народного хозяйства на новых началах, кредитный аппарат сыграл существеннейшую роль в процессе восстановления народного хозяйства, который составлял содержание истекшего периода нэпа. На основании имеющегося опыта могут быть сделаны некоторые более конкретные обобщения по поводу роли и функций кредитной системы в условиях переходного хозяйства, а также некоторые суждения насчет модификации экономических законов, управляющих кредитом.

5.

В капиталистическом хозяйстве кредит, вопреки мнению некоторых экономистов, не создает новых капиталов. Функции кредитного механизма могут быть сведены к двум группам; они сводятся к задачам: 1) экономии капитала в процессе обращения и 2) его всесторонней организации. Эти функции достаточно обширны и важны для всей жизни капиталистического народно-хозяйственного организма; выполнение этих функций доставляет кредитному аппарату то серьезное внимание, которое он завоевывает себе в ходе капиталистического развития. Естественно, каждая из этих двух групп задач, выполняемых кредитной системой, может быть подразделена на целый ряд отдельных функций; так, к задачам организации капитала следует отнести как собирание и объединение мелких сбережений и превращение их в действующий капитал, так и деятельность банков в области организации капиталистических объединений, монополий, финансовых связей и т. п. Если при выполнении своих задач экономии капитала кредит играет сравнительно пассивную

роль, то выполняемые им задачи организации капитала носят боевой, активный, наступательный характер. Кредит, как организатор капитала, выступает застрельщиком капиталистического способа производства; кредитная система служит здесь орудием всестороннего распространения капиталистических отношений; наконец, кредитный аппарат здесь является провозвестником новых форм, новых начал, новой стадии капиталистического развития — эпохи финансового капитала.

Функции кредита в условиях переходной экономики могут быть в основном сведены к тем же двум разрядам; задачи кредита сводятся, с одной стороны, к экономии средств в процессе обращения, а, стало-быть, и в ходе производственного процесса, взятого в целом, а с другой стороны — к их всесторонней организации. Задачи экономии средств производства и обращения здесь отчасти аналогичны задачам сбережения капитала в условиях капиталистического хозяйства, отчасти же являются продолжением и завершением того процесса, который в основных чертах намечается еще в рамках капиталистического хозяйства. Кредитный аппарат является прообразом общественной бухгалтерии будущего социалистического хозяйства. Разумеется, полное превращение кредитной системы в общественную бухгалтерию может иметь место лишь после того, как завершится процесс обобществления и натурализации хозяйственных отношений, отомрет товарно-ценностная форма, будут уничтожены деньги, как экономическая категория, и кредит, как таковой, „не будет иметь никакого смысла", выражаясь словами Маркса. Лишь тогда банковая система сможет окончательно превратиться в общественную бухгалтерию. Этот процесс, однако, нельзя себе представлять в виде единовременного акта; напротив, в течение периода переходной организации хозяйства беспрестанно происходит рост функций общественного счетоводства в кредитной системе, соответствующий общему росту процесса обобществления в хозяйственной жизни. Кредитная система открывает широкие возможности росту безденежных расчетов; ее монопольная организация в переходном хозяйстве открывает особенно широкие перспективы в замене денежных расчетов между хозрасчетными единицами государственного (и вообще обобществленного) хозяйства простыми бухгалтерскими записями, при чем на долю денег в этих случаях остается лишь покрытие итоговых сальдо. Распространение безденежных

расчетов, являющееся наиболее общей формой экономии средств обращения, достигаемой при помощи кредитной системы, само по себе нисколько не знаменует освобождения от денежной формы, от специфической „власти денег“ в хозяйстве. Для ликвидации денежной формы, как мы видели выше, необходимо другое, необходима натурализация хозяйственных отношений и уничтожение товарно-денежной формы. Все же замена денежных расчетов безденежными бухгалтерскими записями в счетоводстве кредитного механизма является одним из ручейков, которые сливаются в единый поток натурализации хозяйственной жизни по мере того, как продвигается вперед обобществление производственного процесса.

Широкое развитие и распространение безденежных расчетов чрезвычайно характерно для новейшего капитализма, в котором кредитная система завоевывает себе весьма почетное место. Передовые капиталистические страны дают картину чрезвычайно быстрого роста расчетных операций банков за последние десятилетия. Распространение этой системы расчетных банковских операций служит главнейшим путем, при помощи которого кредитный механизм выполняет свою функцию экономии капитала. По форме рост безденежных расчетов в советской экономике не отличается от аналогичного процесса в условиях передового капитализма. Зато по существу, в смысле экономического содержания, разница между обоими процессами огромная, ибо распространение безналичных расчетов в переходном хозяйстве означает постепенное продвижение по пути дефетишизации производственных отношений, по пути перерождения кредитной системы в аппарат общественного счетоводства.

Естественно, что распространение расчетных операций могло широко развернуться в советском хозяйстве лишь наряду с развитием кредитной системы и установлением твердой валюты. Недостатки банковской статистики лишают нас возможности дать полную картину этого процесса; некоторые характерные данные все же могут быть приведены. Отдел взаимных расчетов при правлении Госбанка имел следующий оборот:

1923—1924 г.	1 057 милл. руб.
1924—1925 г.	4 919 милл. руб.
1925—1926 г. (первые 3 кварт.)	3 313 милл. руб.

По правлению Промбанка имеются сведения, показывающие что в кассовом обороте лишь 8% составляют наличные, остальные же 92% падают на долю безденежных расчетов; процент денежных расчетов на периферии, по данным того же банка, в 2—2½ раза выше [1].

Зато вторая группа задач, выполняемых кредитной системой, носит в условиях переходного хозяйства совершенно специфический характер. Если задачи организации капитала в условиях капиталистической экономики служат целям сохранения, распространения и развития капитализма, то в условиях переходного хозяйства перед кредитной системой встают задачи содействия и активной помощи процессу перестройки хозяйственных отношений. Задачи организации средств в условиях переходного хозяйства приобретают совершенно новый оттенок, окрашиваются в принципиально новые цвета. В условиях борьбы между социалистическими и несоциалистическими элементами и тенденциями в хозяйственной жизни кредит, находясь в монопольном обладании социалистического сектора хозяйства, играет роль мощного орудия в деле социалистической перестройки хозяйства.

Большинство задач, выполняемых кредитом в этом отношении, лежит на стыке между обобществленным и частно-хозяйственным секторами переходной экономики. Что касается функций, выполняемых кредитом в области организации средств в пределах одного лишь обобществленного сектора хозяйства, то они способствуют укреплению и усилению этого сектора. Сюда относится работа по перемещению, перераспределению средств между отдельными хозяйственными отраслями, проводимая кредитным аппаратом в соответствии с общими плановыми решениями и заданиями. Быстро перемещая средства на те участки хозяйственного поля, которые наиболее в них нуждаются, кредитная система усиливает боеспособность всего обобществленного сектора в целом. Сезонные передвижения временно освобождающихся в процессе обращения средств играют здесь серьезную роль, которая выполняется кредитом, как специальным аппаратом распределения и организации хозяйственных ресурсов. С другой стороны, в области распределения накопляемых обобществленным сектором ресурсов кредит выполняет функцию технического аппарата,

---

1) „Экон. Жизнь", № 33 от 10 февраля 1927 года.

действующего по указаниям и под непосредственным руководством органов, планирующих и регулирующих производство в обобществленном секторе.

Работа, выполняемая кредитной системой в области взаимоотношений между обобществленным и частно-хозяйственным кругами переходной экономики, может быть разделена, при теоретическом рассмотрении, на части, расположенные по трем направлениям. Роль кредита, как орудия в деле социалистической трансформации хозяйства, здесь проявляется: 1) в использовании средств частно-хозяйственного накопления путем их передачи в обобществленный круг хозяйства, 2) в планирующем воздействии на стихию частного хозяйства и 3) в обобществляющем влиянии на мелкое товарное хозяйство. Остановимся в кратких чертах на каждом из этих направлений.

В смысле собирания средств, накопляемых частным хозяйством, и их использования для усиления обобществленного хозяйства, кредит выполняет одну часть общей задачи, другие части которой выполняются: 1) бюджетом и 2) политикой цен. Нет никакого сомнения, что по сравнению с другими двумя методами, путь кредита является наиболее гибким, но зато и наиболее трудным. Изъятие частно-хозяйственных накоплений при помощи налоговой политики несравненно проще и эффективнее; зато бюджетный метод наталкивается на сильнейшее сопротивление облагаемых хозяйств. Политика цен также до поры до времени может служить довольно эффективным средством перекачки средств из частного хозяйства в обобществленный круг. Зато политика высоких цен: 1) представляет самый несправедливый из всех видов косвенных налогов, ложась всей своей тяжестью как раз на социально-близкие нам элементы бедняцкого и середняцкого хозяйства в деревне, на потребительские хозяйства рабочего населения в городе; 2) очень быстро достигает и переходит пределы своей экономической эффективности, приводя к заминкам и кризисам сбыта и т. п.

Если политика высоких цен явилась бы наименее удачным методом перемещения средств из области частного хозяйства в область обобществленного хозяйства, то между двумя другими путями — бюджетом и кредитом — устанавливается своеобразное разделение труда. Рычаг бюджета пускается в ход, главным образом, по отношению к капиталистическим эле-

ментам частно-хозяйственного круга, тогда как на долю кредита выпадает, главным образом, задача мобилизации средств мелкого товарного хозяйства, частично —средств частного потребительского хозяйства. Что касается элементов частно-капиталистического хозяйства, то их участие в системе коммерческого кредита до настоящего времени не дает сколько-нибудь серьезного превышения банковского пассива над активом: в общем и целом текущие счета и вклады частного капитала в нашей кредитной системе уравновешиваются отпускаемыми ему кредитами. Ждать роста частно-капиталистических вкладов не приходится, ибо заемный процент на частном денежном рынке несравненно выше процентных ставок нашей кредитной системы. Несколько охотнее частный капитал идет в область государственного кредита (госзаймы и проч.); все же остается бесспорным, что наиболее широкие перспективы перед кредитной системой открываются именно в деле собирания средств мелкого товарного хозяйства.

Что в условиях нашей страны с ее миллионами распыленных хозяйств, речь идет в этом отношении о величинах далеко не шуточного порядка, показывает тот факт, что остаток вкладов на 1 января 1914 года в сберегательных кассах России составлял круглую сумму в полтора миллиарда рублей. Число сберегательных касс составляло 7 000, число вкладчиков —7,5 милл., в том числе крестьян было 30%, и им принадлежало 28% всей суммы вкладов. Нет сомнения, что при быстро растущем благосостоянии широких слоев населения перед сберегательным делом в современных условиях открываются широкие возможности. Как еще мало в этом отношении сделано, показывают следующие данные: на 1 декабря 1926 года остаток вкладов составлял 101 милл. руб., при числе вкладчиков 1,4 милл. и числе сберкасс—15 000, при чем крестьяне составляли около 7—8% числа вкладчиков, и им принадлежало около 6—7% всей суммы вкладов[1]. Таким образом, перспективы расширения и развития сберегательного дела еще весьма обширны. А ведь помимо сети сберегательных касс собирателем накопления мелкого товарного хозяйства выступает еще система низовой кредитной кооперации. Будучи прочно связана с общей кредитной системой страны, низовая

[1] Эти данные приведены в статье Н. Брюханова. „Очередные вопросы кредита и кредитной системы“, „Правда“ № 287 за 1926 г.

кредитная кооперация может также остатками своих вкладов значительно увеличить общий объем ресурсов, имеющихся в распоряжении кредитной системы. Поскольку же рост вкладов и вообще вовлечения мелкого товарного хозяйства в кредитный оборот связано с более быстрой товаризацией хозяйства и предполагает в частности переход от натуральной формы накопления к форме денежной, прогрессивная роль этих процессов с обще-хозяйственной точки зрения не подлежит никакому сомнению.

Говоря о роли кредитного аппарата в деле перемещения средств из частно-хозяйственного в обобществленный круг переходной экономики, нельзя обойти молчанием метод, давший в течение последних лет кредитной системе значительные ресурсы, извлеченные, главным образом, из частно-хозяйственного сектора. Речь идет о кредитной эмиссии, перед которой открылись широкие возможности после перехода к твердой валюте. Достаточно указать, что на 1 января 1927 года денежное обращение составляло 1 412,7 милл. руб., при чем денежная масса состояла из банкнот Госбанка на 812,3 милл. руб. и казначейской валюты на 600,4 милл. руб. [1]. Между тем, к моменту денежной реформы, на 1 февраля 1924 года, в обращении находилось денежных знаков всего на сумму 326,3 милл. руб.; если же взять еще более ранний период, то мы в июле 1921 года имеем снижение реальной ценности тогдашней совзначной массы до 30 милл. руб. Заполнение зияющей пустоты денежного обращения, начиная с даты выпуска червонца, с ноября 1922 года, дает в руки Госбанка, как эмиссионного банка страны, значительные ресурсы; рост этих ресурсов, получаемых при помощи эмиссии кредитных билетов, становится особенно быстрым после проведения реформы 1924 г. В течение двух лет, с 1 февраля 1924 г. по 1 февраля 1926 г., денежная масса в обращении возросла с 326,3 милл. руб. до 1 241,4 милл. руб. (в том числе сумма банкнот Госбанка возросла с 259,2 милл. руб. до 716,1 милл. руб., а казначейской валюты — с 57,1) совзнаки и сертификаты в 1924 г. до 525,3 милл. руб. [2].

Немудрено, что кредитная эмиссия в течение последних лет является важнейшей статьей в пассиве Госбанка. В ба-

[1] „Эконом. Жизнь", № 8 за 1927 г.
[2] „Контр. цифры на 1926 — 27 г.", стр. 382

лансе Госбанка на 1 октября 1923 г. эмиссия составляет 235,0 милл. руб. из общей суммы баланса 521,5 милл.; на 1 октября 1924 г.—521,9 милл. из 1 027,8 милл.; на 1 октября 1925 г. — 982,8 милл. из 2 060,2 милл.; на 1 октября 1926 г.—1 172,6 из 2 426,0 милл. руб.[1]. Можно с уверенностью сказать, что эти суммы почти целиком (за вычетом накопляемых Госбанком валютных ресурсов, сумма которых в балансе изменялась, впрочем, в незначительных пределах) обращались на кредитование и финансирование обобществленного хозяйства. Гораздо труднее установить, разумеется, в какой мере этот прирост ресурсов Госбанка при помощи эмиссии происходил за счет обобществленного и необобществленного хозяйства страны. Поскольку процесс создания этого своеобразного „фиктивного капитала обращения" происходил на-ряду с ростом товарности распыленного крестьянского хозяйства, оживлением торговых связей по всей стране и накоплением определенной „кассовой наличности" у всей массы частных хозяйств, стремившихся избавиться от этой наличности в период падающей валюты, — можно с уверенностью предполагать, что источником реальных средств, притекающих в кредитную систему в порядке банковской эмиссии, в львиной доле служит область частного хозяйства в самом широком смысле (т.-е. со включением сюда и потребительских хозяйств работников по найму). Вследствие широкого распространения безденежных расчетов в секторе обобществленного хозяйства, происходившего, как мы выше видели, одновременно и параллельно с процессом роста денежной массы в обращении, доля последнего в реальных ресурсах, извлеченных в порядке эмиссии, была несравненно ниже, чем следовало бы предполагать по доле обобществленного хозяйства в производстве и обращении товаров.

Что касается планирующего воздействия кредитной системы на рыночную стихию, то оно может проявляться двумя способами: 1) в форме непосредственного воздействия на частнохозяйственные элементы, олицетворяющие собою экономическую стихию и 2) в виде того или иного влияния на рыночную стихию через посредство определенных ячеек обобществленного круга, связанных с существенными сторонами частно-хозяйственного круга. Первый способ воздействия имеет место

[1] „Эконом. Жизнь", № 265 от 16 ноября 1926 г.

в случае определенной кредитной политики по отношению к частной клиентеле, согласованной с определенными плановыми заданиями. Так, сокращение банковского кредитования частных торговцев-мануфактуристов может содействовать задачам борьбы с частным капиталом на текстильном рынке, когда его вытеснение необходимо для ликвидации ажиотажа и спекуляции. Этот путь планового воздействия в отношении частного капитала в современных условиях может быть использован сравнительно мало, ибо наша кредитная система чрезвычайно мало связана с частным капиталом. Свои потребности в кредите последний удовлетворяет на вольном кредитном рынке, создавая таким образом довольно замкнутую область частно-капиталистического обращения. В отношении же мелкого товарного производства планирующая роль кредита осуществляется чаще всего не путем непосредственного воздействия, а при помощи той или иной политики по отношению к тем агентам государственного хозяйства, которые тесно связаны в процессе обращения с данным кругом частного мелкого хозяйства. Так, ослабление или усиление кредитования заготовок хлеба или определенных видов сырья и т. п. может послужить одним из путей воздействия на соответствующий сектор рыночной стихии. Такую же роль может сыграть та или иная кредитная политика по отношению к тем органам, которые снабжают мелкое хозяйство орудиями производства (сельско хозяйственные машины для крестьян) или полуфабрикатом (например, металл или пряжа для кустарей). Разумеется, во всех этих случаях планирующая роль кредита не может быть рассматриваема, как совершенно самостоятельная. Напротив, она скорее выступает лишь, как один из методов воздействия на-ряду и в связи с другими способами, при чем все подобные способы должны быть подчинены единой плановой задаче.

Наконец, обобществляющая функция кредита по отношению к мелкому товарному хозяйству проявляется в форме того или иного воздействия государственной кредитной системы на кооперацию мелких производителей в самых разнообразных ее видах. Прежде всего должна быть отмечена обобществляющая роль специально кредитной кооперации, которая тесно связана со всей кредитной системой, пользуется ее поддержкой, зачастую создается при ее участии или помощи. Но и другие виды товарищеского объединения мелких хозяйств—

кооперация сбытовая, сельско-хозяйственная, промысловая и т. п.—при посредстве кредитной системы: 1) теснее связываются со всем массивом обобществленного хозяйства и 2) получают определенную поддержку в своем развитии.

6.

Остается несколько остановиться на модификации экономических категорий, встречающихся в области кредита, в своеобразной обстановке переходного хозяйства. Кредитное дело при капитализме принимает иррациональную форму торговли капиталом, притом в его формах денежного или фиктивного капитала. Иррациональная категория цены капитала дана в форме процента. В условиях свободной конкуренции в кредитном деле колебания процента — цены капитала — соответствует изменениям в соотношении между предложением и спросом на этот своеобразный товар. Разница между покупной и продажной ценой товара „капитал" составляет прибыль „торговцев капиталом" — кредитных учреждений. Поскольку процент выступает в качестве вычета из общей прибыли капиталиста-предпринимателя, его высший предел ограничен средней нормой прибыли в данных условиях. Ресурсы, перемещающиеся в капиталистическом хозяйстве при посредстве кредитной системы, имеют специфический характер капитала. Кредитная система входит, таким образом, как одно из звеньев в общую цепь отношений капиталистической эксплуатации. А распределение капитальных ресурсов по отдельным областям хозяйства и между отдельными хозяйствующими субъектами происходит на основе действия стихийных ценностных законов.

В области кредита система свободной конкуренции довольно рано начинает перерождаться в монополистическом направлении. Рост капиталистических монополий в этой области делает особенно быстрые успехи; кредит является той областью, где раньше всего достигается сильнейшая монополизация. Нечего и говорить, что монополия накладывает сильнейшую печать на всю экономическую структуру кредитного механизма. Определенная политика объединенных (или связанных между собою) кредитных учреждений ныне разрешает значительную часть тех проблем, которые в предыдущий период господства свободной конкуренции составляли область неограниченного

господства стихии. Все же этим не ликвидируется ни антагонистический характер кредита, как торговли капиталами, ни его иррациональная форма, ни связанность со всей системой стихийно-протекающих явлений хозяйственной жизни.

Эволюция кредитной системы в переходном хозяйстве начинается с той ступени, на которой она застревает в монополистическом капитализме.

Кредитная монополия является существенной чертой переходной экономики. Кредитный механизм у нас не только национализован: он так же монополизован. Кредитное дело составляет фактически монополию обобществленного сектора хозяйства и его субъекта—пролетарского государства. Допущение в область кредитного дела частного (например, концессионного) капитала означало бы серьезное ослабление позиций обобществленного сектора хозяйства. Существование крупных частно-капиталистических кредитных институтов, располагающих серьезными ресурсами и распоряжающихся ими по своему усмотрению [1], явилось бы огромным затруднением для планового социалистического строительства, ибо кредитное дело составляет одну из главных командных высот планового начала в хозяйстве. Отсюда вытекает ряд коренных отличий в экономической конструкции кредитной системы в переходном хозяйстве по сравнению с капиталистической экономикой.

Прежде всего планирование в области кредита занимает место прежнего стихийного регулирования. Поскольку кредит выполняет функции размещения, перераспределения и передвижки средств, было бы совершенно недопустимым предоставить выполнение этих задач стихийному разуму рынка. Это противоречило бы прежде всего основам планового регулирования в области обобществленного хозяйства, более всего обслуживаемого кредитной системой. Отказ от планового руководства кредитным делом, означал бы фактически отказ от планового воздействия на хозяйственную жизнь вообще. Поэтому, как только кредитное дело приобретает известное значение в советском хозяйственном строительстве, появляются попытки внести в эту область плановое начало. Со второй половины 1923 г. появляются эмиссионные планы Госбанка,

[1] Существование частных „обществ взаимного кредита“ не нарушает фактической монополии государства в области кредита, ибо круг действий этих учреждений весьма ограничен и они подвергаются контролю со стороны НКФ.

значение которых затем расширяется до рамок общекредитного плана. Со второй четверти 1924 г. и 1925 г. в практику входят кредитные планы, охватывающие как Госбанк, так и остальные крупнейшие банки. Разумеется, в настоящих условиях, когда обобществленное хозяйство организовано в форме самостоятельных хозрасчетных ячеек, планирование кредита не может отменить его коммерческую форму, не может превратиться в прямое административное распределение имеющихся на лицо ресурсов. В этом последнем случае мы имели бы перед собой фактическую ликвидацию кредита; как мы указывали выше, подобное перерождение не может иметь места раньше отмирания товарно-денежной формы хозяйственных связей.

Поскольку кредит сохраняет свою коммерческую форму, мы продолжаем встречать в этой области старые иррациональные категории. В новых условиях их роль однако существенным образом меняется и ограничивается. Рыночная цена „денег" — процент — ныне не является больше суверенным властелином кредитной системы. Движение вкладов, характер и объем активных операций банков не регулируются более показателями процентных ставок. Роль регулятора важнейших операций банков переходит к сознательному планированию кредитной сферы. Только это обстоятельство разрешает удержать процентные ставки на таком уровне, на котором они ни в каком случае не остановились бы при наличии „свободной", т.-е. стихийно-рыночной организации кредитного дела [1].

Но еще в ином смысле категория процента в новых условиях теряет свое прежнее содержание. Как кредитная система в ее отдельных звеньях, так и значительное большинство обслуживаемых его хозяйственных ячеек составляют лишь отдельные части единого обобществленного хозяйства, субъектом которого является пролетарское государство. Производственный процесс в этом массиве не знает классовой эксплуатации и ее экономического выражения в товарно-ценностной форме—

---

[1] В этом убеждает нас колоссальное расхождение между учетными ставками, существующими, с одной стороны, в системе государственных учреждений, а с другой стороны — в частных „обществах взаимного кредита", черпающих свои вклады с вольного денежного рынка. Зачастую месячная дисконтная ставка „обществ взаимного кредита" равняется, а то и превосходит годовую ставку Госбанка.

прибавочной ценности. Постольку в этой области отношений процент теряет свое содержание в качестве определенной доли прибавочной ценности[1]. Прежняя капиталистическая категория процента здесь служит лишь одной из форм, используемых в хозяйственном строительстве социализма в процессе планомерного собирания, концентрации и распределении ресурсов. Что касается до взаимоотношений, складывающихся в области кредита между обобществленным и различного типа частным хозяйством, то категория процента здесь временами играет чрезвычайно своеобразную роль[2]. Для процесса перерождения категории кредита решающими являются все те же два основных момента: 1) отсутствие эксплуатации, как базы для развития кредитно-капиталистических отношений, специфическим выражением которых процент и является, и 2) отсутствие в переходном хозяйстве денежного рынка в собственном смысле этого слова.

Государственная монополия кредитного дела и его плановая организация, на-ряду с обобщением всего крупного хозяйства (индустрии, транспорта, оптовой торговли и пр.) страны, уничтожают ту почву, на которой создается, которой питается и с которой срастается денежный рынок, этот неизбежный спутник современного капитализма. Отсутствие же денежного рынка в собственном смысле обусловливает значительную дефетишизацию многих отношений, тесно связанных с кредитной системой и процентом. Достаточно вспомнить, что переходное хозяйство не знает той разветвленной системы фиктивного капитала, которая в капиталистическом хозяйстве теснейшим образом облекает организацию хозяйственного процесса. Вместе с обобществлением средств производства, уничтожающим основную категорию прежнего уклада — капитал, исчезает также раздвоение капитала на реальный и фиктивный. Уничтожается тонкая, разветвленная, насквозь фетишистическая, — более того — фетишистическая в кубе, система движения фиктивного капитала со всеми присущими ей формами и категориями, как фондовый рынок, учредительная прибыль и т. д. Но тем самым делается серьезнейший шаг в деле дефитишизации кредитных, а, стало-быть, и общехозяйственных отношений.

---

[1] См. Е. Преображенский. „Новая экономика", 1-ое изд., 1926 г., стр. 194—195 и след.

[2] См. там же, стр. 194—195 и след.

Приложение [1].

На чьей стороне диалектика?

К вопросу о переходной экономике и ее изучении.

Характер помещенной в № 6. „Под знаменем марксизма" рецензии Н. Саргина на нашу работу „Советская экономика" заставляет нас просить редакцию дать место нижеследующим замечаниям.

Из восьми страниц довольно невразумительного и нечленораздельного текста не без труда можно выделить несколько пунктов, по которым нам предъявляются конкретные возражения.

1. Экономическая политика и экономическая необходимость.

Приводя из нашей работы фразу, в которой говорится, что „экономическая политика пролетариата представляет собою осуществление экономической необходимости" и т. д., наш рецензент заявляет: „Не следует, однако, эту связь представлять исключительно таким образом, как будто, с одной стороны, дана экономическая необходимость, а, с другой, экономическая политика, как осуществление этой необходимости. Такое представление... превращает экономическую политику в простой придаток к экономической необходимости".

[1] Мы даем здесь в качестве приложения наш ответ на рецензию, помещенную в № 6 журнала „Под знаменем марксизма" за 1926 г. Этот ответ был представлен в редакцию немедленно после напечатания рецензии, не был однако помещен под предлогом резкости тона. Здесь он помещается без малейших изменений.

Мы совершенно согласны, что всего этого „не следует представлять“ по той простой причине, что такие вещи представить себе абсолютно невозможно. Например, как вы себе представите „придаток экономической необходимости“?

Однако, главная несуразица впереди. Оказывается, „экономическая политика, — осуществляя экономическую необходимость... сама является весьма существенной составной частью экономической необходимости[1]. Экономическая политика становится экономической необходимостью“ и т. д. (стр. 242). Разумеется, разная бывает „экономическая необходимость“. Ясно, например, что экономическая политика (не только пролетарская, но и всякая иная, и не только в переходном, но и во всяком ином хозяйстве) выступает как экономическая необходимость по отношению к отдельным лицам, к группам и классам — объектам этой политики. Также ясно, однако, что не о такого рода экономической необходимости здесь идет речь. Здесь мы имеем в виду ту экономическую необходимость, которая вытекает из взаимоотношений общества с природой и определяет собою весь процесс общественного развития. Далее, в нашей работе указывается, что непосредственное действие экономической необходимости усложняется также соотношением классовых сил, оказывающим модифицирующее влияние в каждый данный период на эконом. политику, являющуюся осуществлением и формой проявления экономической необходимости.

И вот по отношению к этой экономической необходимости нам преподносится заявление, будто „экономическая политика становится экономической необходимостью“. Иными словами, следствие становится собственной причиной. Пока нам не будет объяснено, чем же определяется и обусловливается экономическая политика, если она выпадает из причинной цепи, основанной на экономической необходимости — до тех пор мы будем считать, что перед нами безграмотнейшее отрицание причинной зависимости, проповедь полного индетерминизма, совершенно недопустимая в органе „воинствующего материализма“.

---

[1] Курсив автора. „Умные мысли подобны строкам, напечатанным курсивом“, — говорил Кузьма Прутков. Увы! — очевидно, этот закон не имеет „обратной силы“.

За сим наш критик повторяет совершенно справедливую, но не имеющую сюда никакого отношения фразу Н. И. Бухарина, касающуюся взаимоотношений между эконом. политикой и эконом. структурой. Почему приводится эта ссылка? — Да попросту потому, что наш критик в простоте душевной не видит разницы между понятиями экономической необходимости и экономической структуры, отождествляет эти два понятия, вполне свободно ставит одно на место другого. Читать здесь популярную лекцию о различии между этими двумя понятиями было бы чересчур скучным занятием. Но читатель и без того видит, какое право имеет наш критик заключить свои плодотворные изыскания по сему вопросу беспощадным заявлением, что „этой характерной особенности... наши авторы не поняли, остановившись в своем анализе... на полпути“, и что „оставаясь на поверхности общественной жизни, тт. Л. и Х. не смогли дать анализа“ и т. д.

2. Тип производственных отношений переходного хозяйства.

Здесь мы пытаемся пойти несколько дальше обычно повторяемой истины, столь же бесспорной, как и скучной, насчет того, что раз хозяйство переходное от капитализма к социализму, то в нем есть элементы того и другого. Мы пытаемся несколько конкретнее определить, где расположены те и другие элементы, в чем они заключаются. И основное наше положение, процитированное в рецензии, гласит, что „наследие прошлого“ заключается, с одной стороны, в существовании значительных народно-хозяйственных секторов, сохранивших еще несоциалистические производственные отношения, а, с другой стороны, в том, что даже те части народного хозяйства, которые уже социализированы, все же сохраняют в себе очень много остатков прежнего типа отношений (товарный характер и т. д.). Мы здесь специально излагаем нашу мысль возможно популярнее и притом опускаем употребление терминов „форма и содержание“, „форма проявления и сущность“, ибо когда имеешь дело с человеком, написавшим „сущность на поверхности экономической действительности“ (стр. 245), — лучше такими понятиями, предполагающими хотя бы элементарную грамотность, не пользоваться вовсе.

Лишь с большим трудом удается в потоке довольно сумбурных фраз окончательно спутавшегося критика установить, в чем он нас собственно упрекает. Оказывается, в том, что... у нас „голенькие социалистические отношения имеют исключительно товарно-капиталистическую форму проявления" (стр. 245). Оказывается, „этого вопроса, этого характера связи и единства противоположных начал тт. Л. и Х. не поняли".

Оставим щекотливый вопрос о том, кто чего не понял. Опасаемся, что приведенные и приводимые ниже перлы заставят читателя ответить на него в нежелательном для нашего критика смысле. Мы бы хотели, однако, чтобы наш критик, с одной стороны, указал дословно, где он нашел у нас „голенькие" социалистические отношения, а, с другой стороны, объяснил бы нам, как могут эти отношения быть „голенькими", „социалистическими", если они имеют „товарно-капиталистическую форму проявления". Пока сего не случилось, мы считаем это обвинение: 1) маловразумительным и 2) попросту ложным. У нас речь идет о „социалистических в основе отношениях производства" („Сов. эк.", стр. 70). Всякий добросовестный человек понимает, что „социалистические в основе" — это отнюдь не означает „законченно-социалистические" или „готовенькие" социалистические отношения". Напротив, „социалистические в основе" отношения—это то же самое, что „последовательно-социалистический тип госпредприятий"[1]. Если наш критик и эту формулировку считает неправильной — пусть бы так и сказал.

По поводу товарной формы социалистических в основе своей отношений мы замечаем, что она приводит к двойному искажению. Действительно, когда говорят по старой привычке о „капиталах" госпромышленности, о „зарплате", о „прибылях" госпредприятий и т. д. — искажение больше, чем когда те же термины применяются к частно-капиталистическому хозяйству. В виде теорий насчет „госкапитализма", одно время бывших чрезвычайно широко распространенными, мы имели возведение этого двойного искажения в принцип. А наш рецензент сердито бросает: „Это чисто детские представления" и поучает нас насчет дефетишизации, о которой он прочел в нашей же работе.

---

[1] Это выражение Ленина, как известно, широко популяризировалось в дискуссии вокруг XIV партсъезда. Наша работа писалась еще задолго до съезда, летом 1925 г.

3. Трансформация товарно-капиталистических отношений.

„Новый характер товарных отношений переходного хозяйства и здесь авторами, таким образом, не понят. Это сказывается в отношении анализа самого процесса трансформации товарных и товарно-капиталистических отношений. О последнем у авторов весьма смутное представление“. Горя желанием исправить наши „смутные представления“, мы с должным вниманием вчитываемся в абзац, посвященный сему предмету в пространной рецензии. Вот сей абзац целиком:

> „Трансформация товарных и товарно-капиталистических отношений, как это явствует из самой логики вещей, должна происходить в сторону их перерождения и приближения к тому типу товарных отношений — «остатку», который мы уже имеем в сочетании с социалистическими элементами в государственном секторе хозяйства. Процессы обобществления в наших условиях означают не что иное, как постепенное отрицание основных признаков товарной и товарно-капиталистической системы. С завершением процессов обобществления, одновременно заканчивается также в основном трансформация товарно-капиталистических отношений; только после этого может итти речь об окончательной дефетишизации организованной социалистической системы хозяйства“ (стр. 247).

Странное дело! Мы как-будто где-то уже встречали подобные вещи. Раскрываем нашу брошюру на стр. 71:

> „По отношению к первой стороне дела, по отношению к сохранившимся областям реального господства товарно-капиталистических отношений производства, задача социалистической трансформации переходной экономики заключается в постепенном вытеснении отчасти путем поглощения и переработки, отчасти путем борьбы и уничтожения этих остатков (хотя и очень значительных) прежней экономической структуры; постепенная трансформация этих отношений будет запол-

нять собой период экономического врастания в социализм и составлять основное содержание этого периода. Что же касается до той стороны дела, где мы имеем лишь внешнюю оболочку товарно-капиталистических категорий, приковывающих социалистическое содержание экономической структуры, то здесь задача сводится лишь к окончательной дефетишизации и натурализации отношений, к уничтожению обманчивой оболочки сознательных и ясных отношений производства.

В каком взаимоотношении и взаимодействии находятся эти два процесса ликвидации товарно-капиталистической формы производственной структуры? Совершенно ясно, что наибольшие трудности, связанные с экономическим перерождением целых огромных частей хозяйственного организма, с классовыми интересами и социальной борьбой, представляют процесс первого рода. Но было бы большой ошибкой предполагать, что формальная дефетишизация, составляющая содержание второго процесса, может быть легко проведена независимо от первого. Нельзя забывать, что система товарно-капиталистических отношений находит свое выражение в ц е л ь н о й и стройной системе экономических категорий"...

Далее мы читаем, стр. 72:

„Отсюда ясно, что конечный пункт этих обоих процессов, абстрактно рассуждая, должен в общем совпасть. Валористическая форма трудовых отношений людей должна в той или иной форме дожить до того периода, когда необходимость спайки социалистической системы с товарно-капиталистической частью хозяйства отпадет за полным перерождением последней. Но совпадение конечных пунктов не означает непременного совпадения обоих процессов по всей линии. Напротив, повидимому, каждый из этих процессов будет развиваться своим путем, вполне оригинальным".

Таким образом, получается до чрезвычайности миленькая картинка. Косноязычно и путанно излагает наш критик то, что он у нас вычитал, нашим добром бьет нам же челом, а в виде благодарности — „весьма смутное представление"!

4. Социалистическое хозяйство.

Рецензент приводит фразу о том, с какой точки зрения следует подходить к изучению законченного социалистического хозяйства: „Здесь нас интересует не познание сущего, а определение должного“, и разражается за сим тирадой: „Принципиально такое противопоставление сущего и должного совершенно неправильно. Сущее заключает в себе должное, и наоборот. В этом состоит единство общественной нормы. Но отсюда не следует, что сущее и должное всегда совпадают. Совпадение мы имеем в развернутом социалистическом хозяйстве, когда экономическая необходимость есть лишь выражение власти общества над природой. В переходном хозяйстве совпадение дано лишь принципиально. В последнем норма выступает, как внутренний закон, не совпадающий с формой его проявления, так как здесь имеет значение и такой момент, как стихийность“ (стр. 242). — Обещаем любой приз всякому, кто поймет, что должна означать подобная галиматья. — Кстати, если „экономическая необходимость есть лишь выражение власти общества над природой“, то, повидимому, она является „необходимостью“ именно... для природы?

Далее: — Насчет законченных социалистических отношений мы пишем: „Что касается последних, т.-е. социалистических производственных отношений, то о них мы можем говорить лишь на основе наших представлений о будущем хозяйственном строе, а не на основе эмпирического исторического материала“. Приведя эту выдержку, рецензент восклицает: „Бедный социализм! О нем мы можем говорить лишь на основе наших представлений. Но как же, в таком случае, можно вести речь об анализе переходного хозяйства? В виду явной вздорности этих утверждений, не будем на них останавливаться; их следует считать досадным недоразумением“ (стр. 246).

„Бедный социализм“, „вздорность“ и даже „досадные недоразумения“ оставим пока в стороне. Что же останется? — Да выходит, что, по мнению рецензента, о законченном социализме мы можем говорить „на основе эмпирического исторического материала“. Что же, это, во всяком случае, ново: пусть наш рецензент нам представит оный „эмпирический исторический материал“ (только не забудьте: о закончен-

ном социализме в хозяйственной жизни!!!) — тогда мы с ним охотно побеседуем. А до этого времени мы останемся при своем мнении, что о законченном социализме у нас нет еще суждений, основанных на эмпирическом историческом материале, и мы вынуждены пока обходиться нашими представлениями о будущем хозяйственном строе — представлениями, которые, как каждый нормальный человек отлично понимает, не из пальца высасываются, а дистиллируются в результате кропотливейшего анализа тенденций социально-экономического развития современного общества.

5. Метод изучения переходного хозяйства.

Здесь мы выступаем против создания самостоятельной особой теории переходного хозяйства, которая могла бы занять место рядом с теорией хозяйства капиталистического. Здесь задача сводится, по нашему убеждению, к „анализу тех своеобразных процессов“, которые характерны для переходного хозяйства. Из этой цитаты наш критик делает смелое заключение: „Ведь, если необходим анализ своеобразных процессов переходного хозяйства, то этот анализ и составит особую теорию“ (стр. 247). — Надеемся, читатель нам здесь посочувствует: нелегка задача спорить с человеком, не понимающим разницы между „анализом“ и „особой теорией“!

Далее: — Мы говорим о „комбинированной теоретико-описательной работе, при чем в своей теоретической доле она должна целиком базироваться на марксистской системе теоретической экономии“. Строгий критик делает отсюда заключение: „таким образом две доли, две половинки работы — теоретическая и описательная“, замечает тут же, что „такое изучение предполагает механическое осуществование элементов социализма и капитализма“ и пугает нас глубокомысленно: „только диалектически рассматривая объект, обнаруживается, где правомерно описание и где теоретический анализ“. — Позвольте, однако: а это „где-где“, чем оно лучше „комбинированной теоретико-описательной работы?“ — Поистине, „не вмер Данило, та болячка задавила!“ Только и разницы, что здесь лишний раз вставлено слово „диалектика“.

6. Диалектика.

Общее резюме критики гласит: „Как в вопросе о связи сознательно-телеологического и объективного момента, о связи социалистических производственных отношений с товарными и т. д. — у них механически противостоят два начала“ (стр. 248).

Всякий внимательный читатель нашей работы может убедиться, что диалектический характер сосуществования противоположных элементов в переходном хозяйстве нами оттеняется достаточно четко. Сошлемся на пару строчек: „Самое понятие переходной экономики в своем определении содержит представление об известном сожительстве двух диаметрально-противоположных принципов, между которыми неизбежна борьба“ (стр. 66). — Далее говорится, что „переходное хозяйство представляет собой не механическую смесь, а химическое соединение“ противоречивых элементов и о той „борьбе этих элементов между собой, которая характеризует историческую динамику переходного хозяйства“ (стр. 67). — Эту самую мысль, выраженную нами достаточно ясно и понятно, рецензент преподносит в следующем достаточно туманном виде: „При диалектическом рассмотрении этого объекта эти моменты выступают, как производные, сочетаясь определенным образом в категориях диалектики“. Конечно, о способе изложения не стоило бы спорить, но по меньшей мере странно, когда критик нас „убивает“... позаимствованием из нашей же работы.

7. Заключение.

Разбираемая рецензия носит кричащий заголовок: „Не-диалектический анализ советской экономии“, а ее заключительная фраза гласит: „Эта работа, несомненно, сыграет свою положительную роль в разработке теории советского хозяйства, и, как таковую, ее нужно приветствовать“.

Для нас „недиалектический“ — это немарксистский, антимарксистский анализ. Такой анализ следует не „приветствовать“, а взять в штыки самым беспощадным образом. Выше мы уже показали, в чем заключается „диалектика“ нашего критика и „недиалектический“ характер нашей работы.

Пожалуй, можно было бы спокойно пройти мимо подобной наезднической критики, если бы последняя не превратилась в последнее время в довольно распространенное явление. Слово „диалектика“ в руках людей, не имеющих ни малейшего представления о понятии диалектики, превращается в такое же пугало для приступающей к изучению марксизма молодежи, каким когда-то служили слова „жупел и металл“ для замоскворецких купчих. Опасность, которую несет с собой этакое „диалектическое“ словоблудие, заключается в том, что она притупляет настороженное внимание к действительным извращениям марксистско-ленинской теории, делает читателя нечувствительным к „крепким словам“ и тем самым открывает этим извращениям широкую дорогу.

Разумеется, в нашей работе, являющейся одной из первых и до сих пор весьма немногих попыток в данной области, неизбежен ряд недочетов, недостатков, ошибок, быть-может. Всякое добросовестное указание на недочеты и ошибки встретило бы нашу живейшую благодарность, разумеется. Но для этого нужны две вещи: 1) понять то, о чем пишешь, и, 2) не бросаться непродуманными обвинениями („недиалектический анализ“!). — Как видим, этого нашему критику не дано.

Ал. Леонтьев.

Е. Хмельницкая.

Сентябрь, 1926 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие 3

Глава I.

Хозяйство и его изучение 5

1. Понятие хозяйства и хозяйственный принцип. — 2. Производственный процесс и его общественная форма. — 3. Капитализм и его изучение. — 4. Некапиталистическое хозяйство и теоретическая экономия. — 5. Исторический характер теоретической экономии.

Глава II.

Два типа экономической политики пролетариата . . . 30

1. „Возникновение капитализма“ и „строительство социализма“. — 2. Экономическая политика пролетариата и буржуазии. — 3. Революция буржуазная и пролетарская. — 4. С чего начать перестройку? — 5. Первый период экономической политики советской власти. — 6. Военный коммунизм и его историческое место. — 7. „Экономическая теория“ военного коммунизма и ее корни. — 8. Отголоски этой теории.

Глава III.

Хозяйство переходного периода 77

1. Переходная экономика и характер ее закономерностей. — 2. Экономическая закономерность и ее формы (стихийный закон и сознательное начало). — 3. Экономическая политика, ее место и роль в переходном хозяйстве.— 4. Смена общественной формы хозяйства.— 5. Рынок и план.

Глава IV.

Ценность и учет в социалистическом хозяйстве 124

1. Связь между производством и потреблением в товарно-капиталистическом хозяйстве.— 2. Ценность, как регулятор производства.— 3. Категория ценности при социализме: Богданов, Туган-Барановский, Кассель, Каутский.— 4. Проблема хозяйственного учета при социализме: Лейхтер, Шмелев, Каценеленбаум, Бруцкус.— 5. Заключение.

Глава V.

Закон ценности и политика цен в переходной экономике. 169

1. Важнейшие группы производственных отношений.— 2. Ценность и цена внутри социалистического сектора.— 3. Ценность и цена в частно-хозяйственном секторе.— 4. Социалистический сектор, как продавец.— 5. Социалистический сектор, как покупатель.— 6. Взаимоотношения с мировым рынком.— 7. Удельный вес каждого типа отношений.— 8. Закон ценности, рынок и товар.

Глава VI.

Проблемы распределения 266

1. Двоякое значение отношений распределения (распределение средств производства и распределение дохода).— 2. Формы распределения в хозяйстве СССР.— 3. Проблема заработной платы.— 4. Прибавочный продукт, прибавочная ценность, прибыль.— 5. Торговая прибыль.— 6. Рента.

Глава VII.

Деньги и кредит 325

1. Товарная форма хозяйства и роль денег.— 2. Денежная система в переходной экономике.— 3. „Советский номинализм“ и его ошибки.— 4. Кредит в переходном хозяйстве.— 5. Функции кредитной системы.— 6. Особенности кредитной организации.

Приложение.—**На чьей стороне диалектика?** (К вопросу о переходной экономике и ее изучении) 357

ЦЕНА 2 Р. 50 К.



ТОРГСЕКТОР ИЗД-ВА „ПРИВОЙ"
ЛЕНИНГРАД: УЛ. ГЕРЦЕНА,
ДОМ № 15. ТЕЛЕФОНЫ: 217-79, 217-78.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
ЛУБЯНСК. ПАСС., 46—49. Т. 2-24-09.
ОТДЕЛЕНИЯ: В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ,
ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ, СВЕРДЛОВСКЕ,
НОВГОРОДЕ, ЧЕРЕПОВЦЕ И В
УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ ЛЕНИН-
ГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. ЛЕОНТЬЕВ Е. ХМЕЛЬНИЦКАЯ ★ ОЧЕРКИ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ